

#1 WALL STREET JOURNAL AND
#1 NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHORS

PRESTON & CHILD

A G I D E O N C R E W N O V E L

BEYOND THE ICE LIMIT

Роман "За Границей Льдов" является продолжением романа "Граница Льдов" (2000 г.) Для Гидеона Кру эта миссия станет едва ли не одной из самых опасных в его работе с Эли Глинном. И провал этой миссии может обернуться крахом для всего человечества. Пять лет назад таинственный директор компании "Эффективные Инженерные Решения" Эли Глинн возглавил миссию по транспортировке гигантского - самого большого в истории - метеорита. Операция окончилась катастрофой: корабль "Ролвааг", попавший в ужасный шторм в бушующей Антарктике, затонул вместе со своим уникальным грузом. Сто восемь человек погибли, а Эли Глинн остался калекой. Но на этом несчастья не кончились. Трагедия обрела по-настоящему ужасающее продолжение: метеорит, который необходимо было транспортировать, оказался не простым камнем. Это был сложный живой организм, преодолевший множество световых лет безжизненного космоса и осевший на Земле, на морском дне. Там, глубоко в океане, он адаптировался и пустил корни. И теперь уничтожение планеты стало лишь вопросом времени. У Гидеона Кру и Эли Глинна есть лишь один шанс уничтожить эту инопланетную угрозу: взорвать его с помощью ядерного оружия. Однако в течение миссии становится ясно, что это станет непростой задачей...

ЗА ГРАНИЦЕЙ ЛЬДОВ

Дуглас Престон, Линкольн Чайлд
Гидеон Кру — 4

Гидеон Кру смотрел на Эли Глинна и не верил своим глазам. Этот человек стоял — *стоял!* — на кухне его хижины высоко в горах Хемес и глядел на него безмятежными серыми глазами, излучая уверенность и спокойствие. Поначалу Глинн неподвижно сидел в своей усовершенствованной инвалидной коляске. В той самой, к которой он был прикован после инцидента, сделавшего его почти беспомощным. Таким Глинн был, сколько Гидеон его помнил — то есть, со дня их знакомства, случившегося несколько месяцев назад. И вот — к великому изумлению Гидеона — руководитель ЭИР сам, без посторонней помощи поднялся на ноги.

Глинн указал на свое кресло-каталку.

— Прости за эту небольшую драму. Однако я поступил так по одной важной причине: показать тебе, что твоя миссия на Затерянный остров, несмотря на некоторые печальные аспекты, вовсе не была напрасной. Как раз наоборот: я — живое доказательство того, что она прошла успешно.

Повисла тишина. Она растянулась на минуту, а затем и на две. Наконец Гидеон подошел к плите, взял сотейник с грудкой дикого гуся в имбирном соусе и с черными трюфелями, которую он только что закончил готовить с изысканной тщательностью, и выбросил ее в окно.

Не говоря ни слова, Глинн развернулся и немного неуверенной походкой двинулся к двери хижины, используя для опоры походную трость. Мануэль Гарза, руководитель отдела операций фирмы Глинна «Эффективные Инженерные Решения» и его правая рука, подошел к своему начальнику, чтобы помочь ему вернуться обратно в инвалидное кресло, но тот лишь отмахнулся.

Гидеон пристальным взглядом проследил, как резиденты ЭИР покидают его хижину, Гарза шел позади Глинна и вез пустую инвалидную коляску. Гидеон почувствовал растущее беспокойство — слова, которые Глинн произнес несколько минут назад, все еще звучали в его голове: *Эта штукавина растет. Мы должны уничтожить ее. У нас мало времени.*

Он схватил куртку и поспешил за ними. Вертолет, доставивший Глинна и Гарзу сюда, в этот удаленный район, ожидал с работающим двигателем. Винты его издавали нетерпеливый стрекот и посылали нисходящие потоки воздуха, волнуящие луговую траву.

Гидеон последовал за Глинном в салон вертолета и, заняв свободное место, пристегнулся и надел гарнитуру. Вертолет почти сразу взмыл в синее небо Нью-Мексико и направился на юго-восток. Глядя в окно, Гидеон наблюдал, как его хижина удаляется, становясь все меньше и меньше, пока не превратилась в маленькую точку, черневшую посреди луга в большой горной долине. Внезапно у него возникло странное чувство: ему показалось, что он никогда больше ее не увидит.

Он повернулся к Глинну и, наконец, заговорил.

— Значит, ты снова можешь ходить. И твой поврежденный глаз... он снова видит?

— Да, — Глинн поднял левую руку, демонстрируя ранее поврежденную кисть, и медленно согнул пальцы. — С каждым днем подвижность улучшается, как и моя способность ходить без посторонней помощи. Благодаря исцеляющей силе растения, которое мы обнаружили на острове, я могу завершить проект всей своей жизни.

Гидеону не нужно было спрашивать об этом растении. Ему также не нужно было спрашивать о «проекте всей жизни» Глинна. Он уже знал ответы на оба эти вопроса.

— Нам нельзя больше тратить время. У нас есть деньги, у нас есть корабль, и у нас есть оборудование.

Гидеон кивнул.

— Но прежде чем мы доставим тебя в штаб-квартиру ЭИР, нам придется сделать небольшой крюк. Есть кое-что, что ты должен увидеть. Правда, я вынужден предупредить: тебе это вряд ли понравится.

Гидеон непонимающе качнул головой.

— О чем речь?

— Я бы предпочел не говорить.

Слегка раздраженный этой отговоркой, Гидеон все же принял правила игры и откинулся на спинку сиденья, слегла насупившись. Чего он ожидал? Открытости? Он ведь знал, с кем имел дело. Типичный, непостижимый, загадочный Глинн. Вздохнув, Гидеон взглянул на Гарзу, словно надеялся понять что-то по его выражению лица. Надежде этой было суждено рухнуть: Гарза был непроницаем, как и его босс.

— Может, хотя бы скажешь, куда мы направляемся? — закатил глаза Гидеон.

— Конечно. Вскоре мы сядем на самолет ЭИР в Санта-Фе и на нем доберемся до Сан-Хосе. Там мы найдем машину, отправимся к нагорьям Санта-Круз и по прибытии свяжемся с джентльменом, который там живет.

— Звучит загадочно, — хмыкнул Гидеон.

— Поверь, я не преследовал цели напустить загадочности, — невозмутимо отозвался Глинн.

— Ну да. Конечно.

Небольшая, еле уловимая улыбка скользнула по губам Глинна.

— Ты слишком хорошо меня знаешь, — несколько снисходительно произнес он. — Но благодаря этому, ты также знаешь, что все, что я делаю, направлено на достижение цели.

Возразить было нечего, и Гидеон промолчал.

Пейзаж под ними, наконец, сменился — вертолет оставил горы позади. Гидеон любовался на сияющую ленту Рио-Гранде, ползущую под ними по каньону Уайт-Рок, за которым возвышалось плато Каха-дель-Рио. Город Санта-Фе раскинулся слева от него. Когда они пролетали над южной окраиной города, в их поле зрения появился аэропорт.

— Этот разговор о твоём последнем проекте, — вновь заговорил Гидеон, нарушив затянувшееся молчание. — Ты упомянул в нем нечто внеземное. Семя. Ты сказал, что оно угрожает Земле. Это все прозвучало довольно расплывчато. Как насчет того, чтобы сообщить мне детали, начиная с момента, с чем именно тебе нужна моя помощь?

— Всему свое время, — сказал Глинн. — Сначала нас ждет небольшая экскурсия в Санта-Круз.

«Линкольн Навигатор», за рулем которого сидел похожий на эльфа мужчина в зеленой шапке, встретил их в аэропорту Сан-Хосе. Оттуда они отправились на юг по Семнадцатому шоссе к холмам, поросшим секвойями. Это была прекрасная поездка сквозь статные, величественные леса. Глинн и Гарза на протяжении всего пути хранили молчание и казались невозмутимыми, но Гидеон нутром чуял: им обоим не по себе.

Где-то в самой чаще секвой машина съехала с дороги и начала прокладывать себе путь через ряд долин, мимо небольших ферм и ранчо, изолированных деревень, потрепанных трейлеров и каменных хижин, объезжая плотные скопления секвой, пересекая луга и потоки бурных ручьев. В конце концов, узкая асфальтовая дорога покрытая россыпью трещин сменилась гравийной. Приближался вечер, и темные облака сгущались над головой, придавая подступающим сумеркам какой-то особенной, безысходной трагичности.

— Похоже, мы только что проехали мотель Бейтс^[1], — нервно усмехнулся Гидеон, но никто из присутствующих даже не улыбнулся его шутке. Атмосфера в машине начала буквально звенеть от напряжения.

Гравийная дорога привела их в другой лесной массив секвой и почти сразу же уперлась в большие кованые ворота, вмонтированные в высокую каменную ограду. Деревянная табличка-указатель — когда-то со вкусом выкрашенная и позолоченная, а теперь заметно поблекшая — гласила:

«ДИРБОРН-ПАРК».

Ниже этой надписи висел уродливый, прагматичный плакат:

«Частная собственность».

«Нарушители будут преследоваться по всей строгости закона»

Однако против визита Глинна и его спутников эта частная собственность явно ничего не имела: как только автомобиль приблизился, ворота открылись автоматически. Машина, не задерживаясь, проехала за ограду и сразу же остановилась у небольшой будки привратника. Водитель в зеленой шапке постучал по ее окну и переговорил с вышедшим оттуда дежурным охранником. Тот быстро махнул им, давая добро на проезд. Дорога, снова продолжила свой извилистый путь сквозь мрачные леса секвой. Начался дождь, по лобовому стеклу автомобиля застучали массивные, жирные капли, и атмосфера в салоне из напряженной превратилась в тяжелую и гнетущую. Водитель включил стеклоочистители. Те

начали старательно двигаться из стороны в сторону, издавая мерный звук, который отчего-то лишь усугублял и без того неприятную обстановку.

Некоторое время внедорожник упорно поднимался по склону, и вдруг секвойи перед ним внезапно расступились, явив широкий высокогорный луг площадью в несколько акров. Сквозь плотную завесу дождя Гидеону показалось, что он видит вдали Тихий океан. На дальнем конце луга на небольшой плоской возвышенности стоял пронизанный сыростью особняк, выстроенный из серого известняка в неоготическом стиле. Как в старых замках, по четырем сторонам располагались зубчатые башенки с бойницами, ограждавшими большой центральный зал, готические арочные окна которого в ненастных сумерках светились тускло-желтым светом.

Автомобиль приблизился к особняку по изогнутой подъездной дорожке, колеса гулко хрустели по гравию. Ветер усилился и теперь яростно швырял потоки дождя в ветровое стекло. Вдали сверкнула молния, и через несколько секунд Гидеон услышал раскат грома. В последний миг он проглотил готовое сорваться с его языка замечание о семейке Адамс.

Водитель меж тем остановился под въездными арочными воротами. Рыжий санитар в белой униформе ждал их на ступеньках крыльца со скрещенными на груди мускулистыми руками, совершенно бесстрастно наблюдая за тем, как гости покидают машину. Никто больше не вышел поприветствовать их. Санитар сделал бесцеремонный жест, давая понять, чтобы визитеры следовали за ним и, повернувшись, зашагал по каменным ступеням в дом. Они вошли в большой зал, который, видимо, служил приемной. Его обстановка в целом выглядела аскетично, мебели почти не было, и шаги гулким эхом отдавались в его пустом пространстве. Громким аккордом за спиной посетителей захлопнулась парадная дверь, как будто закрытая чьей-то невидимой рукой.

Санитар повернул направо, прошел под арочным дверным проемом, затем миновал длинный коридор, и остановился в гостиной. В дальнем конце комнаты располагалась резная дубовая дверь, в которую постучал провожатый и замер в ожидании ответа. Секунду спустя последовало приглашение войти.

Это был небольшой удобный офис. Из-за стола поднялся седовласый мужчина с широким добрым лицом, одетый в твидовый пиджак с кожаными вставками на локтях. Стены почти до потолка были заставлены книжными полками. В камине, встроенном в дальнюю стену, жарко горели поленья.

— Добро пожаловать, мистер Глинн, — сказал он, выходя из-за стола и протягивая руку. — Мистер Гарза.

Они пожали друг другу руки.

— А вы, должно быть, доктор Кру. Добро пожаловать. Я доктор Хассенфлюг. Пожалуйста, присаживайтесь.

Свои слова он сопроводил жестом, указав на стулья у камина, где гости могли присесть и удобно расположиться у огня. Его ненавязчивая доброта сильно контрастировала с беспокойством, которое окружало Гарзу и Глинна.

Наступило недолгое неловкое молчание, которое первым нарушил доктор Хассенфлюг.

— Полагаю, вы хотите узнать, каково самочувствие пациента? Боюсь, новости не слишком утешительные.

Глинн немного подался вперед.

— Спасибо конечно, но мы здесь, не для того чтобы справляться о его состоянии. Нам необходимо с ним встретиться, и это наша единственная цель на сегодня. Его диагноз нас не

очень волнует.

Хассенфлюг откинулся на спинку кресла.

— Я понимаю, но можно было бы и предупредить...

— Боюсь, нельзя, — Глинн одарил его пронзительным и очень многозначительным взглядом, в котором сквозила весьма ощутимая угроза.

Доктор замолчал, на его лице проступило хмурое выражение. Большая часть его любезности рассеялась под действием резкого и недружелюбного тона Глинна.

— Хорошо, так и быть, — он повернулся к санитару, который все это время стоял позади них, скрестив руки поверх белой униформы. — Рональд, пациент сможет принять посетителей?

— Как всегда, доктор.

— Пожалуйста, проводи гостей в его палату. Вы с Моррисом останетесь рядом с ними, и проследите за его состоянием.

Хассенфлюг повернулся к Глинну.

— Если пациент будет нервничать, визит придется прервать. Рональд и Моррис проконтролируют это.

— Понимаю.

Они вернулись в приемную, и оттуда, пройдя под другой аркой, попали еще в одну гостиную. В дальнем ее конце так же имелась дверь, только на этот раз не из дерева, а из клепаной стали, и именно к этой двери они и направились. Санитар по имени Рональд остановился и нажал небольшую кнопку внутренней связи.

— Да? — раздался безликий голос.

— Посетители к мистеру Ллойд.

Прозвучал зуммер, и дверь со щелчком открылась, явив длинный изящный отделанный мрамором коридор, на стенах которого ровными рядами выстроились семейные портреты. Коридор привел их в элегантное ярко освещенное помещение. Стены комнаты, обставленной темными викторианскими диванами и креслами, были украшены пустынными пейзажами Школы реки Гудзон^[2]. Но основное внимание Гидеона привлек крепкий мужчина лет семидесяти с копной седых волос, сидевший на одном из диванов. Его тело сковывала смирительная рубашка. Санитар — Гидеон предположил, что это был Моррис — сидел рядом с ним с подносом, заставленным тарелками с едой. Санитар как раз подносил ложку темно-коричневой каши ко рту мужчины. Гидеон заметил, что на подносе также стояла бутылка красного вина — не что иное, как «Шато Петрюс». Наполовину полный пластиковый стаканчик также не укрылся от внимания Гидеона.

— К вам посетители, мистер Ллойд, — объявил Рональд. Человек по имени Ллойд поднял свою массивную лохматую голову, и его пронзительный взгляд голубых глаз буквально вперился в Глинна. Несмотря на смирительную рубашку и возраст мужчины, он все еще излучал силу и физическую мощь. Медленно, очень медленно он встал, неотрывно смотря на своих гостей и, казалось, увеличился в размерах, выдавая тем самым свою значимость. Только теперь Гидеон заметил, что его ноги сковывали кожаные манжеты, из-за чего мужчина с трудом ковылял, неспособный сделать полноценный шаг и вынужденный семенить.

Он наклонился и сплюнул на ковер коричневую кашу, которую санитар только что положил ему в рот.

— Глинн, — обращение он тоже произнес подобно плевку. — И Мануэль Гарза. Какая

приятная неожиданность.

Тон его, однако, свидетельствовал, что ничего приятного для него в этом визите нет, а голос звучал странно — дрожал и будто шел из глубин груди, насыщенной гравием. Такой голос мог принадлежать только сумасшедшему.

И вдруг цепкие голубые глаза пациента остановились на Гидеоне.

— Друга с собой захватили? — прошипел он.

— Это доктор Гидеон Кру, мой партнер, — представил его Глинн.

Градус напряженности значительно подскочил. Ллойд повернулся к санитару.

— Партнер? Как необычно.

Он снова обратился к Глинну.

— Я хочу взглянуть на тебя — *поближе*.

— Простите, мистер Ллойд, — сказал Глинн, — но вам лучше остаться на месте.

— Тогда сам подойди ко мне. Конечно, если тебе хватит духу.

— Я не думаю, что в этом есть необходимость... — начал Рональд.

Глинн решительно шагнул к Ллойд. Санитары насторожились, но не стали вмешиваться. Директор ЭИР остановился примерно в пяти футах от скованного мужчины.

— Ближе, — прорычал Ллойд.

Глинн сделал шаг, затем еще один.

— *Ближе*, — повторил он. — Я хочу видеть твои глаза.

Глинн подчинился, приблизившись настолько, что его лицо оказалось в нескольких дюймах от Ллойда. Седовласый мужчина долго смотрел на него, практически не мигая. Санитары нервно переминались с ноги на ногу и оставались поблизости, напряженные, и, казалось, готовые к любому исходу.

— Хорошо. Теперь ты можешь отойти, будь так добр.

Глинн снова повиновался.

— Зачем вы пришли?

— Мы готовим экспедицию. В Южную Атлантику. За границу льдов. Там мы собираемся разобраться с известной вам проблемой раз и навсегда.

— У вас есть деньги?

— Да.

— Значит, ты не только преступно расточителен и безрассуден, но к тому же еще и идиот.

Повисла тишина.

Несколько мгновений спустя Ллойд продолжил, ошутимо распаясь:

— Прошло уже пять лет и два месяца с того дня, когда я сказал тебе... когда я умолял тебя... когда я *приказал* тебе использовать устройство аварийного сброса! И ты, безумно одержимый сукин сын, ты отказался! Сколько тогда погибло? Сто восемь человек? Не считая неудачников с «Алмиранте Рамирес». Их кровь на твоих руках, Глинн.

Глинн ответил ему спокойным, нейтральным тоном:

— Из всего, в чем вы могли бы меня обвинить, нет ничего, в чем бы я ни обвинял себя сам — сотни и тысячи раз.

— Как трогательно. Хочешь испытать настоящую агонию? Тогда взгляни на меня. Клянусь Господом Всемогущим, мне жаль, что я не пошел ко дну вместе с кораблем!

— Вот почему вы в смиренной рубашке? — спросил Глинн.

— Ха! Ха! Я безобиден, как котенок. Да, меня сковали, чтобы сохранить мне жизнь

против моей воли. Освободи мне одну руку, дай мне всего десять секунд, и я покойник. Свободный человек. Но нет: они держат меня живым и тратят на это мои же собственные деньги! Посмотри на мой обед. Филе миньон, картофель гратен с золотистой корочкой и слегка обжаренная брюссельская капуста. Ясное дело, когда еда в таком виде, я не смогу попытаться совершить самоубийство, подавившись. И это все под «Петрюс» урожая 2000 года. Хочешь отужинать со мной?

Глинн ничего не сказал.

— И вот ты здесь, — обличительно сказал Ллойд, покачав головой.

— Да, я здесь. Но не для того, чтобы извиняться. Потому что понимаю: какие бы извинения я ни принес, они не будут достаточными и, конечно же, вы их не примете.

— Ты должен был уничтожить его, когда у тебя была такая возможность. Теперь уже слишком поздно. Ты ничего не предпринимал, пока пришелец рос, питался и крепчал...

— Мистер Ллойд, — вмешался Моррис, — помните свое обещание больше не говорить о пришельцах?

— Глинн, ты это слышал? Мне запрещено говорить о пришельцах! Они потратили годы, пытаясь избавить меня от моих психотических разговоров о пришельцах.

Ллойд напряженно засмеялся, но Глинн никак не отреагировал и само высказывание комментировать не стал.

— Так какой у тебя план? — спросил Ллойд, успокоившись.

— Мы собираемся его уничтожить.

— Извините, — снова заговорил Моррис, — но вы не должны поощрять пациента в его заблуждениях...

Глинн заставил его умолкнуть нетерпеливым жестом.

— Уничтожить его? Смелые слова! Но у тебя ничего не получится. Ты потерпишь неудачу так же, как и пять лет назад, — констатировал Ллойд. — А Макферлейн в деле?

Теперь настал черед Глинна взять паузу.

— Боюсь, последние годы для доктора Макферлейна были не очень удачными. Он сделал мало полезного, и его участие в экспедиции кажется неблагоразумным...

— Не очень удачными? Не очень удачными?! А *ты* в последние годы много чего полезного сделал? Оно и видно, — Ллойд нервно засмеялся. — Так вот. Вместо Сэма ты возьмешь с собой других людей, включая этого беднягу, как там его зовут? Гидеон. Ты отправишь их в ад собственного производства. Потому что ты не отдаешь отчет своим собственным чертовым недостаткам! Ты видишь их в окружающих, но ты слеп к своему высокомерию и глупости.

Он замолчал, тяжело дыша, его лицо покрылось бисеринками пота.

— Мистер Глинн, — предупредил Рональд, — пациента не следует волновать.

Ллойд повернулся к нему, мгновенно успокоившись, и внятным, разумным голосом произнес:

— Как видите, Рональд, я ничуть не взволнован, — санитар неуверенно отступил.

— Я здесь не для того, чтобы оправдываться перед вами, — тихо сказал Глинн. — Я заслужил все это и многое другое. И я здесь не для того, чтобы искать вашего прощения за мои поступки.

— Тогда почему ты здесь, сукин сын? — внезапно взревел Ллойд, брызгая слюной и коричневыми крупинками пюре филе миньон в лицо Глинна.

— Хватит. Достаточно, — вмешался Рональд. — Визит окончен. Вам пора уходить.

Глинн извлек свой платок, осторожно вытер лицо и тихо ответил:

— Я здесь, чтобы получить ваше одобрение.

— Это примерно то же самое, как если бы ты спросил фонарный столб, одобряет ли он собаку, писающую на него. *Я не одобряю.* Ты идиот, если считаешь, что каким-то образом сможешь уничтожить то, что там выросло. Но ты всегда был высокомерным самонадеянным аферистом. Хочешь совет?

— Довольно! — сказал Рональд, подойдя и схватив Глинна за руку, после чего стал подталкивать его к двери.

— Да, я хочу вашего совета, — бросил Глинн через плечо.

Когда Гидеон последовал за санитаром, который мягко, но вместе с тем твердо, выпроваживал Глинна из комнаты, он услышал, как Ллойд крикнул:

— *Не буди спящих пришельцев!*

Сразу по возвращении в штаб-квартиру ЭИР на 12-ой улице Литтл-Вест они прошли в зал заседаний, расположенный высоко над старым районом Нью-Йорка Митпэкинг. и Гидеон занял уже привычное для него место за столом. В переговорной присутствовали только трое: Гарза, Глинн и он сам. На часах заунывно отмечалось время — три часа ночи. Глинн, очевидно решил игнорировать потребность в сне, и ожидал, что и его сотрудники последуют этому примеру.

Гидеон начал сомневаться, действительно ли Глинн изменился. Он никогда не видел, чтобы этот человек был настолько взволнован и напряжен, хотя и демонстрировал это в своей особой манере. Встреча с Ллойдом в той гигантской психиатрической больнице, очевидно, сильно потрясла его.

Стюарт, принеся им всем кофе, молча удалился, прикрыв за собой дверь. В комнате царил полумрак, верхний свет был приглушен. Глинн, сидевший во главе стола, сложил руки перед собой и позволил тишине сгуститься, прежде чем заговорить. Наконец, он обратился к Гидеону взглядом своих серых бесстрастных глаз.

— Что ты думаешь о нашей встрече с Палмером Ллойдом?

— Он меня испугал, — признался Гидеон.

— Теперь ты понимаешь, почему я хотел, чтобы ты с ним познакомился?

— Только по той причине, которую ты сам же и озвучил: чтобы получить его одобрение, получить его напутствие. В конце концов, эта штукавина стоила ему кучи денег — не говоря уже о здравом рассудке.

— Отчасти. Я также хотел — как ты и выразился — напугать тебя. Донести до тебя всю серьезность нашего предприятия. Тебе нужно приступить к нему с широко открытыми глазами: потому что без этого и без твоей полной отдачи мы не сможем добиться успеха.

— Ты действительно стал причиной гибели ста восьми человек?

— Да.

— И что, не было никакого расследования? И тебе не предъявили никаких обвинений?

— Были определенные... гм... необычные обстоятельства, связанные с взаимоотношениями Чили и Соединенных Штатов, которые побудили оба государственных департамента проследить за тем, чтобы расследование не было чрезмерно тщательным.

— Мне не нравится, как это звучит.

Глинн обратился к Гарзе:

— Мануэль, пожалуйста, сообщи Гидеону все необходимые данные.

Гарза кивнул, извлек большую папку из своего портфеля и, положив ее на стол, стал рассказывать.

— Кое-что из этого ты уже знаешь. Но я все равно начну с самого начала. Если у тебя возникнут какие-либо вопросы по ходу дела, не стесняйся спрашивать. Шесть лет назад к нам, в ЭИР, обратился Палмер Ллойд с весьма необычным запросом.

— Тот же Палмер Ллойд, которого я только что видел в Дирборн-Парк?

— Да. Этот миллиардер планировал построить Музей естественной истории в долине реки Гудзон. Он собирался выставлять там самые редкие, необычные и самые большие экспонаты из всех возможных областей науки — цена не имела значения. Он уже приобрел

самый большой алмаз, самый большой скелет Ти-Рэкса и настоящую египетскую пирамиду. Затем до него дошли слухи, что был найден самый большой в мире метеорит. Он лежал на острове Десоласьон, на одном из необитаемых островов мыса Горн — самой нижней оконечности Южной Америки. Острова эти принадлежат Чили. Ллойд знал, что Чили никогда не позволит вывезти метеорит. Поэтому он нанял ЭИР и охотника за метеоритами по имени Сэм Макферлейн, чтобы украсть его.

— Извини, — перебил Глинн, — но «кража» — не совсем подходящее слово. Мы не совершили ничего незаконного. К тому же, мы получили лицензию на разработку месторождения полезных ископаемых на острове Десоласьон, что позволило нам забрать железо в любой его форме.

— Хорошо, «кража» — не самое подходящее описание, — согласился Гарза, — но фактически все это было большим *обманом*.

После этого упрека Глинн замолчал, и Гарза продолжил:

— Метеорит оказался чрезвычайно тяжелым — двадцать пять тысяч тонн. Он был насыщенного красного цвета, сверхплотный, и у него имелись другие... весьма *необычные* свойства. Поэтому, используя для прикрытия этой операции добычу железной руды, мы оснастили корабль «Ролвааг», добрались до острова, раскопали камень и погрузили его на борт. Достаточно сказать, что это был сверхсложный инженерный проект. Но мы преуспели. Не хочется хвастать, но у нас все вышло просто блестяще. А потом нас поймали. Пронырливый капитан чилийского эсминца выяснил нашу истинную цель. Он командовал «Алмиранте Рамиресом», кораблем упомянутым Ллойдом. Вместо того чтобы доложить начальству, он решил сыграть в героя и гнался за нами до самой границы льдов.

— Граница льдов. Я и раньше слышала этот термин. Что он означает?

— Это граница, где южные воды океанов встречаются с антарктическим паковым льдом. Нам пришлось сыграть с «Рамиресом» в прятки среди айсбергов. «Ролвааг» подвергся обстрелу, но в итоге нам удалось потопить эсминец.

— Вы потопили эсминец? Как?

— Это долгая история и будет лучше, если ты узнаешь ее из материалов дела. Так или иначе, «Ролвааг», несущий в своем трюме метеорит весом в двадцать пять тысяч тонн, был сильно поврежден эсминцем. Погода ухудшилась. Настало время, когда нам пришлось делать выбор: либо выбросить камень — либо пойти ко дну.

— Как бы вы смогли выбросить камень весом в двадцать пять тысяч тонн?

— Для этой цели мы установили устройство аварийного сброса. Стоило только повернуть рубильник, и метеорит был бы сброшен через шлюз в корпусе.

— Разве это не потопило бы корабль?

— Нет. Перед тем, как шлюз успел бы захлопнуться, внутрь поступило бы большое количество воды, но на судне были установлены насосы и самозапечатавающиеся переборки, которые смогли бы с этим справиться. Экипаж и капитан настаивали на сбросе камня... — тут Гарза, казалось, замялся, вопросительно взглянув на Глинна.

— Расскажи *всю* историю, Мануэль. Нечего утаивать.

— В конце концов, все согласились сбросить камень. Даже Ллойд был среди сторонников этого радикального решения. Но код активации устройства сброса был только у Эли. И он настаивал на том, что корабль выстоит. Остальные просили, умоляли, угрожали — безрезультатно, он был непоколебим. Но Эли ошибся. «Ролвааг» затонул.

Гарза снова взглянул на Глинна.

— Теперь позволь мне рассказать все остальное, — тихо сказал тот. — Да, я отказался активировать устройство сброса. Я был неправ. Капитан распорядилась провести эвакуацию. Некоторые подчинились, но многие этого не сделали. Капитан... — он замолчал, и его голос немного дрогнул, — капитаном была поистине выдающаяся женщина. К несчастью, она пошла ко дну вместе с кораблем. После крушения многие погибли уже в спасательных шлюпках или замерзли насмерть на близлежащем ледяном острове, не дождавшись помощи.

— А Ллойд? Что случилось с ним?

— Его эвакуировали на первой же спасательной шлюпке — хочу добавить, что это сделали против его воли.

— А как выжил ты?

— Я был в трюме и всячески пытался закрепить метеорит. Но он, в конце концов, вырвался из своей колыбели и расколол корабль надвое. Произошел взрыв. Создалось впечатление, что как только метеорит соприкоснулся с соленой водой, он вступил с ней в необычную реакцию и создал ударную волну. Меня выбросило через дыру в трюме. Я помню, как очнулся на плоту из плавающих обломков — серьезно раненый. Спасатели нашли меня на следующий день, когда я был почти при смерти.

Глинн погрузился в молчание, вращая в руках чашку кофе.

— Итак, получается, что сейчас эта штука просто лежит на морском дне. Откуда тогда это все беспокойство и разговоры об опасности? И... пришельцах?

Глинн отставил кофейную чашку.

— Это все Макферлейн, охотник за метеоритами. Он и был тем, кто догадался, чем этот метеорит являлся на самом деле.

Последовало долгое молчание.

— В астрономии есть уважаемая теория, носящая название «Панспермия», — наконец продолжил Глинн. — Она гласит, что жизнь могла распространиться по галактике при помощи бактерий или спор, переносимых метеоритами или облаками пыли. Но эта теория предполагала микроскопическую форму жизни. Все упустили очевидную идею о том, что жизнь могла быть распространена семенами. Очевидно же, что гигантское семя имело бы более высокие шансы выжить в условиях холодного и радиоактивного космического пространства благодаря своему огромному размеру и высокой сопротивляемости воздействию других вредных факторов. Именно по этой причине кокосовые орехи такие большие: чтобы выживать в затяжных океанских плаваниях. В галактике много покрытых водой планет и лун, на которые такое семя может упасть, а затем прорасти.

— Ты хочешь сказать, что этот метеорит на самом деле является как раз таким семенем? И когда «Ролвааг» затонул, то оно пошло ко дну и было... *посажено*?

— Да. На глубину в две мили. И затем оно проросло.

Гидеон ошеломленно покачал головой.

— Невероятно. Если все это правда...

— О, это правда. Оно погрузилось в воду, пустило росток, напоминающий гигантское дерево, и стало расти, причем очень быстро. Сейсмические станции по всему миру зафиксировали целый ряд мелких землетрясений морского дна в том районе. Несколько небольших цунами достигли берегов Южной Георгии и Фолклендских островов. Но все это происходило на глубине в две мили, и сейсмическая сигнатура землетрясений выглядела, как результат типичных подводных извержений вулканов. Как и мини-цунами. Поскольку это наблюдалось в районе, далеком от каких-либо судоходных путей, и эти явления никому

не угрожали, на «подводный вулкан», в общем, никто не обратил внимания. Даже вулканологи проигнорировали его, поскольку он находился слишком глубоко и был слишком сложен для изучения. А потом все затихло. Это объясняет, почему никто не понял, что происходит в действительности — кроме меня, конечно. И Сэма Макферлейна. И Палмера Ллойда, — он поерзал на стуле. — Но за последние пять лет мы разработали план решения этой проблемы. Мануэль кратко тебе его изложит.

Гарза взглянул на Гидеона.

— Мы собираемся уничтожить его, — мрачно сказал тот.

Гидеон непонимающе покачал головой.

— Я только не пойму, зачем. Вы, вроде, оба говорили, что оно успокоилось. Зачем нарываться на неприятности и расходы — не говоря уже об опасностях?

— Потому что это пришелец, — кивнул Гарза. — Он огромен и опасен. И даже если сейчас он спокоен, нет никаких гарантий, что он таким и останется. К тому же, наши расчеты и моделирование дают прямо противоположные прогнозы, — он чуть наклонился к Гидеону через стол. — Ты только задумайся на мгновение: что будет, если эта дрянь расцветет и размножится? Что, если эти растения распространятся, покрыв все океанское дно? А если они и на суше смогут прекрасно расти? — он качнул головой, словно не давая развиваться собственным тревожным фантазиям. — Какой бы из этих прогнозов ни сбылся, мы приходим к одному и тому же выводу: это семя — угроза. Угроза, способная погубить Землю.

Гидеон прерывисто вздохнул.

— Так... как же вы собираетесь уничтожить *это*?

— В нашем распоряжении есть ядро плутония весом около тридцати килограммов, устройство генерации нейтронов, способное ускорять и замедлять изотопы гелия, высокоскоростные транзисторы — то есть, все необходимое, чтобы собрать ядерную боеголовку.

— Где, черт возьми, ЭИР удалось раздобыть все эти материалы? — воскликнул Гидеон. Гарза самодовольно ухмыльнулся, переглянувшись с Глинном:

— В наши дни продается все, особенно в некоторых бывших государствах-сателлитах.

Гидеон покачал головой.

— Господи Боже...

— К тому же, у нас в штате имеется эксперт по ядерному оружию.

— Кто он?

— Ты, конечно.

Гидеон непонимающе уставился на него.

— Так и есть, — тихо поддержал его Глинн. — Теперь ты знаешь *истинную* причину, по которой я тебя нанял. Потому что мы уже давно знали, что этот день придет.

Комната погрузилась в тишину. Гидеон медленно поднялся со стула, прилагая огромные усилия, чтобы скрыть рвущийся наружу гнев.

— Итак, ты нанял меня, чтобы проследить за созданием ядерной боеголовки, — спокойно сказал он.

— Да.

— Иными словами, четыре месяца назад, когда Гарза впервые появился у моей рыболовной заводи на ручье Чихуахуэнос и предложил мне сто тысяч долларов за недельную работу — украсть чертежи какого-то нового вида оружия у дезертировавшего китайского ученого — все вело именно к этому моменту, к этой самой работе, о которой ты сейчас говоришь?

Глинн кивнул.

— И вы хотите использовать ядерную бомбу, чтобы уничтожить гигантское инопланетное растение, что якобы растет на дне океана?

— В общих чертах — да.

— Забудь об этом.

— Гидеон, — вздохнул Глинн, — мы уже несколько раз проходили через этот утомительный танец: твои ярые отказы, хлопки дверью, а затем твое последующее возвращение, как только тебе представляется шанс все хорошенько обдумать. На этот раз, может, мы все же это пропустим, а?

Гидеон сглотнул, пораженный справедливостью комментария.

— Позвольте мне попытаться объяснить вам обоим, почему эта идея абсолютно безумна, — он через силу попытался сохранить голос ровным.

— Мы тебя слушаем, — терпеливо кивнул Глинн.

— Во-первых, вы не сможете все это проверить самостоятельно. Эту проблему вам нужно вынести на рассмотрение на заседании ООН, чтобы весь мир приложил усилия к уничтожению этой штуки.

Глинн сокрушенно покачал головой.

— Порой ты удивляешь меня, Гидеон. Ты производишь впечатление очень умного человека, но иногда выдаешь что-то *невообразимо* глупое. Неужели ты только что предложил нам просить Организацию Объединенных Наций решить эту проблему?

Гидеон молчал. Поразмыслив, он признал, что это было не очень хорошей идеей.

— О'кей, может быть, не ООН, но, по крайней мере, сообщите о проблеме правительству США! Пусть они с ней разбираются.

— Ты имеешь в виду, что нам стоит пустить все на самотек и просто наблюдать за тем, как наш блистательный Конгресс сам справится с этой ситуацией так же, как он справляется с нашими другими насущными общественными проблемами, такими как глобальное потепление, терроризм, система образования и наша повсеместно разрушающаяся инфраструктура?

Гидеон пораскинул мозгами в поисках подходящего ответа, но не смог найти ничего стоящего.

— Сейчас не время для сомнений, — отчеканил Глинн. — Мы единственные, кто

может уничтожить пришельца. И это нужно сделать немедленно, пока он находится в покое. Надеюсь, ты нам поможешь.

— А если нет?

— Тогда рано или поздно мир, каким мы его знаем, перестанет существовать. Потому что без тебя мы наверняка потерпим неудачу. И ты будешь упрекать себя в этом всю оставшуюся жизнь.

— Ты имел в виду, оставшуюся часть моей *короткой* жизни. Из-за того, что растет в моем собственном мозгу, мне осталось жить, от силы, восемь-девять месяцев. Мы с тобой оба это знаем.

— Мы не можем знать этого наверняка.

Гидеон возрился на Глинна испепеляющим взглядом и вдруг осознал, что лицо директора ЭИР выглядит на несколько лет моложе, а мимика кажется живее. Лицевые мышцы стали подвижнее, он активно жестикулировал обеими руками, и даже его поврежденный глаз теперь полностью исцелился и смотрел на своего собеседника ясно и внимательно. Стоило отметить еще один атрибут... точнее, его отсутствие: инвалидного кресла Глинна не было нигде поблизости. Воистину, Глинн исцелялся буквально на глазах, чудодейственный эффект лечебного лотоса, который он испробовал на себе во время последней миссии, сработал безотказно. Однако Гидеону, который также отведал это удивительное растение, исцеление, похоже, не грозило...

— Ты действительно считаешь, что без меня вы не справитесь? — спросил Гидеон.

— Я никогда не говорю ничего, во что не верю.

— Мне нужно убедиться, что эта штука опасна настолько, насколько вы это утверждаете, прежде чем я помогу вам создать ядерную бомбу.

— И у тебя будет такая возможность, — спокойно отозвался Глинн.

Гидеон колебался.

— И ты должен сделать меня содиректором проекта, — выпалил он.

— Это требование звучит довольно абсурдно, — буркнул Глинн, впервые выказав малую долю смятения.

— Почему же? — хмыкнул Гидеон. — Ты сказал, что мы хорошо работаем в команде. Но мы *никогда* не были командой. Ты всегда говорил мне, что делать, а я подчинялся и выполнял, пусть и по-своему. После чего ты обычно протестовал, а потом, в конце концов, я оказывался прав, а ты ошибался.

— Ты утрируешь, — возразил Глинн.

— Я не хочу, чтобы ты критиковал мои действия и сбрасывал мое мнение со счетов. Особенно, если речь идет о таких опасных делах, как ядерное оружие и чертово инопланетное семя.

— Мне не нравится согласовывать свои действия с кем бы то ни было, — чуть нахмурился Глинн. — По крайней мере, мне надо прогнать это твое требование через наши программы QVA^[3], чтобы убедиться, что это целесообразно.

— Ты сам сказал, что медлить нельзя, — возразил Гидеон. — Прими решение сейчас, или я ухожу. На этот раз сделай что-нибудь без своих вездесущих чертовых программ.

На мгновение лицо Глинна вспыхнуло гневом, но затем разгладилось, вновь обратившись в непроницаемую маску. Всего миг — и встревоженный Глинн вернул себе прежнее амплуа, скрытое завесой таинственности.

— Гидеон, — попытался отговорить он его, — только на минуту задумайся о тех

качествах, которыми должен обладать лидер, пусть даже со-лидер. Он должен быть командным игроком, способным вдохновлять других. Должен скрывать свои истинные чувства и при необходимости поднимать упавший дух. Причем, не только свой. Он обязан постоянно излучать уверенность, даже если не уверен в себе. Он не может быть фрилансером. И он, конечно же, не одиночка. Теперь скажи мне: какое из этих качеств тебе присуще?

Повисла пауза.

— Ни одного, — наконец признался Гидеон.

— Вот и ответ, — Глинн поднялся. — Наша первая остановка — Океанографический институт Вудс-Хоул. Затем мы отправимся в Южную Атлантику. И далее, за пределы границы льдов.

Когда вертолет накренился, полуденное солнце ярко мерцало в водах Великой Гавани Массачусетса и НИС^[4] «Батавия» показалось в поле зрения. Гидеон был удивлен, насколько внушительным и огромным это судно выглядело сверху, и с интересом рассматривал его массивный нос и высокую центральную надстройку. Это судно затмевало остальные исследовательские корабли, что были пришвартованы по соседству с ним на причале.

— *Адмирал Уолтер Н. Харпер*. Класс: океанологическое научно-исследовательское судно, — произнес Глинн, заметив неподдельный интерес Гидеона. — Три тысячи двести футов в длину, пятьдесят восемь футов в ширину, осадка двадцать один фут. Оснащено двумя Z-двигателями на тридцать пять сотен лошадиных сил, а также азимутальным подруливателем^[5] на четырнадцать сотен лошадиных сил. Полное динамическое позиционирование, топливный запас на двести пятьдесят тысяч галлонов, расчет круиза на восемнадцать тысяч морских миль с крейсерской скоростью в двенадцать узлов...

— Не трудись, я перестал что-либо понимать, начиная со слов про «азимутальный подруливатель».

— Это означает, что двигатель может поворачиваться в любом направлении в пределах горизонтальной плоскости, то есть, кораблем толком не нужно рулить. Это дает возможность очень точного динамического позиционирования даже в условиях бурного моря с коварными ветрами и течениями.

— Динамическое позиционирование?

— Поддержание корабля на одном месте, — снисходительно вздохнул Глинн. — Гидеон, ты ведь достаточно много узнал о лодках и кораблях во время своего недавнего приключения в Карибском море.

— Я знаю только то, что они мне не нравятся, а еще я терпеть не могу находиться в открытом море, поэтому я вполне доволен своим невежеством в этой сфере.

Вертолет завершил маневр и начал снижаться над специально оборудованной для него площадкой на палубе корабля. Палубный матрос с указателями помог ему приземлиться, и уже через несколько минут дверь салона открылась, и они вышли. Стоял солнечный осенний день, небо казалось прохладным синим куполом, в центре которого сияло солнце, заливавшее палубу лучами.

Гидеон пересек вертолетную площадку вслед за Мануэлем Гарзой и Глинном и заметил, что бесстрашный директор ЭИР слегка поежился от звука вращения вертолетных лопастей. Они прошли через дверь в промежуточную зону ожидания, снабженную подобающей мебелью. Три человека, явно ожидавших их прихода, тут же повскакивали со своих мест — один из них был гражданским, двое других же носили военную форму. Снаружи гул лопастей зазвучал громче, и вертолет вновь поднялся в воздух.

— Гидеон, — обратился Глинн. — Позволь представить тебе капитана Талли, хозяина НИС «Батавия», и старшего офицера Леннарт.

Капитан — мужчина ростом не более пяти футов — шагнул вперед и встряхнул руку Гидеона. Рукопожатие у него оказалось сильным и крепким. Явно не отличавшееся особой выразительностью массивное лицо с грубыми чертами исказилось в гротескном подобии улыбки. Казалось, его губам непросто дался этот витиеватый маневр: уголки рта едва-едва

приподнялись вверх и тут же опустились, с явным облегчением вернувшись в исходное положение. После этой церемонии капитан отступил.

Старший офицер была полной противоположностью Талли: белокурая статная привлекательная женщина нордической внешности чуть за пятьдесят. Она возвышалась над миниатюрным капитаном и буквально излучала доброжелательность и жизненную силу. Таким же горячим и живым было и ее рукопожатие.

Настала очередь третьей незнакомки представиться.

— Познакомьтесь, Александра Лиспенард. Она курирует наш флот из четырех ГОА^[6]. Она будет твоим инструктором.

Лиспенард поправила свои длинные волосы цвета тикового дерева. Ее приятное рукопожатие оказалось долгим — дольше, чем того требовало знакомство.

— Приятно познакомиться, Гидеон, — сказала она мягким голосом, звучащим в тембре насыщенного контральто. На фоне остальных любителей формального молчания Лиспенард выделялась крайне ярко и почти целиком завладела вниманием Гидеона.

— ГОА? — переспросил он, стараясь заставить себя прекратить пялиться на женщину. Воистину, она — с ее лицом, по форме напоминавшим сердечко, и экзотическими глазами цвета агата — казалась ему безумно привлекательной.

— Глубоководные Обитаемые Аппараты. Водолазные суда. Моторизованные батискафы, если говорить проще. Чудо техники.

Тут Гидеон почувствовал, что Глинн тронул его за плечо, привлекая внимание.

— Ах, а вот и доктор. Гидеон, позволь представить тебе доктора Брамбелла, врача нашей экспедиции.

В дверном проеме появился жилистый старик с глянцево-лысой головой, в лабораторном халате.

— Приятно, очень приятно, — произнес он с красивым ирландским акцентом, но руку для рукопожатия не протянул.

— Доктор Брамбелл, — продолжил Глинн, — был на «Ролвааге» во время крушения. Уверен, когда у него выдастся такая возможность, он будет рад в подробностях рассказать тебе об этом.

Это неожиданное заявление было встречено короткой тишиной. Оба корабельных офицера выглядели удивленными и удивлены они были явно неприятно. Гидеон решил, что доктора в этом раскладе можно считать невезучим Ионой^[7].

— Эта история не из тех, которыми хочется делиться, — почти сразу отозвался Брамбелл.

— Мои извинения. В любом случае, Гидеон, теперь ты познакомился с несколькими важнейшими людьми на борту, которые станут частью экспедиции. Алекс отведет тебя на ангарную палубу. А у меня, боюсь, назначена еще одна встреча.

Без дальнейших разговоров Лиспенард отвернулась и молча направилась в сторону ангарной палубы. Гидеон последовал за ней через открытую дверь переборки, вниз по спиралевидной лестнице через огромный лабиринт тесных коридоров, лестниц и люков, пока, наконец, совершенно неожиданно не очутился в огромном сверкающем пространстве. Вдоль стен располагалось несколько отсеков — некоторые из них были завешены шторами, но четыре были открыты, и в трех из них покоилось три абсолютно идентичных судна, раскрашенных в ярко-желтые и бирюзовые краски. На каждой стороне этих аппаратов располагалось по толстому иллюминатору, также они были оснащены разнообразными

торчащими насадками и приборами, а их носы венчала своего рода роботизированная рука. В дальней стене ангара присутствовала большая дверь, которая сейчас была распахнута настежь, и за нею виднелась палуба корабля. Там под А-образным краном, залитое солнцем, стояло четвертое судно.

Лиспенард начала напевать себе под нос «Yellow Submarine»^[8].

— Так я себе их и представлял, — заметил Гидеон. — Очень мило.

— Двадцать миллионов долларов — пожалуй, это действительно мило, — хмыкнула Лиспенард. — Там под краном — видишь? — это *Джордж*. Остальные три у нас зовутся *Ринго*, *Джон* и *Пол*.

— О, нет, — протянул Гидеон.

Лиспенард не обратила на это внимания и, пройдя через ангар, приблизилась к «Джорджу», тут же положив на него руку и слегка погладив субмарину, как любимого питомца. Батискаф был удивительно маленьким — не более девяти футов в длину и около семи футов в высоту. Женщина повернулась к Гидеону.

— Внутри установлена экипажная титановая капсула — фактически это субмарина внутри субмарины, с люком наверху и тремя обзорными иллюминаторами. Также «Джордж» оснащен приборными панелями, сиденьем, контроллерами и видеозэкранами — больше там ничего нет. О, чуть не забыла, спереди есть приемная корзина, в которую роботизированный манипулятор может складывать свои находки. Если что-то пойдет не так, предусмотрена система аварийного подъема, которая вытолкнет внутреннюю сферу с оператором и отправит ее на поверхность. В остальной части батискафа размещаются балластные цистерны, носовые и кормовые дифференциальные цистерны со встроенными барометрами, фото- и видеокамера, стробоскопы и прожекторы, сонар, комплект батарей, кормовой двигатель, гребные винты и руль. Все просто, — она пожала плечами. — Первое погружение завтра.

Гидеон перевел взгляд с «Джорджа» на женщину.

— Замечательно. И кто отправляется?

Она улыбнулась и кивнула.

— Вы и я. Идем на семь сотен.

— Погодите, — он недоверчиво нахмурился. — Вы и я? Вы думаете, что я смогу управлять одним из них... — он покачал головой, — вы путаете меня с капитаном Немо.

— Они разработаны так, чтобы ими мог управлять любой. Даже идиот справится.

— Спасибо большое, — скептически поморщился Гидеон.

— Я лишь хочу сказать, что батискафы снабжены программным обеспечением для самопилотирования. Это тот же автомобиль-Google, только управляемый с помощью джойстика. Вы просто перемещаете джойстик, указывая направление, а ИскИн делает все остальное, производя при этом все необходимые корректировки для обхода препятствий, маневры в тесных пространствах, тонкую подстройку всего оборудования и так далее. ИскИн будет управлять батискафом вместе с вами так, что вы этого даже не заметите. И вы не сможете его сломать, даже если постараетесь.

Гидеон передернул плечами.

— Уверен, для такого чудесного аппарата найдется счастливчик, у которого побольше опыта в погружениях, чем у меня.

— Такой есть. Антонелла Сакс, например — наш главный экзобиолог. Но она еще не присоединилась к нам, не прибыла на корабль. К тому же, Глинн сказал, есть причина, по

которой вам следует приноровиться к управлению батискафом. Что-то связанное с вашей ролью в этой миссии.

— Он ни разу не упомянул, что мне предстоит управлять субмариной. Мне не нравится бывать *на* воде, не говоря уже о том, чтобы находиться *под* водой. И, Бога ради, я не хочу погружаться на глубину в две мили!

Лиспенард снисходительно посмотрела на него и улыбнулась.

— Странно. Я не думала, что вы такой зануда.

Гидеон проглотил этот комментарий.

— Так вот, да, я зануда. А еще я — определенно, без сомнения — трусливый, унылый, бесхребетный задавака, у которого кишка тонка.

— Кишка тонка, — усмехнулась Лиспенард. — Неплохо сказано. Но... вы все равно отправитесь со мной завтра. Это не обсуждается.

Гидеон воззрился на нее. Боже, как же он устал от таких женщин, любящих командовать! Но ему не было смысла сейчас спорить с ней — лучше поговорить с Глинном и взять реванш у него.

— Так... что еще тут можно посмотреть? — смиренно спросил он.

— Есть множество лабораторий, и все они фантастические, — воодушевленно отозвалась Лиспенард. — Совсем скоро вам их покажут. И Центр управления миссией тоже. А еще можно осмотреть библиотеку, камбуз, столовую, гостиную, комнату отдыха и каюты экипажа. О, я забыла о машинном отделении, механическом цехе, медицинском крыле и прочих судовых помещениях, — она сверилась с часами. — А теперь пришло время ужинать.

— В пять часов?

— Когда завтрак в пять тридцать, режим питания резко смещается.

— Завтрак в пять тридцать? — воскликнул Гидеон. Это был еще один вопрос, который ему требовалось обсудить с Глинном. Он вовсе не собирался следовать царящей тут военной дисциплине. — Тут хоть нет сухого закона?

— Пока нет. Но будет, когда достигнем цели. Нам предстоит довольно долгое путешествие.

— Насколько долгое?

— Девять тысяч морских миль до места назначения.

Гидеону как-то не приходило в голову, что перед тем, как достичь объекта, им предстоит совершить долгое и заунывное плавание. Что там Глинн говорил о крейсерской скорости корабля? Двенадцать узлов. Двенадцать морских миль в час. А если разделить на это девять тысяч морских миль...

— Это займет тридцать два дня, — закончила за него мысль Алекс.

Гидеон застонал.

— Предлагаю взять напитки на палубу, — обратился Гидеон к Алекс Лиспенард.

— Хорошая идея, — ответила она.

Гидеон осторожно поднялся, стараясь держать свой второй martini равно и не пролить его. На НИС «Батавия» бар располагался в отдельном алькове столовой. Он был маленьким и не отличался особо богатым ассортиментом, но в нем чувствовался уют, который должен был хоть как-то скрасить это затяжное морское путешествие. В стенах бара было множество окон, из которых в настоящий момент открывался приятный вид на Великую Гавань и лежащие далее берега острова Рэм-Айленд.

После недолгой борьбы с дверью Алекс и Гидеон вышли на палубу. Стоял безупречный октябрьский вечер — прохладный, но не морозный. Золотой солнечный свет, падавший на корабль, производил волшебное впечатление. Идиллию дополняли протяжные крики чаек, доносящиеся издали.

Гидеон сделал большой глоток напитка и облокотился на перила. Алекс присоединилась к нему, и он вдруг осознал, что чувствует себя хорошо — даже *очень* хорошо. Сейчас не осталось и следа того дискомфорта, который он ощущал пару часов назад. Просто удивительно, какие чудеса могут сотворить с настроением martini и отличная еда.

— А у нас всегда будут такие шикарные трапезы? На протяжении всего путешествия? — поинтересовался Гидеон.

— О, да, — улыбнулась Алекс. — Я бывала на многих исследовательских судах, и кормили там всегда отменно. Знаешь, когда находишься в море месяцами напролет, плохая кормежка может сильно подорвать твой моральный дух. В такой миссии, как наша, еда является наименьшей статьей всех расходов, поэтому будь уверен, для нее запаслись только самым лучшим. И у нас есть еще и Винс Бранкаччи — он едва ли не лучший морской повар!

— Ты имеешь в виду того парня в белом халате, которого я недавно видел? Ну тот, который смеется, как гиена и выглядит, как борец сумо?

— Ага, его, — ухмыльнулась Алекс.

Гидеон сделал еще один глоток и посмотрел на нее, не меняя положения и все так же опираясь на перила. Бриз шевелил волосы девушки, и они развевались, касаясь ее чуть вздернутого носика. Глаза цвета агата смотрели куда-то за горизонт. Гидеон также не мог не отметить ее пышные соблазнительные формы. Поняв, что начал пялиться уж слишком откровенно, он отвел глаза. Несмотря на всю ее привлекательность, он вовсе не собирался начинать какой бы то ни было роман в подобных условиях. Стоило поостеречься...

Повернувшись к нему, Алекс сбила его с мысли.

— Итак... что у тебя за история?

— Тебя разве не проинструктировали?

— Скорее, *дезинструктировали*, — усмехнулась она. — Кроме того, что Глинн попросил меня ознакомить тебя с устройством батискафов, обо все остальном он расчетливо умолчал. И я поняла, что он хотел, чтобы я сама тебя обо всем расспросила.

Гидеон почувствовал облегчение. Стало быть, она ничего не знала о его проблемах со здоровьем.

— Ну... с чего бы начать. На заре своей профессиональной карьеры я был вором

предметов искусства. А потом стал разрабатывать ядерные бомбы.

Она засмеялась.

— Ну, конечно! — в ее голосе звучал заметный скепсис.

— Это правда, — покачал головой Гидеон. — Я работаю в Лос-Аламосе, разрабатываю высокоинвазивные линзы, используемые для активации сердечников. Я был частью Программы управления ядерным арсеналом^[9], проводил компьютерное моделирование и настраивал эти линзы так, чтобы быть уверенным, что даже после многих лет гниения в каком-нибудь ядерном хранилище бомбы все еще смогут взорваться. А в настоящее время я... в бессрочном отпуске.

— Погоди... так ты не шутишь?

Гидеон снова сделал отрицательное движение головой. К несчастью, он уже успел осушить свой бокал и подумывал о том, чтобы вернуться в бар, но внутренний голос подсказал ему, что это не лучшая идея.

— Значит, ты действительно разрабатываешь ядерное оружие?

— Можно и так сказать. Вот, почему я на этом корабле.

— А причем здесь ядерное оружие?

Гидеон уставился на нее. Похоже, ее действительно не ввели в курс дела. Он быстро отступил от этой линии разговора.

— Просто я инженер, который хорошо умеет обращаться со взрывчаткой. Вот и все.

— И про воровство — ты тоже не шутил?

— Нет.

Алекс нахмурилась. Некоторое время она молчала, а затем снова заговорила.

— Один вопрос: зачем?

— Ну, я был беден, и мне нужны были деньги. А, что еще важнее, мне нравились работы, которые я крал. Я крал только из исторических обществ и музеев, которые не заботились о своих коллекциях, и только те вещи, которых бы и так никто не хватился.

— Полагаю, в этом случае можно сказать, что все было вполне... этично? — она изогнула бровь.

Ее негласные нотации вызвали у Гидеона сильное раздражение.

— Нет. Не было, и я не ищу оправданий. Но не жди, что я начну распинаться в приступе самоуничижения.

Повисла тишина. Что ж, ему действительно мог понадобиться третий напиток. Или, возможно, следует просто сменить тему.

— А еще я был волшебником, — криво улыбнулся он. — Фокусником, если быть точнее.

Это резко растопило лед, потому что Алекс воскликнула:

— Что? Фокусником? Я тоже!

Гидеон выпрямился, оттолкнувшись от перил. Он и прежде сталкивался с этим много раз: кто-нибудь выучивал пару карточных трюков и тут же называл себя настоящим магом. Что ж, если она из этой категории людей, тут он может взять свой реванш.

— Серьезно? То есть, ты можешь вытащить монету у кого-нибудь из-за уха?

Алекс нахмурилась и не ответила. Секундный триумф смысла волна уныния, Гидеон поняв, что обидел девушку.

— Я был профессионалом, — объяснил он. — Выходил на сцену, и мне за это платили. Я даже разработал несколько свежих трюков. Работал с настоящими животными — кроликами и все такое. У меня был один отличный трюк с шестифутовым питоном, который

едва не распугал половину зрителей, — он покрутил в руке пустой бокал. — Но сейчас... некоторые трюки остались только у меня в голове. А некоторые я иногда проделываю для удовольствия, так сказать, чтобы не терять сноровку. Это... как играть на скрипке, знаешь: нужно продолжать практиковаться, иначе навыки пойдут псу под хвост.

— Понятно.

— Оказывается, магические трюки и искусство воровства, по сути, две стороны одной медали.

— Могу представить.

У Гидеона появилась идея. Действительно хорошая идея, и он решил, что это было бы забавно. Заговорщицки улыбнувшись, он наклонился к ней.

— Я собираюсь за еще одной порцией мартини. Тебе принести?

— Два бокала — мой предел, но ты наслаждайся. Ни в чем себе не отказывай. Не захвати мне стакан воды, если тебя не затруднит.

Уходя, он, как бы невзначай, коснулся ее, используя это прикосновение, как отвлекающий маневр, чтобы вытащить бумажник из ее открытой сумочки. Быстро сунув его в свой карман рядом со своим собственным бумажником, он направился к бару.

— Еще один «Хендрикс» и стакан воды, пожалуйста, — попросил он и пронаблюдал за тем, как бармен смешивает мартини. Внезапно Алекс возникла рядом с ним.

— Там стало слишком прохладно, — промурлыкала она и, к его великому удивлению, прижалась к нему. — Может, согреешь меня?

Он приобнял ее, чувствуя, что его сердце начинает биться чаще.

— Тебе тепло? — неловко спросил он.

— Да. Так хорошо. Теперь я согрелась, спасибо, — она отстранилась. Похоже, ей эти объятия неловкости не доставили, Гидеон же не знал, как на них реагировать. В любом случае, он почувствовал легкое разочарование, когда девушка отошла, но, стараясь не подавать виду, поднял свой напиток. Забирая стакан с водой, Алекс немного неуклюже качнула рукой, и облилась.

— Черт.

Она взяла салфетку и промокнула воду с блузки.

Гидеон отхлебнул мартини.

— Так... а твоя история? Какая она? — спросил он.

— Я выросла на побережье штата Мэн. У моего отца была устричная ферма, и я помогала ему с работой, так что, можно сказать, я много времени проводила на воде. Мы выращивали устриц подводным способом, за ними надо было нырять, так что я получила свой сертификат «PADI open-water» уже в 10 лет, «PADI wreck diving» в 15 и «nitrox» в 16. Мне, вроде как, понравилось получать сертификаты, — она криво улыбнулась, — и я продолжила. Так что теперь я опытный ныряльщик в пещерах, подо льдом и так далее. Еще иногда занимаюсь глубоководным дайвингом. В общем, я люблю море и все, что с ним связано. Потом я выучилась на специалиста по морской биологии в USC^[10] и там же защитила докторскую диссертацию.

— На тему?

— Бентическая^[11] жизнь Впадины Калипсо. Это самая глубокая часть Эллинского желоба. Глубина семнадцать тысяч футов.

— А... где именно это находится?

— В Средиземном море, к западу от Пелопонесского полуострова. Я потратила много

времени на исследования, находясь на борту НИС «Атлантис», и там же впервые совершила погружение на батискафе «Алвин».

— Круиз вдоль берегов Греции, — хмыкнул он, — неплохой способ получить докторскую степень.

— Смейся, сколько хочешь, но я нигде не чувствую себя по-настоящему дома — только на корабле.

— Забавно, потому что у меня ну никак не получается почувствовать себя как дома, будучи на корабле. Я вообще страдаю морской болезнью. Мне ближе высокие горы Запада и реки, полные форели. Вот это — по мне.

— У тебя морская болезнь, а я боюсь высоты, — улыбнулась она.

— Жаль, — выдохнул Гидеон. — А я-то уж собирался сделать тебе предложение.

Едва он произнес это, как шутка даже ему самому показалась глупой и плоской. Алекс выпила немного воды, и так и не прервала неловкую тишину.

— А что насчет магии? Что именно ты делала?

Она махнула рукой.

— О, мне с тобой не конкурировать! Я делала всякие мелкие пустяки, только чтобы развлечь себя и своих друзей.

— Ну... я был бы рад показать тебе несколько основ.

Она подняла глаза.

— Это было бы замечательно.

— Может, тогда пойдём в мою каюту — при условии, что я смогу ее здесь найти, конечно? Если где я и смогу хорошо показать трюки, так это там. На самом деле, я действительно захватил с собой несколько фокусов. И, уверен, с небольшой помощью ты их быстро освоишь.

— Идем. Я провожу тебя к каютам экипажа.

Он допил martini, демонстративно хлопнул себя по джинсам, и нарочито нахмурился.

— Ох, кажется, я забыл свой кошелек. Не могла бы ты заплатить бармену? Я буду тебе должен, — он увидел, как на ее лице растягивается улыбка, и едва подавил собственную, упиваясь предвкушением, как она потянется за бумажником и не найдет его на месте. Однако, к его огромному удивлению, она как ни в чем не бывало достала свой бумажник из сумочки и положила его на барную стойку.

— Подожди... это... твой бумажник? — ошеломленно спросил он.

— Конечно, — невозмутимо ответила она, извлекая двадцатку.

Гидеон потянулся к карману и обнаружил, что его собственный бумажник пропал, как и бумажник Алекс.

— Вот дерьмо, — автоматически бросил он. — Наверное, я выронил его на палубе, — он поднялся со стула и тут же рухнул на пол лицом вниз. Не понимая, что происходит, он приподнялся и обнаружил, что шнурки его ботинок связаны между собой. Гидеон посмотрел вверх и увидел, что Алекс тихо посмеивается над ним, держа в руке оба их бумажника... и его наручные часы.

— Итак, Гидеон, — проворковала она, — что там с основами?

От смущения Гидеон не знал, куда деться. Боже, он выставил себя полным идиотом! Кряхтя после падения, он привел в порядок свои шнурки, ощущая, что все сильнее заливается краской. Алекс все это время стояла над ним, ничуть не скрывая своего триумфа. Скрипнув зубами, Гидеон поднялся и отряхнулся от пыли. Теперь смущение начало перерастать во что-то иное, и он пока никак не мог понять, во что именно. Тем временем Алекс вернула ему бумажник и наручные часы.

— Ты не злишься? — спросила она, наконец, перестав издеваться. Голос ее снова звучал мягко и добродушно.

Гидеон окинул ее оценивающим взглядом. Несмотря на то, что она вернула себе самообладание, лицо ее заливал небольшой румянец, агатовые глаза мерцали задорным блеском, длинные волосы непослушными локонами ниспадали на загорелые плечи, а грудь все еще часто вздымалась в такт дыханию, учащенному недавним весельем. И так, она запросто унизила его... и какова была его реакция?

Всепоглощающее... желание.

Стараясь совладать с собой, он отвел глаза и сглотнул.

— Что ж... наверное, я это заслужил, — он бросил взгляд на бармена, но тот явно был поглощен своими делами и не видел, что только что произошло.

— Так ты все еще хочешь, чтобы я показала тебе каюты экипажа? — спросила Алекс.

— Конечно.

Она повернулась и вышла из бара, а он последовал за ней. Они прошли по путаному лабиринту из коридоров и лестниц и, перешагнув люк переборки, оказались в очередном длинном и тесном коридоре с дверями кают по обеим сторонам.

У одной из них Алекс остановилась и открыла ее.

— У ученых частные комнаты. Эта — моя.

Он последовал за ней внутрь. Каюта оказалась удивительно просторной, с огромной королевской кроватью, двумя иллюминаторами, встроенным шкафчиком, письменным столом, на котором стоял ноутбук, зеркалом и приятными кремово-белыми стенами.

— Вот ванна, — Алекс открыла еще одну дверь, явив уютную ванную комнату с третьим иллюминатором.

— Очень мило, — выдавил Гидеон. — Настоящая комната для... ученого.

Алекс повернулась.

— Я не просто водитель мини-субмарин. Я — главный океанограф нашей миссии. Хотя, уверена, ты и так это знаешь. Я работаю в ЭИР уже пять лет.

— Вообще-то, я не знал, — улыбнулся Гидеон. — Меня тоже не проинструктировали. Как получилось, что я никогда тебя раньше не встречал?

— Ты же знаешь, у Глинна мания на разделение труда.

— А что ты думаешь о его визави Гарзе?

— Он инженер. Я ученый. ЭИР обладает не типичной для корпорации структурой, что я думаю, ты и без меня заметил. Много меняется от миссии к миссии.

Он кивнул, наблюдая за тем, как она перемещается по комнате — мягко и грациозно. У нее было подтянутое спортивное тело, от которого трудно было оторвать взгляд, но Гидеон

покаялся себе — поклялся всем святым, что у него было — не вступать в романтические отношения на миссии. Учитывая, что над ним висел медицинский смертный приговор, это было просто нечестно — ни по отношению к женщине, ни по отношению к нему самому. Но... так он мыслил в теории, а она... *она* была реальна.

— Какой номер у твоей каюты?

— 2-14.

— Это в конце коридора. Давай осмотрим ее, — и она направилась к двери. Гидеон вздохнул и безропотно последовал за ней.

Они прошли по коридору к двери, обозначенной «2-14». Гидеон достал карточку с магнитным ключом, которую ему выдали, мазнул ею около считывателя, и дверь щелкнула. Он толкнул ее и включил свет, тут же оказавшись в роскошной просторной каюте с несколькими иллюминаторами, огромной кроватью, гостиной с диваном и двумя стульями. На полу лежал кремовый ковер, а освещение было мягким и ненавязчивым. Багаж Гидеона уже разметили в углу, сложив его бережно и аккуратно.

— Ого, — протянула Алекс, проходя внутрь. — А что за должность ты занимаешь в ЭИР, чтобы заслужить все это?

— Не знаю. Начальник отдела по ничегонеделанию?

Он пропустил Алекс вперед и пронаблюдал за тем, как она осматривается в комнате: ее руки коснулись стеганого покрывала на кровати, она с интересом попробовала отрегулировать свет, затем, в конце концов, открыла дверь в ванную.

— У тебя тут целые хоромы, не меньше! — воскликнула она. Со стороны казалось, что неловкостью она не страдала и чувствовала себя здесь вполне как дома. Исследовав гостиную, где располагалась и мини-кухня с микроволновой печью, кофемашиной и небольшим холодильником, она решила проверить запасы. — Только посмотри! «Вдова Клико»! — она извлекла из холодильника бутылку шампанского и махнула ей перед Гидеоном.

— Отлично. Давай откроем ее и отпразднуем.

Она вернула бутылку на место и закрыла дверцу холодильника.

— Два бокала — мой предел, помнишь? Тебе, по-моему, тоже достаточно. Мне нужно, чтобы у тебя была ясная голова во время завтрашнего погружения. И к тому же, я не пью шампанское в каютах странноватых мужчин.

— Я? Странноватый?

— Вор предметов искусства, конструктор-ядерщик, иллюзионист — очень странный набор, не находишь?

— Тогда... можем насладиться шампанским завтра вечером. Ты и я.

— Мы будем измотаны после погружения, — она взглянула на часы. — На самом деле, мне лучше вернуться к себе. Перед сном у меня еще уйма работы.

Он подошел к ней и положил руку ей на плечо, когда она уже собралась уходить. Что он делал? Он же знал, что третья порция мартини будет ошибкой, но почему-то не остановил себя у бара. Не собирался он останавливаться и сейчас. Его тело буквально болело от страстного желания.

Она остановилась от его прикосновения, и он наклонился к ней. Но стоило ему приблизиться, как она ловко вывернулась и отстранилась от него.

— Ничего подобного, мистер. Не на корабле. И ты это отлично знаешь.

— Хотел бы я, чтобы так и было... — буркнул он, чувствуя, что вновь заливается

краской.

— Завтрак в пять тридцать, не опаздывай. Затем мы отправимся к батискафу. Будь готов.

После этого она ушла.

Гидеон сел на кровать с тяжелым вздохом. У него и самого была масса работы: файлы и документы, которые необходимо было изучить, компьютер, который еще требовалось настроить, чтобы подключиться к внутренней сети корабля... и он не мог отправиться к Глинну и поспорить с ним насчет необходимости погружения на батискафе — только не после трех мартини. От него даже пахло, как от пьяницы. В эту минуту он себя ненавидел.

Растянувшись на кровати и закинув руки за голову, Гидеон вновь тяжело вздохнул. Парфюм Алекс призраком витал по комнате, и Гидеон жадно вдохнул его, вновь почувствовав всплеск желания. Да что с ним такое? Он должен был быть зол на нее за то, как она его унизила! А эффект почему-то получился прямо противоположный.

Алекс, — решил он, — была права в одном. Мне нужно взять себя в руки, иначе это будет о-о-очень долгое путешествие.

Большой шар осеннего солнца поднялся над далеким маяком Нобска и островом Вайнъярд, мазнув по водной глади золотым лучом и едва не ослепил вышедших на палубу Гидеона и Алекс. С востока дул порывистый ветер, гнавший по воде волны с белыми гребешками.

А-образный кран перенес на палубу два батискафа. Гидеону они казались странными, гротескными и даже немного мультяшными — слишком маленькими, чтобы туда мог поместиться человек, не говоря уже о сопутствующем оборудовании. Алекс велела ему надеть облегающую теплую одежду, и Гидеон повиновался, хотя совсем не тешил себя мыслями, что одежда каким-то образом сумеет придать его предстоящей вылазке комфорта. Сама Алекс была одета в обтягивающий спортивный костюм темно-синего цвета с белыми полосками, выгодно подчеркивающими ее натренированные ноги, спину и корпус, что невольно привлекало к себе внимание. Сам же Гидеон — постаравшись исполнить указание, но, похоже, полностью его проваливший — надел джинсы и водолазку с длинными рукавами. На фоне подготовленной к миссии Алекс он чувствовал себя неряшливым снобом, который сунул нос не в свое дело.

Глинн и Гарза ожидали их на месте. Глинн был одет в черную водолазку и брюки, и в этом одеянии выглядел чрезвычайно худым: казалось, его может сдвинуть с места даже незначительный порыв ветра. Гарза же щеголял в замшевой куртке с поднятым воротником, его черные с проседью волосы яростно трепал ветер.

— Как раз вовремя, — улыбнулся Глинн, одобрительно кивнув и подходя к Кру для рукопожатия. — Итак, Гидеон. Готов нырнуть?

— Вообще-то я предпочел бы знать заранее, что мне предстоит пилотировать «Желтую Субмарину».

— Зачем же? Чтобы зря взволноваться? — он отмахнулся. — Брось, Гидеон, с этими батискафами даже идиот справится.

— Алекс сказала то же самое.

— Она превосходный инструктор. Все будет хорошо.

— Но я думал, что моя задача состоит в том, чтобы быть твоим экспертом по ядерным устройствам. Seriously, тебе стоило бы еще немного раскошелиться и нанять опытного дайвера. Не верю, что ты не мог себе этого позволить.

Вместо ответа Глинн лишь похлопал его по плечу покровительственным жестом, и Гидеон скрипнул зубами от раздражения. Он взглянул на Гарзу, ожидая, что тот сумеет ему хоть что-то объяснить, но правая рука руководителя ЭИР, как всегда, держался молчаливо и непроницаемо.

— Ты будешь управлять «Джорджем», а я — «Ринго», — тем временем деловито сообщила Алекс.

Под наблюдением Глинна и Гарзы Алекс провела Гидеону внешнюю экскурсию по «Джорджу», особенно заострив внимание на нескольких важных деталях. Ими стали: камеры, стробы, обзорные иллюминаторы, сонар СТФМ, подводные прожекторы, датчик течений, аварийный маяк и радиопередатчик, тяговый двигатель, руль и гребной винт, гидроакустический преобразователь, корзина для сбора образчиков и роботизированная

рука.

— Лестница ведет прямо к люку, — объяснила она. — Все очень просто: поднимаешься и залезаешь внутрь. Настоятельно рекомендую тебе при этом постоянно держаться за оба поручня. Экипажная сфера составляет пять футов в диаметре. Я сяду в «Ринго», и мы пообщаемся по радио, проверим связь. Потом сделаем сухую проходку по палубе, и только после этого опустимся в воду.

— Мне, что, уже подниматься?

Она кивнула.

— Просто устройся на сидении. На крючке у себя над головой ты найдешь коммуникационный шлем. Надень его и нажми переключатель в нижнем правом углу.

— А потом?

— Жди, когда я с тобой заговорю. Тебе не нужно жать кнопку передачи — над водой канал двусторонний. Под водой — диапазон связи ограничен пятью сотнями метров. За пределами этого, возможно лишь цифровое общение с помощью сонара: просто текст, синтетический голос... все такое.

Гидеон кивнул, пытаясь делать вид, что все понял.

— Ладно, поднимайся.

Гидеон взобрался по лестнице, держась за поручни, и опустился в сферу. Кто-то закрыл и задраил люк снаружи, как только он оказался внутри батискафа. Борясь с внезапно накотившим приступом клаустрофобии, Гидеон занял единственное кресло, пошарил над головой, нашел шлем и надел его, как и было велено.

Интерьер сферы до краев был напичкан электроникой: экраны, панели, кнопки, циферблаты — всего этого было в избытке, и Гидеон недоумевал, как Глинн и Алекс могли хором называть этот аппарат простым.

Иллюминатор фронтального обзора располагался прямо у него перед глазами. Еще по одному наличествовало справа, слева и, к его удивлению, внизу. Маленькая консоль справа от Гидеона состояла из клавиатуры, джойстика и нескольких аварийных тумблеров в небольших защитных клетках, которые при необходимости можно было откинуть. Вся сфера тускло освещалась красноватой подсветкой.

Через мгновение раздался голос Алекс.

— Гидеон, как слышно?

— Громко и ясно.

— Сейчас мы с тобой пройдемся по всем консолям слева направо.

В течение следующего часа она описывала все мучительно нудные детали сферы, пока Гидеон не отчитался ей в том, что все запомнил. Наконец, они добрались до панели и джойстика.

— Это, по сути, все, что тебе нужно знать, — сказала она. — Джойстик работает, как игровой: вперед, назад, влево, вправо. Чем больше ты наклоняешь его в ту, или иную сторону, тем быстрее в указанном направлении будет двигаться субмарина. Но при этом у «Джорджа» отличный автопилот, и он будет исправлять любые ошибки, которые ты можешь допустить. Если ты двинешь рычаг вперед, чтобы проникнуть, скажем, в пробоину в корпусе корабля, автопилот автоматически проведет тебя через эту дыру, ничего не задев. Он проведет тебя через коридоры, не касаясь стен, и будет держать на расстоянии как от илистого дна, так и от других подводных препятствий. Автопилот принимает твои сигналы, но обрабатывает их на свой манер, и он не войдет в какое-либо пространство, если оно

слишком мало для батискафа. Также он не подчинится, если ты попытаешься протаранить скалу или, скажем, морское дно.

— А есть способ его отключить?

— Прямого способа нет — в том и смысл. При необходимости управление батискафом может быть передано на поверхность. Итак, продолжим. Видишь эти два красных тумблера под откидными крышками? Тот, на котором написано «АВАРИЙНОЕ КАТАПУЛЬТИРОВАНИЕ» выбросит твою титановую капсулу, и она быстро поднимется на поверхность. Заметь, что этим еще *никто никогда* не пользовался, то есть эта функция в реальных условиях никогда не проверялась, поэтому лучше тебе его не трогать. К тому же слишком быстрый подъем может тебя убить. А тот, на котором написано «АВАРИЙНЫЙ РАДИОБУЙ», соответственно, активирует твой аварийный маяк, если ты попадешь в беду.

— А какой смысл аварийного катапультирования, если исход может быть летальным?

— Эта функция предусмотрена на крайний случай, — небрежно отозвалась Алекс. — Ну, ладно. Готов к мокрой пробежке?

— Нет.

— Кран поднимет твой батискаф, опустит его в воду и отсоединится. Ты автоматически начнешь погружаться под контролем программного обеспечения автопилота. В норме, на борту должно было бы находиться двести фунтов железного балласта, чтобы быстро доставить тебя на глубину в две мили, к затонувшему кораблю. Но здесь глубина около сотни футов, так что тебе это не понадобится. Автопилот остановит тебя в десяти футах от дна, после чего тебе нужно просто ждать и ничего не делать, пока я не дам тебе команду.

— Есть, капитан, — понуро буркнул Гидеон.

Через миг он почувствовал, что его поднимают, перемещают, а затем опускают в воду. Сам спуск прошел настолько мягко, что он едва его заметил — основным признаком погружения стала вода, бодро плескавшаяся за обзорными иллюминаторами. Затем, с лязгом креплений субмарина освободилась и продолжила погружение. Ходовые огни включились автоматически — спереди, сзади и снизу. Гидеон наблюдал, как в их свете вокруг него танцуют пузырьки воздуха. Толща воды была мутной и поначалу казалась непроглядной, но вскоре очертания дна стали проясняться. Как и было обещано, субмарина замедлилась и остановилась примерно в десяти футах над поверхностью дна, замерев в окружении длинных водорослей, колышущихся в темно-зеленой воде. Гидеон услышал мягкое шипение теплого воздуха, и невольно ощутил легкий приступ клаустрофобии. Он почти чувствовал, как вода давит на него всей своей массой, что высилась над ним, отчего воздух показался ему тяжелым для дыхания.

Затем в двадцати футах перед ним показался другой желтый мультяшный батискаф, который замер на той же глубине, что и он, и помигал ему огнями.

— Гидеон, ты меня слышишь?

— Слышу.

— Почему бы тебе не опробовать свой джойстик? Перемести его вперед, в сторону и назад, посмотри, как реагирует аппарат.

— А как мне подниматься и опускаться?

— Хороший вопрос. Видишь кнопку для большого пальца в верхней части джойстика? Если потянешь ее вперед, батискаф поднимется вверх, если назад, то вниз. Давай, поиграйся с ним, а я посмотрю и прокомментирую, как ты справляешься.

Гидеон усмехнулся, но обхватил джойстик и осторожно толкнул его вперед.

Послышалось слабое гудение, и батискаф — очень медленно — пришел в движение.

— Можешь быть с ним поагрессивнее, — сообщила Алекс, и Гидеон представил себе усмешку на ее губах. — Автопилот сгладит любые резкие движения, которые ты можешь сделать.

Гидеон попробовал толкнуть джойстик резче, и судно значительно увеличило скорость перемещения.

— Ты идешь прямо на меня, Гидеон. Попробуй повернуть.

Вместо того чтобы повернуть, Гидеон переключил кнопку в положение «вверх», и субмарина приподнялась, пронеслась над «Ринго», после чего он заставил ее остановиться и снова опуститься вниз. Аппарат замер на том же уровне посреди водорослей. Гидеон толкнул джойстик вбок, и субмарина послушно двинулась в указанном направлении. Через мгновение «Ринго» Алекс снова появился в поле зрения его иллюминатора.

— Гидеон? Может, сначала научиться ходить, а потом уже летать?

Ее поучительный тон начинал его раздражать. Он быстро двинулся в ее сторону, затем снова переключился, но на этот раз координация его подвела, и субмарина взмыла вверх почти вертикально, быстро начав подниматься к поверхности.

— Переключайся вниз.

Он нажал кнопку, но случайно толкнул джойстик вперед и тут он осознал, в чем заключалась главная проблема — субмарина реагировала не так быстро, как автомобиль. Вода была достаточно плотной средой и значительно замедляла движения, и теперь Гидеон неумолимо направлялся прямо ко дну.

— Вот дерьмо! — он потянул переключатель и джойстик назад, но, поддавшись панике, снова ошибся и сделал непреднамеренный поворот. Субмарина развернулась, как штопор, перед тем как резко остановиться — снова среди водорослей. Замигал маленький красный огонек, прозвучал сигнал тревоги. На главном экране панели управления появилось сообщение:

РЕЖИМ «ПОЛНЫЙ АВТОПИЛОТ» АКТИВИРОВАН

ПЕРЕДАЧА УПРАВЛЕНИЯ ОПЕРАТОРУ ЧЕРЕЗ

15 СЕКУНД

Гидеон молча наблюдал за тем, как цифры начали обратный отсчет.

— Сукин сын, — пробормотал он.

Голос Алекс прозвучал у него в ухе:

— Ну, поздравляю, Гидеон. Это было самое выдающееся проявление некомпетентности, которое я когда-либо видела в отношении батискафа. Теперь, когда ты закончил заниматься подростковым онанизмом, может, попробуешь еще раз? На этот раз, как взрослый.

— Может, если бы ты все время не бубнила мне в ухо, — сердито отозвался он, — я мог бы лучше сконцентрироваться и сделать все, как следует. Чертов инструктор по вождению!

Прохладный тон Алекс не заставил себя ждать.

— Имей в виду, что наш разговор и все, что мы делаем, тщательно анализируется и контролируется в Центре управления миссией.

Гидеон проглотил свой следующий комментарий, представив себе Глинна, Гарзу и остальных, кто собрался в диспетчерской и сейчас слушает их перепалку, и нахмурился от глубокой досады. Скорее всего, они сейчас посмеиваются, не давая себе труда сдерживаться. Опять его выставили посмешищем. Это уже начало порядком ему надоедать.

— Ясно, — ответил он. Тем временем отсчет секунд завершился, и на экране появилось сообщение:

УПРАВЛЕНИЕ ПЕРЕДАНО ОПЕРАТОРУ

Гидеон осторожно направил джойстик вперед, и субмарина медленно двинулась по прямой линии. Затем он выполнил плавный разворот, вернулся на первоначальную позицию и остановился.

— Вот теперь ты ведешь себя, как хороший мальчик, — одобрительно хмыкнула Алекс. — Видишь? Все легко и просто.

В этот момент Гидеону показалось, что он почти слышит хохот Глинна и остальных в своей голове.

Исследовательское судно «Батавия» «миновало черту» со всей возможной помпезностью: была проведена сопутствующая церемония, которой моряки обычно отмечали пересечение экватора. Гидеон, как новичок, получил приглашение в ней поучаствовать и воспринял это с большим энтузиазмом. Последние пятнадцать дней, с тех самых пор, как «Батавия» покинула Вудс-Хоул, жизнь на борту протекала однообразно и скучно, у Гидеона даже сложилось впечатление, что он застрял в чертовом дне сурка. Круг его действий сводился к следующей последовательности: морская болезнь чередовалась со скучающим перееданием; чтение сменялось просмотром «Игры престолов» в кинотеатре корабля и игрой в нарды с Алекс (уже было сыграно более ста партий); а вечером приходилось прилагать все силы, чтобы не превысить свой лимит по числу выпитых коктейлей.

К настоящему времени Гидеон уже познакомился со всеми многочисленными учеными и с несколькими главными членами экипажа. Среди последних особенно выделялось несколько лиц: всегда при параде главный инженер корабля Фредерик Монктон, суровый и грозный начальник службы безопасности Эдуардо Беттанс и мичман Джордж Лунд, который, казалось, боялся всего и вся. И хотя на борту было очень много народу, в число своих приятелей Гидеон сумел записать всего несколько человек.

Большая часть экипажа состояла из бывших служащих военно-морского флота, щеголявших короткими стрижками и выглаженной униформой — совсем не во вкусе Гидеона. А различный научно-технический персонал был слишком занят подготовкой к предстоящей операции, чтобы много времени посвящать общению.

Глинн же был недостижим как никогда. Гидеон и Гарза, несмотря на недавнюю оттепель в отношениях, по-прежнему относились друг к другу настороженно. Единственной, кому Гидеон по-настоящему симпатизировал — даже слишком — была Алекс, но она ясно дала понять, что, хотя она тоже наслаждалась его компанией, о романе на корабле не могло быть и речи.

Правда, на борту корабля присутствовал еще один персонаж, который со временем начал сильно интриговать Гидеона: корабельный врач, Патрик Брамбелл. Этот похожий на гнома склочный старик с блестящей, как биток, головой, небольшим лицом, пронзительными лукавыми голубыми глазами и сутулой фигурой скользил по кораблю, словно призрак. Где бы Гидеон его ни встретил, у доктора всегда была при себе книга, зажата под мышкой, и он никогда не появлялся в столовой — очевидно, он трапезничал в своей каюте. В редких случаях, когда Гидеон слышал, как врач разговаривал с кем-либо, он улавливал мягкий ирландский акцент.

Что интриговало Гидеона больше всего, так это то, что кроме Глинна и Гарзы Брамбелл был единственным членом экспедиции, побывавшим на «Ролвааге», когда тот затонул. У Гидеона было тошнотворное предчувствие, что Глинн и Гарза утаивали информацию о кораблекрушении, возможно, даже лгали о настоящей причине гибели «Ролваага», чтобы заручиться его поддержкой в создании ядерной боеголовки. По этой причине Гидеон решил нанести Брамбеллу неожиданный визит.

Стоял душный тропический полдень, и Гидеон отправился к каютам экипажа.

Убедившись, что Брамбелл на месте, он постучал в дверь. Ответа не последовало, и он постучал раз и еще раз — громко и настойчиво — точно зная, что коварный старый обормот засел внутри. После третьего стука раздался раздраженный голос:

— Кто там?

— Можно войти? Это Гидеон Кру.

Пауза.

— У вас проблемы со здоровьем? — донесся голос с той стороны двери. — Если так, то я с радостью приму вас в медицинском отсеке.

Гидеон добивался не этого. Ему хотелось смело встретиться с Брамбеллом на его же собственной территории.

— Проблемы не у меня.

Больше он ничего не сказал; чем меньше объяснений, тем меньше вероятность, что Брамбелл сможет найти причину сказать «нет».

Послышался мягкий шорох, и дверь открылась. Не дожидаясь приглашения, Гидеон толкнул ее, и Брамбелл, застигнутый врасплох, автоматически попятился назад. В жилистой руке он держал роман Троллопа^[12], а его палец служил закладкой, отмечая страницу, на которой он остановился.

Гидеон присел, так и не дождавшись приглашения. Брамбелл, в свою очередь, остался стоять, не давая себе труда скрыть недоумение, проступившее на его морщинистом лице.

— Как я уже сказал, если это медицинская проблема, клиника будет более подходящим местом...

— Это не медицинская проблема.

Наступила тишина.

— Ну, тогда, — сказал Брамбелл, не спеша сдаваться окончательно, но и не выражая явного протеста, — чем я могу вам помочь?

Гидеон окинул взглядом большую каюту, и ее обстановка сильно его удивила. Каждый дюйм стенного пространства, даже иллюминаторы, был покрыт специальными полками, и эти полки — все как одна — были заставлены книгами, всевозможных жанров, самого эклектичного диапазона, который только можно вообразить: от классики до трэшовых триллеров и до научной литературы, биографий и исторических трактатов. То здесь, то там встречались названия на французском и латинском языках. За все то время, что его взгляд бродил по коллекции, единственной тематикой, которую он не смог обнаружить, стали книги по медицине.

— Это же целая библиотека, — восхитился Гидеон.

— Я заядлый читатель, — последовал сухой ответ. — Это мое основное увлечение. Медицина — всего лишь мое побочное занятие.

Это откровенное заявление впечатлило Гидеона.

— Наверно, на корабле у вас много времени для чтения.

— Достаточно, — подтвердил Брамбелл высоким, немного свистящим голосом.

Гидеон соединил руки в замок и взглянул на доктора, который с любопытством взирал на него, больше не выказывая раздражения — или, по крайней мере, весьма искусно создавая такое впечатление. Брамбелл медленно отложил книгу.

— Вижу, вы пришли ко мне с определенной целью.

Гидеон уже распознал, что Брамбеллу по душе придется прямота. Он инстинктивно чувствовал, когда человек не поддавался социальной инженерии, и врач этого корабля был

именно таким человеком.

— Глинн утверждает, что он рассказал мне всю историю о крушении «Ролваага», — категорично бросил Гидеон. — Но что-то подсказывает мне, что он утаил часть истории.

— Это в его духе, — сухо отозвался доктор.

— И вот я здесь. Чтобы услышать эту историю от вас.

Брамбелл слегка улыбнулся, подошел к креслу, которое, очевидно, служило его излюбленным местом для чтения, и опустился в него.

— Это длинная история.

— В нашем распоряжении все время мира.

— И в самом деле, — он сложил пальцы домиком и слегка поджал губы. — Вы знаете о Палмере Ллойде?

— Да, я встречался с ним.

Брови Брамбелла взлетели.

— Где?

— В частной психиатрической клинике в Калифорнии.

— Он лишился рассудка?

— Нет. Но я и не совсем уверен, что он полностью в здравом уме.

Брамбелл молчал, обдумывая услышанное.

— Ллойд — весьма любопытная персона. Узнав, что самый большой в мире метеорит был обнаружен на замерзшем острове у мыса Горн, он решил, что этот камень будто специально создан для его строящегося музея. И он нанял Глинна, чтобы заполучить его. Для этой цели ЭИР купила корабль «Ролвааг» у норвежской судостроительной компании. Это был современный нефтяной танкер, но они замаскировали его так, чтобы он выглядел как потрепанное старое корыто.

— Почему нефтяной танкер? Почему не рудовоз?

— В конструкцию нефтяных танкеров входят сложные балластные емкости и насосы, которые необходимы для стабилизации и балансировки корабля. Метеорит оказался не только самым крупным, но и невероятно тяжелым — двадцать пять тысяч тонн. Поэтому Глинну и Гарзе пришлось разрабатывать сложные инженерные планы, чтобы выкопать его, транспортировать через весь остров, погрузить на корабль, а после доставки в США поднять его вверх по течению реки Гудзон, — он снова замолчал, видимо, собираясь с мыслями. — Когда мы прибыли на остров, это оказалось, безусловно, одним из самых Богом забытых мест на Земле. Его название говорит само за себя: Остров Десоласьон — Остров Запустения. Тогда-то все и пошло наперекосяк. Для начала выяснилось, что камень состоял из необычного метеоритного железа.

— Мануэль рассказал мне, что у него были некие «особые свойства». Я бы отметил, что инопланетное семя уже само по себе достаточно *своеобразно*.

Брамбелл безмолвно улыбнулся.

— Он был глубокого красного цвета и состоял из такого крепкого и плотного вещества, что лучшие алмазные сверла даже его не поцарапали. В конце концов, при более детальном изучении, оказалось, что он состоял из нового элемента с очень большим атомарным весом. Вероятно, это был один из гипотетических элементов из так называемого острова стабильности^[13]. Это, конечно, сделало его еще гораздо более интересным. На корабль его доставили с большим трудом — и все же успешно. Но как только мы взяли курс домой, нас обстрелял заблудший чилийский эсминец. Глинн, благодаря присущей ему блестящей

хитрости, сумел потопить врага. Но «Ролвааг» сильно пострадал, мы угодили в сильный шторм, и нас, как щепку, трепало бушующее море. Метеорит начал смещаться в трюме, с каждым креном корабля в колыбели, что окружала его, возникало все больше и больше повреждений, — он взглянул на Гидеона. — Вы знаете об устройстве аварийного сброса?

— Я знаю, что Глинн отказался его задействовать.

— Так, черт побери, оно и было. Даже когда Ллойд сам лично умолял Глинна активировать тот проклятый рычаг, он этого не сделал. Глинн, — доктор вздохнул, — принадлежит к той породе людей, которые просто *не могут потерпеть неудачу*. При всех его разговорах о логике и рациональности, Глинн — настоящий одержимый фанатик своего дела.

Гидеон кивнул.

— Я так понимаю, капитан пошла ко дну вместе с кораблем.

— Да. Какая трагическая потеря, — Брамбелл покачал головой. — Это была необыкновенная женщина. Салли Бриттон. Когда Глинн отказался включить устройство сброса, она приказала покинуть корабль, что спасло десятки жизней. Она настояла на том, чтобы самой остаться на борту. Затем метеорит вырвался на свободу, пробил в корпусе дыру, и произошел огромный взрыв. Бриттон умерла, но Глинн каким-то образом выбрался и выжил. Настоящее чудо. У него, похоже, жизней, как у кошки — не меньше девяти.

Гидеон не стал рассказывать о недавнем изувеченном состоянии Глинна и о том, каким образом он смог излечиться.

— А вы? Как вы выжили?

Брамбелл продолжил вещать тем же сухим язвительным голосом, как будто он описывал то, что случилось не с ним, а с кем-то другим и давным-давно.

— После взрыва большинство выживших оказались в воде, но так же там было много плавающих обломков и несколько дрейфующих спасательных шлюпок. Некоторые из нас смогли забраться на их борт и доплыть до ледяного острова. Мы провели там ночь, а на следующее утро к нам подоспела помощь. Но многие замерзли на том острове, там, в темноте. Как врач, я старался изо всех сил и делал все возможное, но, к сожалению, я оказался бессилён против подавляющего холода.

— Так получается, Глинн действительно в ответе за все эти смерти.

— Да. Глинн — и метеорит, конечно, — взгляд Брамбелла блуждал по библиотеке. — Намного позже Макферлейн понял, чем на самом деле являлся тот камень.

— Глинн упоминал Макферлейна, но в материалах дела я о нем ничего не нашел. Что это был за человек?

Брамбелл выдал еще одну полуулыбку и развел руками.

— О да. *Сэм*. У него добрая душа, но характер островат. Он саркастичен и временами излишне груб. Но он был парнем с добрым сердцем. Свою работу он знал блестяще и числился одним лучших из мировых экспертов по метеоритам.

— Я так понимаю, он выжил.

— Выжил, да, но был ранен. Ожесточился, озлобился и стал буквально одержимым — по крайней мере, это последние новости, которые я о нем слышал.

— А вы? На вас как-то повлияло то, что случилось?

— У меня есть мои книги, я не живу в реальном мире. Они — мое отвлечение, мое спасение, благодаря им, я могу выкинуть из головы эту трагедию и оставаться хладнокровным.

Гидеон испытующе воззрелся на Брамбелла.

— Я должен спросить: учитывая все, что вы знаете о Глинне и его недостатках, и весь ужас, который вы пережили, почему вы согласились участвовать в этой экспедиции?

Брамбелл положил руку на книгу.

— Старое доброе любопытство. Это наша первая встреча с инопланетной формой жизни, даже если это всего лишь большое неразумное растение. Я не мог сказать «нет» и не стать частью этого открытия. А до этого времени... — он похлопал по книге — я могу читать, сколько моей душе угодно.

На этом он улыбнулся, встал и протянул руку, давая понять, что встреча окончена.

Когда судно приблизилось к границе льдов, в южной части океана стали появляться дрейфующие айсберги, и Гидеон счел, что их глубокий синий цвет и скульптурная красота воплощают в себе одну из самых удивительных достопримечательностей, которые он когда-либо видел. Он стоял у перил, наблюдая, как корабль скользит между двумя великолепными айсбергами. В одном из них зияла дыра, подобная ледяной арке, сквозь которую ярко светило утреннее солнце.

Наступило 20 ноября, и Гидеон напомнил себе, что здесь это была весна — погода напоминала, скорее, 20 апреля дома, и воздух был удивительно теплым и мягким, а океан совершенно спокойным. Это не соответствовало тем «пронзительным шестидесятым», о которых он слышал. Их так называли, потому что на шестидесятих градусах широты земля была опоясана только океаном — ветра беспрепятственно огибали земной шар, волнуя огромные моря, окружавшие планету, и без суши, которая могла бы остановить их ход, волны все больше и больше нарастали.

Но, так или иначе, это было поразительное зрелище. Океан был зеркалом, отражавшим величественные айсберги причудливых форм, дрейфующие к северу от ледников Антарктиды, отколовшись от них во время весеннего сезона.

Желая сориентироваться, Гидеон некоторое время изучал карты из своей папки материалов дела. Местоположение судна лучше всего описывало выражение «у черта на куличиках». Оконечность Южной Америки находилась в шестистах пятидесяти милях к северо-западу, Антарктический полуостров — в двухстах пятидесяти милях к юго-западу, а ближайшая земля — остров Элефант — в сотне миль к западу. Кроме безбрежных водных просторов на карте было отмечено пятнышко скалы: покрытый льдом пик, возвышающийся над морем менее чем в ста милях от них и носящий название остров Кларенс.

Гидеон глубоко вдохнул свежий, чистый, соленый воздух, а затем почувствовал за спиной чье-то присутствие.

— Спокойный, как запруда у мельницы, — сказала Алекс Лиспенард, опираясь на поручень рядом с Гидеоном и глядя на море, покрытое айсбергами. Бриз ласково шевелил ее длинные каштановые волосы, а солнце красиво золотило ее профиль.

Гидеон глубоко вздохнул.

— Мне сказали, что здесь суровые места.

— В свое время суровости будет вдоволь. Не волнуйся, ты все увидишь, — улыбнулась она.

Корабль теперь почти остановился, и Гидеон чувствовал слабую вибрацию палубы, пока двигатели выполняли маневр подруливания.

— Чувствуешь это? — спросила Алекс. — Это динамическая система позиционирования. Мы прибыли. С этого момента корабль будет находиться в устойчивом положении, прямо здесь, в этой точке, независимо от течений и ветров. Ты будешь чувствовать, как азимутный двигатель будет время от времени то запускаться, то отключаться.

Гидеон кивнул. Вглядевшись в холодную сине-черную воду, он ощутил, как дрожь проходит через все его тело. Он подумал о том, что лежало сейчас под его ногами, подумал о

том, что он собирается спуститься туда, на глубину почти в две мили, и это наполнило его страхом.

— Да, — сказала Алекс, как будто прочла его мысли, — я думаю, оно сейчас прямо под нами.

— Не совсем, — возразил Гидеон. — Мы от него примерно в полумиле — из соображений безопасности.

Информацию об этом он нашел в своем экземпляре материалов дела. К тому же он несколько раз обедал за столиком капитана, где довольно часто сидели Глинн и Гарза, которые говорили о проекте и волей-неволей снабдили Гидеона ценными сведениями. Однако он все еще чувствовал себя неосведомленным, и это нешуточно раздражало его. Он взглянул на часы.

— Кажется, нам пора на совещание. Пойдем? — спросил он.

— Конечно.

Он чувствовал, как ее тело двигалось рядом с ним, когда они спускались по трапу в Центр управления миссией, где располагался электронный мозг корабля.

Они пришли не первыми: Глинн уже сидел за столом для брифингов, находившимся на небольшом возвышении, и просматривал ворох бумаг. По мере продвижения на юг он продолжал исцеляться, словно по волшебству — изо дня в день — прямо на глазах Гидеона. Канула в прошлое некогда искалеченная фигура в инвалидном кресле — теперь руководителю ЭИР не требовалась даже трость, чтобы ходить.

Глинн жестом указал Гидеону присоединиться к нему за столом. Неохотно отстранившись от Алекс, он подчинился.

— Чему могу быть полезен? — спросил он, приблизившись.

— При проведении этого брифинга мне может понадобиться помощь главного бездельника ЭИР, — ответил Глинн.

— С чего бы вдруг? — возмутился Гидеон. Но единственным ответом директора стала холодная улыбка.

Гостиная зона в центре комнаты начала заполняться членами командного состава экипажа судна и научным персоналом. Гидеон в который раз окинул взглядом помещение и вновь нашел его впечатляющим: оно имело овальную форму и было доверху наштаповано технологическими новшествами. Стены его были увешаны гигантскими ЖК-экранами, большинство из которых сейчас не горели. Эти экраны при необходимости могли транслировать видео с множества подводных камер, глубоководных батискафов и ТНПА [\[14\]](#), а также изображения со спутника, бортового радиолокатора и гидролокатора, GPS и картплоттеров. Здесь же стояли ряды рабочих компьютеров и большие широкие консоли, увенчанные циферблатами, кнопками, клавиатурами и маленькими ЖК-дисплеями, а также многим другим, что Гидеон с трудом мог идентифицировать. Центр управления миссией выглядел так, как будто сошел сюда из научно-фантастического фильма.

Настал час совещания, и бормочущая группа собравшихся погрузилась в тишину. Гидеон узнал большинство лиц: капитан Талли — такой же невыразительный, уважаемый и действующий по букве устава, как и в первый миг их знакомства — сидел в первом ряду в безупречно выглаженной форме, а рядом с ним примостилась старший офицер Леннарт. Гидеону она очень нравилась, потому что внешне напоминала ему скандинавскую богиню. Как человек, эта высокая блондинка была личностью открытой и простой, и пошлые шутки на службе, казалось, нисколько ее не смущали — наоборот, она и сама обладала

неиссякаемым их запасом. У нее был низкий, резонирующий смех, который по-настоящему можно было назвать заразительным и подрывным, и который с потрохами выдавал в ней «плохую девчонку». В то же время у нее была вторая, скрытая личность, на манер Джекила-и-Хайда, становящаяся строго профессиональной во время дежурства и проецирующая почти сверхъестественный уровень компетентности.

Прямо за капитаном и старшим офицером сидел главный инженер корабля Монктон и начальник службы безопасности Эдуардо Беттанс.

И там, расположившись за спинами россыпи ученых и техников, сидел Протеро. Гидеон уже забыл имя Протеро, потому что никто не использовал его, особенно сам Протеро. Мужчина, чье лицо было частично скрыто непослушной копной черных вьющихся волос, развалился на стуле, одетый в типичную для него выцветшую футболку и джинсы, ноги в кедах он бесцеремонно закинул на впереди стоящий стул. Рядом с ним сидела высокая женщина, черты лица которой выдавали азиатское происхождение. Бледное, луновидное лицо Протеро с выступающим подбородком, увенчанное глупой жидкой бородкой, казалось, плавало в тусклом свете оборудования, его большие глаза и губы заметно поблескивали. Гидеон обнаружил, что во всех отношениях Протеро был весьма неприятной и отталкивающей личностью. Обычно его привлекали нонконформисты, но Протеро встретил его дружеские увертюры жалобами на свою каюту, нехватку вычислительной мощности корабля, паршивую скорость спутникового Интернет-соединения и множеством других претензий — как будто Гидеон лично был за все это в ответе. Протеро числился специалистом по эхолоту экспедиции, и как утверждали, обладал самой большой коллекцией записанных разговоров китообразных и их «песен». По слухам, он даже расшифровывал язык этих прекрасных животных. Однако в разговорах он никогда никому об этом не говорил — по крайней мере, Гидеон об этом от него не слышал.

Глинн прочистил горло.

— Здравствуйте, — сказал он прохладным голосом. — Дамы и господа, мы достигли целевой зоны. Позвольте поприветствовать всех вас за границей льдов.

Он прервался для аплодисментов.

— Если быть точным, мы стоим на смещающейся границе дрейфующих льдов, окружающих Антарктический континент, на краю моря Скота, примерно в двухстах пятидесяти милях к северо-востоку от Антарктического полуострова. Место крушения «Ролваага» и целевой объект находятся под нами на глубине примерно тридцать пять сотен метров, в районе морского дна, называемого «впадина Гесперид». Наши координаты 61°32'14" южной широты, 59°30'10" западной долготы.

Никто не делал заметки, все эти данные имелись в их персональных материалах дела.

— По мере наступления антарктической весны мы станем свидетелями того, что все большее число айсбергов начнет мигрировать в более теплые воды. Уверяю вас, зрелище это будет потрясающее. Отдельно хочу отметить, что эти плавающие льдины ничем нам не угрожают. Но если опасность и возникнет, то она будет весьма и весьма незначительна, мы легко сможем с нею справиться. Настоящая опасность здесь — это погода. Мы находимся в «пронзительных шестидесятих», и хотя сейчас весна, вероятно, нам все же придется испытать на своей шкуре силу ветра и шторма.

Он медленно прошелся по возвышенности, и затем снова повернулся к аудитории.

— Цели нашей миссии просты. Мы изучим эту чужеродную форму жизни с единственной целью — определить, вычислить ее уязвимости, которые помогут нам с нею

справиться, — он прервался, позволив последней фразе повиснуть в воздухе. — Мы здесь не для того, чтобы удовлетворить свое личное любопытство, добиться каких-то научных достижений или расширить горизонт наших знаний. Мы здесь для того, чтобы ее уничтожить.

Еще одна драматическая пауза.

— Наша первоочередная задача на ближайшие дни — это обнаружение и восстановление двух черных ящиков «Ролваага», содержащих жизненно важные сведения о затоплении корабля, а также видеозаписи метеорита в трюме и действий экипажа на мостике и в других помещениях в последние минуты существования корабля. К тому же, нам предстоит составить карту и обследовать место крушения... и непосредственно сам объект.

Краем глаза Гидеон увидел, что Протеро сменил положение в кресле, закинул одну ногу на другую и подпер голову рукой.

— Дело в том, что с момента прибытия сюда мы уже лицом к лицу столкнулись с загадкой, — Глинн чуть посторонился, и за ним включился ЖК-экран, транслирующий псевдоцветное изображение. — Вот сонарное изображение обломков судна «Ролвааг», которые мы только что просканировали с разрешением в двадцать пять метров. Изображение нечеткое, но вы можете видеть, что корабль развалился на две части, которые покоятся на морском дне примерно в пятидесяти ярдах друг от друга. Завтра один из наших батискафов совершит к ним первичное погружение.

Глинн переступил с ноги на ногу.

— Сейчас вы увидите еще один сонарный вид области, на этот раз в двухстах ярдах к югу.

На ЖК-дисплее появилось другое изображение — нечеткое расплывчатое, почти туманное завихрение цветов.

— Это сонарное изображение инородной формы жизни, которая, как мы полагаем, выросла из так называемого метеоритного семени, опустившегося на морское дно.

Тишина.

— Но там ничего нет, — бросил техник.

— *Это*, — сказал Глинн, — и есть проблема. Там *совсем* ничего нет. Даже морское дно не отображается. Сигнал сонара просто исчезает, как будто его поглощает черная дыра, а то незначительное отражение, что мы получаем, стохастическое и постоянно меняющееся.

— Может, что-то не так с системой гидролокатора? — спросил техник.

Протеро резко сел прямо и его пронзительный, громкий голос разнесся по всей комнате:

— Нет, *точно нет*, как я уже неоднократно говорил, я его проверил и перепроверил.

— Ну, — вступила в беседу Алекс, — мне кажется, что наиболее вероятным объяснением является неисправность оборудования.

— Но-но-но, в оборудовании *нет* неисправности, — последовал ответ. — Все работает отлично. Я уже устал от подобных обвинений.

— Есть идеи, почему это происходит? — вежливо спросила Алекс.

Слушая эту перепалку, Гидеон почувствовал, что его неприязнь к Протеро начинает зашкаливать.

— Откуда мне об этом знать? Может быть, там гейзер, извергающий в воду облака взвешенных частиц, например, глину. Возможно, там небольшой действующий подводный вулкан. Я устал от этих вопросов.

Гидеон не смог промолчать:

— Не нужно нервничать по пустякам, Протеро. Алекс задает вполне обоснованные вопросы.

Протеро громко рассмеялся.

— О, рыцарь в сияющих доспехах явился, чтобы спасти девицу, попавшую в беду.

Гидеон, почувствовав, как кровь приливает к лицу, уже открыл рот, чтобы ответить, как вдруг поднялся Мануэль Гарза.

— Никто никого не обвиняет, — отчеканил он. — У нас просто есть загадка, которую наверняка решит наша завтрашняя разведывательная вылазка. Поэтому давайте закроем эту тему и продолжим цивилизованный разговор.

Протеро громко фыркнул и снова вольготно развалился на стуле.

— Что касается завтрашней вылазки, — подхватил Глинн, — мы проведем ее в соответствии с весьма простым планом. Туда спустится только один глубоководный аппарат. Он сфотографирует целевой объект, а также сделает быстрое фотографическое и сонарное обследование места крушения, чтобы мы лучше представляли его положение на морском дне. Извлечение черных ящиков будет иметь решающее значение, — он сделал паузу. — И мы сделаем это завтра. Нам понадобился месяц, чтобы добраться сюда, и нет смысла тратить время зря. Алекс Лиспенард, как куратор ГОА, возглавит миссию. Вопросы?

Таковых не нашлось.

— Это все. Совещание окончено. Большое спасибо.

Когда комната начала пустеть, Глинн коснулся руки Гидеона, давая понять, что он должен остаться. Когда все ушли, в том числе и Гарза, он чуть наклонился к нему.

— Не обращай на Протеро внимания.

Гидеон почувствовал всплеск раздражения.

— Он не имел права так нападать на Алекс. Он придурок, и я бы вбил это в его лохматую голову.

— И точно опозорился бы. Ты никогда не победишь в споре с ним. Его IQ на сорок процентов выше твоего.

Гидеон рассмеялся.

— В самом деле? Ты помнишь наизусть все наши IQ?

— Само собой. Теперь о разведывательной вылазке. Как я уже сказал, Алекс возглавит эту миссию. И, конечно, она захочет исполнить ее сама. Твоя задача — убедить ее позволить это сделать тебе. Если ты все же не сможешь ее уговорить, так сказать в качестве крайней меры, я переговорю с ней сам и прикажу, чтобы именно ты совершил погружение.

— Я? Я же ни черта не знаю, как управлять этими аппаратами в реальных условиях! Это слишком важное погружение для моего первого раза, тебе так не кажется?

— Этими аппаратами сможет управлять и ребенок. Но основная причина, почему я хочу отправить туда именно тебя: потому, что чувствую, что эта разведка намного опаснее, чем многие предполагают. Мы действуем вслепую, и можем только догадываться, что там внизу. Почему мы не можем увидеть этого пришельца на гидролокаторе? Меня этот факт весьма тревожит.

— Значит, ты хочешь сказать, что я расходный материал? Я думал, что мои знания о ядерном оружии для вас бесценны.

— Ты не расходный материал, и твои знания действительно нам нужны. Я никогда не думал, что скажу это, но ты... *везунчик*. Ты всегда выходишь сухим из воды. Вспомни сам, из

скольких опасных ситуаций ты выбирался практически без царапин.

— И это несмотря на мой низкий IQ?

— Возможно, именно из-за него, — сухо сказал Глинн.

— Как обнадеживающе это звучит.

— Слушай меня внимательно, Гидеон. Я хочу, чтобы ты увидел, как обстоит дело, своими глазами. Ты сказал, что тебе нужно удостовериться, что то, что там засело, действительно опасно, прежде чем ты согласишься действовать — и это твой шанс. Кроме того, чем больше ты узнаешь о том, с чем мы имеем дело, чем лучше поймешь его, тем более полезным это знание окажется тогда, когда придет время построить и заложить бомбу, которая его уничтожит.

И на этом он кивнул, давая понять, что разговор окончен.

Спуск должен был занять минут сорок — и это в том случае, если все пройдет гладко. Гидеон, заключенный в глубоководный аппарат под названием «Ринго», боролся с нарастающим чувством беспокойства и клаустрофобией, в то время как батискаф опустили в воду.

У него с Алекс разгорелся достаточно серьезный спор, когда он попросил ее уступить ему место и отправить в разведку его вместо себя. Ничего не помогало: ни лесть, ни уговоры, ни требования — девушка раз за разом говорила ему катиться ко всем чертям. И все же, в конце концов, ему даже не пришлось идти к Глинну — она сама к нему отправилась, и руководитель ЭИР охотно поддержал просьбу Гидеона. Весь инцидент вверх Алекс в дикую ярость, которая и не думала утихать, и это причиняло Гидеону боль, которая лишь усиливалась его истинным нежеланием служить добровольной подопытной морской свинкой.

Из иллюминатора переднего обзора открывался прекрасный вид на поверхность океана, чуть покрытую рябью из-за ветра, но в остальном вполне спокойную. Гидеон почувствовал слабую дрожь аппарата, когда тот коснулся воды. Быстро, буквально через несколько мгновений, батискаф оказался под водой, и вокруг иллюминаторов затанцевали сверкающие пузырьки, сквозь которые новоявленный Кусто увидел бесконечные, освещенные солнцем глубины.

Он глубоко вздохнул и попытался отвлечься от того факта, что спускается в черную бездну глубиной почти в две мили.

— «Ринго», ты меня слышишь?

— Громко и ясно.

Связным Гидеона на корабле вызвался стать Гарза, который — хотя и не был самым приятным человеком — являлся одним из самых компетентных. И за это Гидеон был благодарен.

— Мы собираемся погрузить тебя на глубину двадцать футов и провести стандартный список морских контрольных проверок. Ты готов?

— Да. Пока все идет нормально.

Пока глубоководный аппарат висел в воде, все еще удерживаемый кабелями, Гарза пробежал контрольный список. Гидеону было сказано щелкнуть то тем, то этим переключателем, считать показания верхнего циферблата, включить тумблер насоса и через мгновение выключить его, прежде чем Гарза убедился, что все системы работают исправно. Наконец, после еще нескольких манипуляций куратор ему скомандовал:

— «Ринго», будь готов к погружению через одну минуту.

Порядок действий при погружении, который Гидеон уяснил из инструктажа на палубе, состоял из следующих шагов: сперва глубоководный аппарат опускали в воду, после чего он сам постепенно достигал дна, увлекаемый весом своего железного балласта. Внизу балласт надлежало сбросить, что обеспечивало нейтральную плавучесть ГОА. Поскольку акустическая и электромагнитная связь между аппаратом и судном на глубине двух миль была невозможна, во время первого погружения «Ринго» должен был оставаться на связи с Центром управления миссией посредством проводного кабеля, который разматывался по

мере погружения аппарата. Если кабель вдруг порвется — по-видимому, это было обычным явлением — автопилот автоматически захватит и вернет «Ринго» на поверхность. Помимо связи кабель также был способен передавать в Центр управления миссией все действия ГОА, видео и данные сонара, так что, если что-то пойдет не так, диспетчеры узнают об этом в режиме реального времени.

— Отсоединение через десять секунд.

Гидеон слушал, как в наушниках голос Гарзы ведет обратный отсчет. Затем он услышал приглушенный щелчок и почувствовал, что начинает тонуть. В обзорных иллюминаторах он видел, как небольшие частицы взвеси стали дрейфовать вверх с неуклонно растущей скоростью. Окружающее море стало темнеть: светло-голубой цвет сменился на синий, а затем и на насыщенный индиго.

— Все системы в норме, — произносил нейтральный, обнадеживающий голос Гарзы каждые две минуты.

Теперь обзорные иллюминаторы представляли собой черные дыры без единого проблеска света. Время от времени что-то — чаще всего это были небольшие плотные скопления твердых частиц — вспыхивало в прожекторах аппарата, двигаясь вверх, в то время как транспортное средство продолжало целенаправленно тонуть.

— Сделай глубокий вдох, Гидеон. Твои жизненные показатели зашкаливают.

Узник батискафа вдруг осознал, что дышит быстро и неглубоко, и что сердце готово выпрыгнуть из груди. Разумеется, они контролировали его жизненные показатели, и он знал, что эта зарождающаяся паника выглядит не очень хорошо. Гидеон постарался взять себя в руки и использовал несколько известных ему приемов, чтобы отрегулировать дыхание и успокоиться, попутно убеждая себя, что эта вылазка гораздо менее опасна, чем пересечение Седьмой авеню в час пик.

— Вот так, сейчас намного лучше, — сказал Гарза.

Гидеон сверился с часами: *Господи, прошло всего семь минут. Впереди еще тридцать три.* На одном из экранов непрерывной лентой показалось сонарное изображение морского дна, и он сосредоточился на нем, чтобы отвлечься. Изображение постепенно становилось яснее и обростало деталями. На нем стали проступать два более ярких пятна, представляющие собой две части «Ролваага», лежащие на морском дне. К западу от затонувшего корабля он увидел странное, постоянно колеблющееся, пиксельное облако сонарного отражения, которое скрывало место, где приземлился метеорит.

Двадцать минут. Гидеон огляделся и проверил системы управления, а затем бросил взгляд на глубиномер, постоянно отсчитывающий глубину его погружения. Две тысячи метров, две тысячи десять, две тысячи двадцать...

Сонарный вид обломков постепенно обретал четкость. А вот облако на западе становилось, если вообще такое возможно, все более и более размытым.

Тридцать минут. Он был почти на месте.

— Далее медленный спуск: пятьдесят метров в минуту, — информировал Гарза.

Гидеон почувствовал перемену. Или, возможно, это было только его воображение? Теперь на экране сонара он мог видеть «Ролвааг» вплоть до мельчайших деталей. Танкер лежал на морском дне, разорванный пополам, с разбросанными вокруг него обломками, занимавшими целое поле. Обе части корабля — каждая из которых невероятно огромная — лежали на боку под углом примерно сто двадцать градусов к друг другу. Кроме этого, во всех направлениях вплоть до границ зоны охвата радара простиралось морское дно — за

исключением площади около ста метров в диаметре в том месте, где по расчетам приземлился метеорит. Это слепое пятно представляло собой размытое смещающееся облако пикселей — этакое неопределенное отражение сонара.

Область крушения увеличивалась до тех пор, пока не заполнила собой весь экран и все еще продолжала расти. Гидеон видел, что батискаф нацелился на точку на морском дне, примерно, в пятидесяти метрах от кормы корабля.

— Замедление спуска до двадцати метров в минуту, — сообщил Гарза. — Гидеон, дальность прожекторов «Ринго» до ста метров. В любой момент ты можешь увидеть «Ролвааг» вживую в иллюминатор.

— Понял тебя, — Гидеон не сводил глаз с обзорного окна.

— Автопилот сам опустит тебя на морское дно, — продолжил Гарза. — Там аппарат автоматически продует балластные цистерны, чтобы достичь нейтральной плавучести, а затем автопилот поднимет тебя метров на десять. Надеюсь, что все эти манипуляции не всколыхнут слишком большое количество ила, но если это все же произойдет, ты поймаешь течение у корабля и будешь стоять на месте, пока ил не осядет.

— Понятно.

Если говорить серьезно, то до сих пор Гидеон палец о палец не ударил. Вся его деятельность сводилась к простому наблюдению: он смотрел либо на мониторы, либо в иллюминатор. Вот и сейчас, уставившись в обзорное окно, он наконец-то смог увидеть детали приближающегося дна, неясного и блеклого в свете огней аппарата. Это была гладкая илистая поверхность с несколькими рассеянными тут и там рельефными впадинами и обломками нераспознаваемого мусора. Само место крушения по-прежнему оставалось вне поля зрения.

Аппарат настолько медленно опустился, что у Гидеона создалось впечатление, как будто дно само приподнялось к нему на встречу. Потрясенная грязь заслонила окно нижнего обзора, и он стал смотреть в боковые иллюминаторы. С первого же взгляда брошенного вправо, он понял, что видит тусклые очертания кормы «Ролваага», с двумя гигантскими, искореженными винтами, прикрепленными к тому, что когда-то, видимо, было грузовым отсеком. Смятый корпус, словно консервным ножом разорванный по заклепочным швам, уходил в черноту. От созерцания этого впечатляющего зрелища Гидеона отвлек голос Гарзы, пришедший по телекоммуникационному кабелю:

— Готов к продувке цистерн?

— Да, готов.

Далее новоявленный Немо почувствовал серию толчков и увидел взлетевшее облако ила, закрывшее ему весь обзор. Аппарат немного поднялся и снова стал неподвижным. Обзорные окна оставались полностью закрытыми взвесью ила, которая экранировала свет прожекторов назад в батискаф, создавая внутри сферы яркое освещение.

— Мы ждем, пока облако ила унесет течением, — вещал Гарза.

В течение двух минут видимость снова вернулась в норму. Батискаф висел, как и обещал Гарза, примерно в тридцати футах над дном. Теперь Гидеон намного лучше видел «Ролвааг», хотя его контуры все еще оставались нечеткими, пребывая на границе проникновения света прожектора. Как это ни странно, поблизости не наблюдалось никаких признаков глубоководной жизни — ни рыб, ни других морских существ, ни донных падальщиков — ничто на дне океана не охраняло разбросанные куски и обломки судна.

— «Ринго», аппарат твой. Начинай разведку.

— Принято.

План действий Гидеона был очень четким: проплыть по всей длине затонувшего корабля на расстоянии в двадцать метров, от кормы до носа, а затем сделать второй, боковой проход. Батискаф был запрограммирован так, чтобы выполнить полную фотографическую, гидролокационную и магнитную съемку. Все, что Гидеону нужно было сделать, это ненавязчиво направлять его, избегая всяких препятствий — не то чтобы это имело решающее значение, автопилот «Ринго» и так их избегал. Затем, на втором этапе разведки, ему надлежало подобраться к местоположению метеорита и посмотреть, что за облако мешает сонару — было ли это облако ила, донный гейзер или что-то иное.

Осторожно передвинув джойстик, Гидеон повернул аппарат так, чтобы тот смотрел прямо на корму корабля, а затем направил его вперед. Батискаф беспрекословно слушался управления, двигаясь плавно и медленно. Оценив ситуацию, он еще немного приподнял мини-субмарину над морским дном. Постепенно корма обрела более резкие очертания, каждый из двух гигантских винтов был больше, чем весь его глубоководный аппарат. Гидеон еще увеличил подъем, и ГОА откликнулся с небольшой задержкой, к которой он уже привык. По мере продвижения он продолжал производить необходимые корректировки, сохраняя путь стабильным и ровным.

— Твоя первая цель — стартовая точка, — сказал Гарза.

Картплоттер на главном мониторе отображал эту точку на осях координат, потребовалось только небольшое нажатие, после чего аппарат достиг ее и остановился.

— Начинаю обследование.

Субмарина почти не нуждалась в каких-либо понуканиях Гидеона, ему нужно было лишь слегка наклонить джойстик, чтобы корабль проследовал по заданной линии обзора плавно и осторожно. Все эти действия были запрограммированы заранее, и Гидеон начал чувствовать, что его присутствие здесь фактически необязательно.

Преодолев пятьдесят футов над обломками крушения, он еще больше впечатлился его огромными масштабами. Ему говорили, что корабль был больше, чем Эмпайр-Стейт-билдинг, и теперь он убедился, что это так. Казалось, искореженный корпус длился и длился, без конца и без края, как призрак, скользя мимо него. Аппарат миновал судовые надстройки, а затем и мостик, опрокинутый на бок, частично разбитый и лежащий в виде обломков на морском дне огромными скомканными кучами, опутанными тросами и кабелями. Одно крыло мостика было целиком вырвано из корпуса и все его окна разбились.

Странно, — подумал Гидеон, — поблизости нет никаких признаков жизни: нет рыб, обычно снующих повсюду, нет ни одного рачка, нет даже водорослей. Место крушения и все его окрестности в целом казались мертвыми. Но это объяснялось, возможно, большой глубиной и отсутствием света...

Он добрался до места, где произошел разлом корпуса, огромные клепаные листы обшивки корабля разорвались на части, покореженные куски металла торчали наружу. Очевидно, взрыв, произошедший внутри трюма, растерзал все нутро корабля. В пространстве между двумя половинами корабля лежала огромная, гниющая и ржавеющая куча обломков, гигантская путаница из расщепленного бруса и металлических распорок, которые, по его мнению, и были остатками той самой «колыбели» метеорита.

Внезапно по его телу прошла дрожь: он увидел, что на морском дне, рядом с разрывом корпуса, лежал предмет продолговатой формы, который — при более близком рассмотрении — оказался человеческим трупом. Ему не хватало головы и обеих рук. И когда Гидеон

продолжил медленно сканировать проплывающий мимо него вид, он увидел еще одну распластанную фигуру, которая тоже оказалась телом. Оно было не только безголовым и безруким, но еще и безногим. Видимо, конечности оторвало сильным взрывом, который и затопил «Ролвааг».

Господи.

— Я вижу человеческие останки, — сказал он и в ответ на это получил спокойный голос Гарзы:

— Мы тоже их видим. Это ожидаемо. Продолжай.

— Принято.

Гидеон сглотнул. Почему он не подумал об этом раньше? И почему они не упомянули об этом на брифинге? Кроме увечий, нанесенных взрывом, оба трупа выглядели удивительно хорошо сохранившимися, причиной чему, по его мнению, была большая глубина.

Наконец он увидел, что впереди него замаячил смятый нос корабля.

— Приближаемся ко второй контрольной точке, — сообщил Гарза.

Как только аппарат обогнул нос, вода снова резко почернела, а морское дно оказалось слишком далеко, чтобы прожектора могли до него добраться.

— Ты на второй отметке пути.

Как и на стартовой точке, аппарат снова плавно завис.

— Мы собираемся сделать второй проход, — сказал Гарза, — возьми севернее, чуть отойди от палубы корабля и опустись ниже. Направляйся к третьей отметке.

Гидеон знал, что на этом этапе его разведки субмарина будет находиться близко к морскому дну, сканируя крушение в поперечном разрезе, поэтому он послушно выполнил маневр к требуемой отметке и начал сканирование.

Это оказалось более драматичным зрелищем — двигаться всего в тридцати футах над морским дном и наблюдать обломки крушения со стороны. Поскольку обе части корабля лежали на боку, Гидеон теперь смотрел прямо на палубу, которая слегка деформировалась из-за удара о морское дно.

— Что это? — вдруг спросил он. Прищурившись, он смог разглядеть тонкий кабель, лежащий на морском дне и уходящий в темноту.

— Мы тоже его видим, — сказал Гарза. — Хорошо, тормози. Сойди с запрограммированного пути и подойди к нему.

Гидеон постепенно замедлил аппарат, пока тот не остановился примерно в десяти футах над странным проводом, и стал изучать его в обзорное окно.

— Может это трос или кабель корабля? — спросил он.

— Нет, — ответил Гарза. — Слишком длинный. Подойди к нему еще ближе, пожалуйста.

Гидеон сдвинул джойстик, и аппарат завис в пяти футах над тросом. Он был гладким, безликим, не толще карандаша и того же серого цвета, что и морской грунт. Теперь, когда Гидеон висел так близко над дном, он различил и другие, похожие тросы, лежащие на морском дне, причем некоторые из них были полностью или частично захоронены в ил, но все как один уходило в темноту в неизвестном направлении.

— Ты заметил, что все они ведут в сторону метеорита? — спросил Гидеон. — Я хотел бы проследить за ними.

Кратковременное молчание.

— Мы не советуем тебе этого делать, — сказал Гарза. — Вернитесь к осмотру, мы

изучим их позже.

— Мой осмотр «Ролваага» завершен. Так как мне все равно по пути, я бы очень хотел это сделать.

Снова молчание. Без сомнения, там, наверху, они совещались, отключив микрофон связи.

— Ладно, так и быть, — вернулся Гарза. — Иди, но медленно, и не входи — повторяю — *ни в коем случае не входи* ни в какое облако ила, если оно имеется, и не приближайся ни к каким действующим гейзерам. Держись подальше от всего, что выглядит необычно или неестественно.

— Принято.

Гидеон повернул «Ринго» и направился вдоль узких змееподобных тросов, лежащих на морском дне. По какой-то причине от них его бросало в дрожь.

И затем, в иллюминаторе фронтального обзора, Гидеон увидел, что прямо перед ним массивные, неясные, надвигающиеся очертания начинают обретать невероятную форму.

— Вы видите это?.. — выдохнул ошеломленный Гидеон.

— Да, — отозвался Гарза сдержанным тоном. — И сонар теряет тебя в облаке.

— Но вода совершенно чистая.

— Мы видим то же, что и ты.

Гидеон инстинктивно замедлил аппарат до черепашьей скорости. Экран его сонара отображал лишь статические помехи. Тем не менее, передние прожекторы подводного аппарата исправно выполняли свою функцию и хорошо осветили всю фронтальную область, простиравшуюся перед ним.

— *Боже мой,* — пробормотал Гидеон.

Из темноты выступило гигантское, древоподобное *нечто*: гротескное, ветвистое образование, произрастающее из морского дна и обтянутое неровным, напоминающим кору покрытием. Оно настолько возвышалось над батискафом, что его верхушка терялась в темноте, вне диапазона дальности его огней. А оно уходило все выше и выше.

— Стой! Дальше ни шагу! — скомандовал Гарза, но Гидеон и так уже остановил аппарат.

Стояла гробовая тишина, и Гидеон все никак не мог оторвать взгляд от ошеломляющего зрелища. Провисающие пучки тросов, вдоль которых он следовал, вились по морскому дну, пока не достигали огромного образования, где объединялись и группировались в его нижнюю часть, создавая тем самым некое подобие корневой системы. Гидеон увидел огромное количество других подобных придатков, сходящихся со всех сторон и вливающих в основание структуры.

— Срань господня, — пробормотал Гидеон.

Гарза снова заговорил, и его голос звучал нехарактерно напряженно:

— Время возвращаться на поверхность.

— Я подойду ближе, — пробормотал Гидеон и сдвинул джойстик вперед.

— Нет, не подойдешь, — и на экране управления аппаратом появилось сообщение: «УПРАВЛЕНИЕ ПЕРЕДАНО НА ПОВЕРХНОСТЬ».

Субмарина перестала отвечать на движения джойстика. Гидеон слышал лязг, когда был сброшен железный балласт, и подводный аппарат начал всплывать.

— Эй!

— Извини, — сказал Гарза. — Мы тебя поднимаем.

Но Гидеон уже забыл, что хотел сказать. По мере подъема субмарины стали видны необъятные размеры чужеродной структуры. Батискаф всплывал под углом, постепенно удаляясь от дерева, и как только его центральный ствол стал делиться на то, что выглядело, как скопления ветвей, оно исчезло во мраке, скрывшись за диапазоном видимости огней аппарата.

— Тридцать девять минут до поверхности, — раздался жесткий голос Гарзы.

Когда чернота вновь окутала все обзорные иллюминаторы аппарата, Гидеон мог только представить, какой ужас сейчас охватил весь Центр управления миссией.

Глинн назначил совещание на час дня, едва дав Гидеону достаточно времени, чтобы прийти в себя, сменить потную одежду и принять душ. Когда он прибыл в Центр управления миссией, тот был уже забит под завязку. Казалось, что все, кто был на борту корабля, собрались там — каждый стул был занят, правда, у задней стены осталось еще несколько стоячих мест.

Гарза сидел за столом на возвышении рядом с Глинном. Как только Гидеон вошел, директор ЭИР поманил его, жестом давая понять, чтобы он к ним присоединился.

К его удивлению, разразившиеся аплодисменты, приветствовавшие его проход на сцену, исходили от всех и каждого присутствующего. Он быстро сел, смутившись сим выражением одобрения.

Не теряя времени, Глинн постучал по беспроводному микрофону, призывая к вниманию, и заговорил:

— Собрание объявляется открытым, — при звуке его спокойного, нейтрального голоса помещение окутала мгновенная тишина. — Большинство из вас уже слышало об утреннем разведывательном погружении доктора Кру. Я хочу — и я думаю, что могу говорить от лица всех — поздравить его с успешным завершением миссии.

Еще один всплеск аплодисментов. Гидеон заметил Лиспенард, сидевшую в первом ряду. Он ожидал прочесть гнев и осуждение на ее лице, вместо этого увидел выражение, которое так и не смог расшифровать.

— Цель этого совещания, — продолжал Глинн, — провести обзор кадров и данных, полученных во время этой разведки, а затем предлагаю поделиться соображениями, произвести анализ и подискутировать. В конце мы составим список дальнейших действий.

Он кивнул технику корабля, и на стене ожил главный экран. Собравшаяся компания молча смотрела, как проигрывается отредактированная версия видео разведки Гидеона, включая диалог с поверхностью. В конце ролика появилась серия увеличенных кадров исполина, которого он обнаружил, и щупальцев, исходивших от него.

— Теперь, — сказал Глинн, когда кадры закончились, — я поделюсь с вами еще несколькими дополнительными снимками. Первые — сонарное сканирование организма, проведенное во время погружения.

За этим последовала серия изображений, похожих на облако, наблюдаемое и раньше — постоянно колеблющиеся пиксели сонарного шума.

— А вот несколько сонарных данных полученных непосредственно от самого существа. Выяснилось, что этот организм сам работает как гидролокатор — другими словами, он генерирует низкий непрерывный шум в диапазоне двух герц, намного ниже диапазона человеческого слуха. Вот компьютерные изображения его сонарных полей.

На снимках появился жуткий светящийся размытый контур громадины с проволочными корнями, опоясывающими всю прилегающую область.

Глинн продемонстрировал еще несколько дополнительных изображений в различных режимах съемки, а затем сделал паузу, окинув взглядом комнату.

— Ну что ж. Я собираюсь дать слово каждому, у кого есть, что сказать, или у кого есть какие-либо вопросы, которые нужно задать. Это свободное обсуждение продолжится

полчаса, так что будьте лаконичны.

Поднялся лес рук. Глинн указал на задний ряд.

— Протеро?

Почему, — подумал Гидеон, — он начал именно с него? Вероятно, он способен задать тон всему обсуждению.

Протеро поднялся.

— После всего увиденного, мне теперь понятно, как обстоят дела с гидролокатором, — он огляделся. — Между прочим, как вы можете убедиться, с оборудованием все в порядке. Так вот, у этого Баобаба есть покрытие, похожее на кору. Вы все его видели. Я увеличил и внимательно изучил его, сразу же установив, что оно обладает замечательным математическим свойством: оно почти полностью рассеивает сонар. Другими словами, у нас невидимый для сонара Баобаб. И я также могу объяснить вам почему.

Он прервался, снова оглядев присутствующих с неким вызовом, словно ожидая, что кто-то осмелится с ним не согласиться.

— Пожалуйста, расскажите поподробнее, — ободряюще подтолкнул его Глинн.

— Баобаб растет в глубокой соленой воде при полном отсутствии света. Это, очевидно, его естественная среда. Сонар — это единственный способ «видеть» в такой среде, и поэтому, чтобы избегать хищников, он стал для них невидимым. Очевидно, что его родная планета была глубоководным миром, возможно, океаном, покрытым милями льда, как Европа или Каллисто. Это также объясняет звук в два герца, который он производит, — таким образом он как бы пингует свое окружение.

Оратор резко сел. Гидеон оказался поражен, действительно шокирован, его четко выверенной логикой анализа.

Наблюдения Протеро были встречены всплеском бормотания, заполонившим всю комнату.

— Спасибо, — сказал Глинн через мгновение. Когда комната снова затихла, Алекс Лиспенард подняла руку.

— Алекс?

— Меня поразило две вещи. Во-первых, полное отсутствие морской жизни. В бентической зоне вы и так обычно не увидите много представителей фауны, но *эта* область оказалась полностью мертва.

— Какую морскую жизнь обычно можно здесь найти? — спросил Глинн.

— Несколько ракообразных падальщиков, типа крабов и им подобных, которые питаются тушами, спускающимися с верхних слоев. Также можно увидеть детритофагов, которые питаются гниющими животными и растениями, а также пожирают фекалии, падающие сверху. На самом же морском дне будет непременно присутствовать эпифауна и инфауна. Но в той области я не заметила никаких признаков присутствия ни того, ни другого.

— Есть предположения, почему их там нет?

— На суше есть явление, называемое аллелопатией^[15]. Некоторые деревья и растения уменьшают конкуренцию вокруг себя, выделяя в почву химические вещества, которые вредят другим растениям, а также останавливают прорастание их семян. Думаю, здесь мы наблюдаем нечто подобное.

— Что еще вас поразило?

— Человеческие трупы. Кроме повреждений, которые — как я предполагаю — были

нанесены изначальным взрывом, у них почти нет признаков разложения, которые бы я заметила.

— Есть соображения, почему так получилось? — поинтересовался Глинн.

— На такой глубине и при таком давлении органические остатки начинают распадаться сами по себе, даже если на них не начинают пировать микроорганизмы и падальщики. Я понятия не имею, почему здесь они так хорошо сохранились.

Это породило длительную дискуссию с множеством версий. Глинн справился с ней, а затем сменил тему и предоставил каждому возможность высказаться и задать вопросы. Когда полчаса истекли, он аккуратно свернул обсуждение.

— Я хотел бы закончить, отметив кое-что, что, несомненно, приходило в голову многим из вас, — он встал и медленно зашагал из стороны в сторону. — Доктор Протеро, кажется, назвал этот организм «Баобабом», и я одобряю это название. Баобаб в настоящее время находится в состоянии покоя. Он умолк, так сказать, после начального всплеска активности и гиперактивного роста после «прорастания». Честно признаться, я надеялся, что мы каким-то образом найдем его мертвым. Но эти изображения показывают, что он очень даже жив... и здоров. Создается впечатление, что в какой-то момент — рано или поздно — он даст «плоды» и семена. Мы уже знаем, как выглядят эти семена, потому что так называемый метеорит был одним из них — и мы его посадили. Это семя весило двадцать пять тысяч тонн, было практически неуязвимым и состояло из вещества, во много раз плотнее любого известного элемента на Земле. Очевидно, оно приспособлено к суровым межзвездным путешествиям. Это семя, предназначено для панспермии, но не обычной панспермии спорами, которую обычно изучают экзобиологи, а спорами, дрейфующими в космосе или содержащимися в метеоритах. Это панспермия Судного дня. Не побоюсь этого слова, *Терминатор* среди панспермии.

По аудитории пронесся нервный смешок.

— Это подводит нас к следующему вопросу: как только Баобаб произведет семена, *как они попадут в открытый космос?*

Он позволил этому вопросу повиснуть в воздухе.

— Подумайте об этом секунду. Каждое зерно весит двадцать пять тысяч тонн, и, судя по виду, им не удастся улететь с планеты. По логике вещей на них действуют гравитационные поля *любой* планеты, на которую они приземляются. И все же они каким-то образом *улетают*. Поэтому я спрашиваю снова: каков механизм рассеивания этих семян?

Очередное молчание.

— Я полагаю, что может быть только один способ разгона, *только один*, благодаря которому эти невероятно тяжелые семена могут оказаться в космическом пространстве и дрейфовать в поисках новых пригодных для жизни океанов, где они смогут прорасти и обитать. Без сомнения, вы и сами уже догадались, что это за способ.

Он опять прошелся из стороны в сторону, словно телевизионный проповедник, и снова обратился к аудитории.

— И раз вы это осознали, вы можете отдать себе отчет, какая судьба ждет Землю, и почему мы не имеем права потерпеть неудачу.

После того, как собрание завершилось, и когда Гидеон был уже готов уйти, к нему подошла Алекс Лиспенард.

— Гидеон? — он повернулся. — Послушай. Я хочу извиниться за то, что спорила с тобой ранее, устроила скандал, донесла на тебя Глинну.

— Забудь об этом, — сказал он. — Это я виноват. Ты заведешь субмаринами. Я просто почувствовал...

Она коснулась его руки.

— Не нужно объяснять. Теперь я понимаю. То, что ты сделал, спустившись туда в одиночку — причем, это было всего лишь твое второе погружение, — потребовало настоящего мужества. И на протяжении всей этой вылазки ты вел себя абсолютно хладнокровно, несмотря на незнакомую обстановку и шокирующие обстоятельства.

— Ну, как ты и сказала, аппаратом сможет управлять любой. И Гарза остановил меня прежде, чем я сделал нечто глупое.

— Когда я была в Центре управления миссией, и эта громадина появилась на экране, она меня настолько испугала, что на мгновение я чертовски обрадовалась, что там был ты, а не я.

— Это всего лишь дерево.

Она покачала головой.

— Я бы не стала делать поспешных выводов о том, что это такое. Боюсь ошибиться.

Гидеон никогда в жизни не видел столько звезд.

После обеда он ушел в свою каюту, чтобы расслабиться и побыть в одиночестве. Но события дня — тревожный спуск и не менее травматическое восхождение в батискафе, а затем пугающие заключения и гипотезы, последовавшие на брифинге — все это глубоко повлияло на него. Казалось, он не мог избавиться от ощущения погружения в тесном батискафе, не мог забыть Баобаб, напоминавший гору, вдоль бока которого он поднимался.

Сейчас даже его просторная каюта вызывала у него приступ клаустрофобии, поэтому, не в состоянии там более оставаться, он вышел на палубу, желая почувствовать бесконечное пространство неба над головой и поразмышлять.

Стоя у перил и находя успокоение в том, как легкий ветерок шевелил его волосы, он обратил свой взгляд на юг. Огни корабля обеспечивали достаточную видимость, позволяя разглядеть ближайшие айсберги, выступающие из черной воды, словно полуразрушенные замки со сломанными шпильями, устремленными в небо. Море казалось сплошным черным листом, в котором отражались звезды и надводные части айсбергов, что создавало ощущение какого-то сюрреалистического зеркала, показывающего темную изнанку верхнего мира.

— Ну, привет.

Он повернулся.

— Смотрю, тебе нравится ко мне подкрадываться.

— Это почти так же весело, как связывать между собой твои шнурки, — отозвалась Алекс. Она приблизилась к нему и тоже оперлась на перила. Их локти соприкоснулись, и она внимательно на него посмотрела. — Знаешь, я люблю это больше всего, — мечтательно заметила она. — Бывать здесь, посреди океана, как можно дальше от земли. Ты когда-нибудь видел что-нибудь столь же прекрасное?

— Я признаю, зрелище волшебное, — вздохнул он. — Но все же предпочитаю горы.

До него донесся запах шампуня, которым она недавно вымыла свои волосы, и он с отчаянием почувствовал, что привлекательность Алекс вновь берет над ним верх, отрицая всякий здравый смысл. Часть его желала, чтобы Алекс Лиспенард не было на борту корабля, чтобы ему не приходилось мучиться несбыточными фантазиями, а попытки сберечь душевное спокойствие не были такими тщетными. И все же он был рад ее присутствию, даже несмотря на то, что она постоянно обыгрывала его в нарды.

— Это наблюдение, которое ты сделала — о том, что тела не разлагаются — оно было действительно тревожным.

— На такой глубине и под таким давлением соленая вода похожа на мягкую кислоту. Она сразу же должна была начать работать над органическими останками. Если помнишь, на «Титанике» не было найдено тел — даже костей. И хотя большая часть работы была сделана морскими падальщиками и трубчатыми червями, морская вода тоже оказала на трупы немалое воздействие.

— Я понимаю, что Баобаб может выделять химикаты, которые убивают окружающую микрофлору... но как он остановил воздействие давления и соли на самого себя?

— Это загадка.

Повисло молчание, во время которого они продолжали опираться на перила, едва

соприкасаясь друг с другом. Алекс была так близко, что от легкого касания ее руки по телу Гидеона пробегало томное неумное влечение. Вдруг Алекс повернулась к нему, и он тоже повернулся, заглянув ей в глаза. Их лица разделяло совсем небольшое расстояние, и Гидеону стоило больших усилий не приблизиться и не поцеловать ее.

Она сделала это сама. Ее губы оказались мягкими и теплыми.

Поцелуй длился долго, убегающие мгновения сливались в одну большую сладостную вечность, а затем их губы разомкнулись, и они коснулись друг друга языками. Гидеон потянулся и погладил ее по волосам, в то же время притягивая ее к себе ближе и заключая в требовательные объятия.

Вскоре она с улыбкой отстранилась. Гидеон почувствовал, что дыхание у него сбилось настолько сильно, что он едва ли мог говорить. Он наклонился, чтобы поцеловать ее снова, но она остановила его, прикоснувшись пальцем к губам.

— Здесь нас могут увидеть.

— Верно.

Он задавался вопросом о том, к чему все это приведет. С чего вдруг она изменила свое мнение насчет служебных романов? Он знал, что это, вероятнее всего, не самая лучшая идея — ни для него, ни для нее — но сейчас его это совсем не волновало.

— Мы так и не сделали вместе ни одного магического трюка, — тихим голосом произнесла она.

— Я не уверен, что смогу чему-нибудь тебя научить.

— Ну, не знаю. Всегда можно придумать новые трюки, — она сделала паузу. — Ты все еще хочешь, разделить со мной бутылочку «Вдовы Клико»?

— Я специально берегу ее.

Она взяла его за руку.

— Так давай насладимся ею вместе.

Он долго смотрел на нее, не в силах поверить, что все происходит на самом деле.

— Идем.

Они вернулись в салон «Батавии», держась за руки. На часах была почти полночь, и большая часть экипажа корабля — за исключением дозорного на мостике — уже отошла ко сну. Пройдя по лабиринту коридоров, они добрались до каюты Гидеона. К их общему облегчению, по пути они никого не встретили.

Он закрыл за ними дверь, в то время как Алекс выжидающе смотрела на него. Не в силах больше ждать, он подался вперед и снова поцеловал ее. В этот момент Алекс начала расстегивать его рубашку, и он, последовав ее примеру, начал сражаться с пуговицами ее блузки, изо всех сил сопротивляясь импульсу попросту сорвать с нее всю одежду.

Потеряв терпение, Алекс резко стянула его рубашку через голову и одобрительно улыбнулась, легко проведя ногтями по его груди.

— Ммм, мне это нравится.

Тут он отбросил в сторону ее блузку, легко расстегнул лифчик и коснулся руками ее груди, слегка проведя по соскам, чувствуя, как они напрягаются от его прикосновений. Алекс задышала чаще, ее рука скользнула по его животу, ловко нырнув под пряжку ремня.

— Хочешь поучить меня магии? — томно пробормотала она.

— Еще как, — выдохнул он в ответ.

Они занимались любовью медленно, глубоко и страстно.

Позже Гидеон лежал на Алекс сверху, лениво и нежно целуя ее. Решив освободить девушку от своего веса, он приподнялся и неспешно пропутешествовал взглядом по ее припухшим губам, небольшому носу, взъерошенным волосам, разметавшимся по подушке, пока, наконец, не остановился на ее удивительно прекрасных глазах.

— Мы забыли про шампанское, — шепнула она.

— Оно все еще нас дожидается.

Они долго смотрели друг на друга.

— Так как же насчет твоих... ну, помнишь, принципов? Насчет романов на борту и прочего, — наконец, спросил Гидеон.

— Ой, ну, — она передернула плечами, — я просто не смогла устоять перед соблазном.

— То есть, это не просто минутная слабость, которая никогда не повторится?

— Я мечтала об этом все тридцать два дня, — усмехнулась она. — Боюсь, что я бесповоротно поддаюсь искушению. Пути назад нет.

— Тридцать два дня? — протянул он. — Я понятия не имел.

— Да брось! А что, по-твоему, значили все эти игры в нарды? Все то время, что мы провели вместе? Вы, мужчины, жутко недогадливые, ты в курсе?

— Но... почему сейчас?

— Меня покорило то, что ты нырнул один сегодня утром. Ты непоколебимо настаивал на своем. Сказал, что нет смысла спорить, и велел мне отвалить. Я, разумеется, разозлилась, но, как ни странно, в этот момент ты показался мне до боли привлекательным. Я не ожидала, что ты можешь быть... таким решительным. Особенно учитывая твою боязнь глубины.

Он покачал головой.

— Это была идея Эли, если быть честным.

— Ну, он признался в этом, когда я описала ему проблему и стала жаловаться. Но *ты* это сделал.

И снова повисло молчание. Затем:

— Так это... это все... серьезно?

— Я надеюсь.

— И мы будем это скрывать?

Алекс засмеялась.

— На борту корабля? Это просто невозможно. Но если мы будем вести себя сдержанно, сомневаюсь, что кто-то нас осудит.

— Эли мог бы.

— Шутишь? Со всеми этими его психологическими профилирующими программами? Я уверена, что он *ожидал* этого. Возможно, он даже устроил так, чтобы все случилось именно таким образом — скорее всего, поэтому и предложил тебе возглавить разведку. Он — самый искусный манипулятор из всех, кого я знаю. Но в этом случае манипуляция была хорошей.

— Кстати, о манипуляциях, — он посмотрел на ее обнаженное тело, все еще не веря в то, что случилось. Как внезапно изменилась его судьба.

— О-го, — протянула она. — Ты готов ко второму заходу? Так быстро?

Три батискафа извлекли из палубного ангара, и теперь они покоились на корме, отбрасывая длинные тени в золотом свете утреннего солнца. Гидеон прибыл на место за несколько минут до запланированного брифинга с чашкой кофе в руке, чувствуя приятную усталость после бурной ночи. Алекс уже ждала его, одетая в гладкий черный водолазный костюм, похожий на облачение Эммы Пил^[16] из «Мстителей». Как ни странно, она выглядела отдохнувшей, и ее энергия почти что устрасала Гидеона.

Мануэль Гарза прибыл вместе с Алекс. К удивлению Гидеона он, похоже, тоже собирался погружаться.

— Привет, Гидеон, — поздоровался Гарза, протягивая руку для рукопожатия. Гидеон ответил на его приветствие. Ему показалось, что Гарза немного нервничает, но... возможно, это было ошибочное впечатление — он мог принимать желаемое за действительное.

— Так ты тоже погрузишься на батискафе?

— Да. Мне приписали «Джорджа». На тебе сегодня «Джон».

— А я спущусь на «Поле», — подключилась к разговору Алекс.

Гидеон попытался бросить на нее лишь ничего не значащий небрежный взгляд и не задерживаться на ней глазами. Решив, что отлично справился с этой задачей, он осмотрел остальных: здесь было несколько техников, обслуживающих ГОА, и второй корабельный инженер Грэг Мастерсон — грузный мужчина, который собирался проверить двигатели батискафов и дать погружению зеленый свет. Знают ли они? Гидеон пытался определить это, но не обнаружил на себе никаких многозначительных взглядов. Вокруг витала строгая атмосфера профессионализма.

— Кофе перед погружением? — спросила Алекс, изогнув брови и бросив взгляд на чашку в руке Гидеона. — Смело.

— Почему?

— Кофе — мочегонное средство.

Гидеон едва удержался от того, чтобы хлопнуть себя по лбу за недалекость. Почему он не подумал об этом, хотя уже дважды спускался на батискафе?

— Хм... и что будет, если меня приспичит?

— Ничего. Придется ходить под себя.

Гидеон отставил чашку с кофе в сторону.

Дверь на палубу открылась, и прибыл Глинн, слегка прихрамывающий и вооруженный iPad'ом, после помещения он с непривычки щурился от ярких лучей утреннего солнца. Приблизившись к ожидавшим его людям, он сцепил руки за спиной и одарил всех прохладной приветственной улыбкой.

— Отличный день для погружения, — заметил он. — Нам повезло с погодой.

Остальные согласно закивали.

— Все вы изучили план миссии, так что я кратко пройду по основным моментам и отвечу на возникшие вопросы.

Он немного помолчал. Гидеон незаметно взглянул на Алекс, но она и не думала смотреть в его сторону, полностью сосредоточившись на Глинне. С огромным усилием Гидеон заставил себя сконцентрироваться на совещании.

— Для начала о связи. В отличие от вчерашнего дня, все вы будете обязаны поддерживать связь с Центром управления миссией по подводным телефонам UQC. Это акустический модем, который работает со скоростью несколько сотен бод максимум — то есть, *очень медленно*. Он может передавать голосовую информацию и минимальные данные, но все остальное подлежит архивации для последующей выгрузки по возвращении нас на поверхность. Мы подготовили специальные радиогидроакустические буи, которые будут располагаться над вашей рабочей зоной, где они смогут принимать сигналы и передавать их в Центр управления. Но имейте в виду, из-за незначительной пропускной способности сигналы будут передаваться с задержкой, поэтому на то, чтобы принять их и обработать здесь, на поверхности, нам потребуется некоторое время. Кроме того, так как это акустические сигналы, они легко блокируются. Гидеон, когда окажешься внутри «Ролваага», твой канал связи будет временно отключен. Ты окажешься отрезан не только от Центра управления, но и от остальных батискафов.

Гидеон кивнул.

— Два черных ящика — твоя приоритетная задача. Один содержит все данные и сообщения, которые поступали на капитанский мостик и уходили с него. Второй хранит видео CCTV с камер безопасности, установленных по всему кораблю. Если мы сможем восстановить оба ящика, у нас будет полная картина последних часов существования корабля. Мы точно знаем, где они расположены: в электронном узле в носовой части палубы. Так как «Ролвааг» лежит на боку, тебе, Гидеон, необходимо будет проникнуть в разрыв корпуса, пробраться через обломки трюма и добраться до точки под носовой палубой, после чего прорубить проход, который позволит добраться до узла электроники. Маршрут полностью запрограммирован и внесен на твой батискаф, но мы не знаем нынешнего расположения обломков и мебели, поэтому, как только ты проникнешь в корпус, тебе придется действовать по обстоятельствам и на свое усмотрение. В роботизированной руке «Джона» есть резак. ИскИн будет контролировать процесс его работы, так что ошибки возникнуть не может. Все должно пройти легко. Итак, вопросы?

— Пока нет, — отозвался Гидеон.

Глинн повернулся к Алекс.

— Так как мы не можем получить изображение... гм... Баобаба по средствам сонара, мы просканируем его визуально, с помощью света и LiDAR^[17]. Это — ваша задача, — для остальных Глинн пояснил. — Лидар — это лазер с зеленой длиной волны, способный проникать сквозь шестьдесят футов воды. Нам нужно узнать, каковы размеры этого объекта — не только ствола, но и ветвей. Кроме того, надо понять, что это за... щупальца, которые видел Гидеон, и далеко ли они уходят. Связаны ли они с чем-то особенным?

Гидеон снова посмотрел на Алекс, осознав, что, несмотря на ее призывы к сдержанности и важные вещи, которые сейчас обсуждал с ними Глинн, его разум то и дело возвращал его к событиям сегодняшней ночи. Усилием воли он заставил себя отогнать яркие воспоминания, осаждавшие его голову.

Учитывая мой диагноз... как я могу позволить себе вступать в такие отношения? — подумал он.

После всех тех злоключений на затерянном острове Глинн удивительно быстро исцелился, и Гидеон все еще надеялся, что и его удастся вылечить от АВМ. Но не было ли *это* — принятием желаемого за действительное? До сих пор с медицинской точки зрения в его мозгу не наблюдалось никаких изменений, а, стало быть, и никаких доказательств того,

что у него есть шанс излечиться... или хотя бы прожить дольше обещанных месяцев. Неужели он действительно дал слабину, раз позволил себе окунуться в этот корабельный роман? И можно ли это вообще назвать полноценным романом? Что же ему теперь делать?

Он попытался обуздать свои блуждающие мысли и настроиться на слова Глинна, который теперь разговаривал с Гарзой.

— Мануэль, ты проведешь сканирование «Ролваага» и окружающего его морского дна в радиусе полумили сонаром высокого разрешения и лидаром. Я также хочу, чтобы ты провел исследование сектора радиусом в пять миль, начиная от Баобаба, и посмотрел, далеко ли простирается мертвая зона.

Глинн окинул взглядом всех троих.

— И последнее. Все три батискафа сегодня укомплектованы корзинами для сбора образчиков. Если вы обнаружите что-то интересное, сообщите об этом в Центр управления миссией. Через глубоководную линию связи UQC мы получим изображение вашей находки, и только после этого будет принято решение относительно ее подъема на поверхность. Если решение окажется положительным, для того, чтобы поместить образчик корзину, вам придется воспользоваться своими роботизированными манипуляторами. Управлять ими весьма просто, соответствующие алгоритмы заложены в ИскИн, поэтому особых навыков тут не требуется.

Он акцентировал внимание еще на нескольких деталях, и закончил простым:

— Давайте погружаться.

Гидеон поднялся по лестнице в свой батискаф, и люк над ним захлопнулся. Некоторое время он наблюдал, как остальные забираются в свои субмарины, и заметил, что напоследок Алекс послала ему улыбку, после чего изящно скользнула в свой ГОА. Мгновение спустя он устроился в сфере и приготовился надеть шлем. В отличие от предыдущего дня, он чувствовал себя гораздо спокойнее и увереннее.

Десять минут спустя Гидеон обнаружил, что смотрит на вихрь серебристых пузырей в переднем обзорном окне, когда «Джона» опустили в воду. До него донесся лязг креплений — это кран отпустил батискаф — и через иллюминаторы Гидеон Кру стал наблюдать, как опускается вниз, в бесконечную темную синеву.

В иллюминаторах бокового обзора Гидеон видел желтый свет от батискафов двух своих спутников, дрейфующих вниз примерно с такой же скоростью, что и «Джон». Он слышал слабое шипение баллонов с воздухом и фильтров, что его очищали. Во время долгой, скучной прогулки ко дну в непроглядной темноте Гидеон почти потерял остальных из виду — лишь спустя долгие сорок минут, зависнув в непосредственной близости от дна, он снова уловил чуть поодаль от себя их включенные фары.

Его первая путевая отметка находилась в пятидесяти метрах от расколотого корпуса «Ролваага» на высоте тридцать футов над уровнем дна. Автопилот осторожно подвел его к нужной точке, и субмарина плавно остановилась. Гидеон повернул батискаф, чтобы исследовать непроглядный мрак и разузнать обстановку. В нескольких сотнях ярдов слева от себя он видел чуть размытое скопление ходовых огней батискафа Алекс — «Пола» — также парящего в тридцати футах над морским дном. В переднем иллюминаторе он увидел аналогичное скопление маячков «Джорджа».

Следуя протоколу, Гидеон связался с напарником по UQC.

— «Джон» прибыл на первую отметку. Вызываю «Пола». Как слышно?

— «Пол» на связи, я тебя слышу. На второй точке.

— «Джон» вызывает «Джорджа».

— «Джордж» на месте. Слышу тебя. Нахожусь на третьей отметке.

Называя эти имена, Гидеон ощущал себя немного глупо.

Из передатчика — искаженный и цифровой — до него донесся голос Глинна.

— Приступайте к исполнению, — сказал он.

И хотя все они находились на одном канале связи, им приходилось пробираться через медленное соединение и затяжные протоколы поиска.

Гидеон переместил центральный джойстик, дав автопилоту сигнал приблизиться к «Ролваагу». Двигатели загудели, и батискаф двинулся вперед, устремившись к разлому. Фары осветили зияющий рваный корпус, внутри которого Гидеон увидел нечто, похожее на лес из согнутых металлических балок. Как и следовало ожидать, при мысли о том, что ему предстоит туда забраться, его захватил довольно ощутимый приступ клаустрофобии.

На правой панели отображалась схема разрушенного корабля. Мигающая красная точка указывала его текущее местоположение. Черные ящики маячили на схеме в виде небольшой оранжевой мишени. Гидеон ахнул: судя по карте, этот корабль был просто огромен — от входной отметки ему нужно будет преодолеть порядка двухсот ярдов, чтобы добраться до цели.

Когда он двинулся к зияющему полостному разрыву корпуса, красная точка начала перемещаться по схеме. В фоновом режиме Гидеон слышал, как Алекс переговаривается с Центром управления миссией, в то время как она вела «Пола» к Баобабу. Голос Мануэля также слышался на общей частоте: Гарза сообщал, что он приступил к осмотру корабля и окружающего поля обломков.

Гидеон, когда окажешься внутри «Ролваага», твой канал связи будет временно отключен. Ты окажешься отрезан не только от Центра управления, но и от остальных батискафов, — сказал ему Глинн перед погружением.

Во время совещания Гидеон узнал, что обычный полый корпус бывшего супертанкера «Ролвааг» был модифицирован: он был оплетен специальными стальными распорками и деревянными балками, которые венчала так называемая «колыбель» для перевозки метеорита весом в двадцать пять тысяч тонн. Некоторые из несущих балок и вся колыбель в целом были сделаны из дерева, потому что древесина хорошо выдерживала нагрузки и имела прочность на излом выше, чем сталь, поэтому инженеры ЭИР решили, что кораблю, груженному метеоритом, так будет проще выдержать качку, даже если они попадут в шторм. Так и случилось — они столкнулись с ужасной бурей, не ведавшей пощады. Ситуация усугубилась неработающими двигателями и повреждениями корабля, которые ему нанес атакующий их чилийский эсминец. Смещения метеорита, в конце концов, ослабили колыбель, и позволили ему из нее вырваться, а затем последовал взрыв неимоверной силы, который расколол корабль надвое, как только он начал тонуть. Источник этого взрыва так и не был установлен, но основная теория заключалась в том, что метеорит вступил в реакцию с морской водой.

Когда Гидеон направился к огромной, разрушенной полости необъятного трюма, голоса «Джорджа» и «Пола» стали доноситься с помехами.

Гидеон помедлил у проема корпуса и использовал прожекторы, чтобы осветить все вокруг и осмотреть пути прохода. Тут царил полнейший беспорядок. Гидеон видел перед собой то, что — как он предположил — раньше было частью «колыбели» — огромный объект, похожий на сани — искореженный и расколотый, застрявший напротив разбитой переборки. Передняя часть корпуса могла быть легко пройдена маневренным батискафом, но чуть дальше его ждал настоящий клубок из кабелей и распорок, пробраться через который ему явно будет проблематично.

— Центр, говорит «Джон». Вхожу в корпус.

Потребовалось некоторое время, чтобы сигнал с частотой в несколько сотен бод дошел до поверхности. Затем, полный помех, ему пришел ответ:

— Слышим тебя, «Джон». Отправляйся, как только сочтешь нужным.

Гидеон осторожно направил джойстик вперед. Батискаф загудел, проникая в разрушенный корабль. Обогнув массивный край оторванной стальной плиты, «Джон» углубился в трюм. Без каких-либо усилий со стороны Гидеона, батискаф плавно обогнул по пути несколько обвисших кабелей и торчащих стоек. Шипение UQC теперь полностью прекратилось, и на экране появилось сообщение, свидетельствующее о том, что связь потеряна.

Перед фронтальным иллюминатором появились пузырьки воздуха. Плотный слой ила лежал буквально на всем, смягчая контуры разрушений. Гидеону нужно было проявлять крайнюю осторожность, чтобы не всколыхнуть его и не ухудшить себе видимость. Он продвигался почти прогулочным шагом, осматриваясь вокруг. Оранжевые вкрапления ржавчины расцветали на железных распорках, ее частицы дрейфовали в воде, вяло танцуя в свете фар. Внизу боковая часть корпуса была завалена мусором — балками и распорками, разорванными на куски взрывом. Расщепленная древесина, хоть и была сильно напитана влагой, выглядела на удивление свежей...

Гидеон осмотрел металлические пластины, оторванные от корпуса, и представил себе, насколько мощным должен был быть этот взрыв.

На пути ему попало еще одно тело: в форме механика, с оторванной головой и раздавленным туловищем, удерживаемое на месте двумя сломанными балками. Жуткое

зрелище, особенно учитывая предположения, которые звучали на брифинге о том, почему трупы не разложились...

Сглотнув подступивший к горлу ком, Гидеон отвлекся и решил свериться с картой. Красная точка, которая на схеме показывала его текущее местоположение, переместилась на треть пути до цели.

Впереди показалась сплошная путаница из балок. Автопилот замедлился, и Гидеон переместил джойстик, ища обходной путь. Между двумя балками было пространство, казавшееся достаточным, чтобы «Джон» мог в него протиснуться. Гидеон задал направление, и автопилот с должным изяществом провел батискаф через препятствие. По мере продвижения вглубь, ему снова и снова приходилось искать достаточно широкие лазейки, чтобы пройти. В какой-то момент Гидеон потерял связь с реальностью и, пробираясь через всю эту разруху, начал ощущать себя в уничтоженном побоищем лесу — эти расщепленные балки напоминали ему выкорчеванные, сломанные деревья...

Заставив себя сосредоточиться, Гидеон продолжил путь сквозь металлические, поросшие илом джунгли. Можно было считать настоящей удачей, что до сих пор ему не встретилось какое-нибудь непроходимое препятствие, и батискаф медленно и верно шел вперед. По мере погружения в разрушенный корабль Гидеону становилось все труднее избавиться от чувства клаустрофобии, как и подавлять гнетущее чувство накатывавшего одиночества.

А был ли он здесь один?..

Потому что, как ни странно, его не покидало ощущение, что за ним наблюдают. *Преследуют его.* Он огляделся, насколько позволял обзор, никого не обнаружил и попытался взять себя в руки. Такое беспокойство обычно возникало у путников в темном лесу — инстинкт, который уходил корнями в глубокую древность, к далеким предкам современных людей.

И вдруг, совершенно неожиданно, он достиг точки, дальше которой, казалось, невозможно было пройти. Он медленно маневрировал, пока не понял, что путь действительно заблокирован. Вот и сбылись его опасения. Он повернул в одну сторону, затем в другую, но так и не обнаружил лаза. Зависнув на месте, Гидеон с ужасом отметил, что двигатели батискафа подняли ил, и он уже не мог сказать точно, откуда он сюда приплыл.

Боже, о чем я только думал, согласившись отправиться внутрь разрушенного корабля, ведь знал же, что мне придется пробраться через сотни ярдов сплошных обломков — и все это на глубине в несколько миль? Я же раньше никогда не делал ничего подобного. А теперь я еще оказался в ловушке, и помощи ждать неоткуда, — он понимал, что начинает паниковать, и заставил себя успокоиться. Автопилот, разумеется, сможет его вывести — он знает дорогу назад. А вот, чтобы пройти дальше, ему придется немного поработать резаком.

Делая все возможное, чтобы дышать медленно и глубоко, он сосредоточил свое внимание на скоплении обломков, препятствующих его движению, и, подняв роботизированную руку, активировал подводную ацетиленовую горелку. У руки имелся свой набор средств управления и, к облегчению Гидеона, он оказался на удивление прост в использовании: подвижная конечность аппарата, похоже, точно знала, чего он хочет от нее добиться. Это был еще один пример сверхумного ИскИна в действии. Горелка зажглась точечной белой вспышкой и послала в воздух целый вихрь пузырьков. Гидеон сманеврировал рукой так, чтобы поднести ее к первой балке и приступил к резке — осторожно, чтобы не

ошибиться. ИскИн поддерживал его, программное обеспечение роботизированной руки отлично справлялось с поставленной задачей. Через несколько минут раздался приглушенный щелчок, одно препятствие было убрано, и он смог перейти к другому.

Он переместил роботизированную руку — на этот раз налево, чтобы перерезать следующую балку. Когда дело было сделано, его прожектор осветил прямо по курсу переборку палубы. Поскольку корабль лежал на боку, палуба сейчас представляла собой вертикальную металлическую стену, с которой было довольно легко справиться. На экране со схемой пути было указано точное место, где Гидеон должен был сделать разрез, чтобы добраться до узла электроники, в котором хранились оба черных ящика — хотя на самом деле они были совсем не черными, а оранжевыми.

На втором экране отображалась диаграмма внутреннего интерьера узла, показывающая точное расположение ящиков. Добраться до них должно было быть легко, поскольку, предположительно, они предназначались для свободного доступа в случае крушения корабля.

Гидеон маневрировал на батискафе, чтобы подвести его к нужной точке резки, а затем, просто прикоснувшись к панели управления, заставил горелку снова вспыхнуть. Протокол предусматривал проделать отверстие в пять этапов — то есть, нужно было удалить пять небольших стальных пластин. Причем, каждый разрез был запрограммирован так, чтобы пластины отваливались, не создавая при этом лишних препятствий в будущем.

Роботизированная рука работала с безошибочной точностью — пластины отпадали одна за другой. Через десять минут отверстие было достаточно широким, чтобы батискаф мог через него пройти. Но на этом препятствия не закончились, проход загораживал целый лес труб, проходящих за настилом, и каждую из них тоже пришлось по очереди перерезать, но и это не составило особого труда.

Гидеон переместил субмарину и исследовал раскрывшееся перед ним пространство с помощью прожектора. Внутри царил полный хаос: шкафы, в которых когда-то стояли компьютеры, буквально взорвались, исторгнув из себя всю электронику, наряду с проводами, кабелями и волоконной оптикой.

Казалось, что одного вида всего этого вполне было достаточно для устрашения! Но, как выяснилось, нет. Для пущей остротки здесь также медленно дрейфовало мертвое тело с раскинутыми руками и ногами. Длинные светлые волосы плавали в илистом облаке — это было тело женщины, одетой в форму. Четыре нашивки: звание капитана. Как звали капитана «Ролваага»? Бриттон. Салли Бриттон.

Выходит, это она, — Гидеон почувствовал странную смесь сожаления и ужаса.

Труп был обращен к нему спиной и дрейфовал посреди комнаты — так медленно, что это напоминало жутковатый замедленный танец. Позади трупа на дальней стене виднелись два ярко-оранжевых куба — каждый размером около восемнадцати дюймов — прикрепленные к стене легко снимаемыми болтами, и ничто, кроме плавающего тела, не препятствовало доступу к ним.

Гидеон направил батискаф вперед, активировав роботизированную руку. Он снова зажег подводную горелку и легко прошел через кабели. Через несколько минут он расчистил себе путь и почти вплотную приблизился к трупу. Осторожно и медленно Гидеон протянул к нему роботизированную руку, пытаясь оттолкнуть в дальний угол комнаты, но толчок получился слишком сильным, он заставил тело крутануться в воде чуть сильнее и повернуться к нему лицом. Уплывая с пути следования аппарата, труп, казалось, повинуюсь

собственной воле, простер к батискафу руки, и создавалось впечатление, что Салли Бриттон просит о помощи.

Гидеон застыл в ужасе. Лицо женщины прекрасно сохранилось. Ее голубые глаза блеснули в свете фар, рот был приоткрыт, и Гидеон мог разглядеть кончик ее розового языка. Светлые волосы были по-прежнему блестящими и извивались в воде причудливыми локонами. Эта сорокалетняя женщина даже после смерти сохранила свою привлекательность, что было по-настоящему жутко.

Чуть сильнее, чем хотел, Гидеон толкнул джойстик вперед, и батискаф проскользнул мимо тела. Добравшись до оранжевых — черных — ящиков, Гидеон вновь использовал роботизированную руку, чтобы снять аварийные болты и поместить свою добычу в корзину, где он дополнительно закрепил ее специальными скобами, чтобы не потерять. ИскИн роботизированной руки отлично справился с этой задачей.

Теперь нужно было убираться отсюда ко всем чертям.

Поворотом джойстика Гидеон развернул субмарину на сто восемьдесят градусов, и тело снова попало в его поле зрения, проплывая мимо него, словно пытаясь заблокировать ему путь.

— Зараза, — пробормотал Гидеон, осторожно обходя труп и направляясь к дыре, которую он проделал в переборке и «зарослях» балок. Несколько нажатий кнопок на панели позволили автопилоту сориентироваться и проследить свой маршрут сюда — «Джон» со знанием дела отправился в обратный путь.

Через десять минут показались рваные края корпуса, а еще через две субмарина покинула пределы корабля. Гидеон заметил, что жадно глотает воздух, как будто только что выбрался из пещеры. Ощущение клаустрофобии исчезло, и он отер лоб, пытаясь с собой совладать. УГС снова затрещал, и по каналу связи зазвучали переговоры Центра управления с остальными участниками экспедиции.

Слава Богу.

Гидеон тоже включился.

— Центр, говорит «Джон». Миссия выполнена. Черные ящики добыты.

— Очень хорошо, — раздался голос Глинна. — Отправляйся к стартовой точке и начинай передавать данные и видео-протокол. Ты закончил первым, так что подожди, пока остальные будут готовы подняться на поверхность.

— Принято, — он дал указание субмарине вернуться к запрограммированной исходной отметке, что была примерно в ста ярдах от места крушения. Аппарат послушно достиг позиции и остановился, мирно паря на глубине. Глядя во фронтальный иллюминатор, Гидеон заметил единственное щупальце чужеродной формы жизни, напоминавшее какого-то неизвестного червяка бесконечной длины. Он вновь подумал об огромном стволе Баобаба, и им овладела животная дрожь отвращения и страха. Заставив себя вернуть самообладание, он приготовился передавать поток данных, ожидая, когда остальные завершат работу, и можно будет подняться на поверхность.

Эли Глинн предпочитал стоять, даже находясь на грани истощения. Казалось, он никогда не насытится этим ощущением — осознанием того, что он может *стоять на ногах*. Сколько лет ему пришлось провести в инвалидном кресле! За это время он насиделся на всю оставшуюся жизнь.

В качестве своеобразного протеста, Глинн, освободившись от инвалидного кресла, сконструировал центральную U-образную командную консоль в Центре управления миссией так, чтобы до нее мог достать только человек, стоящий на ногах — никакой возможности дотянуться до нее из положения сидя не было. Это было странным решением, однако Глинн считал, что если всем остальным придется мириться с неудобствами и стоять за пультом управления, то так тому и быть.

Так или иначе, сейчас здесь не было никого, кроме него. Он стоял один в окружении экранов, пока остальные члены его команды находились на своих отдаленных постах. Глинн переключал внимание от одного монитора к другому, чтобы ничего не пропустить.

Пока все шло хорошо. И хотя Глинн знал, что это чистое суеверие, он нервничал: он никогда не чувствовал себя по-настоящему комфортно, когда все шло именно так, как было запланировано. Совершенство казалось ему своеобразной насмешкой — Глинн считал, что оно не просто невозможно, он воспринимал совершенство как истинного врага успеха. По его мнению, реальным ключом к успеху была гибкость перед лицом неожиданностей или, если выразаться более техническим языком, «неизвестных параметров». Но сейчас, в этой вылазке Глинн был готов принять любое свершение как самое желанное... он понимал, что по-настоящему сложные параметры и настоящая неизвестность — еще впереди.

«Джон» под контролем Гидеона находился в разрушенном корабле уже полчаса, не в состоянии передать ни одного сообщения из-за помех, создаваемых корпусом. Скорость передачи данных через UQC была ужасно низкой, в лучшем случае получалось передавать голосовые сообщения, но для всего остального потока данных, ее пропускная способность была невозможно мала.

Находясь в томительном ожидании, Глинн с нетерпением смотрел на экраны. Он хотел посмотреть, как выглядит изнутри «Ролвааг» сейчас. Он буквально *жаждал* этого.

Внезапно на связь вышел Гидеон.

— Центр, говорит «Джон». Миссия выполнена. Черные ящики добыты.

— Очень хорошо. Отправляйся к стартовой точке и начинай передавать данные и видео-протокол. Ты закончил первым, так что подожди, пока остальные будут готовы подняться на поверхность, — с облегчением ответил Глинн.

— Принято, — ответил он. На несколько минут воцарилось молчание, затем Гидеон сообщил. — «Джон» прибыл на стартовую отметку. Передаю данные.

— Понял тебя, — ответил Глинн. — Трудностей не было?

Последовало недолгое молчание.

— Нет. Кроме того, что мне попались еще два трупа.

Глинн больше не задавал вопросов. Совсем скоро все, что он хочет узнать, он увидит собственными глазами на видео. Теперь он переключил свое внимание на два других батискафа. Гарза был полностью поглощен картографированием. Он тоже шел с

опережением графика, ему лишь осталось сделать пятимильную ходку, чтобы определить границы мертвой зоны. Лиспенард осторожно огибала Баобаб, двигаясь вверх по спирали и используя лидар для сканирования объекта и его освещения. До сих пор Баобаб не подавал никаких видимых признаков жизни. Абсолютно никаких. Создавалось впечатление, что он был абсолютно инертен.

И это очень беспокоило Глинна.

Не успев углубиться в свои мысли, Глинн услышал слабый сигнал с консоли, который свидетельствовал о том, что загрузка заархивированного видео Гидеона завершена. Он немного поколебался, а затем нажатием несколькими клавишами открыл загруженное видео на одном из вспомогательных экранов, увеличив скорость воспроизведения в четыре раза.

Он молча наблюдал, как субмарина прошла через разорванный корпус и стала углубляться в разрушенный корабль. Взрыв сорвал со своих мест большую часть заклепок, стальных балок и листы обшивки, а также уничтожил «колыбель», предназначенную для перевозки груза. По видеоматериалам Гидеона можно было отчетливо проследить источник взрыва и распространение разрушительной волны.

Сомнений не было: метеорит — семя — вступил в сильную реакцию с морской водой. Возможно, это было началом процесса его прорастания. Если, конечно, слово "росток" к нему вообще применимо: до сих пор они не собрали никаких доказательств того, что это растение в привычном смысле этого слова, а метеорит — настоящее семя. Впрочем, он мог оказаться чем угодно: спорой, корневищем, яйцом, гаметофитом... Или же еще чем-то подобным. Но в то же время чем-то совершенно чуждым. Даже несмотря на то, что Глинн был там, в трюме «Ролваага» в последние критические секунды, он не понимал до конца, с чем они столкнулись, и сейчас напомнил себе, что нужно оставаться беспристрастным и не делать поспешных выводов. Он вернул скорость воспроизведения к нормальному режиму.

На экране Гидеон как раз прорезал балки, блокировавшие ему путь. Далее Глинн наблюдал, как роботизированная рука прорубает себе отверстие в обшивке электронного узла, а потом перемещается по кругу, шаг за шагом освобождая себе дорогу от труб.

И вдруг Глинн застыл. Там был один из трупов, о которых упомянул Гидеон. В форме. Четыре нашивки на рукавах.

Капитан.

Глинн почувствовал внезапное странное жужжание в голове. Тело на видео тем временем было обращено к нему спиной, постепенно поворачиваясь лицом в дрейфе свободного плавания, распущенные светлые волосы плавно колыхались. У Глинна от этого зрелища из головы мгновенно вылетели все мысли. А затем, несмотря на все тщательно воздвигнутые преграды в памяти, воспоминания, скрываемые им так долго и так глубоко, вырвались на свободу вместе с болезненным ужасом от ее смерти. Смерти, ответственность за которую нес только он и больше никто. И эта его вина — можно сказать, во плоти — явилась за ним на этом видео.

К этому привело одно единственное решение. Самое необъяснимое решение в его жизни, решение, которое, как он в то время считал, было основано на логике, но в ретроспективе выяснилось, что оно стало результатом эмоций, страха и паники. Решение, которое навсегда лишило его уверенности в себе и в завтрашнем дне. Решение, которое привело к смерти единственной женщины, которую он любил.

Глинн не мог дышать, наблюдая за тем, как тело поворачивается к нему в золотом ореоле волос. Он не хотел видеть лицо, которое — как он знал — теперь навсегда станет его

кошмаром, но попросту был не в силах отвернуться и отвести взгляд.

Лицо медленно оказалось в поле его зрения. Сначала профиль, затем в фас. Оно поворачивалось плавно, словно луна, вращающаяся вокруг своей оси. Розовые губы... все такая же чистая, как мрамор, кожа... маленький, аккуратный носик с веснушками... но хуже всего были глаза! Эти сияющие голубые глаза, которые будто искали виновного в своей смерти, желая *обвинить*.

Ноги Глинна начали дрожать. Но прежде, чем он сумел найти стул, он почувствовал, что мышцы его ослабли, и он безвольно рухнул на пол. В голове его начал твориться полный беспорядок, зазвучали приглушенные крики. Он словно сквозь дымку видел людей, склонившихся над ним, видел лысую голову доктора Брамбелла, почувствовал иглу, впившуюся в его тело, ощутил, как его поднимают под аккомпанемент чьих-то отдаленных приказов, а затем... наступила блаженная тишина.

Алекс Лиспенард управляла батискафом, с профессиональным мастерством кружа около ствола Баобаба на расстоянии примерно в сорок футов. Ствол был огромным, намного массивнее самых крупных секвой — около шестидесяти футов в поперечнике — и имел грубую, напоминавшую кору поверхность, состоящую из ребристых параллельных канавок и выпуклостей.

Пока прожектор прощупывал ствол, Алекс отметила, что он был полупрозрачным, словно мутная медуза, бледно-зеленоватого цвета, как морское стекло. Присмотревшись, она различила внутри размытые очертания того, что, предположительно, было внутренними органами, представлявшими собой трубки и мешочки, о назначении которых можно было только догадываться — внешне они не походили ни на один земной организм, знакомый ей. Внутри присутствовали также круглые глобулы желтоватого оттенка и паутинные сети насыщено темно-красных нитей. Структура плоти была испещрена яркими пятнами и частицами, которые медленно кружились, как снег в снежном шаре. Это было одновременно и красиво, и ужасающе. При ближайшем рассмотрении, видя всю эту внутреннюю сложную структуру, Алекс решила, что перед ней, скорее, животное, чем растение, или, возможно, что-то среднее между ними. И все же до сих пор она не обнаружила ничего похожего на органы чувств или органы питания. У объекта так же не было ни рта, ни ануса.

Так или иначе, она записывала все на видео и лидар. На борту «Батавии» времени будет достаточно, чтобы исследовать изображения и результаты сканирования и попытаться определить, как это существо живет, как оно питается, что ему требуется для выживания — и это все, конечно, исходя из того предположения, что оно живое.

Она продолжала медленно двигаться, выписывая спиральный узор, чтобы создать трехмерную оцифрованную модель чужака. В следующий виток она должна была дойти до точки, где ветви раздваивались — не как у дерева, а все сразу, формируя своего рода звездный узор, как у морского анемона.

Морской анемон... — подумала она, — *странно, как только мы увидели всю эту штуковину целиком, она сразу же смутно напомнила мне морской анемон.*

С чего бы это? Ведь ее ветви выглядели жесткими, а не гибкими, как щупальца анемона. К тому же Алекс не видела признаков того, что на них имелись стрекательные книдоциты^[18].

Вдруг у основания развилки ветвей она заметила нечто необычное: образование черной, овальной формы. Размером оно было с большой арбуз и выглядело в целом неуместно, как будто вовсе не являлось составной частью существа.

— Центр, это «Пол», — включилась она. — Я вижу что-то необычное в развилке. Что-то темное.

Краткая пауза.

— О'кей, мы тоже это видим, — раздался голос старшего офицера Леннарт.

Алекс задалась неммым вопросом: *что случилось с Глинном?*

— Что бы это ни было, оно разительно отличается от прилегающих тканей. Запросите разрешение на более детальный осмотр.

— Осмотр запрещен.

Алекс проглотила вспышку секундного раздражения и подумала, какова бы была реакция Гидеона на такое распоряжение.

При мысли о Гидеоне на ее лице расплылась небольшая улыбка, но пару секунд спустя ее губы снова приняли форму прямой, четкой линии.

Субмарина сделала очередной виток спирали — автопилот выполнял сложные маневры один за другим без видимых усилий — и добралась до разветвленной части ствола.

Когда аппарат поднялся над развилкой, Алекс взглянула вниз и, наконец, увидела то, что могло быть только ртом: круглое отверстие диаметром три фута, окруженное тремя комплектами прозрачных, напоминавших резину губ. Образование ритмично сокращалось, словно последовательно засасывало воду внутрь и выпускало ее наружу.

— Кажется, мы только что нашли рот, — доложила она. — И из того, что я вижу, он очень даже живой.

— Держись от него подальше, — предупредила Леннарт.

— Похоже, он всасывает воду — налицо питание посредством фильтрации.

Движущиеся, растягивающиеся, огромные, полупрозрачные губы выглядели действительно отвратительно. Алекс невольно содрогнулась.

Далее на автопилоте субмарина начала выполнять новую петлю как раз надо ртом, и внезапно оказалась в непосредственной близости от светящихся ветвей. Женщина смогла рассмотреть глубоко во рту темную «дыню», которую она уже заметила ранее.

— Эй, я думаю, что темное тело, о котором я упоминала — это то, что объект проглотил, — очередной снимок. — Подождите... рот перестал сокращаться.

— Осторожно.

— Он все еще не движется.

— Отступи на две сотни футов, — резко сказала Леннарт.

— Вас поняла.

Лиспенард коснулась джойстика и направила аппарат резко вбок ото рта.

Внезапно она почувствовала толчок. Зазвучала тревога, и на главном экране появилось мигающее сообщение:

ВНИМАНИЕ: ОБНАРУЖЕНО СИЛЬНОЕ ТЕЧЕНИЕ.

Она инстинктивно поняла, что это такое, и быстрый взгляд на отвратительный рот подтвердил ее догадку. Отверстие гротескно расширилось, губы растянулись, засасывая воду в резко возрастающем темпе. Алекс схватила джойстик и, повернув его до упора, дала полный реверс. Двигатель заработал в полную силу, препятствуя ее сближению с объектом.

— Убирайся отсюда немедленно! — слышала она голос Леннарт в гарнитуре. — Уходи, газ в пол!

Именно это она и делала — но теперь рот раскрылся еще больше, губы выпятились, и поток усилился. Батискаф дрожал и раскачивался, стараясь вырваться. Лиспенард толкнула джойстик в сторону и повела им, пытаясь уйти от угрозы по диагонали. На мгновение это сработало; субмарина яростно дернулась вбок и почти вырвалась на свободу, но затем рот вобрал в себя еще больше воды, раздувшись, словно огромная жаба, снова зацепив ее потоком.

— Не могу освободиться!

Она изо всех сил старалась сбалансировать субмарину в вихре, создаваемом течением воды, в то время как рот, казалось, становился все больше и больше. Поток, вызванный всасыванием, был настолько огромен и такой силы, что теперь занавес ила вился шлейфом

со дна океана. Или это явление было вызвано *движением корней*?

Когда подлодка начала вращаться, Алекс поводила джойстиком из стороны в сторону, пытаясь снова вырваться из водоворота — безрезультатно.

— Экстренный сброс! — кричала Леннарт. — Активируй сброс!

Алекс потянулась к красному рычагу сброса, но была отброшена резким креном. А затем мини-субмарина оказалась окутана зеленым, мутным шаром света, при этом полупрозрачная плоть существа вспыхнула в свете прожекторов. Женщина услышала и почувствовала влажный, сосущий звук и увидела, что тело объекта подернулось яркими пятнами, ужасно изгибаясь и сокращаясь.

И тут существо поглотило ее целиком.

— Я внутри, — пробормотала она, делая все возможное, чтобы ее голос звучал ровно.

— Используй ацетиленовую горелку на руке — прорежь себе выход, — это было последнее сообщение, которое она услышала до того, как связь прервалась, и весь канал связи утонул в треске статических помех.

Алекс активировала руку и попыталась ее развернуть, но давление внутренних тканей существа блокировало любое движение. Она попробовала еще раз, нажав джойстик вперед до упора, но тут вспыхнуло несколько сигналов тревоги, предупреждающие сообщения мигали повсюду.

К черту это все. Она включила ацетиленовую горелку, пламя ярко вспыхнуло. Эффект оказался мгновенным: внезапная конвульсивная реакция, наряду с низким гулким стоном, а затем женщине удалось повернуть аварийный сброс, предназначенный для выброса титановой сферы с экипажем из корпуса подложки, продуть балластные цистерны и отправить сигнал бедствия на поверхность.

Гидеон повернул дроссель своего глубоководного аппарата до максимума, на полной скорости рванув к месту катастрофы. Он слышал весь обмен сообщениями по глубоководной линии связи и с ужасом видел, как огни субмарины Алекс потухли как раз в тот момент, когда ее полностью проглотили. Но они не исчезли совсем — внутри существа теперь виднелось ужасное зеленоватое свечение, и когда он приблизился к стволу на достаточное расстояние, то даже сквозь плоть существа смог различить темный, размытый контур субмарины.

Он знал, что титановая сфера была невероятно крепкой, и могла выдерживать давление на глубине до трех миль. В голове билась мысль: *Алекс будет в безопасности*. Она могла прорезать себе путь из Баобаба сварочной горелкой или, может быть, спровоцировать существо, чтобы оно выплюнуло ее...

— Гидеон, — раздался голос Леннарт. — Что ты творишь?

Он не потрудился ответить, полностью сосредоточившись на движении и проклиная медлительность субмарины.

— Ты должен придерживаться заданного плана.

— К черту приказы!

Когда Гидеон был почти у цели, он услышал звуки. Но они пришли к нему не в цифровом виде через канал связи, а через саму воду — подхваченные внешним гидрофоном его аппарата и транслировавшиеся прямо в салон. Он увеличил число оборотов.

— Ты уже ничем ей не поможешь. Остановить сейчас же.

Чавкающий, влажный постанывающий звук наполнил его сферу, затем раздался короткий щелчок, сопровождаемый каким-то низким гулом.

— Вернись, Гидеон. *Это прямой приказ*.

Не обратив на это внимания, Гидеон буквально упал, направив аппарат резко вниз и оказавшись всего в десяти футах над морским дном. Если б только ему удалось приблизиться к существу снизу, рот не смог бы до него добраться! Он бы впился в ствол своей горелкой и перерубил бы всю эту адскую штуковину к чертовой матери, если бы это было необходимо. Если бы это спасло Алекс. Но как только он спустился, он увидел внутри монстра яркую вспышку собственной ацетиленовой горелки Алекс, и — в ответ — верхний ствол существа круто изогнулся. Огни поглощенной субмарины мигнули, и раздался приглушенный гул. Из пасти существа вышел огромный бурлящий сгусток пузырьков воздуха.

Она активировала катапульту.

Существо извивалось в ужасных судорогах. Но спасательная капсула так и не появилась — не вырвалась на свободу — зато вышла следующая порция воздуха.

— *Нем!* — крикнул Гидеон.

Теперь ствол деформировался в его сторону, устрашающе изогнувшись, как атакующая африканская гадюка.

— Гидеон! — закричала Леннарт. — Прекрати! Это самоубийство! Убирайся оттуда к чертовой матери!

Продолжив ее игнорировать, он зажег горелку и стал размахивать ею перед существом, нацелившимся на него. Крошечный голос в его голове твердил, что это безумие, сражение

Давида и Голиафа, но он решительно отбросил эту мысль. В переднем обзорном окне он увидел одно из странных тонких щупалец существа, выступавшее из океанского дна. Он должен был сделать *хоть что-то*. Не мешкая, Гидеон толкнул джойстик вниз, подобрался к отростку, остановился и, направив горелку, резанул по нему. Жар ацетиленового пламени заставил плоть существа шипеть и скворчать, как жарящееся мясо. Отрезанное щупальце лихорадочно изогнулось, взметнув облако ила. Гидеон резанул снова, очередная конвульсия живой плоти подняла еще больше ила и погрузила его батискаф в зернистую темноту.

На экране появилось уже знакомое сообщение: «УПРАВЛЕНИЕ ПЕРЕДАНО НА ПОВЕРХНОСТЬ».

Гидеон сразу же почувствовал, что джойстик перестал его слушаться.

— Нет! — закричал он.

— Хватит! Мы вытаскиваем тебя оттуда.

Батискаф начал всплывать. Облако ила осталось внизу, и Гидеон — последним, спонтанным движением — схватил роботизированной рукой длинную плавающую часть щупальца, которую он отрубил и сунул ее в корзину для образцов рядом с черными ящиками.

И тут через гидрофон пришел голос. Это был голос Алекс: спокойный, приятный и далекий, словно звезды.

—... *Позволь мне коснуться твоего лица.*

Убого одетый человек катил дешевый чемодан на колесиках по улице Вест-Сан-Франциско города Санта-Фе. Он прошел мимо «Старбакса» и замешкался, почувствовав желание выпить макиато — или даже чашечку эспрессо — но вспомнил, что у него нет денег. Свернув на Галистео-стрит, он остановился у витрины с вывеской, гласящей, что здесь находится магазин «ПЕРВОКЛАССНАЯ ЭКЗОТИКА». Витрина представляла собой просток окно, демонстрировавшее причудливые и фантастические драгоценные и полудрагоценные камни, минералы и окаменелости. Также там был выставлен череп пещерного медведя, водруженный на постамент, яйцо динозавра, мумифицированный крокодил, впечатляющий минерал азурит, четырехдюймовый турмалин и большой, разрезанный поперек метеорит с протравленным кружевом, являвшимся не чем иным, как буйством линий Видманштеттена^[19].

Мужчина остановился у витрины. Он не позвонил заранее, чтобы договориться о встрече, но владелец магазина — парень по имени Джо Калп — почти всегда был на месте. Кроме того, просьба о встрече казалась не такой уж хорошей идеей: последнее их randevu прошло не слишком хорошо, и он боялся, что получит от ворот поворот прежде, чем переступит порог.

Внезапно ручка чемодана выпала из его руки, и он нагнулся, чтобы ее поднять. Господи, каким же он был тяжелым — может быть, восемьдесят, девяносто фунтов — но именно этот вес купит ему обед и место для ночлега. Он толкнул дверь, заставив колокольчики звякнуть, и спустил чемодан по лестнице в подвальное помещение, заполненное от пола до потолка чудесами природы.

— Ну и ну, Сэм Макферлейн! — Джо Калп вышел из-за стойки, развел руки и дружеском приветствии и широко улыбнулся. Макферлейн не любил, когда его обнимали, но сейчас было разумно об этом умолчать. — У тебя для меня что-нибудь есть? Где ты пропадал? Преподаешь?

— Преподавал. Не получилось. Поэтому я направился в Россию.

— Куда именно?

— Приморье.

Тут он увидел, что на лице Калпа отразилась озадаченность, как только его взгляд упал на чемодан.

— Это образцы Сихотэ-Алиня^[20]?

— Да.

— Все до единого?

— Поверь мне, все как один оттуда. Самые лучшие. Шрапнель, отпечатки, ориентированные — все уникальные и подлинные. Один даже с отверстием.

— Давай посмотрим, — сказал Калп слегка натянуто и Макферлейн буквально ощутил исходящее от него недоверие.

Макферлейн расстегнул чемодан, явив ряд коробок из-под обуви с разными пометками маркера, в каждой из которых хранились отборные образцы.

— Давай посмотрим на те, у которых есть узоры, — сказал Калп.

Макферлейн достал одну из коробок, положил ее на прилавок и открыл. Внутри лежали

завернутые в бумажные полотенца образцы. Он перебрал их и достал несколько самых больших, а затем снял с них обертки. Калп предусмотрительно вытащил бархатную подставку и положил ее на прилавок, чтобы метеориты не царапали стекло.

— Как насчет этого? — спросил Макферлейн, положив свой лучший образчик на бархат. — Отпечатки с одной стороны, кора слияния. Совершенно уникальный.

Калп хмыкнул и поднял гостя из космоса, рассматривая.

— Как ты его раздобыл?

— В Приморье много парней с металлоискателями, которые ходят повсюду и прочесывают местность. Там еще масса подобного дерьма.

Калп еще повертел кусок в руках и, наконец, отложил его.

— Ладно. Что еще?

— Он что, тебе не понравился?

— Дело не в том, что он мне не понравился. Просто мы специализируемся на *уникальных* товарах. А он... ну, на eBay продается много таких же. Давай посмотрим на тот, который с дырой.

Макферлейн перерыл почти всю коробку, прежде чем нашел требуемый экземпляр, спешно развернул и положил его на бархат.

Снова он увидел разочарование на лице Калпа, и это вызвало в нем вспышку раздражения. Когда Калп сразу не поднял его, Макферлейн сам взял образчик в руки.

— Видишь? — он поднес дыру к глазу. — Он довольно уникален.

— В нем почти нет ничего особенного. Хотя, я мог бы попробовать продать его. Сколько ты за него хочешь?

— Двенадцать сотен.

— Ого! Я за столько его не продам. За него и шесть сотен мало кто даст. Сэм, пойми, мне повезет, если я выручу за него хотя бы две.

Макферлейн почувствовал нарастающее раздражение.

— Бред сивой кобылы! Мне стоило три тысячи баксов добраться до Приморья. Кто будет платить за это? И мне пришлось заплатить две сотни парню, который нашел его!

— Тогда я бы сказал, что ты переплатил.

— Ну же, Джо. Сколько экземпляров Сихотэ-Алиня имеют отпечатки и отверстие?

— Рынок наводнен Сихотэ-Алинем. Просто зайди на eBay и сам все увидишь.

— К черту eBay. Этот лучше, чем на eBay, — Макферлейн полез в коробку и вытащил еще один образец. — Только взгляни на него — чертовски хороший осколок, двести граммов. С закрученным узором. И этот... — он развернул следующий, затем еще один, с нарастающей поспешностью. — А как насчет этого? Красиво ориентированный с линиями потока и корочкой плавления.

Калп развел руками.

— Сэм, мне они просто не нужны. У меня есть метеориты, *уникальные* метеориты, стоящие по девятью, сто кусков. Этот весь твой материал мне совершенно ни к чему. Так вот, если бы у тебя был, скажем, какой-нибудь хороший палласит, мне определенно было бы интересно. Как тот невероятный палласит из Акомита^[21], который ты принес мне пять лет назад — если бы ты смог достать еще один образчик, как тот, я мог бы продать его хоть завтра.

— Я же сказал, что только что вернулся из России. Я потратил последние деньги на эти метеориты. Тебе не кажется, что для разнообразия в магазине необходимо иметь несколько

менее дорогих вещей — я имею в виду, не всякий может позволить себе метеориты за сто кусков?

— Таковы запросы моих клиентов.

Макферлейн колебался.

— Я продам тебе целую коллекцию за шесть штук. Забери их все. Сорок килограмм железа — это всего пятнадцать центов за грамм!

— Честно говоря, Сэм, твой лучший вариант — это eBay. В этом нет ничего зазорного. И тогда тебе не придется отстегивать долю дилеру.

— Значит, после всех сокровищ, что я принес тебе, всех денег, которые ты благодаря мне заработал, ты хочешь сослать меня на eBay?

— Не придирайся к словам. Я просто дал тебе совет — а ты делай, что хочешь.

Макферлейн почувствовал разочарование и ярость.

— eBay, — пробормотал он, качая головой.

— Сэм, ты уже давно не приносил мне *ничего*, что я мог бы продать, что было бы хоть немного востребовано... со времен той... той самой экспедиции, где бы она ни была. Принеси мне что-нибудь действительно стоящее, и я тебе хорошо заплачу, очень хорошо...

— Я же говорил тебе, чтобы ты никогда не упоминал ту экспедицию! — прорычал Макферлейн, и сдерживаемая ярость, наконец, прорвала плотину. Резким движением руки он смахнул коробку с прилавка на пол, метеориты рассыпались и загрохотали по всему полу.

Калп поднялся.

— Прости, Сэм, но я думаю, тебе лучше уйти.

— С удовольствием. А ты давай, продолжай работать, оставь это дерьмо на полу, оно мне не нужно. Отдай его своим богатым чертовым клиентам или используй как гребаное пресс-папье. Господи, ты же обведешь вокруг пальца кого угодно!

Макферлейн схватил чемодан и, обуреваемый яростью, поднявшись по лестнице, вышел на улицу. Но резкий яркий свет ошеломил его, и он почувствовал, как его ярость утихает. Черт побери, ему нужны были метеориты, которые он оставил валяться на полу — это были его лучшие экземпляры. У него даже не было денег, чтобы купить чашку кофе. Он почувствовал внезапный ошеломляющий стыд за свой срыв. Калп не занимался благотворительностью и, как дилер, был прав. Где-то в глубине души Макферлейн знал это: метеориты, которые он принес, не были примечательными ничем. Поездка в Россию потерпела полный крах — другие охотники за метеоритами уже забрали хороший материал, а он скупил дерьмо, которое все остальные отвергли. Джо помогал ему и раньше, подкидывал ему деньги, финансировал его поездки... Он должен ему пять тысяч долларов, а Джо даже не заикнулся об этом.

После долгого, нестерпимого колебания Макферлейн повернулся и зашагал обратно в магазин. Джо как раз положил последний метеорит обратно в его коробку из-под обуви и молча передал ее Макферлейну.

— Джо, мне действительно очень жаль, я не знаю, что на меня нашло...

— Сэм, я твой друг. И я думаю, тебе нужна помощь.

— Я знаю. У меня сейчас в голове полный бардак.

— Тебе сегодня есть, где переночевать?

— Да, все в порядке, не беспокойся.

Макферлейн положил коробку с образчиками обратно в свой чемодан, застегнул молнию и уже второй раз потащил его вверх по лестнице, пробормотав напоследок слова

прощания. Снова оказавшись на улице, он задался вопросом, где ему раздобыть денег за еду и ночлег. Может быть, ему опять переночевать в Кафедральном парке?

Он почувствовал вибрацию и понял, что это звонит его телефон. Он вытащил мобильник, задаваясь вопросом, кто же это мог быть. Ему уже несколько дней никто не звонил.

На экране маячил вызывающий абонент «ДИРБОРН-ПАРК». Что, черт побери, это за место?

— Слушаю?

— Это доктор Самуэль Макферлейн? — раздался голос на другом конце.

— Да.

— Пожалуйста, оставайтесь на связи. Здесь кое-кто хотел бы с вами поговорить.

Вечернее солнце освещало палубу исследовательского судна «Батавия», создавая игру золотых лучей и теней. Айсберг, дрейфующий мимо корабля, тоже оказался подсвечен сзади заходящим солнцем, его края сверкали переливами бирюзы и золота. Поверхность океана напоминала отполированный лист металла, а воздух был совершенно неподвижен. Гидеон невольно представил себе, как этим зрелищем восхитилась бы Алекс, и осознание этого оказалось болезненным, словно резкий удар под дых. Пожелав сменить обстановку, он вышел через двойные двери и попал в освещенный лампами дневного света полумрак ангара субмарин.

Весь экипаж корабля собрался в пещерообразном ангаре, непривычно пустом. Два глубоководных аппарата с утреннего погружения все еще находились на палубе для обслуживания, а вот третий, как это ни печально, был потерян окончательно. Ангар был выбран потому, что конференц-зал не был достаточно велик, чтобы вместить всех желающих.

На этот раз без всяких просьб Гидеон занял позицию рядом с Глинном и Гарзой, стоявших лицом к собравшимся. Стояла полная тишина, но атмосфера была совсем не спокойной: воздух буквально искрил от напряжения. Сам Гидеон все еще пребывал в шоке и никак не мог на эмоциональном уровне обработать то, что произошло, хотя разумом он понимал это уж слишком ужасающе ясно. Он осмотрел море лиц, сердито взглянув на Леннарт, которая прервала его попытки спасти Алекс. Старший офицер стояла рядом с капитаном Талли, начальником службы безопасности и группой остальных старших офицеров — при этом все они смотрели рассеянными взглядами в никуда. Умом Гидеон понимал, что она сделала все правильно — его действия были импульсивными, самоубийственными, но он все же чувствовал бессильную ярость, смешанную с горем.

Рядом с ним стоял застывший Глинн, недвижимый словно истукан. По слухам, ходящим среди офицеров, у него, видимо, случился нервный срыв в Центре управления миссией, когда он увидел на записи капитана Бриттон. Поэтому, в то время как произошел несчастный случай, он находился внизу, в медицинском отсеке. Но он быстро оправился и теперь выглядел нормально — вернее, нормально *для него* — на его лице маячила привычная бесстрастная маска. Он был одет в брюки-хаки и бежевую рубашку с коротким рукавом, а над его серыми глазами лежал ровный лоб без единой тревожной морщинки.

Гидеон взглянул на часы: ровно пять вечера. Как обычно, Глинн начал совещание с точностью до секунды.

— Я хочу извиниться за свою временную недееспособность, — сказал он, прохладным безликим голосом.

Это было встречено гробовым молчанием.

— Но самое важное: я безмерно сожалею о том, что случилось с Алекс Лиспенард. Я знаю, что вы все любили и уважали ее, и что вы все разделяете мое горе. Это трагедия для корабля и для всей миссии в целом. Но сейчас самое лучшее, чем мы можем почтить ее память, это продолжить нашу работу.

Очередная порция тишины.

— Ее смерть не была напрасной. Мы успешно извлекли черные ящики «Ролваага». Как

многим из вас известно, эти ящики хорошо защищены от многих видов потенциальных угроз, включая взрыв и экстремальное давление воды. К сожалению, похоже, что в момент катастрофы что-то вызвало обширный ЭМИ — электромагнитный импульс — пронесшийся через весь корабль. Ящики были электромагнитно экранированы, но ЭМИ был такой силы, что пробил их экранирование, и носители данных оказались повреждены. Сами данные можно спасти, по крайней мере, большую их часть, но это будет деликатный и кропотливый процесс. Их восстановлением займется Хэнк Нишимура, — Нишимура, высокий, худой и чрезвычайно молодой парень, одетый в белый лабораторный халат поверх кричащей гавайской рубашки, слегка кивнул. — А сейчас я передам слово доктору Гарзе, который произведет разбор гибели «Пола».

Гарза вышел вперед, на его мрачном лице от сдерживаемых эмоций залегли морщины.

— Я не буду ничего приукрашивать. Случившееся стало тяжелым испытанием для всех нас. Мы собираемся показать вам фото, которые смогли получить с батискафа Алекс Лиспенард, их не много: до того, как субмарина была потеряна, успело загрузиться только видео низкого разрешения. Помимо этого, все данные лидара тоже были потеряны. У нас есть несколько кадров последних моментов «Пола», снятых камерой «Джона», который пилотировался доктором Кру и находился рядом с объектом. Мой собственный батискаф, «Джордж», был слишком далеко, чтобы записать хоть что-либо помимо аудиоканала связи. Доктор Нишимура сейчас запустит видео и аудио без комментариев. После чего обсуждение будет продолжено.

Он повернулся, и двухсотдюймовый ЖК-экран ожил, управляемый из Центра миссии.

Гидеон с неохотой повернулся, чтобы тоже посмотреть. В спектральном свете при низком разрешении ствол Баобаба казался полупрозрачным и испускающим зеленоватое свечение. Запись принадлежала «Полу», когда он кружил над верхней частью ствола, освещая его прожекторами. Свет выхватил темный предмет, заключенный в желеобразный мешок примерно полтора фута длиной, но со странной, ребристой поверхностью, опутанной чем-то, напомиавшим набухшие вены. Но разрешение было крайне низким, а объект размытым и пиксельным, и Гидеон не мог рассмотреть никаких конкретных деталей.

Далее раздался голос Алекс.

— Центр, это «Пол». Я вижу что-то необычное в развилке. Что-то темное.

— О'кей, мы тоже это видим, — ответила старший офицер Леннарт.

Нишимура остановил видео, продемонстрировав крупным планом объект, находившийся в оболочке в развилке ствола.

Чтоб меня! — подумал Гидеон, глядя на темный предмет. — *Это похоже на мозг!*

Видео продолжилось, и теперь субмарина зависла над развилкой. Гидеон отчетливо видел рот — его прозрачные, резиновые губы глотали воду, словно гигантская отвратительная рыба.

— *Кажется, мы только что нашли рот,* — донесся искаженный голос Алекс.

Последовавшие за этим события были показаны в режиме замедленной съемки. За обменом репликами звучал тот самый низкий гул, который Гидеон слышал и раньше. Он видел, как аппарат оказался поглощен, видел, как Алекс изо всех сил пыталась развернуть механическую руку, а затем яркую вспышку, когда она зажгла горелку. UQC функционировал с перебоями, и остальной видео-поток был не намного четче, чем игра бликов света и тени. Но даже среди этой пиксельной неразберихи вспышка ацетилена была легкоузнаваемой, и ее нельзя было спутать ни с чем иным. К сожалению, она-то, скорее всего, и спровоцировала

существо среагировать и уничтожить субмарину.

Экран ненадолго погас. Затем появился видеоролик Гидеона, и ему снова пришлось наблюдать — но на этот раз со стороны — выход облака пузырьков из существа — скорее всего это был воздух из уничтоженной субмарины. И в заключении послышалось то самое последнее необъяснимое сообщение:

«Позволь мне коснуться твоего лица».

Оно-то, наконец, и разрушило напряженное молчание. По собравшимся пронесся тревожный ропот и возмущенные интонации, даже несколько сдавленных вскриков. Глинн вышел вперед, как только загорелся свет.

— Ну что ж, давайте обсудим, — выдохнул он.

— Что значит последнее сообщение? — подала голос Леннарт.

— Мы — я и доктор Брамбелл — пришли к выводу, что, похоже, это была какая-то галлюцинация, так называемый «экстаз глубины»^[22], перенесенный Алекс, из-за изменения давления в батискафе.

— Это не объясняет сроки, — высказала свое сомнение Леннарт. — Она произнесла это через несколько секунд после того, как ее субмарина была раздавлена.

Донесся спокойный ропот обсуждения.

— А это, — резко сказал Глинн, — явно технический сбой глубоководной системы связи. Некая задержка. Мы работаем над этим.

— Но оно пришло не по линии связи UQC. Оно было зафиксировано гидрофоном «Джона».

Еще один всплеск разговоров, который Глинн прервал, подняв руки.

— Глубоководная связь UQC и гидрофон используют одну и ту же акустическую систему. Со стороны Баобаба шло слишком много сонарных помех. Так что, скорее всего, несоответствие сводится к несовершенству системы фиксации аудио. Но мы прорабатываем и другие возможные версии, находясь в поисках объяснений.

Леннарт отступила, нахмурившись, явно неудовлетворенная ответом. Тут руку поднял Протеро.

— Слушаю?

— О'кей, все слышали, тот низкий фон, прозвучавший в самом конце записи? — он бегло оглядел присутствующих. — Воспроизведите его еще раз.

Глинн выполнил его просьбу.

— Я помогал Нишимуре обрабатывать видео, и как только я это услышал, то сразу же понял, что это такое, — он поднялся на возвышение с явным триумфом на лице. — Вот этот же звук, но ускоренный в десять раз, — Протеро подключил свой мобильный телефон к одному из разъемов аудио-входа монитора и включил его. Из динамиков раздался жуткий, безумный звук: наполовину стон, наполовину песня.

Протеро проиграл его около пятнадцати секунд, а затем выключил.

— Классика. Это вокализация голубого кита. Получается, что ваша акустическая сеть просто уловила где-то поблизости кита.

— Голубые киты не могут нырять на такую глубину, — возразила Антонелла Сакс, руководитель лаборатории экзобиологии.

— Нет. Но их вокализации могут распространяться до ста миль. Самый громкий звук, когда-либо зафиксированный у животных, принадлежит голубому киту. Должно быть, где-то там, рядом, прошла стая китов, голоса которых случайно и уловил гидрофон «Джона». Я бы

сказал, это необычно и круто. Хочу сделать триангуляцию и узнать, где точно находились киты, когда это было записано. Обычно синий кит не заплывает так далеко на юг — это может оказаться важно.

Он спустился с подиума, осматриваясь, как будто в поисках одобрения.

— Еще вопросы? — поинтересовался Глинн.

Гидеон поднял руку и спросил.

— Эта темная, продолговатая штука внутри существа — кто-нибудь еще считает, что это похоже на мозг?

Раздались многочисленные согласия.

— Если это так, — продолжил он, — то убийство этого сукиного сына, возможно, может стать намного проще.

Это замечание было встречено всеобщим ликованием. Дискуссия на данную тему продолжалась до тех пор, пока не свернула на совсем уж неправдоподобную, умозрительную территорию. В конце концов, Глинн вышел вперед и прервал ее.

— Хорошо, я вас услышал — сказал он. — Спасибо. Теперь я собираюсь раздать несколько поручений. Команда экзобиологов под руководством Антонеллы Сакс изучит образец щупальца, который добыл доктор Кру. Доктор Сакс, ваша команда в меру возможностей также попытается проанализировать внутренние системы организма — в частности, мне интересно узнать, есть ли у существа мозг и нервная система, и особенно, действительно ли тот темный объект является ее мозгом. Протеро, я хочу, чтобы вы попытались синхронизировать звуковые потоки гидрофона и связи UQC. Что касается заплывшего не туда кита, я не уверен, что стоит тратить на него время.

Протеро пожал плечами.

— Доктор Нишимура предоставит нам данные из черных ящиков через день или два, это даст нам гораздо более обширную область для работы. Команда, под руководством Мануэля Гарзы...

— Минуточку, — перебил его тучный мужчина в комбинезоне, вставая. Это был второй инженер корабля, человек по имени Мастерсон. — Я не понимаю, как мы будем защищать себя. Эта штуковина, как орех, раздавила титановую сферу, спроектированную таким образом, чтобы выдерживать давление четырнадцать тысяч фунтов на квадратный дюйм.

Ему ответил Гарза.

— Мы считаем, что на поверхности мы в безопасности. Верхушка Баобаба находится на глубине почти двух миль под нами. Между нами много воды.

— Это необоснованное предположение.

Его поддержал ропот согласия.

— Признайтесь, нам она не по зубам, — продолжил Мастерсон. — Та штука внизу намного опаснее, чем вы нам рассказываете. Я предлагаю переместить наш корабль отсюда на безопасное расстояние — примерно на десять, пятнадцать миль — на всякий случай.

— Это будет смертельно тормозить наши исследования, — отчеканил Глинн.

— Да, но этот сукин сын уже «смертельно притормозил» одного из нас.

Глинн взял минутную паузу, прежде чем ответить.

— Смерть Алекс Лиспенард — это потрясение и трагедия. Мы узнали кое-что о существе и его возможностях через самый горький опыт. Но... — он опустил глаза, — мы должны рискнуть, если собираемся уничтожить этот объект.

— Существует разница между обоснованными рисками и безрассудством, — гнул свое

Мастерсон, поддерживаемый ропотом голосов. — Я отношу данную миссию к категории безрассудства. Вы отправили туда три субмарины, одна из которых кружила около существа на расстоянии менее пятидесяти футов. Не очень-то умно с вашей стороны. Я думаю, нам лучше отступить или, может быть, даже переосмыслить всю экспедицию.

— Мы ступили на неизведанную территорию, — сказал Глинн, с резкими нотками в голосе. — И мы не можем позволить себе роскошь осторожничать. Нам *жизненно необходима* информация, — он замолчал, окинув взглядом серых глаз группу собравшихся. — Все вы были в полном объеме проинформированы о случившемся. Все вы понимаете, что здесь мы полностью оторваны от мира и предоставлены сами себе. Об эвакуации и спасении не стоит даже говорить. Единственный вертолет, который у нас есть, «AStar», имеет дальность в триста шестьдесят морских миль. Ближайший вертодром — это Грютвикен, на острове Южная Георгия — находится на расстоянии шестисот морских миль. Наши два катера не рассчитаны на путешествия в открытом море, особенно в «пронзительных шестидесятих» Южной Атлантики. Так что к лучшему или худшему, но *мы здесь, и мы вместе*. Итак, мистер Мастерсон, вы все еще намерены требовать, чтобы мы отступили от цели?

Мастерсон выглядел расстроенным.

— Все, о чем я прошу, это о небольшой предосторожности.

— И это вполне разумно. Благодарю вас, мистер Мастерсон, — Глинн окинул присутствующих бесстрастным взглядом. — Собрание окончено.

Когда команда разошлась, Глинн коснулся руки Гидеона.

— Встретимся внизу в лаборатории экзобиологии, — тихо сказал он. — Через десять минут.

К тому моменту, как Гидеон добрался до лаборатории экзобиологии, Глинн уже вовсю оживленно беседовал с Антонеллой Сакс, руководителем упомянутой лаборатории. Они склонились над ящиком из нержавеющей стали со стеклянным верхом, в котором содержалось корнеобразное щупальце — удивительно тонкое и длинное. Четыре других техника были заняты в разных уголках просторной и одновременно казавшейся переполненной лаборатории.

Завидев Гидеона, Глинн жестом пригласил его войти.

— Заходи, Гидеон. Доктор Сакс как раз объясняет, что она и ее команда планируют сделать с этим образцом.

Гидеону так и не удалось пообщаться с Сакс. Это была коренастая женщина невысокого роста, серьезная, с каштановыми волосами, туго стянутыми в хвост. За стеклами ее очков проглядывались легкие морщинки вокруг глаз. В свои сорок лет она выглядела чуть старше своего возраста и производила впечатление умудренного оптом человека. Гидеон пожал ей руку, и она тут же повернулась обратно к свернутому кольцом щупальцу.

— Итак, что мы имеем, — кивнула Сакс. — Это первый реальный пример экзобиологии на планете Земля. И это более чем удивительно! Но при этом образец представляет собой массу проблем. Например, при нормальных обстоятельствах мы бы начали проводить с ним самые кропотливые и тщательные процедуры в условиях абсолютной стерильности, но сейчас на это нет времени. Нам нужно узнать как можно больше об этом образце в максимально сжатые сроки. Придется работать быстро и грязно. Чем больше мы узнаем, тем лучше сумеем подготовиться.

— А что насчет процедуры карантина? — спросил Гидеон. — Нам же не нужен тут штамм Андромеда^[23].

— Дело в том, что сам корабль — и есть своего рода карантинная зона. *Полный* карантин. Прежде чем мы вернемся в порт, мы сожжем эту штуку и любые другие его отростки, которые поднимем на борт, а затем стерилизуем лабораторию.

Гидеон заметно растерялся. Он все еще был шокирован тем, что случилось с Алекс, и ему с трудом удавалось на чем-либо сосредоточиться.

— Вы... вы считаете, что корабль находится под угрозой какого-то заражения или воздействия микробов, которые могут содержаться в этой... штуке? — спросил он.

Сакс взглянула на него своими ясными карими глазами.

— Если кратко: да.

— Это существо *уже* не изолировано и находится в открытом океане, — вмешался Глинн. — Так что, какие бы микробы оно ни разносило, они уже присутствуют в нашей окружающей среде.

— Что я нахожу занимательным, — дополнила Сакс, — так это то, что образец достиг поверхности, где давление в четыреста раз меньше, *невредимым*, без видимых изменений. Обычно, когда глубоководный образец появляется на поверхности, он почти тут же разрушается.

— А эта штука, получается, может жить на любой глубине? — спросил Гидеон.

— Напрашивается именно такой вывод.

Далее Сакс описала план исследований, подразумевавших иссечение нескольких частей образца для различных сканирований и прочих осмотров — заморозка, изучение под микроскопом, РЭМ^[24], ПЭМ^[25], гистология. Также она упомянула о КТ и МРТ, тестах электрическими импульсами, микробиологических и биохимических анализах.

— Мы не знаем, что это такое, — в довершение сказала она. — Растение, животное или что-то совсем другое. Мы не можем сказать точно, из чего оно сделано. Есть ли у него ДНК? Углеродистое ли оно? Даже самые элементарные вопросы для нас все еще остаются без ответа. Но когда мы закончим, наши тесты дадут нам представление об анатомии этого существа, его нервной системе — если она вообще есть — потоках жидкостей и электрических импульсах, клеточных энергетических циклах — при условии, что у него есть клетки — его биохимии и молекулярном составе. Но пока... — она покачала головой, — это существо для нас аналогично приземлению на неизвестной планете. Полная загадка. Мы ничего о нем не знаем.

— Тогда вам придется работать в условиях крайней спешки, — Глинн повернулся и жестом дал понять Гидеону, чтобы тот следовал за ним. Выйдя в коридор и оставшись наедине, Глинн заговорил, лишь когда они повернули за угол. — Есть кое-что, о чем я хотел бы поговорить с тобой — *приватно*.

— Разумеется.

— Тогда, на собрании я отозвался весьма пренебрежительно о последних словах Лиспенард.

Гидеон глубоко вздохнул.

— Это было трудно не заметить.

— Они вселяли глубокое беспокойство, и мне не хотелось много о них распространяться.

— Ты... эм... ты говоришь о сроках?

Глинн внушительно посмотрел на него.

— Протеро уже работает над этим, но я считаю, что имел место какой-то сбой. Нет, я говорю о том, *что* именно она сказала. Дело в *смысле*. *Позволь мне коснуться твоего лица*.

Гидеон промолчал. *Она* говорила ему эти слова или нечто крайне похожее той ночью, которую они провели вместе.

Боже. Неужели это было только вчера?

— На собрании я сказал, что это был своего рода «экстаз глубины». Но я не уверен, что это так. Сфера была моментально раздавлена. И на глубине двух миль не могло быть «экстаза» — только смерть. Причем, при таком давлении, абсолютно мгновенная. Вдумываясь в эти слова... Я чувствую, что в них есть реальный смысл. Это не было какое-то безумное, сумасшедшее высказывание умирающего мозга. Это что-то... — он помолчал, подбирая слова, — это нечто за пределами нашего понимания.

Глинн повернулся к Гидеону и буквально пробуравил в нем дыру своими серыми пронзительными глазами.

— Мы с тобой будем тихо развивать эту линию расследования. Только мы вдвоем. Я знаю, Гидеон, что значит для тебя смерть Алекс. И я знаю, что это непросто. Но я также знаю, что эта аномалия — твой новый белый кит, и ты не сможешь забыть о ней, пока не докопаешься до сути. Протеро работает над сбоем во времени. Я хочу, чтобы ты проследил за тем, что он делает, и убедился, что слухи о чем бы то ни было, что он может обнаружить, не достигли лишних ушей. Мы опустили камеру на морское дно и разместили ее примерно в

двухстах ярдах от этого существа. Теперь мы будем наблюдать за ним двадцать четыре часа в сутки.

— Хорошо, — вздохнул Гидеон.

Глинн задумчиво посмотрел на него, а затем, коротко кивнув, повернулся и направился обратно, в сторону Центра управления.

Эли Глинн зажег в своей каюте тусклый свет, и начал раздеваться, готовясь ко сну. Он снял рубашку и помедлил, осматривая свою левую руку. Во время крушения «Ролваага» она оказалась повреждена сильнее всего, приняв на себя большую часть удара. Несмотря на слабое освещение, Глинн отчетливо видел гладкие, немного поблескивающие участки кожи, которые когда-то были ожоговыми рубцами, а также шрамы и следы от осколочных ранений. Он согнул руку, и мышцы под кожей напряглись. Их сила медленно возвращалась, и его ежедневные тренировки способствовали этому. Лучевые кости доктора собрали по кусочкам, словно головоломку, скрепив их металлическими стержнями и пластинами. Сейчас большая часть этих металлических конструкций была удалена за ненадобностью, и несколько свежих шрамов были тому свидетельством.

Глинн поднял руку и воззрился на нее. Его поразило то, что она стала почти нормальной, хотя прежде была травмированным, собранным из маленьких кусочков безжизненным отростком, которым он уже и не надеялся полноценно пользоваться. Губы его дернулись в победной улыбке, Глинн приподнял руку выше и пошевелил пальцами. Да, пианистом ему, пожалуй, не стать, но теперь он хотя бы мог обедать за столом, как нормальный человек, а не как животное, роняющее еду и едва успевающее утирать губы салфеткой.

Он согнул пальцы, затем покрутил рукой из стороны в сторону и искренне наслаждался свободой движения и отсутствием боли. Он вздохнул с трепетом и удивился самому себе: это было так ему несвойственно — восхищаться собственным телом и получать от него удовольствие. По крайней мере, *раньше* это было не похоже на него. Но теперь, когда его ранения почти полностью зажили, он гораздо больше ценил здоровье и свободу передвижения и был за это искренне благодарен. У этой благодарности была и обратная сторона. Она заставляла его мысленно возвращаться к тем, кто не выжил в той катастрофе — особенно к одному человеку — и чувство старой вины накатывало на него с новой силой, прихватывая печаль в свои верные спутники.

Отгнав гнетущие мысли и раздевшись до нижнего белья, Глинн направился в ванную и почистил перед зеркалом зубы. Его лицо выглядело намного лучше, и даже поврежденный глаз зажил — что занимательно, он был другого оттенка серого, нежели здоровый. Всего на тон — но темнее. Ярче. *Моложе*.

Корень лотоса, который он сжевал на том странном далеком острове двумя месяцами ранее, буквально сотворил чудо.

Глинн умыл лицо, вытер его, расчесал свои чуть поредевшие волосы и вернулся в каюту. Взяв из шкафа шелковый халат, он надел его и направился к ближайшему иллюминатору. Невзирая на холод, он распахнул его и вдохнул свежий морозный воздух, в котором витали ароматы соли и льда. Близлежащий айсберг представлял собой нечеткий серый абрис, выступающий из темноты, едва очерченный ходовыми огнями корабля. Море было спокойным, а ночь стояла безлунная, но полная звезд. Со вздохом Глинн отошел от иллюминатора и лег на кровать, закинув руки за голову. Мысли его, как вода по выточенной канавке в скале, неизбежно вновь потекли к событиям крушения «Ролваага».

Он потянулся к лежащему на прикроватной тумбе тонкому и потрепанному томику

избранных стихов У. Х. Одена. Перелистнув несколько страниц, он открыл стихотворение под названием «Хвала известняку». Ему не нужно было читать его — он знал каждое слово наизусть — однако все же он сделал это, потому что один вид напечатанных слов успокаивал его.

... Но безрассудности очарованье

Принес старинный океанский шепот:

«Я — одиночество. То, что не просит и не обещает...»

Несколько раз перечитав стихотворение, Глинн отложил книгу и поднялся с кровати. Он снова подошел к иллюминатору, вдохнул морской воздух и, затянув пояс халата, надел тапочки. Затем он приблизился к своему рабочему столу, вытащил из ящика флешку, сунул ее в карман и тихо вышел из каюты.

Было час сорок пять ночи. Корабль погрузился в тишину, почти все уже спали. Глинн бесшумно добрался до Центра управления и воспользовался ключом, так как дверь оказалась заперта. Как он и надеялся, комната была пуста.

Приблизившись к центральной станции, он включил главный экран, вызвал серию меню и набрал несколько дополнительных команд. Спустя пару мгновений началось воспроизведение видео: это была запись с субмарины Гидеона, когда он пребывал внутри «Ролваага». Глинн быстро перемотал к тому фрагменту, где «Джон» прорубил себе путь в отсек с черными ящиками и наткнулся на труп Салли Бриттон.

Он остановил видео, вставил принесенную флешку в USB-порт, набрал несколько команд, а затем возобновил воспроизведение записи, параллельно копируя ее для себя.

Все повторилось снова — этот вихрь светлых волос, распростертые руки, словно в мольбе тянущиеся к нему, гладкая и чистая кожа, несмотря на годы пребывания тела в воде. Медленно... неотвратимо лицо снова повернулось к нему, сапфировые глаза оказались широко раскрыты, губы тоже были немного разомкнуты, а шея казалась такой белой... такой живой...

Глинн резко остановил видео. Загрузка была завершена, и он поспешил вынуть флешку и вернуться обратно в свою каюту. Там, снова лежа на кровати, он поставил на колени свой ноутбук и воткнул флешку, решив посмотреть видео снова — на этот раз медленно. Затем еще раз — кадр за кадром. Наконец, он остановил запись на том моменте, когда лицо мертвой женщины было обращено к камере, а ее сапфировые глаза будто смотрели точно в объектив. Глинн очень долго не мог оторваться от этого кадра.

Он смотрел на него, даже когда восходящее солнце окропило багрянцем темное небо и пробилось своими лучами в открытый иллюминатор каюты, возвещая о начале нового дня.

Опомнившись, словно ото сна, Глинн закрыл ноутбук, вытащил флешку и подошел к иллюминатору. Некоторое время он стоял и наблюдал, как из-за горизонта над спокойным океаном восстает новый день. А затем взял флешку и швырнул ее в синюю глубь — так

далеко, как только мог — услышав тихий всплеск. И вдруг случилось нечто невероятное: одна из множества чаек, летавших вокруг корабля, бросилась вниз и выхватила флешку из воды прежде, чем та успела утонуть и унести с собой на дно те страшные кадры. Птица тут же взмыла со своей добычей в небо и, удаляясь, постепенно становилась все меньше и меньше, пока окончательно не исчезла в ярко-оранжевом рассветном небе.

В восемь утра Гидеон постучался в дверь морской акустической лаборатории Протеро, стараясь подавить в себе иррациональное дурное предчувствие. Предыдущей ночью ему почти не удалось поспать — всего час или два, если это вообще можно было назвать сном.

Его инстинктивная неприязнь к инженеру сонара только усугубилась после того едкого комментария о «рыцаре в сияющих доспехах» — со смертью Алекс он стал воспринимать этот комментарий еще оскорбительнее.

— Открыто, — раздался сухой отклик.

Вздыхнув, Гидеон толкнул дверь, и его сразу же встретила волна электрического тепла, исходящая от фантасмагорического нагромождения электронных гаджетов. Там, в углу он заметил Протеро в дырявой футболке, сторбившегося над печатной платой с паяльником. Лаборатория выглядела точно так, как Гидеон себе и представлял: сплошной бардак и абсолютная неразбериха... Впрочем, как и Протеро — совершенно предсказуемо неряшливый в этой своей потрепанной футболке, демонстрирующий полное презрение к цивилизации. Высокая женщина азиатской внешности, которая сидела рядом с Протеро во время прошлого совещания, пока, видимо, еще не прибыла.

Гидеон ждал, нетерпеливо наблюдая за тем, как Протеро продолжает работать. Лишь после долгого молчания инженер сонара соизволил обратить внимание на своего посетителя:

— Я подойду к тебе через секунду.

Гидеон огляделся, но не нашел места, где присесть: каждый стул и стол в комнате был занят всяческим неведомым электронным дерьмом, даже стены здесь были практически полностью закрыты стойками с экзотическим оборудованием. Гидеон, обладая продвинутыми навыками в работе с аппаратурой, мог идентифицировать далеко не все, что здесь находилось, но достаточно четко видел, что значительная часть оборудования относилась к акустике — динамики, микрофоны и осциллографы трудно было не узнать.

Наконец, Протеро громко фыркнул от раздражения, выпрямился, убрал паяльник и повернулся на своем офисном стуле. На этом самом стуле он и подъехал к Гидеону, не потрудившись даже встать. Во время данного небольшого заезда старое кресло возмущенно постанывало и скрипело колесиками, но Протеро безжалостно гнал его вперед, отталкиваясь каблуками.

— В чем дело? — спросил он, остановившись примерно в футе от Гидеона. — У, нас, что, назначена встреча?

Гидеон с большим трудом сумел подавить в себе неприязнь к этому безалаберному человеку. Он предпочел ответить ему одним лишь осуждающим взглядом, в ответ на что Протеро издал недовольный короткий рык.

— О'кей, — отозвался он.

— Я хотел поговорить с тобой о... о последнем сообщении от Алекс Лиспенард.

Протеро провел рукой по своим длинным черным волосам, разделив пальцами сальные пряди, и потер шею. Он выглядел так, будто всю ночь просидел за паяльником, не разгибаясь. Впрочем, он всегда так выглядел.

— Ты сумел выяснить, что это был за сбой? — спросил Гидеон.

Протеро повернул голову на своей тощей шее и довольно громко хрустнул суставами.

— Не было никакого сбоя, — ответил он.

— Разумеется, был. Сбой или какая-то другая техническая неполадка. Я говорю с временных рамках.

— И я тебе повторяю: не было никакого сбоя.

— Я видел, как мини-субмарина была раздавлена, — начал вскипать Гидеон. — Я был тому свидетелем. А через пять секунд голос Алекс прозвучал в гидрофоне. Если не было никакого сбоя, очевидно, имела место какая-то задержка в передаче или какое-то временное отставание...

— Задержек не было.

— Да брось! — Гидеон всплеснул руками. — Ты хоть понимаешь, что это значит?

— То, что поймал твой гидрофон, было прямым акустическим сигналом, прошедшим через воду строго в тот самый момент.

— Это невозможно.

Протеро пожал плечами и снова потянулся.

— То есть, ты хочешь сказать, что... со мной говорил *мертвец*? — уточнил Гидеон.

— Все, что я хочу сказать, это то, что никакого сбоя не было. Точка.

— Да Бога ради, это *должен был* быть сбой!

— Невежество не меняет сути вещей даже в сочетании с горячностью, — наставническим тоном выдал Протеро. Гидеон всеми силами постарался сдержать рвущийся наружу гнев. Он глубоко вздохнул и заставил себя мысленно сосчитать до десяти.

— Ты хочешь сказать, что Алекс говорила со мной, когда: а) она была мертва; б) находилась внутри того существа?

— Я не проводил соответствующих исследований, чтобы делать подобные выводы. Возможно, это вообще не она говорила.

— Нет, это была *она*, я *знаю* ее голос! Кто еще это мог быть?

И снова — Протеро лишь пожал плечами.

— Кроме того, человек ведь не может разговаривать под водой. Ты же не хочешь убедить меня в том, что кто-то способен произнести четко целое предложение, которое будет слышно через четыре сотни ярдов воды? Разумеется, должен был иметь место какой-то технический сбой. Независимо от того, что она сказала, ее слова где-то зависли, и им потребовалось несколько секунд, чтобы достичь моего батискафа.

— Слушай, Гидеон, — Протеро снова хрустнул шеей, — почему бы тебе просто не уйти отсюда, а?

Дрожа от гнева, Гидеон заставил себя не произносить готовый сорваться с языка следующий обличительный комментарий. Это ни к чему не приведет, к тому же он понимал, что это отчасти его вина. Он пришел сюда уже на взводе, с трудом контролируя свои эмоции, и ждал услышать конкретный результат. Поэтому он позволил этому всему взять над собой верх.

— Я просто пытаюсь понять, — примирительно сказал Гидеон. — Пойми и ты, что я потерял близкого друга.

— Слушай, я понимаю. Правда. Я понимаю, что ты потрясен, и мне жаль, что это случилось. Но не надо приходить сюда и рассказывать мне, как делать мою работу. В ней я понимаю побольше тебя.

— Тогда как насчет того, чтобы просветить и меня, а? Я был бы тебе за это очень

признателен.

Гидеон тешил себя надеждой, что когда-нибудь от души пнет этого сукиного сына и отправит его на Южный Полюс, но... не сейчас.

— Спасибо, — ухмыльнулся Протеро, снова потянувшись и почесав руку, как обезьяна. Гидеон ждал, позволяя неловкой тишине растянуться во всей своей красе.

— Я работал над физикой процесса того, как это сообщение было фактически передано через воду. Пока что я остановился на этом, — видимо, решив, что этого достаточно, Протеро замолчал.

— Продолжай, — попросил Гидеон, когда пауза слишком затянулась.

— Это какое-то странное дерьмо.

— Поясни?

— Оно было цифровым.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты ведь знаешь разницу между аналоговыми и цифровыми звуковыми волнами? Одна выглядит гладко, в то время как другая состоит из набора отдельных образцов. *Временные* срезы, это маленькие шаги, как по лестнице. Так вот, *это* сообщение было цифровым, и волна была сконструирована так, чтобы пройти через воду. Поэтому голос звучал нормально, когда вышел из динамика и снова достиг воздуха — в твоём гидрофоне.

— Но... как?

Он снова пожал плечами.

— Никакая биологическая система не способна производить цифровой звук. Или цифровое *что бы то ни было*. Что угодно. Только электронике такое под силу. И эти вокализации синего кита — тоже цифровые. Они исходили от Баобаба, а не сверху.

— Баобаб издал звуки синего кита? Цифровые?

— Ага.

— Получается... эта штука не живая? Это машина? Она... эм... записывает аудиосигналы и может присылать их нам?

— Кто бы знал, черт возьми! Я понятия не имею, что она делает.

Гидеон уставился на инженера.

— Мы и не должны *понимать*, что это такое, — сказал он медленно и с расстановкой. — Мы должны *убить* его.

Глубоко внутри НИС «Батавия», в безымянном немеченом складе, который всегда держался строго запертым, Мануэль Гарза рассматривал массивные стальные стеллажи, на которых покоились частично собранные фрагменты бомбы. Здесь было все, кроме плутониевого ядра, которое содержалось в отдельном секретном хранилище. Глядя на все эти аккуратные стеллажи с различными компонентами — тщательно запечатанными и упакованными в посеребренный пластик — он невольно чувствовал беспокойство. Ему не нравилось, что Гидеон, не проявлявший никакого интереса к этому месту в течение нескольких недель, вдруг резко переменялся и настоял на том, чтобы взглянуть на бомбу. Он выглядел, как разъяренный, мстительный первобытный воин, ищущий успокоения в оружии. После смерти Лиспенард атмосфера на корабле изменилась. Все преисполнилось мрачной целеустремленности. При обычных обстоятельствах такую обстановку можно было бы назвать продуктивной, и все же Гарза был обеспокоен. Он питал глубокую подозрительность и недоверчивость к мстительности, как к мотиву, и не верил, что форму жизни, с которой они столкнулись, стоит считать более опасным врагом, чем, скажем, гризли или вирус. Голодный медведь делал то, что заложено в него природой. Как и вирус. И это существо — чем бы оно ни было — делало то, что должно было делать. Гарза был уверен, что оно не наделено разумом — разве что инстинктами.

В двери повернулся ключ, люк открылся, и на складе появился Глинн в сопровождении Гидеона.

— Вот оно, — сообщил Гарза. — Все опечатано, так что смотреть тут особо не на что.

Он наблюдал за тем, как Гидеон мрачно прошел мимо него, рассматривая составные части бомбы. Он протянул руку и коснулся пластмассы.

— Выглядит довольно маленьким для ядерного оружия, — сказал он через мгновение.

— Оно эффективно, поверь, — примирительно сказал Глинн. — Первоначально грузовой модуль принадлежал R7 «Семерка» — межконтинентальной баллистической ракете.

— Советская, — пробормотал Гидеон.

— Разумеется.

— И как вы ее достали?

— Мы уже сказали тебе все, что тебе нужно об этом знать.

— Мощность?

— Около ста килотонн.

— Вес?

— Сто сорок килограммов.

— Вес и форма плутониевого ядра?

— Двадцать килограммов, форма овальная.

Гарза видел, как Гидеон задумчиво проводит рукой по пластику.

— Каков тип триггера?

— У него есть инициатор полония-210.

— Боже. Не могу поверить, что вы смогли все это достать. Меня волнует, где же осели остальные бомбы советской эпохи...

— Поверь, нам и так хватает поводов для волнений. Эту проблему мы оставим кому-нибудь другому, — ответил Гарза.

Гидеон отнял руку от пластика.

— Дорого вышло?

— Очень.

— И как же ее модифицировали для подводного использования?

— Самой очевидной инженерной проблемой, — ответил Глинн, — было давление воды.

Мы планируем поместить ее в небольшую титановую сферу и отправить в ТНПА. У нас есть специальный робот-подводник, предназначенный именно для этой задачи. Он стоит в ангаре.

— Ясно. И как сдетонирует бомба?

— А тут, Гидеон, разворачивается уже твое поле деятельности. Ты — специалист по моделированию ядерных взрывов. Никто и никогда не взрывал бомбу на глубине двух миль при давлении воды в четыреста раз больше, чем на поверхности. Мы хотим убедиться в том, чтобы взрыв будет максимально разрушительным.

Гидеон перевел взгляд с Гарзы на Глинна и обратно.

— Вы говорите о довольно многоступенчатой вычислительной задаче.

— Да. И у нас на борту есть все необходимое оборудование, чтобы сделать это. Q-машина^[26].

Вздыхнув, Гидеон сказал:

— Взрыв должен полностью уничтожить эту штуку, не оставив ничего, что смогло бы укорениться и снова вырасти. Поэтому нам нужно знать, где эта тварь наиболее уязвима, где находятся ее жизненно важные органы, и как ее ткани среагируют на воздействие бомбы. Думаю, нет никакой пользы в том, чтобы просто разнести ее в клочья, если эти ее куски осядут на морское дно и рано или поздно там прорастут.

— Я вижу, что ты четко понимаешь проблему, — одобрительно кивнул Глинн. — Возможно, если мы убьем мозг этого существа, все этим и закончится. А, возможно, так оно лишь размножится по океанскому дну, разнесшись по нему взрывом.

Гидеон повернулся к Гарзе.

— Я хочу начать сборку как можно скорее.

— погоди, — предупредительно произнес Гарза. — Нам предстоит пройти долгий путь, прежде чем мы будем готовы уничтожить эту штуковину.

— Нам нужно просто собрать все части бомбы воедино и подготовить ее к тому, чтобы в нужный момент активировать. И мы понятия не имеем, что на уме у той штуковины под нами, — хмыкнул Гидеон.

— Как только мы начнем открывать эти упаковки, — кивнул Гарза, — мы будем вынуждены иметь дело с взрывчаткой, хрупкими компьютерными компонентами и куском смертоносного плутония. Иметь активное ядерное оружие на борту корабля в течение длительного периода исследований — слишком опасно.

— Что опасно — так это сидеть здесь с *бесполезным* ядерным оружием, неспособным защитить нас, если эта штука угадает наши намерения и предпримет контратаку.

— Оно ничего не собирает «угадывать», — нахмурился Гарза. — Оно не разумное, Гидеон. Вероятно, это растение или какой-то гигантский анемон, — он чувствовал растущее раздражение, понимая, что Гидеон поддался эмоциям и позволил жажде мести управлять своими мыслями.

— Мы понятия неимеем, есть ли у этой штуки разум, — покачал головой Гидеон. — Если тот темный объект, который я видел — ее мозг, то он чертовски большой. Намного больше, чем твой, — его лицо исказилось от саркастической ухмылки.

— Идея собрать активную бомбу на борту корабля сейчас — безумие, — не соглашался Гарза. — А если начнется шторм? А если какой-то из компонентов выйдет из строя? Что, если устройство загорится от удара, скажем, молнии? — он повернулся к Глинну.

— Гидеон хочет собрать ее, — смиренно кивнул Глинн. — Не активировать, а лишь собрать. И не забывай об отказной безопасности. Это должно унять твою тревогу.

— Какой отказной безопасности? — нахмурился Гидеон.

— Трое из нас — и только мы трое — будут иметь код, необходимый для активации ядерного оружия и последующей детонации. Но в качестве меры предосторожности у нас также есть код, чтобы прервать детонацию. Если мы совместно или по отдельности решим, что использование устройства является необоснованным, то тогда, — он развел руками, — все можно будет отменить.

— Это выбор из разряда: «либо все, либо ничего», — буркнул Гарза. — Мы не на военной базе, мы на корабле, полном гражданских. Безопасность здесь... *пористая*. Как главный инженер, я настоятельно рекомендую не собирать бомбу, пока мы не будем готовы ее использовать.

Повисло долгое молчание, после которого Глинн, наконец, сказал:

— Организуй доставку ядра плутония.

Гарза был поражен. Такое решение было крайне не похоже на Глинна. Но как только он собрался возразить, рация Глинна затрещала, и он ответил. Выслушав донесение, руководитель ЭИР заметно помрачнел и повернулся к остальным.

— Похоже, батискаф Лиспенард появился снова — он в зоне видимости, на дне, за пределами этого существа.

Гидеон отступил от оружия и уставился на Глинна.

— В каком он состоянии?

— Сонар указывает, что он... меньше. Плотнее.

— Раздавлен, — пробормотал Гарза, — как мы и думали.

— Я спущусь и достану его, — немедленно вызвался Гидеон.

Гарза ждал от Глинна возражений, но вместо этого он согласно кивнул.

— Мануэль? — обратился он. — Давай подготовим «Джона» для нового погружения.

Да что с этими двумя? — возмущенно спрашивал сам себя Гарза, покидая склад и направляясь в палубный ангар.

Как и прежде, Гидеон обнаружил, что пытается контролировать дыхание и побороть чувство клаустрофобии, погружаясь в, кажущееся бесконечным черное небытие. Сорок минут спустя в его нижнем иллюминаторе замаячило дно: серая поверхность абиссальной грязи с вкраплениями покореженных обломков мусора, напоминающая сюрреалистический пейзаж Ив Танги^[27]. Целевая посадочная точка находилась к югу от места кораблекрушения, в тысяче ярдах от Баобаба.

«Джон» завис в пятидесяти футах над морским дном. На этот раз субмарина держала связь с поверхностью через телекоммуникационный кабель. Гидеон знал, что Центр управления миссией сейчас переполнен, и, по крайней мере, дюжина глаз следит за каждым его шагом. К роботизированной руке субмарины был прикреплен свернутый стальной трос, предназначенный для подъема раздавленного батискафа и протянувшийся сюда от самой лебедки «Батавии». Гидеону надлежало быть осторожным и двигаться с таким расчетом, чтобы предотвратить запитывание троса и кабеля.

— На стартовой точке, — отчитался он.

— Понял тебя, — раздался голос Гарзы, дежурившего в Центре управления. — Направляйся к первой отметке.

Гидеон двинулся вперед, низкий гул винтов разносился по всему корпусу подлодки. Раздавленные останки «Пола», находящиеся на третьей отметке пути, лежали на морском дне примерно в пятидесяти футах от ствола существа.

Пятьдесят футов. Учитывая вчерашние трагические, катастрофические события, это расстояние казалось слишком ничтожным, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Гидеон направился к первой путевой отметке. Достигнув ее, он переместил джойстик, и автопилот произвел резкую смену курса, сразу направившись ко второй отметке, где он сделал еще один крутой поворот. Смысл этих немного необычных манипуляций заключался в том, что зигзагообразный подход мог запутать существо. Гидеон считал, что план контрпродуктивен и ничего не изменит, разве что увеличит его время пребывания на дне, но ничего не попишешь — он был одобрен Глинном.

На полпути ко второй отметке в зону охвата его прожекторов попал корпус «Пола»... и Баобаб. И в тот же момент он услышал нарастающее жужжание, то поднимающееся, то опускающееся в каденции, и проникающее в его сферу через гидрофон.

— Что за черт? — произнес он в микрофон.

— Кажется, тебя сканируют сонаром, — отозвался Гарза. — Более высокая частота, чем обычные два герца.

— Сукин сын.

Гидеон слышал по каналу связи, что это вызвало некоторое смятение на борту.

— Стой, — сказал Гарза. — Не подходи ближе. Нам нужно проработать варианты.

— Ни к чему ждать, — нахмурился Гидеон. — Я уже вижу «Пола». Я подхожу.

Очередное быстрое обсуждение в фоновом режиме.

— О'кей, — сказал Гарза. — Двигайся как можно быстрее, и убирайся оттуда побыстрее.

— Отличный план.

Жужжание сонара ускорилось, замедлилось, стало громче и, наконец, перешло в регистр. Оно походило на рой рассерженных шершней, от чего у Гидеона мурашки пробегали по коже.

Когда он достиг цели, его прожектора осветили уничтоженный батискаф целиком. Тот лежал на илистом дне, как будто его специально туда поместили: компактный, аккуратно скомканный металлический шар со всем встроенным в него оборудованием. Он лежал на клубке тонких, напоминавших сухожилия корней, которые простирались от Баобаба во всех направлениях. Зазубренные и деформированные куски ячеистого титанового корпуса были смяты, как листы фольги. Почти невозможно было поверить, что существо настолько просто справилось с тем, что не смогло одолеть давление двух миль воды. Слабый, мутный след дрейфовал от смятой массы металла, образуя что-то вроде хвоста кометы. В луче света удалось рассмотреть красноватую воду, просачивающуюся из небольшой щели в обломках.

Поверх останков «Пола» Гидеон взглянул на ствол, устрашающе возвышавшийся над ними: твердая, морщинистая стена, напоминающая какой-то ужасный органический небоскреб. Сейчас массивная штуковина была неподвижной, никакого движения или признаков активности не наблюдалось... кроме, разве что, отвратительного гула сонара.

Гидеон чувствовал опасение, смешанное с яростью и ненавистью.

Он остановился у места крушения и протянул к обломкам механическую руку с прикрепленным к ней стальным тросом, на конце которого имелся пробивной анкерный болт повышенной сцепки. Предварительно запрограммированная рука, действующая, как обычно, практически без участия оператора, поднесла болт к твердой поверхности уничтоженной мини-субмарины. Со щелчком и всплеском пузырьков, болт был закреплен.

Этот звук, казалось, раздражил существо, жужжание его гидролокатора усилился как по высоте, так и по громкости.

— Болт закреплен, — отчитался Гидеон.

— Готов к подъему, — сказал Гарза.

Протокол миссии гласил, чтобы он подождал, пока наземная команда не начнет поднимать обломки, чтобы визуально убедиться, что они не развалятся во время подъема. Гидеон чуть отступил, наблюдая, как лебедка постепенно тянет трос, который вскоре натянулся, как тетива. Еще пара мгновений, и, увлекая за собой целое облако ила, обломки устремились вверх, в черноту, напоминая ужасное негабаритное рождественское украшение.

— Выглядит хорошо, — сказал он. — «Пол» надежно закреплен.

— Мы видим, — подтвердил Гарза. — Сбрасывай балласт и всплывай.

С огромной радостью Гидеон нажал рычаг сброса, избавляясь от своего железного балласта, и «Джон» стал быстро подниматься.

В то же мгновение чужеродная огромная тварь изогнулась самым гротескным образом: рот, выходящий из центра стебля, распух от засасываемой воды, а каучуковые губы растянулись и заколыхались. Гидеон почувствовал содрогание, когда его субмарина попала во внезапно образовавшееся течение и, дернувшись, начала вращаться. Раздался характерный треск, и он сразу же понял, что это оборвался коммуникационный кабель. Сразу же половина его мониторов погасла, голос Гарзы в наушниках замолчал, и сработало множество сигналов тревоги наряду с появлением предупреждающих сообщений.

Он сдвинул джойстик в сторону, пытаясь противодействовать вращению, и субмарина резко замедлилась, нос задрало вверх, в то время как хвост направился к сосущему, сокращающемуся рту. Сражаясь с течением, Гидеон усилил переднюю тягу и очистил

аварийные балластные цистерны от воды, заполнив их воздухом со взрывным хлопком, тем самым увеличив плавучесть подводной лодки до максимума.

Он чувствовал, как подъемная сила субмарины борется со всасывающим течением. Началась дребезжащая вибрация, сопровождаемая гулом по корпусу быстротекущей воды.

И вдруг, с внезапным рывком, субмарина вырвалась на свободу и устремила вверх, к поверхности, кувыркаясь, как обезумевший пузырь. Сражаясь с управлением, Гидеон почувствовал, что автопилот тоже пытается обуздать хаотическое вращение. Наконец, уловив ритм вращательных движений батискафа, он повернул джойстик в противоположном направлении и — после еще пары кувырков — «Джон» стабилизировался.

К тому времени как его сердечный ритм вернулся к подобию нормальности, в обзорных иллюминаторах забрезжил синий свет, и через мгновение подлодка всплыла на поверхность. В левый обзорный иллюминатор Гидеон увидел четкий белый профиль «Батавии». Как только он поднялся над водой, из радиогарнитуры донесся голос Гарзы.

— Гидеон? Гидеон? Ты меня слышишь?

— Громко и ясно.

— С тобой все в порядке?

— Напуган, но в порядке.

— Жди. Мы сейчас вытащим тебя из воды.

Без каких-либо действий с его стороны мини-субмарина направилась по спокойной глади моря к кораблю-носителю, находящемуся от нее примерно в полумиле.

Мануэль Гарза зашел в судебно-медицинскую лабораторию, охваченный недобрым предчувствием. Перед большим плоским экраном выстроилось полдюжины металлических стульев: кинотеатр в миниатюре, все готово к невероятно жуткому показу.

Гарза пережил кораблекрушение «Ролваага». Говорят, что со временем память даже о самых худших событиях жизни начинает стираться, и с ним именно так и происходило. Он не был уверен, что это не была нездоровая форма подавления воспоминаний или просто защитная реакция психики. Все, что он знал, это то, что он много лет старался не думать о той страшной ночи. Он с такой интенсивностью отталкивал от себя все воспоминания, что убедил себя, что почти не помнит, что вообще там произошло. Для него в воспоминаниях не таилось ничего интересного. Возможно, некоторые люди, столкнувшиеся с ПТСР^[28], пересматривают в своем сознании спровоцировавшее его событие снова и снова, но только не он. Его способ справиться с ним состоял в том, чтобы подавить все это дерьмо вместе с воспоминаниями, раздавить их, притвориться, что их никогда и не было.

И вот теперь он был здесь, чтобы подкормить с ложечки все эти тщательно изгнанные воспоминания, одно за другим.

— Доктор Гарза, добро пожаловать! — приветствовал его Хэнк Нишимура слишком уж жизнерадостно.

Гарза молча занял предназначенное ему место. Он прекрасно знал, что его репутация на борту корабля выставляет его каким-то грубым, отстраненным и молчаливым одиночкой. Он имел такую же репутацию и в главном офисе ЭИР. Сначала это беспокоило его, но когда он понял, что он не может — или не хочет — меняться, то решил, что ему это стало абсолютно безразлично. Все, что имело значение — это миссия, и к черту все остальное.

В лаборатории он оказался первым, и пока он ждал, вошла старший офицер Леннарт, а вслед за ней Антонелла Сакс, экзобиолог. Никто не произнес ни слова. Наконец прибыл Глинн. Никто больше не был приглашен: ни Гидеон, ни Брамбелл.

Гарза с любопытством взглянул на Глинна. То, что они собирались посмотреть, несомненно, выставит начальника ЭИР в очень плохом свете. *Плохом* — это даже слабо сказано. Видео наверняка бросит тень на Глинна из-за того момента, когда он был не в себе, словно одержим, из-за чего грубо пренебрег своими обязанностями. Если эти записи когда-нибудь увидят свет, то, вполне возможно, что Глинн проведет остаток своих дней в тюрьме.

И все же Глинн надел свою обычную маску — бесстрастное лицо: неопределенно приятное, ненавязчиво умное, примерно, как лицо бухгалтера, или, возможно, менеджера среднего звена в компании по сбыту товаров народного потребления.

Глинн сел.

Тут Гарза заметил, насколько сильно нервничал Нишимура. На данный момент он был единственным, кто видел запись, и, должно быть, то, что он видел, выглядело не слишком приятно.

— Доктор Глинн, не могли бы вы что-нибудь сказать, хм, так сказать, вступительное слово? — с надеждой спросил Нишимура.

Глинн махнул рукой.

— Включайте запись.

— Эм, хорошо. Как скажете, — бегающий взгляд Нишимуры и неуместная улыбка с головой выдавали его неуверенность — Все, что я сделал — об этом просил меня доктор Глинн — это создал сборный видеоролик последних моментов «Ролваага» с соблюдением хронологии, обратив особое внимание на наиболее важные события. Видео начнется примерно за час до кораблекрушения и закончится на том моменте, когда корабль развалился, и системы записи отключились.

Он негромко хлопнул в ладоши, нервно вздохнув.

— Мы смогли восстановить большую часть данных. По паре камер имелось на мостике и в трюме, а еще несколько было разбросано по остальным частям корабля. Иногда качество изображения ухудшается, и часто звук и слова трудно расслышать, если только это не электронное сообщение. Здесь есть несколько... трудных моментов... Очевидно, все это должно остаться конфиденциальным для присутствующих в этой комнате. Вот почему, по приказу доктора Глинна, количество зрителей настолько ограничено. Обсуждение увиденного за пределами нашего круга запрещено — верно, доктор Глинн?

— Верно.

Многозначительная пауза.

— Доктор Глинн, вы уверены, что не хотите ничего сказать о том, что нам предстоит увидеть?

Еще один пренебрежительный жест рукой, заставивший Нишимуру нервно сглотнуть.

— Тогда все в порядке. Без каких-либо еще лишних предисловий я сейчас включу видео. Вы заметите, что на всем протяжении ролика я вставил временную метку событий в нижнем правом углу.

Огни в комнате погасли. Экран стал серо-черным, показывая только отметку времени:
19:03.44

Началось видео. Материализовалась картинка. Это был мостик корабля «Ролвааг». Точка обзора находилась вверху и сбоку, показывая руль, капитанский мостик, вахтенного офицера. Приглушенный свет за окном выдавал ненастные сумерки. Мостик, как обычно, был погружен в темноту, освещенный лишь красным свечением электроники и несколькими неяркими экранами, отображавшими данные радара и картплоттеров.

Гарза узнал на капитанском мостике капитана Бриттон и стоящего рядом с ней Эли Глинна. Первый помощник — мужчина по имени Хоуэлл — стоял рядом с рулевым, который в данный момент был повернут к камере спиной. В задней части мостика, чуть в стороне, сгрудилась остальная часть основного экипажа плавания: Палмер Ллойд, миллиардер и финансист экспедиции; Сэм Макферлейн, скандальный охотник за метеоритами; и Рейчел Амира, ведущий ученый. Никто ничего не говорил.

В окна мостика был виден нос корабля и, из-за одного только взгляда на него, сердце Гарзы почти остановилось, когда подавленные воспоминания наводнили его разум.

Бушевала жесточайшая буря. Огромные волны взлетали над носом и омывали переднюю палубу. Большая часть контейнеров и несколько шлюпбалок уже были сорваны с креплений и смыты за борт. За ним же простиралось море, хаос из вздымающихся валов с кипящими гребнями — волн высотой с десятиэтажные здания. Единственное, что спасало «Ролвааг», это его размеры. Если на мостике и шли какие-то разговоры, то они были полностью заглушены ревом бушующего моря. Каждый член экипажа был сосредоточен на своей задаче, стараясь удержать супертанкер под контролем. Каждый раз, когда корабль поднимался на волну, ветер усиливался до вопля банши. На самом верху, на гребне вся надстройка

сотрясалась, изображение камеры дрожало, словно порывы ветра пытались сорвать верхнюю часть корабля. Затем, когда судно перевалило через пик, прошло содрогание, и воющий ветер стих, по мере того, как оно опускалось в водную котловину, скользя по склону волны, у подошвы которой медленно начало выравниваться. Вид за окнами мостика ухнул вниз, навстречу надвигающейся стене темной воды, испещренной пеной, а затем, с мучительной медлительностью, снова взмыл — обзор сменил бурную воду на еще более грозное небо — бесконечная карусель.

Видя все это и вспоминая, Гарза попытался контролировать ощущение неожиданно накатившей на него всеобъемлющей паники. Это все, что он мог сделать, чтобы сохранить самообладание.

На следующем кадре капитан Бриттон разговаривала с Глинном, жестикулируя. Глинн схватил рацию.

— Это Гарза, — сказал он. — Но я не слышу его из-за шторма.

Бриттон обратилась к первому помощнику Хоуэллу.

— Соединитесь с ним. Максимальное усиление.

Внезапно Гарза услышал свой собственный электронный голос, тот самый его вызов из трюма:

— Эли! Поддались основные крестовины!

Глинн отреагировал раздраженно:

— Так закрепите их.

— Все разваливается быстрее, чем мы крепим... — визг рвущегося металла заглушил остальное. Корабль сильно накренился, волна перевалила через поручни, нос ушел под воду: казалось, что корабль сам себя загоняет в океан.

— Эли, камень... *Камень двинулся!* Я не могу... — голос утонул в помехах.

Внезапно запись показала трюм корабля — место, которое Гарза так хорошо знал, так как именно он являлся главным инженером всей этой массивной паутины стоек и распорок, предназначенной для крепления метеорита весом в двадцать пять тысяч тонн. И там был он, *метеорит*, покрытый брезентом, покоящийся в колыбели, опутанный гигантскими обрезиненными цепями и тросами и окруженный лесами из деревянных брусьев и стальных балок, обеспечивающих жесткость и прочность конструкции. Проектирование этой колыбели было одним из величайших инженерных достижений всей жизни Гарзы. И она работала. Она *работала*, черт возьми, и это спасло бы корабль, если бы Глинн, этот ублюдок, не...

И тут Гарза застыл. На экране появился он сам, собственной персоной, только моложе. На нижнем ярусе мостков, окружавших метеорит, он в сумасшедшем ритме работал рычагами пульта управления — моторное натяжное устройство регулировало натяжение цепей и тросов, удержавших камень в колыбели надежно и крепко.

Но, к сожалению, не так уж надежно. По мере того как корабль кренился — угломер консоли управления мощностью показывал степень сдвига — камень смещался, цепи соскальзывали, дерево деформировалось, металл стонал. Пока Гарза наблюдал за этим, он ощутил, как на него накатила волна шока и тошноты. Вдруг он увидел тень на верхних мостках, услышал торопливые шаги, и в поле зрения камеры появился уроженец мыса Горн, которого они взяли на борт за его знания местности. У него еще было какое-то странное имя? Паппап. Джон Паппап. На записи абориген посмотрел на него сверху вниз с безумной гримасой на лице, украшенной улыбкой довольства, даже триумфа. Его фигура быстро

скрылась за скоплением балок. И затем в трюме стало настолько шумно — сочетание рева, треска и скрежета оглушало — что ничего другого расслышать было фактически невозможно. Это был всего лишь пятисекундный отрывок — после чего видео вернулось на мостик.

Капитан Бриттон повернулась, дала знак рукой, и Палмер Ллойд подошел к ним поближе. Звук записи был явно усилен, но оставался искаженным, насыщенным вторящим эхом и цифровыми шумами — однако слова были пугающе ясны:

— Мистер Ллойд, — сказала она, — метеорит необходимо сбросить.

— Это исключено, — ответил тот.

— Я капитан этого корабля, — настаивала Бриттон. — Жизнь моей команды зависит от этого. Мистер Глинн, я приказываю вам привести в действие аварийный сброс. Слышите, я *приказываю*.

— Нет! — закричал Ллойд, крепко схватив Глинна за руку. — Только троньте этот компьютер, и я убью вас голыми руками.

— Капитаном отдан приказ, — прокричал первый помощник.

— Нет! Код знает только Глинн, он этого не сделает! — вопил Ллойд. — Он не может без моего разрешения! Эли, ты меня слышишь? Я приказываю не включать аварийный сброс!

Спор о том, следует ли задействовать устройство аварийного сброса, которое избавится от метеорита и утопит его в море, становился все жарче. Гарза не присутствовал при этом споре — он находился в трюме — и сейчас он напрягал слух, стараясь расслышать каждое слово сквозь громкий рев моря. Когда спор достиг своего апогея, заговорил Макферлейн, охотник за метеоритами, его речь звучала спокойно и четко, и его внезапное вмешательство, похоже, застало всех врасплох:

— Выпустите его.

Как только Ллойд опять начал протестовать, корабль поднялся на очередную волну и стал крениться. Но на этот раз все было по-другому — волна, поднявшая корабль, оказалась поистине ошеломляющей. Все разговоры прекратились. Одно из окон мостика вылетело, ударопрочный пластик не выдержал и разлетелся вдребезги, впусив внутрь порывы ревающего ветра. Затем послышался ужасный скрежет. Мостик все клонился и клонился, крен корабля теперь составлял порядка тридцати градусов. Все отчаянно вцепились во что-то крепкое, в то время как судно продолжало заваливаться на один борт. В окнах не было видно ничего кроме черной воды. Момент стазиса... и затем, с огромным содроганием, корабль все же выпрямился.

Это был момент, который изменил все.

Как только палуба выровнялась, Ллойд перестал цепляться за опору.

— Ладно, — крикнул он. — Сбросьте его.

Последовала новая дискуссия, потерявшаяся в реве ветра, в то время как корабль двигался к вершине новой волны. Глинн сел за пульт, готовый ввести команду, код, который знал только он, и который откроет люк сброса и избавится от метеорита. Но он не ввел его — Гарза и так знал, что он этого не сделал. Начальник ЭИР убрал свои длинные белые пальцы с пульта и медленно повернулся к остальным.

— Корабль выживет, — известил он.

Видео снова перенесло их в трюм. И там снова был он, Гарза. Метеорит сдвинулся еще больше, несколько деревянных балок расщепилось, и вся колыбель выглядела деформированной.

— Эли! — кричал он в рацию. — Оплетка рвется!

Он услышал по внутренней связи голос Бриттон, приказывавший ему задействовать устройство сброса. Он прокричал ей в ответ, что только у Эли есть коды. Решительный ответ Бриттон не заставил себя долго ждать.

— Мистер Гарза, прикажите вашим людям покинуть свои посты.

Снова изображение мостика: Глинн упорно отказывался сбросить метеорит, даже несмотря на всеобщие уговоры.

А потом капитан Бриттон отдала первого помощнику ключевой приказ:

— Всем оставить свои посты. Мы покидаем судно. Включите аварийный радиомаяк, всем грузиться в спасательные шлюпки.

Как только первый помощник Хоуэлл передал ее приказ по внутренней связи корабля, Бриттон покинула мост.

По просьбе Рональда — просьбе, которую он, кстати, счел вполне разумной — Сэм Макферлейн оставил свою потрепанную сумку на колесиках в кабинете доктора Хассенфлюга и проследовал за здоровенным рыжеватым санитаром по гулким коридорам, бредя под богато украшенными арками неоготического особняка «Дирборн-Парк». В конце пути перед ними со щелчком замков распахнулась тяжелая стальная дверь, явив элегантную гостиную. Но едва оглядевшись, Макферлейн понял, что комната была хорошо срежиссированной иллюзией. Дорогие пейзажи в масле, которые висели на стенах, были защищены прозрачным оргстеклом. Плюшевые кресла и диваны были ненавязчиво привинчены к полу. В поле зрения не наблюдалось никаких острых предметов. Это, как он понял, была не только гостиная, но и психиатрическая палата — вычурная, дорогостоящая психиатрическая палата.

В дальнем конце комнаты в кресле с высокой спинкой сидел пожилой мужчина. Безупречная осанка и выправка мужчины излучала гордость, которая никак не вязалась со смиренной рубашкой, плотно прижимавшей его руки к туловищу. Мужчина взглянул на него, и в его голубых глазах промелькнула искра узнавания. Другой санитар кормил его из пластикового стаканчика с соломинкой какой-то малиновой жидкостью.

— Хватит, больше не хочу, — резко обронил Палмер Ллойд. Затем он снова сосредоточился на Макферлейне: — Сэм. Подойди.

Но Макферлейн не двинулся. Разумеется, он узнал запоминающийся голос Ллойда, когда получил тот звонок на сотовый, будучи в Санта-Фе. С тех пор он мысленно готовился к этой встрече. Но теперь, увидев мужчину воочию, он оказался не готов к буре эмоций, поглотившей его. Гнев, ненависть, вина, раскаяние, горе — все они взорвались внутри него в одно мгновение.

— Какого черта тебе от меня надо? — спросил он, и его голос, даже для него самого, прозвучал странно и хрипло.

Морщинистое, но все еще волевое лицо Ллойда расплылось в улыбке, и он раскатисто рассмеялся.

— Вот Сэм, которого я помню, — он буквально пронзал взглядом Макферлейна. — Вот Сэм, который мне нужен. Подойти ближе.

На этот раз Макферлейн подчинился.

— Угадай, кто приходил ко мне несколько недель назад, Сэм? — спросил Ллойд.

Макферлейн не ответил. Он был потрясен взглядом мужчины. Провал экспедиции, затопление «Ролваага» — все это, так или иначе, повлияло на всех оставшихся в живых. До него доходили слухи, что Ллойд перенес случившееся особенно плохо. Но видеть этого могущественного, всегда уверенного в себе миллиардера низведенным до такого состояния, было невероятно трудно, практически невыносимо.

— Эли Глинн приходил ко мне, — сообщил Ллойд.

— Глинн?

— Хм! Вижу, просто глядя на твое лицо, что ты ненавидишь его так же сильно, как и я. В поисках опоры Макферлейн схватился за соседнее кресло и почти рухнул в него.

— Чего он хотел?

— Чего, ты думаешь, этот сукин сын хотел? Чего все мы хотим, — Ллойд взглянул на двух санитаров, чуть наклонился и понизил голос. — *Уничтожить ту штуковину.*

Макферлейн оцепенел. В течение последних пяти лет, пока он дрейфовал с места на место, неспособный устроиться на работу, избегающий всяких привязанностей, нервничающий, бесцельно существующий, ни на минуту не находящий умиротворения, его преследовало их общее прошлое. Он сразу понял, о чем говорил Ллойд. Случившееся никогда не выходило у него из головы.

Внимательно отслеживая выражение лица Макферлейна, Ллойд кивнул.

— О да, мы оба ненавидим этого человека. Не так ли, Сэм? Это его вина — целиком и полностью его вина.

— Не только его, — отозвался Макферлейн. — Твоя тоже.

Ллойд подскочил в кресле.

— *Моя?* — он резко рассмеялся. — О, я полагаю, ты обвиняешь меня в том, что я привлек тебя к этой экспедиции? Разрушил твою жизнь? — его голос дрогнул от гнева. — Насколько я помню, твоя жизнь уже была разрушена. Ты забыл о метеорите Торнарссак? Я всего лишь дал тебе шанс на реабилитацию. Глинн, а не я лишил тебя этого шанса, и ты это знаешь.

Санитар по имени Рональд, стоявший у двери, дал о себе знать.

— Не волнуйте пациента, — предупредил он.

Ллойд мгновенно успокоился. Он кивком дал понять другому санитару, что хочет хлебнуть из пластиковой чашки.

— Чем ты занимаешься, Сэм? — спросил он тихо. — Кроме торговли бесполезными метеоритами, я имею в виду.

— Разным.

— А поподробнее?

Макферлейн пожал плечами.

— Некоторое время преподавал в колледже геологию. Работал на сталелитейном заводе в Брэдоке, в Пенсильвании.

— Вижу, ты не можешь долго засиживаться на одном месте, не так ли? Демоны продолжают преследовать тебя. Ха! Ну, как видишь, ты не единственный, Глинна они тоже не отпускают. Он пришел ко мне со своим верным помощником, Гарзой, и еще одним молодым человеком, не могу вспомнить его имя. Кажется, все это время его преследовали мысли о той штуке, что мы посадили в Южной Атлантике, он стал ею буквально одержим — Ллойд снова наклонился. — Выходит его демоны хуже наших. Он не использовал аварийный сброс. Он потопил «Ролвааг». Он убил сто восемь человек. Хуже того: он оставил ту штуковину там, на дне, на все эти пять лет. Он позволил ей расти. Расти и расти, до сих пор...

— Мистер Ллойд, — мягко, но твердо предупредил Рональд.

— Что? — спросил Ллойд, обернувшись, чтобы взглянуть на санитаров. — Я просто разговариваю со старым другом, — он снова обратил внимание на Макферлейна. Теперь его голос стал торопливым, почти тревожным, как будто он знал, что его время истекает. — Я думал о визите Глинна с того момента, как он ушел. Не могу думать ни о чем больше. Он собрался вернуться туда, Сэм, после всех этих лет. Я думал, что его бездействие — это признак трусости. Но это было не так. Вопрос был в деньгах. Теперь они у него есть. И он уже там, на месте. Бог знает, что там происходит в эту самую минуту.

Под смирительной рубашкой он дернул рукой, словно желал схватить Макферлейна. Цепочки на ногах звякнули, когда он сдвинулся в кресле.

— Но я знаю, что произойдет. Если у тебя есть мозги, ты тоже это знаешь. *Он потерпит неудачу* — снова. Неудачи преследуют его с рождения, он их привлекает. Образ его мышления, который потопил «Ролвааг», повлечет гибель и этой экспедиции. Глинн действует эгоистично, его рассудок затуманен. У него нет смирения, нет чувства понимания случайного характера событий. Он зарабатывает на жизнь решением инженерных задач, наземных инженерных задач — здесь же нечто иное. О, да, совсем *иное*.

— Почему ты говоришь мне все это? — спросил Макферлейн.

— А как ты думаешь, парень? *Ты должен отправиться туда*. Ты должен послужить ему напоминанием о тех ужасных минувших днях. Глинну нужен твой опыт. Нужна твоя способность противостоять ему — ты никогда не боялся сказать ему в лицо, что он не прав. Черт возьми, ему нужен кто-то, кто был так... так же близко к той штуке, как и он. Ему нужен неумный ангел-хранитель — кто-то, кто пал так же сильно, как и он!

— Отправляйся сам, — воспротивился Макферлейн.

Целое мгновение Ллойд удивленно смотрел на него, а затем он вдруг снова расхохотался.

— Отправиться мне? Боюсь, вот эти господа будут против. Кроме того, даже если бы они сняли с меня эти оковы, я никогда не смог бы отсюда выбраться. Я придумал сотни, *тысячи* способов убить себя. Стань я свободным, через шестьдесят секунд я был бы мертв, — Ллойд перестал смеяться. — Послушай, о деньгах не думай, тебе нужно отправляться туда и отправляться *прямо сейчас*. Я обеспечу тебя всем необходимым, деньги — не проблема...

— Значит, ты действительно такой трус, каким считал тебя Глинн, — прервал его Макферлейн. — Ты знаешь, что произойдет, знаешь, что то семя сделает с этим миром, и эта мысль не дает тебе покоя. Поэтому ты хочешь умереть прежде, чем это произойдет.

— Сэр... — вмешался Рональд другим, предупреждающим тоном.

— И знаешь что? Ты прав. Мы все мертвецы — или скоро ими будем. И это хорошо. За эти пять лет, что я колесил по миру, я не видел ничего достойного спасения. Я надеюсь, что эта штукавина *уничтожит* человечество — прежде чем мы освоим космос и разрушим целую галактику. Скатертью дорога всем нам. И особенно тебе.

На мгновение Ллойд онемел от удивления, но тут его лицо побагровело от ярости.

— Ты... Как ты смеешь приезжать сюда и поучать меня своей ничтожной вселенской скорбью, этой своей выдуманной хандрой! Ты хуже, чем он. Ты мне отвратителен! Ты — дерьмо собачье! Ты... нет, подожди! Не уходи. Я не закончил. Вернись, Сэм, не уходи! *Не уходи!*

Но Макферлейн поднялся и быстро направился к двери, а санитар меж тем поспешил сопроводить его из Дирборн-Парк.

В мини-кинотеатре Гарза взглянул на Глинна, желая посмотреть, как на него подействовало видео, и в очередной раз восхитился хладнокровием начальника ЭИР.

Запись теперь представляла собой нарезку из нескольких кадров: коридоры корабля, бег персонала к спасательным шлюпкам, а затем и сами спасательные шлюпки — крытые ярко-оранжевые лодки — которые находились уже не на шлюпбалках, а в состоянии наподобие свободного падения, при котором шлюпка покидает гибнущее судно, соскальзывая в воду по нисходящим сходням.

Назад на мостик. Все покинули свои посты, кроме первого помощника Хоуэлла и рулевого. Рулевой умрет, Гарза это знал, а Хоуэлл выживет. Но куда делась капитан? Гарза вспомнил, как приказал своим людям оставить посты, выполнив тем самым приказ капитана, а затем и сам покинул трюм, отправившись к своей точке эвакуации — одной из спасательных шлюпок.

Очередной перенос в трюм. Теперь на верхних мостках можно было увидеть Глинна, сопровождаемого ейганом, коренным обитателем островов около мыса Горн, Паппапом. Трюмный лифт оказался сломан, и поэтому Глинн начал спускаться к нижним мосткам колыбели, цепляясь за перекладины лестницы, пока корабль раскачивался, а лестница ходила ходуном из стороны в сторону. Трюм был наполнен стонами стали и треском дерева. Брезент на метеорите разорвался, обнажив его массивную бордовую поверхность.

Гарза неотрывно смотрел на экран, теперь его первоначальный шок и ужас сменила заинтересованность. Это были кадры, которых он никогда раньше не видел, события, о которых он ничего не знал. Глинн, само собой, никогда о них не упоминал.

Глинн начал работать с провисшими обрешиненными цепями, используя моторные натяжные устройства, он пытался плотнее прижать их к метеориту и тем самым его зафиксировать. Паппап помогал ему, но о чем они говорили, невозможно было расслышать из-за шума.

И тут на верхних мостках неожиданно появилась фигура — капитан Бриттон.

— Эли! — громко позвала она. — Корабль вот-вот развалится!

Глинн ничего не ответил. Он продолжал работать с Паппапом, пытаясь натянуть цепи, провисшие при предыдущем сдвиге. Сам Гарза в свое время снова и снова так же их натягивал, только чтобы они все равно провисли под огромным весом метеорита с каждым новым креном корабля. В конце концов, храповые шестерни опустели, и Гарза бросил это безнадежное дело.

— Вернись на мостик со мной, — крикнула она. — Еще есть время активировать устройство сброса. Мы оба можем выжить.

На это раз Глинн ей ответил:

— Салли, единственные люди, которые погибнут — это глупцы в спасательных шлюпках. Если ты останешься на борту, ты выживешь.

Корабль снова качнуло, метеорит сместился, и капитан опять принялась умолять Глинна покинуть корабль. Но Глинн упорно отказывался прекратить работу над цепями, даже когда корабль снова накренился еще сильнее, чем прежде: по всему трюму пронесся скрежет, визг рвущегося металла, огромный метеорит сместился со звуком, похожим на

раскат грома.

— Я могла бы полюбить тебя, Эли... — это были последние слова, которые Бриттон прокричала ему, и Глинн их проигнорировал. А затем капитан исчезла.

Ее тело было найдено в электронном узле корабля — Гарза догадался, что она, должно быть, пыталась обойти коды и задействовать оттуда устройство аварийного сброса.

Я могла бы полюбить тебя, Эли. Господи Боже. Гарза даже не догадывался. Он не знал, как много Глинн скрывает от него — как много он скрывал от него все эти годы. Неудивительно, что этот мужчина рухнул в обморок на мостике при виде тела Бриттон.

Меж тем видео шло своим чередом. Корабль продолжал крениться все сильнее. И Глинн забрался на верхушку метеорита, вооружившись гаечным ключом, пытаясь затянуть болты цепей вручную — совершенно безумная затея. Он оседлал массивный камень, увитый тросами и цепями, как Капитан Ахав верхом на Моби Дике, с гаечным ключом наперевес, отчаянно накручивая и сражаясь с массивными скобами цепи.

Раздался треск раздираемой ткани, когда монстр в очередной раз сдвинулся и брезент разлетелся на полосы. Теперь метеорит оказался почти полностью открытым, его странная, малиновая поверхность практически светилась. Заклепки корпуса начали выскакивать, выстреливая словно пули, в то время как корабль заваливался на бок все сильнее и сильнее. Но вот послышался почти звериный рев раздираемого металла, забил фонтан искр, прозвучал треск цепей... и оплетка рассыпалась, как карточный домик. Метеорит выкатился из своей колыбели — почти неспешно — с Глинном на вершине. Камень рухнул на хитросплетение бруса и балок, раскалывая древесину и сминая сталь, словно масло, медленно, но неумолимо опускаясь вниз, раболепно подчиняясь воздействию силы всемирного тяготения. Корабль теперь почти завалился на один борт. Корпус потерял герметичность, и в него ворвалось море, белое от пены. На глазах Гарзы метеорит соприкоснулся с морской водой.

В этот момент Нишимура замедлил видео. Теперь оно шло со скоростью несколько кадров в секунду. Когда вода попала на поверхность метеорита, она как будто вспенилась или закипела, а сам метеорит, казалось, лопнул и раскрылся, обнажая стекловидную сердцевину. Это напомнило Гарзе как раскалывается куколка, выпуская бабочку.

Теперь видео замедлилось еще больше: до кадра в секунду. Кипение воды около метеорита усилилось, и последние куски красной оболочки со взрывом отслоились от камня, в то время как его полупрозрачные внутренности, казалось, набухали. Вода, врывающаяся в трюм, поднималась вокруг него все выше, и тут изнутри метеорита пришла пульсирующая вспышка белого света. Глинн в какой-то момент всего этого творящегося хаоса исчез. Видео остановилось.

— Это, — пояснил Нишимура, — последний кадр, прежде чем запись прервалась. Я увеличил его как мог.

Изображение показывало внутренности метеорита, заполненные светом. И там, в его середине, в подвешенном состоянии, находилась коричневая, плотная, набухшая дыня, напоминавшая мозг, которую они уже видели внутри ствола Баобаба.

Задержавшись несколько секунд на этом последнем изображении, экран потемнел, и включился свет. Через мгновение Глинн поднялся и повернулся лицом ко всем присутствующим. Гарза обнаружил себя в поту с ног до головы, глубоко потрясенный тем, что только что увидел. Заново пережить весь этот кошмар было само по себе невыносимо тяжело, но стать свидетелем неожиданного признания в любви со стороны Бриттон и

бессердечного отказа Глинна... Это для него оказалось слишком.

Глинн молча стоял перед зрителями этого закрытого кинопоказа. На его лице застыло престранное выражение. На мгновение Гарза обеспокоился, что он снова потеряет сознание. Все тело начальника ЭИР заметно подрагивало. Но тут момент кризиса прошел. Взгляд Глинна стал таким же холодным, таким же отрешенным и нечитаемым, как всегда. Он прочистил горло.

— Доктор Нишимура и доктор Сакс анализируют этот последний кадр, но, похоже, что контакт с соленой водой объекта, который, как мы теперь знаем, не был метеоритом, спровоцировал его взрывное прораствание или вылупление, — Глинн сделал паузу. — Мы надеемся, что эти последние несколько секунд отснятого материала обеспечат нам некоторое понимание жизненного цикла и уязвимостей существа. В частности, является ли тот объект внутри раскрывшегося метеорита, увиденный нами на последнем кадре, на самом деле его мозгом.

Глинн оглядел присутствующих.

— Есть вопросы?

Полная тишина стала ему ответом. Люди были слишком потрясены, чтобы сразу задавать вопросы, хотя позже они наверняка появятся. Теперь зная, что произошло, Гарза изумился, как Глинн вообще выжил. Взрыв, прокатившись по воде, видимо, толкнул его с достаточной силой, чтобы выбросить за пределы тонущего корабля, но недостаточно сильно, чтобы убить. Многим другим так не повезло, а некоторые, как Бриттон, и вовсе отказались покинуть корабль.

— Если у кого-нибудь есть какие-то соображения или теории, — сказал Глинн, — пожалуйста, сообщите мне их лично. Напоминаю, что детали того, что вы только что здесь видели, должны оставаться в тайне — по понятным причинам. И на этом наша встреча закончена, всего хорошего.

Тут Глинн развернулся и покинул судебную-медицинскую лабораторию без каких-либо дополнительных комментариев.

Розмари Вонг привыкла работать в лабораториях со законченными придурками, однако Протеро качественно от них отличался. Хотя он и был ослом, но ослом блестящим! И не просто гением, а настоящим креативным ученым — такой кадр — большая редкость в науке. Пожалуй, такая же редкость, как по-настоящему качественная музыка или литература. Он был человеком, мышление которого было способно выходить за привычные рамки действительности, чей ум создавал потрясающе тонкие связи между, казалось бы, не сочетаемыми категориями, и связи эти буквально расщепляли реальность на составляющие, чтобы найти припрятанное сокровище. Многие из его интеллектуальных задумок были настоящим сумасшествием, но далеко не все. До того, как Розмари начала работать с ним два года назад, он успел сменить целый ряд ассистентов — одного за другим, потому что никто не мог выдержать рядом с ним больше нескольких месяцев. Вонг же решила, что каким бы адом ни оказалось это сотрудничество, она уживется с этим человеком, потому что считала его одним из самых великих и самых необычных ученых из когда-либо существовавших, и только это было ей важно. Она знала, что когда-нибудь он совершит нечто по-настоящему великое, и, когда этот день настанет, она будет рядом с ним.

И в этом она была впечатляюще права. Эта секретная миссия в Южной Атлантике давала Вонг возможность заниматься наукой, которая простиралась далеко за пределы ее самых смелых мечтаний. Подумать только! Она сумела стать частью команды, которая первая среди всего человечества вступит в контакт с иной, внеземной формой жизни. Если говорить по-простому, то это *взрывало мозг!* И если это означало, что ей придется ежедневно мириться с ослом мирового уровня, с грубостью и придирчивыми истериками подростка — что ж, эту цену она готова была платить. Ее отношения с Протеро выросли в некий саркастический защитный панцирь, и этим самым она, казалось, сумела заработать толику его уважения, что заставляло его хоть немного сдерживать свой склочный характер. Она также осознавала, что та вульгарщина, которую Протеро частенько демонстрировал, тоже была одной из форм уважения — на его личный манер, конечно. Таков уж был Протеро, он демонстрировал ей, что не собирается относиться к ней красиво и нежно, но лишь потому, что считал ее *равной себе*.

— Вонг, где, черт возьми, моя шапка?

Протеро вышел из-за угла и появился в ее рабочем отсеке, держа в одной руке отвертку, а в другой — материнскую плату.

— Она у тебя на голове.

Протеро похлопал себя по голове — своей *непокрытой* голове — и поморщился.

— Ха-ха. Очень смешно. Так, где она?

— Возможно, в ванной, где ты ее всегда оставляешь.

Протеро вышел за дверь и вернулся через минуту в своей хипстерской шапке.

— Вот, о чем я тут думал: нам надо перевести тот китовый сигнал.

— Перевести? То есть... расшифровать язык кита?

— Именно, — он подтянул к себе стул и сел. — И я знаю, как это сделать. У меня самая большая в мире коллекция вокализаций синих китов, и она прямо здесь, в этой лаборатории. Все что нам нужно, это переконструировать наш сигнал.

— Значит, ты думаешь, что Баобаб пытается поговорить с нами?

— Эта штука сидела на морском дне сколько? Пять лет? Она слушала. И что она слышала? На глубине двух мил нет звуков. Единственные звуки, которые могли бы достичь такой глубины — это звуки, которые издают киты. Эти твари голоса чертовски громко, их голоса разносятся на сотню миль. Ты следишь за мыслью?

Больше книг на сайте - Knigoed.net

— Да.

— Отлично. Итак, Баобаб слушал, слушал и слушал... и, возможно, начал понимать, *что* говорят киты. И теперь он пытается общаться с нами на китовом языке — единственном, который он знает.

И это был он, один из тех самых безумных прорывов Протеро.

— И что же он говорит? — спросила Вонг.

— *Я с удовольствием заплачу вам во вторник за гамбургер, который съем сегодня,* — сказал Протеро и рассмеялся над собственной тупой шуткой.

— Вот, что я думаю, — сказала она, когда Протеро перестал хрипеть от смеха, но он тут же перебил ее.

— Ты же знаешь, что мне плевать, что ты думаешь. Но все равно скажи.

— Баобаб просто передал случайное сочетание звуков. Они ничего не значат.

Протеро покачал головой.

— Черта с два! Эта штукавина умная, и я сумею расшифровать ее послание. Бьюсь об заклад, оно посылает нам сообщение.

— Хорошо. Тогда как именно ты будешь его переводить?

— Ты хочешь сказать, как *ты* будешь его переводить. Ты, Вонг, именно ты будешь искать ближайшее цифровое совпадение между звуками Баобаба и вокализами синих китов в моей базе данных. Затем мы узнаем, что делал синий кит, когда был записан его голос, и это даст нам представление о значении сообщения. Был ли это кит, преследующий добычу? Или мать, зовущая свое дитя? Или это был трахающийся кит? — Протеро снова засмеялся.

Вонг покачала головой.

— Если он пытается общаться, почему бы ему не попробовать другие способы, кроме языка китов?

— Видимо, потому что он крайне восприимчив к звукам. Вообще, звук — лучшее средство коммуникации под водой. Электромагнитные поля рассеиваются, свет не проникает более чем на четыреста-пятьсот футов. А эта штука эволюционировала так, чтобы адаптироваться к темным глубинам водного мира. Она выработала сонароустойчивую кожу и даже использовала сонар, чтобы «посмотреть» на Гидеона Кру, когда он был там, внизу, собирая обломки «Пола». Разумеется, она использует звук, чтобы общаться. А все, что она до этого слышала — это крики китов.

— Цифровой звук. Значит ли это, что Баобаб — машина? Биологические системы неспособны эволюционировать так, чтобы производить цифровой сигнал.

— Вонг, Вонг, Вонг, — протянул Протеро, качая головой. — Может быть, он машина, может, биосистема, а может — их комбинация. Как бы то ни было, он говорит с нами. А теперь — заставь уже свою задницу работать, и скоро ты узнаешь, *о чем* он с нами говорит.

Доктор Патрик Брамбелл прожевал половинку батончика «Марс» и задумчиво уставился на раздавленный шар, который раньше был батискафом по имени «Пол», а сейчас лежал на брезенте внутри ангара. Непосредственная зона работы была оцеплена желтыми ширмами. Два инженера и еще пара рабочих с трудом притащили необычный аппарат для демонтажа батискафа, намереваясь таким способом извлечь из обломков останки Лиспенард. Инструмент, который они использовали, сильно напоминал устрашающие гидравлические челюсти.

За происходящим молча наблюдал Глинн.

Рабочие позиционировали свои «челюсти» с двух сторон раздавленного батискафа так, чтобы отделить куски сморщенного, деформированного металла титановой сферы друг от друга. В двух местах были закреплены специальные огромные болты, и теперь машина была готова раздвинуть сплюсненный металл, как если бы кто-то разворачивал простой скомканный лист бумаги.

Брамбелл повернулся к своему помощнику Рохелио, стоявшему рядом с каталкой из полированной нержавеющей стали. Именно на нее планировалось поместить тело после извлечения. То, что им предстояло увидеть, не сильно беспокоило Брамбелла — за свою жизнь ему приходилось видеть вещи и похуже, но он беспокоился о своем помощнике, который еще, как говорится, не нюхал пороху.

— Мы должны извлечь каждый... ох... *кусочек*, независимо от того, насколько он будет мал, — сказал Брамбелл рабочим. Безмолвное присутствие Глинна заставляло его нервничать. Он чувствовал себя учеником, каждое действие которого тщательно — пусть и без слов — контролировал директор. Глинн ему никогда не нравился: он был слишком холодным, отстраненным и скрытным. Не говоря уже о том, что этот человек в значительной степени был ответственен за то, что случилось с «Ролваагом».

Помощник слабо кивнул.

«Челюсти» были прикреплены к болтам, и, когда машина принялась вгрызаться в металл, раздался оглушительный скрежет, сопровождавшийся летящими во все стороны кусками титана. С треском и скрипом по смятому шару пошел разлом, и из него полилась вода.

— Стоп! — закричал Брамбелл, и машина сразу остановилась. Рохелио подкатил каталку и приготовил большие пинцеты с прорезиненными наконечниками. С их помощью Брамбелл и его ассистент начали собирать куски мяса и раздробленные кости, смешанные с обрывками одежды, и последовательно выкладывать их на каталку.

Через несколько минут доктор обратился к помощнику.

— Рохелио, как ты?

— В порядке, — ответил тот сдавленным голосом.

— Молодец.

Потребовалось еще около десяти минут, чтобы извлечь из трещины каждый доступный кусок плоти. Затем они отступили и попросили инженеров продолжать.

Процедура длилась еще несколько часов. Куски металла откреплялись от сферы один за другим, и приходилось делать остановки, необходимые, чтобы изъять останки. Иногда их

требовалось высматривать с помощью лупы со встроенным фонарем. По крайней мере, с погодой сегодня повезло: температура внутри ангара составляла порядка шестидесяти градусов^[29], что, по разумению Брамбелла, было весьма неплохо для сохранности человеческих останков. К тому же большая часть из них оказалась вполне пригодной для работы, хотя Брамбелл опасался, что труп будет больше походить на томатную пасту.

Мало-помалу тело на каталке начало обретать форму — в своем гротескно измененном состоянии. Брамбелл и его помощник сумели идентифицировать почти все фрагменты по сочетанию их положения на обломках, а также по фрагментам костей и обрывкам одежды. Оказалось, они начали восстанавливать тело снизу вверх, и Брамбелл уже готовился к тому, что их ожидает самая сложная часть — восстановление головы.

Работая, Брамбелл был искренне поражен огромной силой, которая сумела сотворить с батискафом — и особенно с самой прочной его частью, титановой сферой — *такое*. В некоторых местах давление, видимо, было настолько сильным и интенсивным, что создавалось впечатление, что оно размягчило и почти расплавил металл.

Это была неприятная работа, но Рохелио довольно хорошо с ней справлялся, умудрившись ни разу не вывернуть наизнанку собственный желудок, чего так опасался Брамбелл. А вот инженеры и рабочие, управлявшие «челюстями» для вскрытия титановой сферы — другое дело: несколько раз они отбегали, и их рвало после взгляда на жуткие останки. Это зрелище было для них слишком жутким и отвратительным, поэтому Брамбеллу периодически приходилось рывкать на них, чтобы они взяли себя в руки и не растянули процедуру изъятия на весь день.

Глинн все также стоял поодаль, демонстрируя поразительное спокойствие. Его эмоции невозможно было прочесть. С такой же миной он мог наблюдать за соревнованиями по гольфу. Никто, кроме инженеров, управлявших «челюстями», не произносил ни звука, да и те всего лишь бросали краткие фразы, связанные с работой оборудования.

Наконец, они полностью разделили сферу на части, разложив обломки на заранее подготовленный для этих целей брезент. Когда они раздвинули последние два больших куска, показалась верхняя часть изломанного торса, а также шея и раздавленная голова.

Брамбелл взглянул на Рохелио и испугался, заметив, что его помощник сильно побледнел. Инженеры и рабочие даже не потрудились скрыть свой ужас и свое отвращение. Один из инженеров отвернулся, и его снова стошнило. Невозмутимым выглядел только Глинн.

— Хорошо, давайте заканчивать, — сказал Брамбелл, быстро орудуя пинцетом с прорезиненными кончиками, и принявшись собирать обломки челюсти, зубы, кожу и все остальные оставшиеся части плоти. Все это он методично складывал на каталку. Один кусок мяса следовал за другим... осколок кости шел за лоскутом кожи... и так далее, и тому подобное...

Само лицо практически уцелело. Помялось, но уцелело, его не сплющило в кашу, как ожидалось. Рохелио работал на противоположной стороне каталки — сосредоточенно и методично. В ангаре царил жутковатая тишина. По мере того, как они продолжали, Брамбелл начал ощущать растущее беспокойство. Это был даже не страх — просто ощущение, что что-то *неправильно*. Но он предпочел ничего не говорить, чтобы не сойти за чудака, или того хуже, чтобы не вызвать панику.

Когда демонтаж подошел к концу, титановая сфера стала представлять собой скопление отдельных кусков, расположенных по порядку и пронумерованных для надежности. Все они,

будучи уже на брезенте, были повторно тщательно обследованы Брамбеллом и Рохелио. Останки же тела Алекс Лиспенард, все до единого, были помещены на каталку. Наконец, склонившись над ними, Брамбелл попытался выровнять кусочки тела, словно собирая головоломку, и в этот самый момент уловил за своей спиной чье-то явное присутствие. Это был Глинн.

— Вы извлекли все останки? — спросил он.

Брамбелл ответил не сразу — несколько секунд ему потребовалось на то, чтобы сформулировать в голове подходящий ответ. Наконец, он сказал:

— Мы узнаем точно, когда взвесим останки, но на первый взгляд все значимые части тела присутствуют в наличии. Разумеется, нам нужно будет учесть потерю крови и попадание в ткани некоторого количества соленой воды... — он сглотнул.

— Конечно, — кивнул Глинн.

Один из инженеров, немного оправившись от шока, спросил:

— Почему, черт возьми, это существо раздавило батискаф? Это была его защитная реакция?

— Это случилось после того, как Лиспенард включила свою ацетиленовую горелку, — сказал Глинн, — поэтому я бы сказал, да, это была самозащита. Существо почувствовало боль и отреагировало.

Брамбелл ничего не сказал.

— Я думаю, что это был страх, — включился в разговор второй инженер. — Эта тварь испугалась.

Снова повисла тишина, затем Глинн обратился к Брамбеллу.

— Доктор, вы не согласны?

Чертов Глинн, — подумал Брамбелл.

— Если бы это было просто оборонительное действие, зачем существо проглотило сферу?

— Возможно, такова была его защитная реакция.

— Но Лиспенард не пыталась атаковать — она пыталась убежать. А тварь буквально засосала ее. Она не боялась.

— Что вы хотите сказать? — спросил Глинн.

Ну что ж, ты сам напросился.

— Подумайте, как выглядел батискаф, когда это существо исторгло его, — покачал головой Брамбелл. — Все оказалось сжато до размера шара.

— И?

Брамбелл раздраженно вздохнул.

— В детстве я гулял по Национальному Лесу Килларни с моим братом Симмонсом — упокой Господь его душу. И как два потенциальных натуралиста, мы собирали скелеты мышей и землероек. Мы знали, где их лучше всего добыть: недалеко от гнезд сов.

— Могу я спросить, к чему это лирическое отступление?

— Это гранула, — наконец, сказал Брамбелл.

— Что?

— Гранула. Как совиная. Боже, неужели вам требуются еще более прямолинейное разъяснение? — он махнул рукой, как будто сдаваясь, и пояснил максимально доходчиво для всех: — Это *дерьмо*.

Эту бомбу расфасовали на части очень изобретательным способом — все шесть элементов легко собираются в единое целое, — с ухмылкой размышлял Гидеон, осматривая ядерное оружие. Пять из шести частей находились на стеллажах здесь, в этом хранилище — запечатанные и готовые к сборке. Шестой же фрагмент — позолоченное плутониевое ядро — содержался в другом месте, его предполагалось установить в последнюю очередь с использованием специального оборудования.

Помещение находилось глубоко в недрах корабля, воздух здесь был спертый и слегка пах дизельным топливом, но Гидеона это не волновало. Он стоял и молча рассматривал составные части смертельного оружия, мысленно моделируя сборку. Основной корпус бомбы напоминал две половинки гигантского пляжного мяча, и он уже был оснащен низко- и высокоинтенсивными бризантными линзами. Инициатор находился в отдельной упаковке — имея размер меньше мяча для гольфа, он был дополнительно изолирован плотным слоем тяжелой свинцовой фольги. Детонаторы содержались в четвертом пакете, со всеми надлежащими проводами, они были готовы к установке в специальные медные пазы. В пятом пакете находился небольшой компьютер, к которому следовало подключить провода детонатора, и который, в конечном счете, и посылал сигнал детонации взрывному устройству.

Совсем скоро Гарза по приказу Глинна доставит сюда ядро плутония, и после этого процесс сборки будет быстр и прост. В ближайшее время бомба будет готова поступить на вооружение.

Эта комната была спроектирована таким образом, чтобы один человек, при помощи лишь роботизированных механических ассистентов с компьютерным управлением и потолочной лебедки мог собрать бомбу примерно за час. Еще час должно было занять тестирование. Гидеон был поражен этой изящной в своей простоте комбинацией, которой своими инженерными решениями сумел достичь Гарза: сборка бомбы выходила не более сложной, чем сборка мебели из «ИКЕА».

Лишний раз Гидеон задумался о том, сколько денег пришлось потратить ЭИР на то, чтобы приобрести эту бомбу.

Фактическое приведение ядерного оружия в боеготовность не произойдет, пока не придет время непосредственно его использовать. Его активируют по средствам кода «ARM», который необходимо будет ввести в компьютер с клавиатуры. Только Глинн, Гарза и Гидеон знали этот код — таковы были меры предосторожности. После этого обратный отсчет до детонации можно будет запустить простым нажатием клавиши на той же самой клавиатуре или с удаленного компьютера, который находился в Центре управления миссией и имел непосредственную связь с бомбой. Но бомба — как Глинн прежде объяснял — была также оборудована механизмом защиты. Существовал второй код — «ABORT» — который немедленно прерывал обратный отсчет.

Код прерывания также знали все те же три человека.

Гидеон нахмурился. Чем больше он раздумывал над этой мерой, тем меньше она ему нравилась. Его неприязнь к существу была отчасти продиктована ужасной и трагической смертью Алекса Лиспенард, но не меньше его беспокоили слухи, что разносились по

кораблю: будто бы звуковые сигналы, издаваемые объектом, были некой формой общения; что, проведя годы на дне океана, он выучил единственный язык, который был ему доступен — язык синих китов — и теперь именно на этом языке он пытался с ними общаться. Если это так, это лишний раз подтверждало, что Баобаб наделен интеллектом. Это была не какая-то бездумная форма жизни, действующая исключительно на инстинктах, как акула — нет, эта тварь *понимала*, что делает.

Это было *зло*. И, похоже, оно умело мыслить. Даже слишком *умно* мыслить!

Но не каждый на корабле был настроен против этого Баобаба столь категорично: Гидеону совсем не нравилось, что Глинн и Гарза располагали возможностью отменить взрыв вводом комбинации. Положа руку на сердце, его не особенно волновал Глинн: несмотря на то, что он отказался активировать устройство аварийного сброса на «Ролвааге», Гидеон понимал, что теперь Глинн одержим идеей убить это существо. А вот Гарза... Гарза вызывал сильные сомнения. Разумеется, они все преследовали одну цель, но Гидеон видел, что главный помощник Глинна не столь решителен в этом деле. Что до него самого... после смерти Алекс и попытки этого существа установить контакт Гидеон начал смотреть на Баобаб, как на растущую на морском дне разумную и злую форму жизни. Он чувствовал, что уже не был тем человеком, который начинал эту миссию — тогда его глубоко беспокоила сама идея устроить ядерный взрыв, но не сейчас. Сейчас он понимал угрозу, с которой столкнулась вся планета. И понимал, что все может еще сильнее усугубиться, если эта тварь размножится и распространится, поэтому сомнениям не было больше места — ее необходимо было уничтожить.

Но в том-то и состояла проблема. Гидеону еще предстояло выбрать оптимальную точку взрыва и провести сложное компьютерное моделирование того, что произойдет, когда ядерная бомба мощностью в сто килотонн будет взорвана на глубине двух миль либо непосредственно под объектом, либо где-то рядом с затонувшим кораблем. Увеличит ли вода последствия взрыва или уменьшит их? Воздух был довольно гибкой средой, которая способствовала расширению и свободному распространению такого взрыва, но что произойдет в несжимаемой среде — такой, как вода под давлением в четыреста атмосфер? И как это отразится на «Батавии»? Гидеон считал, что поверхности океана, как минимум, достигнет гигантский выброс пара. Было также вполне вероятно, что ударная волна, сможет распространиться в воде на десятки миль и окажется способна легко разорвать корпус корабля. Вдобавок, Гидеон был уверен, что взрыв создаст на поверхности цунами, которое запросто сможет опрокинуть и затопить корабль. Но это все пока было лишь голословными теориями, не подтвержденными расчетами. Когда все риски и эффекты окажутся учтены — Гидеон рассчитывал как можно быстрее проверить их с помощью симуляции и ознакомить всех с ее результатами — он не хотел, чтобы Гарза пошел на попятную. Он хотел убедиться, что, собрав бомбу, он *точно* сумеет активировать ее и взорвать — и никто не сможет этому помешать.

Нет. Он не волновался насчет Глинна, у него были стальные нервы. Но вот Гарза... он был слишком мнительным и осторожным. Поэтому даже когда бомба будет собрана и готова к взрыву, Гарза может передумать, отменить весь план, решив, что это слишком рискованно, и ввести код «ABORT», прежде чем Гидеону удастся его остановить.

Этого нельзя было допустить.

Гидеон потянул руку и взял со стеллажа компьютерный контроллер, сняв с него металлизированную обертку. Он поднял его и рассмотрел: это была коробка из

нержавеющей стали примерно 3х3х6 дюймов, с клавиатурой, а также с входными и выходными разъемами. Внутри находился монофункциональный компьютер. Ничего сложного. Ничего, что нельзя было бы перепрограммировать.

Гидеон улыбнулся.

Вопреки тому, что Вонг была не особо впечатлительной особой, ее поразила библиотека китовых вокализмов Протеро, которая, как он утверждал, была самой большой в мире. По его просьбе Вонг разработала небольшую программу, которая просканировала его базу данных аудиофайлов, ища любые совпадения со звуками, которые издавал Баобаб. Два звука совпали полностью, еще несколько — частично. Когда она закончила контрольный прогон, в холле за пределами лаборатории послышался топот, и она по походке узнала Протеро. Его нелепые сапоги «Доктор Мартен» производили безумно много грохота по полу лаборатории, из-за чего перепутать его с кем-либо иным было практически невозможно.

— Итак, — протянул он, появляясь в поле ее зрения и снимая свою хипстерскую шапку, которую тут же бросил на заваленный всяким барахлом стол. — Чего ты там так долго копаешься?

— Я уже закончила.

Протеро приподнялся на стуле, на который успел небрежно усесться, подкатил его поближе к Вонг и снова сел.

— И что ты получила?

— Два довольно близких совпадения.

— Давай послушаем.

Сначала Вонг включила сигналы Баобаба в качестве контрольных, а следом — два похожих звука из базы данных Протеро. Скорость записей был увеличена в десять раз, чтобы людям было удобнее воспринимать звук.

Протеро хмыкнул.

— Воспроизведи снова: сначала китов, потом Баобаб.

Вонг снова включила записи — на этот раз в обратном порядке.

— Да, они действительно похожи! Итак, ты посмотрела, при каких обстоятельствах были записаны эти два крика китов?

— Посмотрела. Первая запись сделана судном «Гринпис» несколько лет назад, примерно в пятистах милях к югу от Тасмании. Там поблизости находился японский китобой. Этот звук издал умирающий кит, после того, как японцы всадили в него два гарпуна.

— Чертовы варвары. А второй?

— Он был записан океанографическим судном «Вудс-Хоул», его издавал синий кит, застрявший на песчаной отмели Соболиного острова у берегов Новой Шотландии. Этот кит умирал. Возможно, он потерял возможность ориентироваться в пространстве из-за какого-нибудь вируса, поэтому и выбросился на берег. В скором времени он умер.

— Оба звука относятся к смерти... — Протеро долго молчал, хмуря брови. Наконец, он резко потрянул головой и почесал нос. — Что ты думаешь?

— Я все еще считаю, что наш объект просто повторил то, что слышал — не с *большим* умыслом, чем это делает, например, попугай.

Протеро скривился.

— Лучше скажи мне, что ты думаешь *о смысле сказанного*, — буркнул он. — Я имею в виду китов, которые издавали эти звуки. С Баобабом разберемся чуть позже.

— Сначала я подумала, что, возможно, это крик о помощи... или некое предупреждение остальным, вызванное страхом. Или, возможно, эквивалент предсмертного крика агонии.

— А еще совпадения были?

— Только частичные. Некоторые соответствовали первой части звуковой дорожки Баобаба, некоторые — ее окончанию.

— Проиграй их тоже.

Вонг подчинилась.

— Хммм, — протянул Протеро после прослушки. — Обрати внимание, что все эти китовые кличи, как правило, совпадают только с одной из двух половин «фразы», произнесенной Баобабом. *Два слова* — вот, что он нам сказал. Получается, одни сигналы китов звучат, как первое его слово, другие — как второе, — он почесал затылок. — А при каких обстоятельствах были сделаны эти записи? Начни с первой.

— Этот звук издавала стая из трех синих китов — они «напевали» его все вместе, когда на одного из них напали касатки. Синим китам удалось отогнать нападавших ударами хвостов, и на протяжении всего боя они повторяли именно этот сигнал.

Протеро издал смешок, похожий на хрюканье. Вонг проигнорировала это и потянулась к оборудованию.

— Позволь мне показать тебе звуки, похожие на вторую половину «фразы» Баобаба.

Протеро махнул рукой.

— Это не обязательно. Я уже знаю, что она означает.

Вонг оторопела.

— Знаешь?

— Да, — кивнул он. — Киты всегда издают подобные звуки, когда плавают вместе. Поодиночке они этих звуков не издают. Можно сказать, это первое «сообщение», которое я смог перевести.

Вонг была просто поражена.

— Ты *перевел* речь синих китов?

— Да. Но не говори никому, — Протеро изобразил заговорщицкую гримасу. — Я собираюсь когда-нибудь опубликовать это.

— Понятно. И что же это значит?

— Такой звук означает, что кит называет самого себя. Если угодно, так он как бы заявляет о своем присутствии. Этот звук на наш эквивалент значит «я» или «меня».

— Ого, — протянула она. — А... что же обозначает первая часть дорожки?

— Это глагол, я в этом уверен.

— У китов есть глаголы?

— Конечно, есть. Все, что они делают, это двигаются. Для кита движение — есть жизнь. Я думаю, весь язык синих китов состоит из глаголов.

— Ясно, — сказала Вонг. Если честно, для нее это объяснение прозвучало не очень аргументировано, но в целом образ мысли Протеро ей очень понравился.

— Это глагол, и его используют киты, которые умирают или которые отбиваются от атакующих их касаток. Думаю, значение этого слова очевидно, — он самодовольно улыбнулся. — Ты еще не поняла?

— Нет.

— Оно значит «убить».

— Убить?

— Совершенно верно. Просто подумай об этом. Что хочет сказать кит, который мучается в агонии от раны, нанесенной японским гарпуном? «Убейте меня». То же они говорят, когда отбиваются от касаток. *Убить! Убить!* Похоже, вот, что хочет сказать нам Баобаб, прислав то сообщение. «Убить» — первое слово. А второе — «меня».

— Это безумие, — покачала головой Вонг.

Протеро пожал плечами.

— Может, и безумие, но это — суть сообщения, которое он нам отправил. Он пытается срочно нам что-то сообщить. И это «что-то» звучит как: *убейте меня*.

Барри Фрейн очень устал. На часах значилось десять вечера, и экзoлаборатория работала практически без перерыва с самого полудня, когда было доставлено длинное, похожее на струну, щупальце, и Глинн приказал доктору Сакс провести с ним все возможные исследования. Фрейн подчинялся непосредственно Сакс, в свою же очередь, в его распоряжении находились: рядовой лаборант, специалист по подготовке и военнoслужащий из спецподразделения биозащиты. Каждый из этих парней — а все они, к сожалению, были *парнями* — являлся специалистом в определенной области лабораторной подготовки биоматериалов. Под пристальным надзором Сакс они сделали срезы образца для микроскопа, ПЭМ и РЭМ исследований; провели первичное биохимическое тестирование, а также предварительные вскрытия и рассечения необычных включений и органелл для последующего их анализа. Все эти пробы затем отправились в специализированные лаборатории, рассредоточенные по всему кораблю. Члены его команды были, можно сказать, тяжелоатлетами, поварами заготовочного цеха, осуществлявшими подготовку для дальнейшей работы над образцами кандидатов наук.

У Фрейна, по крайней мере, была степень магистра, но остальные трое парней едва только закончили колледж. Но это было и не важно: каждый из них был по-своему хорош в своей области.

Было проведено сначала грубое, а затем и более тонкое анатомирование щупальца... или корня... или спагетти... или червя — в процессе работы образцу было присвоено великое множество местами безумных прозвищ — и то, что они обнаружили, разительно отличалось от строения всех биологических организмов, исследованных Фрейном прежде. Трудно было даже установить, был ли объект растением или животным, или, возможно, ни тем и ни другим. Но надо отдать должное: у него имелись клетки, своеобразные изолированные мембранами пакетики с цитоплазмой, которые, по крайней мере, выглядели более-менее нормально и привычно. Кроме этого, узнаваемым не оказалось ничего. Внутри «клеток» не было обнаружено ни одной нормальной органеллы: не было ядра, эндоплазматического ретикулума, митохондрий или аппаратов Гольджи. Также у этого *чего-то* напрочь отсутствовали органеллы, которые обычно ожидаешь увидеть в растительных клетках: хлоропласты, дерматы, вакуоли или плотные клеточные стенки. Само собой, внутри его клеток имелись включения, но они выглядели как сложные неорганические кристаллы. Они сверкали, как бриллианты, в свете микроскопа, и, казалось, меняли цвет, хотя это, скорее всего, было результатом радужной или световой рефракции. Фрейн изолировал одну такую группу и отправил ее на анализ. Ему стало любопытно узнать, что это такое.

У тонкого щупальца не было кровеносных сосудов, по крайней мере, видимых невооруженным глазом, также ни флоэмных, ни ксилемных каналов^[30] для движения жидкости. Вместо этого у него был невероятно плотный и сложный клубок тонких микрофибрилл, напоминавших нервы или проводки, свернутые в пучки. Их было очень сложно вырезать и создавалось впечатление, что они были впаяны во что-то, что было эквивалентно растительной целлюлозе, но в то же время являлось абсолютно другим материалом, более походившим на неорганический минерал, чем на древесное волокно. Но самым странным было то, что, если очень внимательно присмотреться, в щупальце не было

ничего, что выглядело бы как фактическая живая ткань. Скорее, оно выглядело как невероятно тонко организованная машина.

Сакс вошла и вышла, молча проконтролировав работу лаборатории. Он знал, что она отметила те же странности, что и он, но оставила свои соображения при себе.

Меж тем он закончил работать с микротомом^[31]: поместил срез на предметное стекло, запечатал его, прикрепил метку и вложил в держатель. Это был последний образец, и они почти закончили — по крайней мере, до тех пор, пока Сакс не вернется с очередным заданием.

— Эй, Барри, взгляни на это, — отвлек его от размышлений негромкий оклик.

Фрейн поднял голову и заметил, что один из его сотрудников, Уэйнгро, склонился над столом и озабоченно смотрел на исходный образец щупальца, видимо, вознамерившись отнести его обратно в холодильное хранилище. Недолго думая, он направился к нему. Диковинная вещь, как и положено, лежала в неглубоком лотке с прозрачной крышкой, больше напоминая тонкую веревку.

— В чем дело?

— Только взгляни на него. Оно же стало короче.

— Конечно, короче. Мы же взяли от него столько проб.

— Нет, — протянул Уэйнгро. — Я имею в виду, что оно стало короче после последнего перерыва. Могу поклясться, что до него оно было гораздо длиннее.

Пока они разговаривали, Риз, еще один лаборант, заинтересовавшись разговором, тоже подошел и взглянул на щупальце, и Фрейн не преминул поинтересоваться его мнением:

— А ты как думаешь? Короче? Или нет?

Риз кивнул.

— Да, короче.

— Ты... ты думаешь, что кто-то, без нашего ведома, отхватил от него кусок? — разволновался Фрейн, чувствуя, как его охватывает паника. Перед тем как уйти на последний перерыв, они заперли лабораторию, но они *не заперли* непосредственно само щупальце. Они работали не в стерильных условиях — это стало бы непреодолимым препятствием для скорости, которую от них требовали. Они сознательно шли на возможный риск, допуская, что эта штука могла заразить их каким-то экзотическим заболеванием или патогеном. Но это казалось крайне маловероятным, учитывая, насколько сильно этот организм отличался от человеческой биологии. Тем не менее, когда его команда покидала лабораторию, в качестве меры дополнительной предосторожности они всегда ее запирали.

— Я не удивлюсь, — заметил Риз, — если кто-нибудь решил засушить его в качестве сувенира.

Фрейн почувствовал возрастающее раздражение.

— Давайте вынем и измерим его. Мы должны убедиться в правильности своих подозрений.

Все еще в полной экипировке, одетые в латекс, четверо сотрудников экзоплаборатории разблокировали поддон для образцов и изъяли объект. Он оказался тяжелым и жестким, как кусок кабеля. Обычно они хранили его в холодильнике, но он и без этого производил впечатления того, что будет портиться, распадаться или гнить при комнатной температуре. Для всех микроорганизмов Земли он оказался не съедобным. И изменение давления с четырехсот атмосфер до одной, похоже, тоже совсем на него не повлияло. Эта штукавина, как ни крути, оказалась тем еще странным дерьмом.

Работая с предельной осторожностью, они положили щупальце на длинный рабочий стол, на нержавеющей поверхности которого имелись измерительные шкалы.

— Шестьсот восемьдесят сантиметров, — констатировал Фрейн. Он взял планшет со стойки и взглянул на последние замеры. — Первоначально было восемьсот девять. Он начал складывать в уме длину кусков, которые они отрезали на анализы: тридцать сантиметров для секционирования, сорок для анатомирования, десять для биохимических анализов и еще пять для всего прочего.

— У нас несоответствие на сорок четыре сантиметра, — сказал он и оглядел своих подчиненных. — Признавайтесь, кто-то забыл зарегистрировать изъятие?

Никто ничего не отрезал, и Фрейн был склонен им верить: все его парни были аккуратными работниками. Тем более на подобную миссию никогда бы не пригласили кого-то неряшливого.

— Похоже, что кто-то не стал лишним раз утруждать себя, делать запрос по обычным каналам, и просто отхватил себе сувенир.

— Ты думаешь, кто-то просто вошел сюда и отрезал кусок? — спросил Стальвезер, четвертый помощник.

— Что еще мне думать?

— Но лаборатория была закрыта во время перерыва.

— И что? У многих людей есть ключи. Особенно у тех, кто считает себя настолько важными, что чихать они хотели на правила.

Присутствующие согласившись, дружно закивали головами.

— Мне придется доложить об этом Сакс и Глинну, — сказал Фрейн. — Они точно не обрадуются подобной новости. И, черт, это произошло на нашем этапе работы.

— Может, сам Глинн это сделал?

— Или этот мудак Гарза.

Очередная порция кивков. Это объяснение было достаточно вероятным и желанным, потому что точно снимало с них всю вину.

Фрейн огляделся.

— Время закрывать лавочку. Начальству наверняка не понравится тот факт, что кто-то присвоил часть этой штуковины. Но знаете, что? Мы следовали процедуре. И вы, ребята, работали на износ. Все мы проделали отличную работу.

— Говоря о присвоении... — Риз залез на стул и потянулся рукой на вершину шкафа. Уэйнгро заулыбался со знанием дела.

Риз извлек бутылку красного вина объемом в галлон.

— Я думаю, мы заслужили небольшой праздник.

Фрейн уставился на него.

— Что? С этим ядовитым пойлом?

— А что, если Сакс вернется? — заволновался Стальвезер. — Мы же сейчас находимся на рабочем месте, и на любой алкоголь наложен строжайший запрет.

— Подходите, не стесняйтесь, бар открыт. Сакс не вернется — не сегодня, — улыбка Риза стала шире. Он снова потянулся к тайнику и извлек бутылку бренди, а через пару секунд пакет с апельсинами и лимонами. — Думаю, что никто не откажется от сангрии ^[32]?

Рассвет едва ли миновал, и Патрик Брамбелл смог, наконец, насладиться одиночеством в своем медицинском отсеке — без Глинна и своего ассистента Рохелио, постоянно дышащего ему в спину. Ему необходимо было побыть одному, подумать, поразмышлять над этой штуковиной и понять ее. Он никогда не мог мыслить ясно, когда рядом с ним присутствовали другие люди. А в этот раз особое удовольствие ему доставило еще и то, что он, наконец, избавился от теневого присутствия Глинна, постоянно маячившего на заднем плане, как вездесущий призрак. Кроме того четверо ученых в соседней лаборатории экзобиологии, которые на протяжении нескольких часов до этого безумно шумели, словно устроили отвязную студенческую вечеринку, только что затихли, лишив Брамбелла необходимости идти к ним и требовать заткнуться.

Наслаждаясь тишиной, он вернулся к работе.

Перед ним на каталке были разложены останки Александры Лиспенард. Надо отметить, что зрелище было необычайно ужасное: большая часть тела напоминала рубленый гамбургер, состоявший из перемешанных раздавленных кусков плоти, разорванных клочков одежды, прядей волос и осколков костей. За последние несколько часов, по мере того, как он упорядочивал и перемещал каждый имеющийся фрагмент на свое законное место, он полностью очерствел и теперь смотрел на сцену не с ужасом, а с научным интересом.

Задача — сама по себе — на его взгляд, была проста. Если раздавленный батискаф действительно был коровьей лепешкой — дерьмом — то существо должно было получить из него нечто, пригодное для питания, подобно тому, как сова, заглотив грызуна целиком, переварила его плоть и избавлялась от костей и меха. Ничто другое не имело смысла. Внешне ГОА казался неповрежденным, ничего не пропало и не растворилось, и, кроме того, было трудно представить, что существо ест металл, стекло или пластик. Гораздо более вероятным казалось, что оно переварило или поглотило что-то из Лиспенард.

И теперь ученый задавался вопросом, что это могло быть. Это могла быть ее кровь: очевидно же, что сейчас тело было полностью обескровлено — исчезли все пять литров. Но он вспомнил из видео о подъеме «Пола», что когда впервые обнаружили раздавленный ГОА, от него по течению извивалось расплывчатое облачко крови.

Получается, существо, скорее всего, не поглотило кровь — она просто вытекла и растворилась в океане.

Теперь необходимо было взвесить тело и посмотреть, сколько биоматериала — если таковое действие действительно имело место — пропало. Это может помочь определить, что именно было поглощено.

Брамбелл вызвал досье Лиспенард на планшете и отметил, что ее вес составлял пятьдесят восемь целых и восемь десятых килограмма. За вычетом массы крови в пять килограммов, общая масса сухой плоти должна составить пятьдесят три целых и восемь десятых килограмма. По расчетам Брамбелла, количество влажной одежды, присутствовавшей в останках, составляло около одного килограмма.

Оказалось весьма удобным, что каталка шла в комплекте со встроенными весами. Доктор разблокировал ее весовой тумблер, активировал табло и стал ждать, пока цифровой экран отсчитал килограммы.

Показания остановились на пятидесяти трех целых и трех десятых килограмма.

Таким образом, тело потеряло около полутора килограммов веса. Частично это могли быть кусочки плоти, которые они пропустили, или другие жидкости, такие как лимфа или желчь, растворившиеся в океане. Но по логике вещей, некоторые — если не все — эти субстанции в том же количестве были заменены соленой водой. Брамбелл был почти уверен, что собрал все фрагменты тела вплоть до последнего кусочка. Они с Рохелио действовали методично и дотошно, да и плоть в основной своей массе была сцеплена, волокно к волокну.

Так какая же часть человеческого тела весила полтора килограмма?

Ответ сразу же пришел к нему. *Мозг.*

Брамбелл громко выдохнул, осознав свою глупость. На каталке он тщательно собрал все фрагменты, формировавшие лицо и череп: уши, нос, губы, волосы, челюсти. Но он напрочь забыл о мозге. Где же он? Он склонился над останками, но не нашел никаких его следов. Могли ли они упустить его при извлечении тела из батискафа?

Нет. Это было не возможно. Они бы заметили.

Мог ли мозг под воздействием экстремального давления воды приобрести настолько водянистую консистенцию, что растворился и уплыл, как и кровь?

Чувство, которое Брамбелл испытывал, когда они вскрывали «Пола» в задней части палубного ангара — ощущение, что что-то не совсем правильно — снова вернулось, накотив с новой силой.

Он взял пару пинцетов с прорезиненными кончиками и, склонившись над собранным черепом, перевернул самые большие его куски. Внутренняя поверхность костей оказалась абсолютно чистой — создавалось впечатление, что ее как будто вылизали. Даже твердая мозговая оболочка исчезла — *исчезла без следа*. А она, к слову сказать, была *очень* твердой.

Доктор подтянул к себе поближе поднос с хирургическими инструментами и осторожно рассек первые два шейных позвонка: С1 и С2. Они пережили раздавливание и остались практически неповрежденными. Он быстро обнаружил основные анатомические точки: связку остистых и поперечных отростков. С особой бережливостью он повернул первый шейный позвонок С1 и отодвинул частично раздавленный осколок, желая обнажить позвоночный канал. Там, внутри, он обнаружил спинной мозг, заключенный в оболочку. Верх его, прямо там, где мозг выходил из С1 и переходил в продолговатый мозг, выглядел точно так же, как если бы он был отсечен скальпелем. Кроме этого, он заметил следы теплового воздействия, которое предполагало наличие высоких температур.

— Черт побери, — пробормотал себе под нос Брамбелл. Он был совершенно потрясен. Неужели существо съело мозг? Невозможно! Это казалось маловероятным, учитывая такое чистое удаление. Создавалось впечатление, что ублюдок с почти хирургической точностью изъяс мозг.

Брамбелл отступил от каталки, чувствуя, как у него внутри переворачиваются все внутренности. Он сделал несколько глубоких судорожных вдохов и, чуть оправившись, провел быстрый биоанализ ствола мозга. Затем он снял перчатки, повесил фартук, вымыл руки, поправил свой лабораторный халат и отправился искать Глинна.

Гидеон Кру стоял с Глинном и Мануэлем Гарзой на носовой палубе и переговаривался с ними вполголоса. Их разговор касался природы Баобаба, но, как обычно, в основной своей массе он состоял из диких предположений и сумасшедших теорий. Гидеона сильно расстраивало то, что сейчас, после всех приложенных усилий и жертв, они располагали таким малым количеством веских разумных доводов. Они не знали даже природы существа: это механизм или некая форма жизни, или какая-то причудливая комбинация и того, и другого? Было ли оно разумным — или просто глупым растением? Нехватка подобной информации становилась серьезной проблемой на борту корабля, потому что проистекающий из этого вакуум заполнялся слухами и беспочвенными гипотезами.

По крайней мере, все еще держалась замечательная погода, и океан был спокойным, как запруда у мельницы. Каждый пошедший день приближал их к лету, и количество дрейфующих айсбергов значительно увеличилось, хотя весна была еще в самом разгаре. Оглядевшись, Гидеон насчитал шесть величественных ледяных колоссов, усеивающих море. Восходящее солнце висело низко, рисуя на воде золоченую дорожку. Спокойствие окружающей обстановки было полной противоположностью взрывоопасной атмосфере на корабле.

— Простите, господа?

Гидеон повернулся, чтобы увидеть приближавшегося к ним доктора Патрика Брамбелла, выглядевшего опрятно, словно с иголки, но с таким взволнованным выражением на обычно спокойном лице, что Гидеон мгновенно встревожился.

— Доктор Брамбелл, — приветствовал его Глинн.

Брамбелл подошел как-то неуверенно, сложив руки перед собой.

— Я закончил вскрытие... — сообщил он и без необходимости добавил на выдохе: — Лиспенард.

Гидеон почувствовал, как его грудь сдавило. Жесточайшим усилием воли он подавил все мысли об Алекс, которые с завидной регулярностью являлись, словно из ниоткуда, и угрожали подорвать его душевное спокойствие. Но этот рапорт он должен был выслушать, во что бы то ни стало, поэтому он собрался и весь обратился в слух.

— И что вы обнаружили? — спросил Глинн, когда пауза Брамбелла начала неоправданно надолго затягиваться.

— Мозг отсутствует, — сказал Брамбелл.

— Что вы имеете в виду, говоря «отсутствует»?

— Абсолютно отсутствует. Целиком и полностью. Ни остатков, ни следов, — слова у него вырывались с трудом, и его ирландский акцент звучал сильнее обычного. — Похоже, что он был удален на уровне ствола мозга, отсечен как будто скальпелем с применением высоких температур. Я взял пробу, провел ее биоанализ и обнаружил, что белки в месте иссечения имеют денатурированную структура из-за нагрева.

Гидеон уставился на врача.

— Удален? Не раздавлен?

Брамбелл нервно провел рукой по лысине.

— Кажется, мозг был удален *до того*, как череп был раздавлен — иначе на его

внутренней поверхности остались бы следы — нервная материя застряла бы в разломах и трещинах. Но нет — в останках нет следов серого или белого вещества. Даже микроскопических следов. Кажется, что Баоаб... ну...

Лицо доктора выглядело абсолютно растерянным.

— Съел его? — закончил за него предложение Гарза.

От услышанного Гидеон ощутил несуществующий удар под дых, его едва не одолел рвотный спазм.

— Это то, о чем я подумал в первую очередь. Но если бы он просто проглотил его для питания, то зачем он тогда иссек его подобным образом? Настолько аккуратно? А то, что мозг именно *иссекли*, насчет этого у меня не осталось абсолютно никаких сомнений. Что случилось с ним после этого, я понятия не имею — съеден, поглощен... да что угодно.

— Изучен? — неожиданно сам для себя выдвинул версию Гидеон.

Гарза резко повернулся.

— Что ты имеешь в виду?

— Ее мозг был изъят, — ответил Гидеон. — Зачем? Возможно, существо захотело изучить его, загрузить его содержимое — это было бы веской причиной, чтобы извлечь его целиком, не повредив.

— Невероятно, — сказал Гарза. — И это еще слабо сказано.

— Вспомни последнее сообщение Алекс. *Позволь мне коснуться твоего лица*. Она явно находилась под чьим-то воздействием. И вообще... она ли произнесла это — или только ее мозг?

— Если твоя теория верна, — сказал Гарза, — то, *как* она это сказала? У нее же не было рта — ее тело к тому времени было уже раздавлено.

Гидеон вздрогнул.

Не напоминай мне об этом! — мысленно взмолился он, но постарался сосредоточиться и дистанцироваться, ему нужно было смотреть на ситуацию отстраненно.

— А что если ее мозг, изъятый неповрежденным, говорил *через* существо? *Позволь мне коснуться твоего лица*. Он определенно вступил с чем-то в контакт, но в то же время оказался сбит с толку и дезориентирован. Я говорю о том, что его только что удалили из тела женщины.

На лице Гарзы проступил явный скептицизм, и он покачал головой.

— Боже, это уже из раздела научной фантастики!

Повисло долгое молчание. Глинн, как обычно, все эмоции держал при себе, демонстрируя абсолютно бесстрастное лицо.

Возможно, Гарза прав, — размышлял Гидеон, — *может быть, это действительно научная фантастика.*

В ретроспективе сказанное им звучало довольно смешно, но он не собирался доставлять Гарзе удовольствие и признавать это.

— Есть еще одна мелочь, — сказал Брамбелл через мгновение.

Глинн вопросительно поднял брови.

— Кажется, кто-то забрал часть образца из экзоплаборатории. Четыре лаборанта строго вели журнал забора всех проб, но пропал большой кусок — и никто, кажется, не знает, куда он подевался. Может кто-нибудь из вас случайно взял его и не задокументировал это?

Гарза повернулся к Гидеону с обвинительным взглядом.

— Это не я! — воскликнул тот. Сегодня утром Гарза был еще большей занозой в

заднице, чем обычно.

— Никто из нас не сделал бы ничего столь безответственного, — подвел итог Глинн.

— Ну что ж, — протянул Брамбелл, — возможно, лаборатория допустила ошибку при первоначальном измерении длины щупальца. Или, может быть, они все же забыли записать какое-то отсечение пробы, — он прочистил горло. — Или, возможно, все это дымовая завеса, чтобы скрыть непрофессиональное поведение. Я говорю это, потому что прошлой ночью эти четыре джентльмена устроили в лаборатории вечеринку. Когда я проходил мимо нее по дороге сюда, я заглянул внутрь и увидел там следы гулянки, а четверка, чего уж там греха таить, валялась и вытирала собой пол около импровизированной барной стойки.

— Вы имеете в виду, что они были в отключке? — уточнил Гарза.

— Да, именно это я и сказал. Единственным, кто оставался в сознании, был Фрейн — если такое состояние можно назвать сознательным — и именно он рассказал мне о пропавшем куске щупальца.

— Где они сейчас?

— Легко на помине, — и Брамбелл обратил свое внимание на подошедшего Фрейна. Халат лаборанта был усеян фиолетовыми пятнами, и от него разило вином. Надо признать, выглядел он ужасно. Фрейн не производил на Гидеона впечатление прожженного гуляки, но сейчас он явно был с похмелья.

Глинн отошел чуть в сторону, в то время как Гарза накинулся на мужчину.

— Какого черта? — потребовал он.

Фрейн начал, запинаясь, мямлить, что у них была небольшая вечеринка с сангрией, но ничего предосудительного...

Гарза оборвал его излияния жестом.

— Что насчет пропавшего образца?

И тут Фрейн приступил к сложному и почти бессвязному объяснению, утверждая, что это произошло задолго до вечеринки, и в пропаже не было их вины, они вели безупречные записи, кто-то, вероятно, украл этот кусок в качестве сувенира, и в любом случае они выпили не так уж и много...

— Вы знаете правила, — сказал Гарза. — Никакого алкоголя, как только корабль прибыл на место назначения. Я лишаю вас недельного жалования. И поскольку вы главный специалист, я хочу, чтобы вы провели на гауптвахте двенадцать часов — и проспались.

— Гауптвахта? — парень выглядел опустошенным. — Вы имеете в виду тюрьму?

— Да. Гауптвахта. Вы там будете под наблюдением охраны.

— Но...

Гарза пристально посмотрел на мужчину, пока тот не поник и не замолчал. Затем он повернулся к Глинну.

— Подобное нарушение дисциплины подобно яду на борту корабля. Надеюсь, вы согласны со мной?

Слабый кивок головы дал понять, что Глинн целиком с ним солидарен. И затем, сверившись со своими часами, он обратился к Гидеону:

— Давай на этом закончим, — сказал он. — Нам давно уже пора быть в лаборатории Протеро.

Гидеон с несколькими избранными членами команды толпился в маленькой захлавленной лаборатории, больше походившей на пещеру, забитую электроникой. В душном воздухе висел едкий запах припоя и сгоревшей проводки. Протеро сидел у стойки с компьютером и целым нагромождением аудиоаппаратуры, повсюду пучками свисали кабели. На Протеро болталась наполовину расстегнутая грязная гавайская рубашка. Его впалая бледная грудь, покрытая редкими черными волосами, выглядела отвратительно.

Чуть в стороне стояла помощница Протеро — высокая, стройная, элегантная женщина по имени Розмари Вонг, которая была полной противоположностью своего босса. Гидеон задавался вопросом, как вообще она могла с ним работать.

— Извините, что негде сесть, — сказал Протеро, указав на пару стульев, заваленных всякой всячиной. — Я несколько раз говорил, что мне нужна лаборатория побольше. Эта, определенно, отстойная.

Глинн проигнорировал его комментарий и поинтересовался:

— Доктор Протеро, расскажите, что вы обнаружили.

Протеро застучал по клавиатуре.

— Одним словом, нам удалось. Мы перевели послание Баобаба. Эй, Вонг? Запускай.

Она включила запись, и спустя несколько секунд послышалась песня голубого кита, вслед за которой последовала звуковая дорожка изданная Баобабом. Видимо, оказавшись в своей любимой стихии, Протеро долго рассказывал о природе языка голубого кита. Не выдерживая этого монолога и чувствуя растущее раздражение, Гидеон спросил:

— Так что оно значит?

— Хочу вас заранее предупредить — сообщение странное, — Протеро драматично закатил глаза. — Дело в том, что он сказал... — он заколебался — *убейте меня. Убейте меня.*

— Насколько вы уверены в этой гипотезе? — спросил Глинн.

— Я уверен почти на сто процентов. Если бы вы только позволили мне объяснить...

Прежде, чем приступить к объяснениям, Протеро еще раз воспроизвел запись, а затем дал послушать другие вокализации синих китов, по ходу разъясняя с налетом самовосхваления, как они выделили отдельные звуки, присвоили им значения, подтвердив тем самым свои выводы. Гидеон, несмотря на свой скептицизм, был впечатлен — но не убежден. Когда же Протеро закончил, Гидеон спросил:

— Так почему же существо попросило нас убить его? Особенно после того, как уничтожило один из наших батискафов?

Протеро пожал плечами.

— Выяснить — это ваша работа, парни.

— Откуда ты знаешь, что это не простое подражание песням голубых китов?

— Речь голубого кита может распространяться в воде на сотню миль или даже больше.

Получается, что это существо слышало всевозможные вокализации синих китов. Почему же оно повторило именно эту? Нет, мой друг, оно точно общается с нами.

Обращение «мой друг» очень сильно покорило Гидеону нервы.

— Если это сообщение, то оно не имеет смысла.

— Может быть, он просто запутался, так сказать, сбит с толку, — предложил версию Протеро, пожимая плечами. — Может быть, он похож на парня, который отправился во Францию и выставляет себя лохом, пытаясь говорить на французском языке, — он громко хохотнул.

— Мы имеем дело с чужеродной формой жизни, — сказал Глинн. — Вероятно, инопланетным интеллектом. Меня не удивляет, что мы никак не можем растолковать его первую попытку общения.

Гидеон покачал головой и взглянул на Вонг. Она держала язык за зубами и ничем не выдавала своих эмоций.

— А ты как думаешь, Розмари?

Вонг негромко кашлянула.

— Я думаю, что Гидеон может быть прав. Существо, вероятно, просто воспроизводит звуки, как попугай.

Гидеон почувствовал удовлетворение. Его мнение о Вонг и ее интеллекте значительно улучшилось.

— Ну, если бы наука была демократией, тогда я оказался бы в меньшинстве и соответственно неправ, — фыркнул Протеро, но тут же добавил: — Но это не так, и что бы вы там ни говорили, я *прав*, — и он снова хрипло рассмеялся.

В этот момент у двери появился мичман, мистер Лунд.

— Доктор Глинн?

— Я же просил меня не беспокоить.

— У нас чрезвычайная ситуация. Баобаб... он подаёт признаки активности.

К тому времени как Глинн и Гидеон прибыли в Центр управления миссией, в помещении уже царил суетливая активность. Глинн занял свое место у центральной консоли, и Гидеон стал справа от него у вторичной панели. Старший офицер Леннарт тихо приблизилась к ним, держа в руке iPad.

— Докладывайте, — тихо попросил Глинн.

— Так точно, сэр. Примерно двадцать минут назад поверхностные радиогидроакустические буи начали регистрировать необычные звуковые колебания, доносящиеся из глубины. Они были очень похожи на Р-волны^[33], исходящие от небольших толчков на океанском дне — примерно от полутора до двух баллов по шкале Рихтера. Когда мы нанесли на карту источники, то обнаружили, что они сосредоточены вокруг Баобаба, но исходят не от него.

— Данные уже в сети корабля? Покажите.

Офицер нажала несколько клавиш на клавиатуре консоли, и на экране отразилась карта сейсмической активности. Глинн нахмурился, рассматривая ее. Гидеон изучающе уставился в экран, не говоря ни слова.

— Похоже, что вокруг существа образуется какой-то круговой контур, — качнул головой Глинн.

— Так и есть, — подтвердила офицер.

— Можете сказать, насколько глубоко залегают очаги толчков?

— Мелко. По крайней мере, по сейсмическим стандартам: всего несколько сотен футов ниже уровня морского дна. Но по мере наблюдения мы заметили, что вибрация как бы уходит глубже и постепенно удаляется от существа — как будто кольцо расширяется и углубляется.

— Как будто оно расширяет свою корневую систему?

— Возможно. Но и это еще не все, сэр. Как вы знаете, мы опустили на морское дно камеру и наблюдали за Баобабом в зеленом спектре. Мы не заметили никакой необычной активности — до сих пор. Но сейчас существо, кажется, пришло в движение.

Глинн встрепнулся.

— Какое еще движение?

— Оно качает ветвями, сэр. Очень медленно. И его рот... или отверстие для всасывания — оно произвело несколько сокращений, втягивая и испуская большое количество морской воды. Амплитуда издаваемого шума составляет два герца, и, похоже, его частота возрастает.

— Мне нужен подробный анализ толчков, — сказал Глинн. — С трехмерным отображением в режиме реального времени.

— Есть, сэр.

Внезапно справа началась какая-то суматоха, и в Центре управления появился техник.

— Батискаф «Джордж»! — закричал он. — Он просто пропал без вести!

Глинн нахмурился.

— Пропал? Разве батискафы не были под замком?

— Похоже, вор — кем бы он ни был — сумел обойти электронную защиту.

— Кто это был?

Техник приложил руку к торчавшему из уха наушнику и прислушался.

— Они не уверены, но скорее всего это был лаборант по имени Фрейн.

— Фрейн? — переспросил Гидеон. — Разве он не на гауптвахте?

Техник еще несколько секунд слушал донесения в своем наушнике.

— Он так туда и не добрался. Похоже, ему удалось ускользнуть, пробраться к ангару с батискафами, обойти защиту и нырнуть на глубину. Сейчас сотрудники просматривают видео с камер безопасности... да! Это точно был он.

— Он все еще пьян?

— Об этой информации нет. Подождите... говорят, от него пахло алкоголем.

— Как Фрейну удалось спустить батискаф на воду? — покачал головой Гидеон. — Для запуска требуется целая команда.

— Похоже, ему помогли. По крайней мере, мы к этому склоняемся. Опять же, записи еще просматриваются. Мы пытаемся точно установить, что произошло.

— Куда он направил батискаф?

— Прямо на глубину. И очень быстро. На вызов по общему каналу связи не реагирует, на сообщения не отвечает.

— Подготовьте «Джона», — распорядился Глинн, и обратился к Гидеону: — Иди на ангарную палубу. Ты отправишься за ним.

Спустя двадцать минут Гидеон был уже в воде, глядя во фронтальный иллюминатор, пока его батискаф погружался в синюю темноту. Из-за срочности задания пришлось пренебречь проверкой безопасности, но «Джон» погружался совсем недавно, поэтому инженеры сочли — и Гидеон искренне надеялся, что они не ошиблись — что в проверке он не нуждается.

Это было просто невероятно! Фрейн — пьяный или обдолбанный — украл субмарину стоимостью в десять миллионов долларов. Ничего себе, гонка! Но Гидеон никак не мог взять в толк, какова была его цель. Месть? Какая-то самоубийственная миссия по нейтрализации этого существа?

Гидеон опускался на глубину с максимально возможной скоростью, а Центр управления контролировал его батискаф через проводное соединение. Гидеон понимал, что ему, возможно, придется порвать кабель и остаться без связи, если на морском дне придется совершать какие-то головокружительные маневры. Однако пока у него была хорошая связь с кораблем, и его немного утешало, что Глинн и остальные видят все происходящее в реальном времени, а также следят за его субмариной и системами жизнеобеспечения.

В иллюминаторе совсем почернело. Несколько пузырей вспыхнули белым, продрейфовали через лучи прожекторов батискафа и снова исчезли. Бортовой сонар, настроенный на «Джорджа», показывал, что угонщик находится на триста футов ниже него, но расстояние между ними быстро сокращалось. Фрейн, насколько Гидеон знал, был новичком в управлении ГОА, и маневрирование аппаратом, без сомнения, давалось ему с большим трудом. Гидеон прикинул, что сумеет догнать Фрейна на глубине в несколько тысяч футов над морским дном.

Глядя в иллюминатор, он напрягал зрение, стараясь разглядеть огни «Джорджа», хотя и понимал, что это бесполезно, пока расстояние между ними не сократится хотя бы до пятисот метров. А вот что, черт возьми, ему делать, когда он догонит Фрейна, все еще обсуждалось в Центре управления. Если Гидеону не удастся убедить Фрейна развернуться и возвратиться на борт «Батавии», оставалось еще несколько вариантов, но все они были сложными и опасными. Техперсонал наверху в приоритетном порядке занимался просчетами всевозможных комбинаций развития событий.

На такой случай не было предусмотрено плана действий.

Ограниченное пространство субмарины буквально провоцировало приступы клаустрофобии. У Гидеона не было времени, чтобы психологически подготовиться к спуску, он не успел даже переодеться, и сейчас чувствовал, как все его тело покрывается липким потом, а рубашка прилипает к коже. Стараясь сосредоточиться, он стал наблюдать за тем, как изменяются цифры на глубиномере. Он был в шестистах метрах от дна... в любой момент «Джордж» должен был оказаться в поле его зрения.

И вот это произошло. Размытое свечение огней показалось прямо под ним.

— Вижу его, — доложил Гидеон.

— Продолжай спуск, — проскрипел голос Глинна в его наушниках. — Постарайся достичь его глубины и остановиться рядом с ним.

— Принято.

Огни разрастались, превращаясь в уже знакомый кластер. Гидеон слегка увеличил скорость погружения, переключившись в красный режим. Ему не терпелось нагнать Фрейна прежде, чем они достигнут дна. Одному Богу известно, что собирался сделать беглец, но Гидеон хотел остановить его задолго до того, как они попадут в поле зрения существа.

Теперь в темноте, помимо огней, проступили и очертания «Джорджа».

— Приветствуй его, — порекомендовал Глинн.

Гидеон включил глубоководную связь UQC.

— «Джордж», это «Джон». Прием.

Ничего.

Он повторил приветствие, но снова не получил ответа. Гидеон быстро нагонял его, поэтому теперь чуть замедлил скорость спуска и изменил положение субмарины так, чтобы она находилась чуть в стороне от «Джорджа», а не непосредственно над ним.

— Фрейн, ты меня слышишь?

Нет ответа.

— Эй, Барри! Это Гидеон. Ты слышишь меня?

Молчание.

— Послушай, Барри, мы можем поговорить? Что происходит?

Теперь он находился всего в тридцати метрах от «Джорджа» и мог четко видеть контуры батискафа: тусклое красное свечение иллюминаторов, рычаг в положении спуска...

Гидеон еще сильнее замедлил ход своей субмарины, когда они с «Джорджем» почти сравнялись, подстраиваясь под его скорость.

Боже, может, Фрейн потерял сознание? Отключился?

Наконец, он поравнялся с «Джорджем» и заглянул в боковой иллюминатор. Он был удивлен, увидев Фрейна в полном сознании — лаборант выглядел совершенно нормально, работая с панелью управления сосредоточенно и спокойно. В сторону Гидеона он не смотрел, не удостоил его ни единым взглядом. Гидеон махнул ему рукой, стараясь все же добиться его внимания.

— Эй, Барри! Посмотри на меня, пожалуйста!

Фрейн не выказал ни единого признака, что услышал его. Гидеон взглянул на глубиномер: они приближались к самому дну. Если в ближайшее время они не остановятся, то за дело возьмется ИскИн — одновременно и на «Джордже», и на «Джоне».

— Фрейн! Ты слышишь меня?

Снова никакого ответа. Гидеон переключился на частоту, чтобы переговорить с Центром управления.

— Он может слышать, что я ему говорю? — спросил он.

— Разумеется, может. Он слышит и нас: мы знаем, что его UQC исправен и включен.

— Он ведет себя, как робот...

— Мы видим.

— А разве вы не можете перехватить его управление с поверхности и просто вернуть батискаф назад, как сделали это тогда со мной?

— Он аннулировал возможность перехвата, — ответил Глинн. — Мы не знаем, как. Никому не под силу сделать подобное, кроме меня, Гарзы и главных техников.

— Боже, ну что за хрень?! — воскликнул Гидеон, покачав головой. Почему они не сообщили ему комбинацию для перехвата управления? А еще вели разговоры о равноправном партнерстве. Ладно, он решил, что обсудит этот вопрос с Глинном позже.

— Хорошо, — сказал Глинн. — Слушай внимательно. Техники говорят, что если он не ответит, у тебя будет возможность вывести «Джорджа» из строя, — на экране Гидеона появилось схематическое изображение батискафа беглеца. Глинн продолжал говорить с ним прохладным и ровным голосом. — Мы хотим, чтобы ты использовал для этого роботизированную руку. У батискафа Фрейна шесть двигателей. Вставь конец своего манипулятора в каждый из них — так ты повредишь ему гребные винты. Тебе нужно дезактивировать три двигателя, чтобы остановить «Джорджа». Затем мы сможем прикрепить буксирный кабель и вытащить его.

— А другого пути, кроме поломки двигателей, нет?

— Все остальные уязвимости аппарата защищены внешним корпусом. То, что мы предлагаем — самый простой и надежный способ. Мы временно модифицируем ИскИн на твоём батискафе, чтобы ты мог это сделать — иначе программа помешает тебе.

— Принято. Сделаю, — ответил Гидеон. Теперь через нижний иллюминатор он видел рельеф морского дна, попадавший в поле зрения его прожекторов. В то же время он почувствовал, как автопилот начинает замедлять ход батискафа.

— Вижу дно, — сказал он.

— Модификации ИскИна завершены. Начинай маневр по отключению двигателей «Джорджа» как можно скорее.

— «Джордж» тоже замедляется... и поворачивается.

— Следуй за ним.

Гидеон маневрировал с помощью джойстика, ускорив свой батискаф до максимума, но «Джордж» тоже двигался на полной скорости параллельно морскому дну. Похоже, Фрейн быстро наращивал знания о том, как управлять субмариной.

— Он направляется к Баобабу, — сказал Глинн. — Существо активно. Очень активно, Гидеон, держись от него подальше.

— Я это учту. Черт, я никак не могу его догнать, хотя сижу у него на хвосте.

Тут Гидеон увидел слабые контуры существа, которое оказалось на самом краю зоны охвата его прожекторов. Оно пульсировало, словно *дышало* — наполнялось водой и исторгало ее из себя.

— Оно активно работает своей ротовой полостью, — предупредил Глинн. — Допплеровский сонар улавливает течение.

И вдруг «Джордж» устремился вверх — прямо ко «рту» существа. Воронкообразное отверстие растянулось, вбирая в себя воду, и изогнулось в сторону субмарины. Оно пульсировало и расширялось...

— Назад! — скомандовал Глинн по общественному каналу. Гидеон подумал, что он, скорее всего, обращается к Фрейну. — Назад немедленно!

«Джордж» ускорился, поймав течение. Гидеон и сам чувствовал, как его батискаф тянется ко «рту» твари, повинаясь движению воды. Он тут же сдвинул джойстик в сторону, пытаясь выбраться из потока, но ощущал, что вода продолжает подталкивать его к существу, слыша ее знакомый гул по корпусу...

И внезапно его судно вырвалось на свободу, закачавшись в водной турбулентности. Гидеон мгновенно развернулся, на полной скорости рванув прочь, спеша очутиться вне зоны доступа этого чудовищного существа. Оказавшись на безопасном расстоянии, он остановился и развернулся...

... В состоянии всеобъемлющего ужаса он смотрел на то, как «Джордж» подбирается

все ближе и ближе ко «рту» твари, ведомый яростным течением. Спустя несколько мгновений батискаф засосало в нутро существа. Это было самое страшное дежавю в его жизни. Он видел, как тень батискафа прошла по полупрозрачному пищеводу... а затем ствол сильно изогнулся, раздался громкий скрежет, и рот исторг массу воды с каскадом пузырьков.

По гидрофону Гидеон вдруг услышал странный, спокойный и отдаленный голос Фрейна:

— *Кто ты?..*

Гидеон открыл люк и выбрался из «Джона», судорожно вдыхая свежий воздух. Боже, как он был счастлив вернуться на корабль! Он чувствовал сильнейшее потрясение после того, что только что увидел. Алекс хотя бы изо всех сил старалась убежать от существа, а Фрейн... Фрейн буквально сам ринулся ему в глотку. Он был пьян? Но в окне иллюминатора он не выглядел пьяным. С другой стороны, его действия никак нельзя было назвать нормальными — он действовал, как зомби.

Гидеон почувствовал, что его хватают чьи-то руки: когда он оказался на палубе, его ноги предательски подогнулись, и Гарза — да, это был Гарза — помог ему подняться. Он покраснел от напряжения. Сейчас даже Глинн не излучал свое привычное спокойствие.

— Что, черт возьми, Фрейн вытворил? — задыхаясь, спросил Гидеон.

— Если бы кто-то из нас это знал, — покачал головой Гарза. Гидеон сейчас был признателен ему за железную хватку, потому что до сих пор с трудом стоял на ногах от потрясения.

— Спасибо, я... я в порядке, — наконец, произнес он, восстановив самообладание. Гарза отпустил его, и Гидеон, продолжая жадно дышать, попытался одернуть одежду. — Вы выяснили, кто ему помогал?

— Один из его коллег по лаборатории, Риз. Мы допросили его, и он утверждает, что ничего не делал — даже когда мы показываем ему записи, на которых ясно как день видно, как он работает с краном, чтобы опустить «Джорджа» в воду. Риз утверждает, что у него частичная амнезия, — Гарза усмехнулся на этих словах. — Это полная чушь. Сейчас Риз в камере.

Гидеон повернулся к Глинну.

— А ты? Что *ты* думаешь об этом?

— Единственное разумное объяснение, которое я могу дать — это то, что Фрейн был чем-то одурманен. Возможно, он сам не понимал, что творит.

Но сосредоточенное, сфокусированное выражение лица Фрейна, которое он видел, не было похоже на лицо человека, находившегося под алкогольным или наркотическим опьянением. И как ему удалось убедить своего коллегу по лаборатории помочь ему?

— А вам не кажется, что Фрейн и его друг могут быть вовлечены в какой-то саботаж? — предположил версию Гидеон, обращаясь к Гарзе и Глинну, переводя взгляд с одного на другого.

— Но кем он санкционирован, по-твоему?

— Возможно, власти Чили все еще имеют зуб за то, что «Ролвааг» потопил «Алмиранте Рамиреса», поэтому решили устроить бунт на нашем корабле.

— Это... возможно, — протянул Глинн.

По палубе послышались быстрые шаги, и вскоре перед ними предстала старший офицер Леннарт.

— Мистер Глинн, сэр? К нам движется воздушное судно. Вертолет.

Глинн резко помрачнел.

— Идентификатор?

— ЕС155, вылетел из порта Ушуайя, Аргентина, но зарегистрирован в США. Пилот:

говорит, что они везут к нам пассажира.

— Пассажира? Какого еще пассажира, черт возьми?

— Они не говорят. Попросили разрешения на посадку.

— Откажите им, если они не назовут имя пассажира.

— Простите, но морские правила требуют разрешить посадку. Им нужна дозаправка — топлива на обратную дорогу им не хватит.

Глинн покачал головой.

— Пусть вооруженная охрана возьмет в оцепление вертолетную площадку. Я не хочу, чтобы этот вертолет улетел, пока мы не будем обладать полной картиной того, что им здесь нужно.

— Наша птичка на площадке, — заметила Леннарт. — Ей придется взлететь и зависнуть, чтобы позволить им приземлиться и дозаправиться. Это значит, что мы не сможем удерживать их здесь слишком долго.

Глинн обернулся.

— Мы задержим их настолько, чтобы узнать, что за игру они ведут. Гидеон, Мануэль, идите к шкафчику с оружием. Встретимся на месте.

Вертолетная площадка находилась почти в центре корабля на приподнятой платформе перед ангаром с батискафами. Захватив оружие из шкафчика и миновав ряд лестниц и коридоров, Гарза и Гидеон, не перемолвившись и словом, добрались до железных ступеней, ведущих на площадку. В этот момент собственный вертолет корабля «AStar» взлетел. Стоя у люка, Гидеон наблюдал за тем, как очищают вертолетную площадку, и как их «птичка» занимает позицию чуть поодаль от корабля, чтобы освободить путь чужаку, приближавшемуся с противоположной стороны. Выйдя под открытое небо, Гидеон поднял голову на звук и увидел небольшой вертолет, садящийся на палубу. Он заметно занервничал и инстинктивно ощутил, что пистолет .45 калибра тяжелым и холодным грузом висит у него на бедре.

Гидеон, Глинн и Гарза вместе с командой охраны сгруппировались с одной стороны вертолетной площадки у подножия лестницы, чтобы не попасть под нисходящий поток и обеспечить себе прикрытия, если вдруг начнется стрельба.

Рев роторов, наконец, утих, и Гидеон поднял голову, чтобы рассмотреть вновь прибывших. Глинн уже всюду выкрикивал приказы в гарнитуру.

— Охрана, оцепите вертолет. Я хочу получить ответы прежде, чем мы дозаправим их и позволим им уйти.

Три охранника, вооруженные до зубов, направились к кабине пилота. Глинн последовал за ними.

— За мной, — скомандовал он.

Они поднялись по лестнице и присели по обе стороны от вертолета. Тем временем его салонная дверь открылась, из нее вылетел потрепанный кожаный чемодан, а вслед за ним появился мужчина. Он был до невозможности худощавым, лицо его было равномерно коричневого цвета, а голубые глаза сверкали подозрительностью и враждебностью. Он поочередно осмотрел всех присутствующих.

Увидев его, Глинн выпрямился и убрал пистолет за пояс. Взгляд мужчины ненадолго замер на нем, затем переместился на Гарзу, и тот, в свою очередь, тоже поспешил убрать оружие, не стесняясь меж тем демонстрировать кислое выражение лица.

— Макферлейн, — наконец, произнес Гарза. — Сэм Макферлейн, сукин ты сын.

— Да, — протянул Макферлейн через мгновение с холодной улыбкой, в которой не присутствовало и следа веселья. — Это я. И теперь все вы в настоящем дерьме.

Глинн быстро одобрил дозаправку ЕС155, после чего отпустил вертолет.

— Ко мне в каюту, — кратко обронил он, кивнув Гидеону и Гарзе, тем самым безмолвно дав им указание препроводить их нового пассажира в его личные покои.

Но то, чтобы добраться до большой каюты Глинна, у них ушло всего лишь несколько минут. Прежде, чем кто-то успел присесть, Гарза накинулся на Макферлейна.

— Что ты здесь делаешь?

Макферлейн ответил ему с кислой улыбкой.

— Однажды часть команды — всегда часть команды.

— Как ты узнал о миссии? Как ты сумел позволить себе тот вертолет? Последнее, что я о тебе слышал, это то, что ты продал кому-то мешок второсортных метеоритов.

Макферлейн не стал это комментировать. Вместо этого он спокойно сел, скрестил ноги и окинул взглядом Глинна.

— Ты очень хорошо выглядишь, Эли, — оценивающе хмыкнул он.

— Благодарю.

Гарза садиться отказался.

— Я все еще хочу знать: откуда тебе стало о нас известно?

— У меня было долгое путешествие, — отозвался Макферлейн. — Мне потребовалось сорок восемь часов, чтобы добраться сюда. Может, сначала предложите мне чашечку кофе? Двойные сливки, двойной сахар. Бисквит тоже не помешает, — эту просьбу пренебрежительным тоном он адресовал Гарзе, создалось впечатление, что этим он хочет его задеть или даже оскорбить.

Гидеон изумленно уставился на этого человека. Неужели это был тот самый Сэм Макферлейн, охотник за метеоритами, о котором он так много слышал? Ну, разумеется, это был он: Гидеон узнал его по видеозаписи, которую они спасли с «Ролваага». И все же теперь этот человек выглядел по-другому. *Совсем по-другому.*

Глинн поднял рацию, пробормотал в нее что-то и снова отключился.

— Все улажено. А теперь, Сэм, расскажи-ка нам, откуда ты узнал о наших делах здесь, и что ты сам тут делаешь.

— Меня нанял Палмер Ллойд.

Это заявление было встречено потрясенным молчанием.

— О, это же классика, — закатил глаза Гарза. — Детектив, нанятый сумасшедшим.

Глинн поднял руку, останавливая поток его саркастичных замечаний, и обратился к Макферлейну:

— Продолжай.

— Несколько дней назад мне поступил звонок от Ллойда. Он попросил меня навестить его в той шикарной лечебнице и даже оплатил мой проезд туда, — он покачал головой. — Опыт был тот еще. Но вот, что я могу вам сказать: этот человек не сумасшедший. Он такой же здравомыслящий, как и все. Он просил меня, *умолял* отправиться сюда.

— С какой целью? — требовательно спросил Глинн.

— Спасти всех вас от *тебя*.

— И как же ты намереваешься это сделать? — мягко поинтересовался Глинн.

— Он сказал, что ты, Эли, снова ведешь себя, как эгоист. Что твой разум затуманен, и что ты полагаешься, будто бы все контролируешь, хотя на самом деле ситуация прямо противоположная. Он сказал, что ты притягиваешь неудачи и что унесешь с собой кучу невинных жизней. Как и в прошлый раз.

— А еще что-нибудь он сказал?

— Он сказал, что неудачи преследуют тебя с рождения, и что ты инстинктивно их ищешь — они привлекают тебя.

— Понятно, — вздохнул Глинн. На протяжении всей этой тирады выражение его лица несколько не изменилось. — И как же ты собираешься добиться всеобщего спасения?

— Моя задача — не дать тебе сделать глупость. Стать твоим голосом разума в тот момент, когда ты соберешься все испортить. Ллойд поручил мне быть твоим «неуемным ангелом-хранителем».

— Как долго мы будем слушать эту пургу? — буркнул Гарза. — Ты можешь вмешиваться и делать все, что тебе угодно, но при этом сидеть на гауптвахте.

Гидеон слушал внимательно, но вступать в разговор не спешил. Ему казалось, что сейчас, в этом споре он был бы лишним — еще одна переменная в уравнении. Этот Макферлейн хоть и производил впечатление забавного сукиного сына, но его присутствие здесь обещало стать источником неиссякаемых проблем.

В дверь постучали, и вошел стюард, доставивший поднос с кофейными чашками, сливками и сахаром — и бисквитами, как просил Макферлейн. Он поставил свою ношу на стол, Глинн поблагодарил его кивком, и стюард поспешил уйти. Глинн занялся приготовлением кофе для Макферлейна, и меж тем поинтересовался:

— И как ты предполагаешь стать моим «неуемным ангелом-хранителем»?

Макферлейн принял из его рук чашку и сделал большой глоток. Глинн начал разливать кофе остальным.

— Возьми меня в команду, — попросил Макферлейн. — Дай мне полный доступ и свободу перемещения по кораблю. И *слушай*, что я говорю — ради всего святого.

Гарза удивленно покачал головой, пораженный наглостью этого человека.

— Согласен, — вдруг сказал Глинн.

Гарза вскинул голову, не веря своим ушам.

— Что?!

— Гидеон, я поручаю тебе ввести доктора Макферлейна в курс дела, — распорядился Глинн и повернулся к Гарзе: — Мануэль, давай отложим в сторону прошлое и начнем смотреть в будущее, — еще один поворот головы. — И, Сэм, смени, пожалуйста, свой тон — он совершенно неуместный и оскорбительный.

Гарза недоверчиво уставился на директора ЭИР.

— Ты действительно позволишь этому шуту стать частью команды?! После всего, что случилось? И какова будет его роль?

— Доктор Макферлейн, — кивнул Глинн, — станет нашей личной Кассандрой^[34].

Позже, в полдень того же дня, одетый в радиационный костюм с подачей воздуха, Гидеон с предельной осторожностью манипулировал небольшой потолочной лебедкой, стараясь соединить два собранных полушария ядерного устройства, подводя их ближе друг к другу. Плутониевый сердечник теперь был на месте: покрытый 24-каратным золотом, он сиял, как золотое яблоко, в центре многослойной бомбы. Два ее полушария напоминали экзотический фрукт, разрезанный пополам. Устройство было продуманно и спроектировано так, что его вилки и разъемы идеально подходили друг другу, тем самым демонстрируя высокую точность обработки. Инвазивные линзы, окружавшие сердечник, также идеально соответствовали друг другу. Кумулятивные заряды, обозначенные разными цветами (красные — «быстрые», белые — «медленные»), предназначались для фокусировки детонационной волны в сжимающейся сфере так, что она равномерно приводила ядро в сверхкритическое состояние.

Взрывчатый материал октоген испускал слабый химический запах — пугающий, похожий на запах пластика — он всколыхнул воспоминания о годах работы над Программой управления ядерным арсеналом в Национальной лаборатории Лос-Аламоса. Со временем по тем или иным причинам ядерное оружие устаревало, поддержание ядерного арсенала страны в рабочем состоянии и готовым к использованию часто предполагало разборку бомб и замену состарившихся деталей новыми — процесс совсем не похожий на тот, чем он сейчас занимался.

Используя два джойстика, он осторожно работал лебедкой, делая крошечные корректировки и движения и, наконец, смог идеально подогнать одно полушарие к другому: кабели, штепсельные вилки, разъемы соединились, подогнанные детали взрывателей скользнули в пазы. Он провел быструю проверку электроники и удостоверился, что все электрические контакты соединились и работали надлежащим образом.

Двойной фланец с отверстиями по всей его длине опоясывал наружную оболочку бомбы из нержавеющей стали. Мужчина выверенными движениями начал вставлять болты в эти отверстия, прорезанные во фланце как раз для этой цели, поочередно затягивая их.

Вдруг он почувствовал, что за его спиной кто-то есть. Резко выпрямившись и развернувшись, он узрел вновь прибывшего Сэма Макферлейна. Гидеона окатило раздражением из-за того, что ему пришлось прерваться... и из-за того, что парень подкрался к нему со спины. Он уже потратил час своей жизни, вводя его в курс дела, и сейчас задавался вопросом: *Что ему еще было нужно?*

— Это закрытая зона, — заметил Гидеон, на что Макферлейн лишь пожал плечами. — Тогда тебе надлежит облачиться в защитный костюм.

— Это не обязательно.

Гидеон непонимающе уставился на гостя. Это был абсолютно нежеланный визит. Он мысленно отругал себя за то, что предусмотрительно не запер дверь. А затем он догадался, что Макферлейн все равно заполучил ключ от всех дверей.

— Взрывчатое вещество слаботоксично, а плутоний и полоний, если ты не знал, ядовиты в дополнение к радиоактивности.

— Это меня совсем не волнует.

— Ну, раз так, то чем я могу тебе помочь? — сказал он, даже не пытаясь скрыть раздражение в голосе.

— Я делаю обход. Пытаюсь выяснить, как вы планируете убить эту штуковину. А ты отвечаешь за ввод меня в курс дела — помнишь? — он огляделся. — И это все? Что, это и есть решение проблемы? Атомная бомба?

Гидеон кивнул.

— Каковы спецификации?

— Это взрывное устройство. Плутоний, конечно, — он задавался вопросом, что вообще Макферлейн знал об устройстве ядерных бомб.

— Какова мощность?

— Около ста килотонн.

— Никто никогда не взрывал ядерную бомбу на глубине двух миль. Ты просчитал, как эта глубина повлияет на взрыв?

Гидеон немного испугался, что этот парень станет совать нос в самую сложную и неопределенную часть всей миссии.

— Было проведено всестороннее компьютерное моделирование. И судя по всему, давление воды усилит эффект ударной волны, но уменьшит эффект самого взрыва. Объект будет полностью уничтожен радиацией, однако вода нейтрализует свободные нейтроны.

— И как ты ее туда доставишь?

Гидеон замешкался. Некоторые вещи оставались особо секретными, даже на борту корабля.

— Глинн дал мне полный доступ ко всему, помнишь? — внес свой аргумент Макферлейн, заметив колебания Гидеона.

— У нас в ангаре есть специальный ТНПА, подводный робот. Он и доставит бомбу.

— И твои расчеты показывают, что она точно уничтожит ту штуковину?

— Взрыв полностью разрушит ствол и ветви. Ударная волна, образующаяся при детонации, по существу является настолько сильной продольной волной, что уничтожит даже клеточные структуры объекта, превратив их, по сути, в ничто. Именно здесь давление воды в четыре сотни атмосфер придется как нельзя кстати.

— А что с частями, что лежат ниже уровня морского дна? Она их тоже убьет?

— Да. Волна давления проникнет в грунт и полностью разрушит его корневую систему.

— А если точно, то насколько далеко она распространится?

Именно касательно этого вопроса симуляция давала сбой, выходя за границы возможностей бортового суперкомпьютера. Но Гидеон ни в коем разе не собирался рассказывать об этом Макферлейну.

— Ну, похоже, что она стерилизует грунт радиусом в милю и на глубину не менее шестисот футов.

— Шестисот футов, — брови Макферлейна приподнялись. — А насколько обширна корневая система существа?

— У нас нет точных данных. Мы опираемся на предположение, что уничтожив его структуру над морским дном, мы убьем все существо.

— Разве это не рискованное предположение?

— Мы думаем, что нет. Мы выяснили, что мозг существа находится внутри верхней части ствола.

— Что, если под землей у него есть еще один мозг?

Гидеон глубоко вздохнул.

— Слушай, Сэм. Могу я называть тебя Сэмом?

— Конечно.

— Мы можем спорить об этом весь день, а у меня здесь еще много работы. Может быть, тебе лучше обсудить эти вопросы с Глинном?

Макферлейн пристально уставился на него и с нажимом произнес:

— А я хочу обсудить их *с тобой*.

— Почему?

— Потому что я не уважаю Глинна или Гарзу. Я видел, как они оба действовали в последние часы существования «Ролваага». Глинн — одержимый невротик. Мануэль — превосходный инженер, не имеющий никакого воображения, что делает его вдвойне опасным — талант, запертый в жесткие рамки.

— Понимаю.

— Хочешь услышать мое мнение? — он замолчал, глядя на Гидеона.

Гидеон подавил соблазн сказать, что он не хочет, но решил, что все же ему стоит его выслушать.

— Конечно.

— Твоя ядерка не сработает. Без сомнения, она убьет структуру *над* морским дном, но я держу пари, что основная часть существа находится *под* ним. Оно слишком хорошо структурировано, чтобы быть уязвимым. Поэтому этот весь ваш план заведомо обречен на провал — ядерное оружие недостаточно мощное.

— Хорошо, если не ядерное оружие, то что? — без тени раздражения спросил Гидеон.

— Прежде чем ответить на этот вопрос, нам нужно получить дополнительную информацию.

— Какую именно?

— Много лет назад, когда я только начинал работать в качестве внештатного охотника за метеоритами, у меня была временная работа на буровой вышке. Рядом с городком Одесса в Техасе. Я был частью команды по разведке нефти. Ты знаешь, как ее обычно ищут? На поверхности земли устанавливается матрица небольших взрывных зарядов вместе с сейсмическими датчиками. Затем взрывчатка активируется и посылает импульс сейсмических волн в землю, которые затем фиксируются датчиками. Компьютер обрабатывает полученную информацию и рисует картину того, что находится под землей — слои пород, скалы, линии разломов, пустоты — и, конечно же, скрытые карманы нефти.

— Ты предлагаешь нам проделать здесь то же самое?

— Вот именно. Вам нужно выяснить, что именно находится под землей. Вы должны быть уверены, что уничтожили его полностью.

Гидеон пристально посмотрел на Макферлейна. Парень чуть наклонился к нему, он дышал слишком часто и его бледно-голубые глаза сверкали таким азартом, что Гидеону стало не по себе. К тому же он был худощав и одет настолько неряшливо, что вполне сошел бы за бездомного. И все же, несмотря на все это, несмотря на то, что он знал о Макферлейне и его прошлом, Гидеон признал, что его идея была хорошей. Очень хорошей.

— Мы могли бы это сделать.

— Я сразу понял, что ты человек, который ко мне прислушается, — он протянул руку, обхватил ладонь Гидеона и с энтузиазмом потряс ее. — Я сделаю матрицу. На тебе взрывчатка и сейсмические датчики. Мы будем работать вместе — как партнеры.

— Не партнеры. Равноправные коллеги.

Двумя палубами выше, в лаборатории морской акустики, Вонг и Протеро занимались настройкой акустического устройства, которое техперсонал Центра управления разместил на расстоянии в полмили от существа. Вонг надела гарнитуру и наушники, в которых звучал гнусавый голос Протеро.

— Готов начать трансляцию вокализа голубого кита «кто ты?», — сообщил он. — Звук, который издают два голубых кита, когда они приближаются друг к другу, — своеобразный китовый привет. Посмотрим, что на это ответит Баобаб. Ты готова?

— Готова.

— Эта запись будет отличаться от тех, что мы слышали до сих пор. Те звуки для четкости были ускорены в десять раз. Настоящие вокализации лежат в диапазоне от десяти до тридцати девяти герц. Человек не может слышать звуки ниже двадцати герц, поэтому запись будет звучать очень тихо, местами заикаясь, и ты, вероятно, ничего почти не расслышишь.

— Понятно.

— Я собираюсь транслировать минуту, а затем дам ему пять минут на ответ, — Протеро подрегулировал несколько тумблеров. — Итак, трансляция пошла.

Для Вонг она звучала, как серия крайне тихих стонов и заиканий, и через минуту все прекратилось. Вонг вся обратилась в слух. Прошло пять минут. Ничего.

— Я попробую еще раз, — сказал Протеро. — Но на этот раз увеличу амплитуду.

Он снова передал приветствие китов. Когда оно закончилось, прошло около минуты, а затем Вонг услышала еще один глубокий звук, совсем другой: длинный, протяжный стон, за которым последовало заикание, которое со временем сошло на нет. Последовал второй звук, такой же длинный и низкий. Вонг почувствовала, как ее сердце забилось чаще. Это было так неожиданно и просто невероятно: *существо ответило!* Они вступили в диалог с инопланетным разумом. Кроме того, она слышала, что Баобаб не просто повторил то, что они только что сыграли, похоже, что он сказал нечто новое.

— Ты это слышала? — спросил Протеро, его голос звучал настолько возбуждено, что местами срывался, как у подростка. — Чертов ублюдок! Он с нами говорит! Твоя теория о том, что он просто бездумно повторяет это дерьмо, провалилась.

— Признаю свою ошибку, — сказала Вонг. Она на миг представила, что произойдет, если она сообщит Протеро, что она на самом деле о нем думает. Нет! Пожалуй, это еще может подождать. Возможно, когда они вернутся домой...

— О'кей. Я собираюсь повторить «кто ты?».

Снова прозвучала вокализа синего кита. И на этот раз ответ пришел быстрее.

— Ты записала его? — нетерпеливо спросил Протеро.

— Конечно.

— Я не знаю, что это значит, но мы обязательно его расшифруем. Давай сделаем это снова. Они повторили то же сообщение, и получили тот же ответ.

— Вонг, прогони этот звук через акустическую базу данных и посмотри, какие совпадения мы получим.

— Уже сделано.

У компьютера не заняло много времени найти дюжину совпадений в обширной фонотеке звуков синих китов Протеро. И, как и прежде, она просмотрела обстоятельства, при которых эти звуки были записаны, перенаправив результаты на рабочий компьютер Протеро. Некоторое время он работал молча.

— Ну вот, — сказал он. — Кажется, у меня есть перевод. Ответ Баобаба состоял из трех разных звуков. Первый, похоже, имеет какое-то отношение ко времени. Однако он прозвучал как-то слишком уж затянуто. Я полагаю, что он означает «долгое время» или «давно».

Послышались щелчки клавиатуры. Протеро еле слышно пробормотал несколько грязных ругательств, которые Вонг против воли услышала, ибо они транслировались через гарнитуру.

— Ладно, — продолжил он. — Вторая вокализация обозначает расстояние. Она тоже ненормально вытянута. Так что она, вероятно, означает нечто вроде «большое расстояние». Или больше похоже на «издалека». Вот и все! Мы спросили его: «Кто ты?» и он ответил: «Давным-давно. Издалека».

Вонг охватило странное ощущение, как будто кубик льда полз по ее шее. Это был, без всякого сомнения, потрясающий момент.

— Есть еще третий звук. Он прозвучал как предупреждающие ноты китов, которые появляются при встрече с рыболовной сетью или тралом, — он сделал паузу. — «Сеть». Я не уверен насчет этого перевода на все сто процентов. И это значение совсем не подходит к двум другим, но... — Протеро оживился. — Ты понимаешь, что мы сделали? — воскликнул он, как будто до него только что дошла вся масштабность события. — Мы — первые люди, которые действительно общаются с инопланетным интеллектом! Твою мать! Он сказал нам, что преодолел большое расстояние за долгий период. Это все очень мне напоминает стартовые титры «Звездных войн»: *Давным-давно в далекой, далекой галактике...*

Ощущение озноба распространилось и усилилось. Вонг понятия не имела, почему она так внезапно почувствовала его, но ей казалось, что в послании Баобаба было что-то неопишимо потерянное и одинокое. *Давным-давно, издалека...* Это не было похоже на сообщение, скорее, это было больше похоже на крик о помощи. Тогда как сюда вписывалось третье слово — «сеть»?

Ее размышления были прерваны Протеро.

— Давай продолжим. Давай посмотрим, на какие наши вопросы он еще соизволит ответить.

Но ничего не получилось. Они транслировали звуки еще час, но ответа так и не получили. Казалось, что сущность, по какой-то причине, не захотело больше разговаривать.

Гидеон был чертовски рад, что на этот раз находится в Центре управления, а не в батискафе. Он стоял у своей обычной консоли, наблюдая за главным экраном вместе со всеми остальными собравшимися в комнате. Макферлейн стоял рядом с ним, являя собой квинтэссенцию молчаливой сосредоточенности.

Макферлейн быстро включился в проект. Казалось, он успевал быть всегда и всюду, во всех точках корабля одновременно, по долгу службы вторгаясь в каждую лабораторию, каждую мастерскую и на каждое рабочее место, нажив в процессе всего этого множество врагов. Гидеон заметил, что многие на борту корабля не только недолюбливали Макферлейна, но как будто даже побаивались его. Он производил впечатление человека, который прошел огонь, был сожжен до костей и выжил, восстав из пепла. Личности, которая не давала себе труда изрекать формальные любезности, коими пронизано социально-желательное поведение. Правдолюба, которые преподносил факты такими, какие они есть, избегая любых социальных уверток, что порой звучало грубо и оскорбительно. Только Протеро выглядел пораженным, даже очарованным этой его непринужденной манерой.

Весь Центр управления, затаив дыхание, наблюдал, как дистанционно управляемый «Ринго» парит над морским дном в четверти мили от Баобаба, укладывая матрицу зарядов и сейсмических датчиков. Сам Баобаб, судя по всему, немного успокоился, как только аппарат оказался в непосредственной близости от него.

— Эта штукавина, словно кошка, — заметил Макферлейн, который взял на себя единоличный контроль над операцией, и никто не решился это оспорить, — притворяется мертвой. Замерла в ожидании, когда птичка подлетит поближе.

Опять же, Гидеон был удивлен проницательностью мужчины: его слова оказались не так уж далеки от гипотезы, вокруг которой роились его собственные мысли. Но план подразумевал, что ГОА будет держаться на расстоянии — по крайней мере, они очень рассчитывали, что он останется вне досягаемости ужасной, засасывающей пасти твари. К счастью, заряды не нужно было размещать настолько близко. Идея заключалась в том, чтобы выявить внешние границы подземного присутствия существа, определить насколько далеко и глубоко проникли его «корни».

Это был долгий процесс. В Центре управления присутствовало мало людей, да и операция в целом была разработана в экстренном режиме. Глинн распорядился, чтобы в будущем информация поступала более обособленно, в попытке положить конец сумасшедшим домыслам и слухам, распространявшимся, как лесные пожары. Корабль напоминал небольшой городок в худшем смысле этого слова. Гидеона поражало то, что в сложившихся обстоятельствах нормальные, образованные люди создавали и разносили ядовитые, порочные сплетни, попутно повторяя и преувеличивая каждую мелочь, участвуя в мелких спорах и абсурдных дискуссиях. Это было влияние токсического уровня тревоги и стресса, что в настоящее время установился на борту судна.

— Ты сказал, что узнал этот способ на буровой? — спросил Гидеон Макферлейна.

— Да. И затем я соединил его с технологией охоты за метеоритами. Я подумал, что он идеально подходит для поиска больших, тяжелых объектов под землей.

— И как? Успешно?

— Нет. Я опробовал его на кратере Боксхол^[35] возле Алис-Спрингс в Австралии. Основной объект я так и не нашел. Должно быть, он испарился при ударе или при прохождении атмосферы. Тогда я выбросил сорок штук на ветер, и это сделало меня банкротом.

— Так как же ты оказался на борту «Ролваага»?

— По моему виду вряд ли это скажешь, но когда-то я был самым успешным охотником за метеоритами в мире. Мой бывший партнер Нестор Масангкей нашел гигантский метеорит на островах мыса Горн. Он умер прежде, чем смог заявить на него права. Палмер Ллойд пронюхал об этом и нанял меня вместе с Эли и его инженерной компанией, желая его заполучить. Так мы все, одной большой компанией, и отправились туда, чтобы выкопать его. Я уверен, что ты и так знаешь эту историю. Из-за преступного высокомерия весь корабль пошел ко дну — доставив этого сукина сына туда, где он и хотел быть.

— Так почему же Ллойд нанял тебя и для *этой* экспедиции? Здесь же не метеорит, что тебе тут делать?

— Ты слышал, что я сказал там, в кабине Глинна. Ллойд наблюдал за моим поведением в последние часы «Ролваага». Он решил, не без оснований, что я лучше квалифицирован для выхода из сложившейся сложной ситуации, чем оба Джи.

— Ты имеешь в виду Глинна и Гарзу?

— Да, — Макферлейн посмотрел на Гидеона. — А теперь у меня к тебе есть вопрос.

— Валяй.

— Как Глинн смог излечиться? По последним сведениям, что у меня были на его счет, он стал калекой, жил в обнимку с инвалидным креслом, ослеп на один глаз и едва ли был способен двинуть пальцем.

Неожиданный вопрос на мгновение озадачил Гидеона.

— Ему повезло найти... хорошее лекарство.

— Хорошее лекарство? Всего лишь? Больше похоже на чудо. Если бы он не был закоренелым атеистом, я бы сказал, что он, должно быть, очень сильно молился святому Иуде^[36].

Гидеон поспешил сменить тему.

— Я и не знал, что Глинн атеист.

— Ты удивлен? Он не верит в силу, *большую*, чем он сам. И все мы знаем, что, в какой-то степени, он все-таки бог, — по крайней мере, по его собственному мнению.

Аппарат «Ринго» как раз закончил установку зарядов и сейсмометров и начал подниматься. Как только он достигнет тысячи метров, план будет приведен в исполнение — заряды взорвутся, и произойдет замер и сбор результатов. Глинн не хотел рисковать тем, что существо снова активизируется, и тем, что кабели, соединявшие сейсмометры с поверхностью, отключатся.

Теперь громкость разговоров и перешептываний в Центре управления миссией увеличивалась по мере того, как начался обратный отсчет до сейсмического теста. Подходило время детонации, и прямо пропорционально ему повышался уровень нервозности.

Гидеон повернулся к своей консоли управления и оповестил:

— Десять минут до детонации.

— Реакция существа должна дать нам ценную информацию, — сказал Макферлейн. — Если мы переживем его реакцию, я имею в виду.

Эта же мысль бродила и в голове Гидеона.

— Пять минут, — пришло объявление.

— Понял, — буркнул Макферлейн.

Внезапно Гидеон услышал волнение у главного входа Центра управления. Там истерически кричал мужчина. Гидеон оглянулся и увидел одного из служащих лаборатории Сакс, Крейга Уэйнгро, громко спорящего с офицером службы безопасности. Он яростно жестикулировал, крича во всю силу своих легких.

— Не взрывайте! — вопил он. — Прекратите! Сейчас же! — его голос звучал хрипло и приглушенно, словно он набрал полный рот песка.

Два офицера безопасности сдерживали его, но Уэйнгро замахнулся на них, пытаясь ударить. Представителям порядка пришлось достать оружие. Один из них бросился обезвреживать атакующего человека, произошла короткая потасовка, а затем внезапно Уэйнгро освободился, и пистолет охранника оказался в его руке. Он махнул им, и прогремел выстрел, прозвучавший оглушительно в замкнутом помещении. Последовали крики и грохот, когда люди бросились искать укрытия.

— Вы не сделаете этого! — кричал Уэйнгро, размахивая пистолетом, и стреляя куда попало. — Даже не пытайтесь! Я предупреждаю!

Другой охранник бросился на агрессора; тот выстрелил, но промахнулся, и офицер повалил его на пол, сбив с ног. Первый охранник присоединился к ним, и последовала жестокая борьба. Апофеозом ее стал громкий звук очередного выстрела, а затем — наступила тишина.

Двое охранников, лежавшие на мужчине, поднялись, явив распластавшегося на полу Уэйнгро. Руки мужчины были неестественно вывернуты, оружие все еще было зажато в его правой руке, верхняя половина головы отсутствовала, напрочь снесенная выстрелом, и его мозги медленно сползали в расширяющуюся лужу крови. Во время борьбы он, видимо, случайно выстрелил в свою собственную голову.

Гидеон в ужасе смотрел на кровавое месиво. Его что-то тревожило. Во всем этом было что-то неправильное — даже более неправильное, чем все это ужасное зрелище вместе взятое. В этот момент он почувствовал, что Макферлейн грубо потянул его назад, и тут он увидел причину своего странного ощущения; послышались вздохи, возгласы ужаса и отвращения, когда остальные увидели то же самое, что и он. Люди спешно кинулись покидать помещение, непрерывно крича и вопя.

Из-под оболочки раздробленного мозга мужчины, покрытое кровью и серым веществом, извиваясь, показалось *нечто* темно-серое и червеобразное. Когда оно выбралось на поверхность целиком, то открыло крошечный рот, обнажив один единственный острый зуб, рассекло им плоть, мешавшую его продвижению, и стало уползать.

Доктор Патрик Брамбелл смотрел на мертвое тело Уэйнгро, лаборанта Сакс, лежавшее на каталке, и все еще одетое в окровавленный халат после трагедии, произошедшей всего несколько минут назад в Центре управления миссией. Доктор Сакс стояла рядом с ним — к счастью или нет, но она не присутствовала при случившемся. Пугающие новости разлетелись мгновенно, и весь корабль пребывал в шоке и ужасе. Гарза потребовал немедленного вскрытия и отчета о черве... или щупальце... или чем бы ни была та мерзость, что выползла из мозга погибшего.

— Господи Боже, — пробормотала Сакс, глядя на тело. — Какой кошмар.

Но внимание Брамбелла находилось далеко от трупа — оно целиком принадлежало червеобразной твари. Офицер службы безопасности принес ее в запечатанном лотке из нержавеющей стали со стеклянной крышкой. Глядя на нее, Брамбелл чувствовал, как сквозь все его тело проходит дрожь. После рукопашной потасовки в Центре управления червь почти ускользнул, но в последний момент кто-то достаточно оправился от шока, чтобы накрыть его мусоркой — тем самым заключив в ловушку.

И оно было там: серое червеобразное существо диаметром примерно с карандаш и длиной в шесть дюймов. Оно извивалось в контейнере, методично изучая каждый закуток и угол, явно ища путь бегства. На его голове, судя по всему, имелись два блестящих черных глаза, а между ними круглый рот с одним острым-преострым черным зубом, выступающим словно клык. Создавалось впечатление, что он состоял из вещества, напоминавшего обсидиан или стекло.

— Доктор Брамбелл? — позвала его Сакс. — Начнем?

Волосы женщины были заправлены под шапочку, и она была в хирургическом халате, как и он. В целом они поддерживали официальные отношения, что очень нравилось Брамбеллу. Сакс была кандидатом наук и доктором медицины, отчего Брамбелл чувствовал себя немного неполноценным рядом с ней. Однако одно можно было сказать точно: она была намного лучше подготовлена к предстоящей задаче, академически и эмоционально, чем, скажем, его собственный трусливый помощник, Рохелио.

Брамбелл посмотрел на большой поднос, стоящий между ними, с аккуратно уложенными инструментами для вскрытия: набор из 22 скальпелей, долото для черепа, реберные резак, щипцы, ножницы, иглы Хагедорна, длинный нож и обязательная пила Страйкер.

Затем доктор произвел визуальный осмотр тела. Видеокамера уже работала. Он произносил свои наблюдения вслух, описывая рану головы, вход и выход пули, состояние мозга и различные другие факторы.

— Разрежьте одежду, будьте добры, доктор Сакс.

Сакс начала частями срезать одежду, откладывая ее в сторону. За исключением каши, в которую превратилась голова, остальное тело было чистым и в хорошей форме. Брамбелл отрегулировал верхний свет над рабочей зоной.

— Здесь что-то странное, — сказала Сакс. — С носом.

Брамбелл взял отоскоп, включил его и заглянул внутрь носовой полости.

— Что это? Похоже на какое-то отверстие. Может, это какая-то травма?

Он передал отоскоп Сакс, чтобы и она на это взглянула.

— Я думаю, что именно здесь... червь и вошел. Посмотрите — повреждена носовая перегородка и проколота кристаллическая пластина этmoidной кости. Их как будто пробурили. К тому же, отверстие такого же диаметра, что и червь. Брамбелл снова взял инструмент, внимательно осмотрел нос, а затем — совершенно бессознательно — взглянул в сторону червя.

— Ой-ой, — протянул он.

Существо перестало исследовать контейнер. Казалось, оно успокоилось, его «голова» — за неимением лучшего термина — уткнулась в угол коробки из нержавеющей стали. Оттуда то и исходил слабый скрежещущий звук.

Брамбелл поднял очки и взглянул ближе. Тварь своим зубом скребла стальную стенку контейнера. Сначала это выглядело как безнадежная задача — какой зуб мог разрезать сталь? — но потом он увидел, что ей действительно удается снимать со стенки крошечные завитки металла. Медленно, но верно, существо проделывало дыру.

— Господи Всемогуший, — воскликнула Сакс, проследив его взгляд и заметив то же, что и он.

— Воистину.

Не сказав более ни слова, Брамбелл схватил телефон внутренней связи корабля и вызвал лабораторию подготовки, которая теперь в целях безопасности поместила все остальные образцы щупальца в корпуса из нержавеющей стали. Он взглянул на Сакс.

— Не отвечают.

— Лаборатория, вероятно, заперта. Звоните в службу безопасности.

Брамбелл набрал охрану, сказал им немедленно проверить образцы и быть осторожными. И отключился.

— Что теперь?

Они смотрели друг на друга мгновение, прежде чем Сакс ответила.

— Давайте вскрыем этого маленького ублюдка прежде, чем он ускользнет. Труп может подождать.

— Да, это самое лучшее решение.

Брамбелл старался не думать о том, что может означать молчание в подготовительной лаборатории.

Он поднял контейнер и отнес его в камеру для вскрытия, чрезвычайно радуясь тому обстоятельству, что дизайнеры-конструкторы корабля подумали встроить сюда эту необычную, закрытую и стерильную установку для вскрытия. Он поднял крышку и поместил запертый контейнер внутрь. Существо встревожилось из-за перемещения, оно вытянулось и показало свой черный зуб, его голова угрожающе раскачивалась взад-вперед.

— Он как чертова гадюка, — сказала Сакс.

Брамбелл закрыл и заблокировал крышку. Камера для вскрытия имела два рукава, через которые можно было дистанционно управлять инструментами для рассечения. Вставив предплечья в рукава, Брамбелл использовал манипуляторы, чтобы открыть коробку. Тварь мгновенно атаковала, ударив манипулятор, и отскочила. Она ударила снова, выбралась из коробки, быстро заскользив по пустому пространству рабочего короба, пока не ударилась о стену, а затем начала исследовать ее, надавливая и прощупывая своим зубом, как было и в случае со стальным контейнером.

Несмотря на все усилия по обузданию эмоций, Брамбелл чувствовал, что его руки

начали дрожать. Он должен был зафиксировать существо на поверхности, предназначенной для вскрытия — и чем скорее, тем лучше. Оно скользило повсюду, постоянно находясь в движении. Используя манипулятор, доктор поднял большую препаровальную иглу, зависнув над червем, а затем — когда тот попал в целевой диапазон — он резко опустил ее, пронзив и пришил тварь к специальной пластиковой поверхности.

Со слабым, но отвратительным визгом тварь начала метаться, снова и снова ударяя зубом по игле.

Тяжело дыша, Брамбелл воткнул в нее еще одну иглу, а затем еще, и еще, пока существо не оказалось пришпилено к пластиковой поверхности настолько крепко, как будто его пришил портной. К ужасу присутствующих оно все еще продолжало отчаянно извиваться, выказывая поразительную живучесть: ее пасть открывалась и закрывалась, зуб неустанно ударял по сверкающим креплениям, удерживавшим его на месте.

— Активируйте стереозум, — скомандовал он. Сакс подкатила микроскоп, использовавшийся для тонкого рассечения, и начала его позиционировать. Она включила аппарат, и подключенный к нему видеозэкран ожил, показывая размытое увеличенное изображение червя. Женщина подкрутила тумблеры фокуса и зума, пока изображение не сделалось четким и не стало соответствовать желаемому увеличению.

— Удивительно, но он отказывается умирать, — пробормотал Брамбелл, приблизив окуляры микроскопа к лицу и снова вставляя руки в манипуляторы. Доктор поднял скальпель и поднес его к нижнему концу закрепленного, но все еще отчаянно извивающегося червя. Он воткнул его острый кончик в плоть существа и начал делать продольный разрез, вскрывая объект от хвоста к голове. Кожа была твердой, и у Брамбелла создалось впечатление, что он как будто режет пластик. Существо издало еще один визг, на этот раз гораздо громче. Разрез обнажил его внутренности: скопление причудливых внутренних органов... если их вообще можно было назвать органами, учитывая, что больше они походили на пучки проводов и полупрозрачную волоконную оптику, а также кластеры блестящих черных шариков, вроде крошечных гроздей винограда. Внутренние полости, как ни странно, были ахроматическими — черно-белыми с вкраплениями серого.

Существо все еще боролось.

— Никак не умрет, — шепнула Сакс.

Брамбелл зафиксировал продольный разрез с помощью другого набора игл, а затем удалил начальные фиксаторы. Теперь тварь лежала на пластиковой поверхности, распахнутая настежь. Ее кожа податливо разошлась, из-за чего внутренние органы приподнялись, готовые к вскрытию. Они дрожали и изгибались, черные нити или провода сокращались и расслаблялись, в то время как все еще живое существо сопротивлялось вскрытию. Брамбелл почувствовал дурноту. Оно просто так не умрет.

— Могу я взглянуть, доктор Брамбелл?

Брамбелл с облегчением отошел от окуляров.

— Оно слишком идеально, слишком гармонично организовано, чтобы быть биологического происхождения. Похоже, это механизм — вам так не кажется?

— Я не могу с вами согласиться, доктор Сакс. Причина такого строения может быть скрыта в присущем ему наборе биогенных элементов, отличных от наших. Биоанализы показывают, что в основе организма существа лежит углерод-кремний-кислород вместо троицы углерод-водород-кислород, характерной для всей нашей органической природы. Оно вполне может быть продуктом углеродно-кремниевой эволюции.

Брамбелл увидел, что уродливая маленькая тварь теперь пытается отпилить своим зубом одну из металлических игл.

— Я думаю, что все эти нити — это его центральная нервная система, — сказал он. — Давайте проследуем по ним до мозга.

— Хорошая идея.

С изысканной осторожностью Брамбелл стал отделять оболочки и ткани, покрывавшие эти черные и полупрозрачные нити, постепенно обнажая их. Пройдя по всей их длине, он увидел, что они привели его к скоплению черных гранул между глаз, прямо позади зуба — как раз там, где и можно было ожидать расположение мозга.

— Должно быть, это он, — констатировала Сакс.

— Согласен.

— Убейте его, пожалуйста.

— С удовольствием.

Выбрав более тонкий скальпель, Брамбелл приставил его сверкающий кончик к этому скоплению и чуть воткнул. Реакция существа на это была внезапной и драматичной: оно издало высокий душещипательный стон.

Брамбелл заколебался.

— Продолжайте, ради Бога.

Он продолжил резать, открывая мозгоподобный орган. Благодаря стереозуму можно было увидеть множество сложных структур. Существо выдало последний пронзительный стон, яростно завибрировало и затихло.

— Мертва, — выдохнула Сакс. — Наконец-то.

— Будем надеяться.

Доктор продолжил препарировать крошечный мозг, отрезав несколько образцов, которые впоследствии будут секционированы и исследованы с помощью сканирующего электронного микроскопа; следующий образец для биохимического анализа; еще несколько для различных дополнительных тестов. Он работал с мозгом кропотливо и медленно, пока тот не оказался полностью иссечен.

В стереозум было видно, что этот орган существа весьма сложно организован — сферы внутри сфер, соединенные бесчисленными пучками крошечных нитевидных проводов — возможно нейронов? — и полупрозрачных трубок.

В молчании Брамбелл продолжил вскрытие головы. Зуб — черный и чрезвычайно острый — имел форму клыка маленькой акулы. Его корень крепился к массивному пучку проводов, выглядящих механическими, и которые, видимо, по мере надобности, могли сокращаться и расслабляться, контролируя движение зуба. Сам же зуб, очевидно, не состоял из двуокиси кремния — это соединение было не настолько уж крепким, чтобы резать сталь. Доктор был уверен, что это какой-то углеродный аллотроп, скорее всего, эквивалент земному алмазу.

Рот существа вел в никуда: ни глотки, ни пищеварительной системы, ни желудка, ни ануса. Он просто заканчивался другим кластером черных и полупрозрачных нитей. Может быть, это действительно была машина, — и если да, то, какого рода машина? Она разительно отличалась от всего, созданного человечеством.

Коллеги работали быстро, но точно, пока не расчленили все видимые органы и не взяли образцы всех тканей для дополнительных исследований. Как и при любом вскрытии, конечный вид трупа представлял собой полный хаос.

— Давайте перейдем к Уэйнгро? — спросил Брамбелл.

— Прежде, чем мы это сделаем, — сказала Сакс, — я стала бы чувствовать себя намного лучше, если бы мы прогнали останки этой твари через блендер и сожги их.

— Стоящая мысль.

Брамбелл открепил от пластиковой поверхности все ошметки, что остались от паразита, поместил их в небольшой контейнер и, наглухо запечатав, извлек его из-под колпака. Биоблендер измельчил останки до серой кашицы, а затем настал черед маленькой лабораторной мусоросжигательной установки — спешно закинув в нее образовавшуюся массу, доктор ее включил. Ученые услышали успокаивающий звук ожившего пламени, нежный рев горелки, гул вытяжки, удалявшей газообразные отходы с корабля. Процесс сжигания занял какое-то время, а затем устройство подало сигнал, что произошло полное сгорание.

— Посмотрим, что осталось? — спросила Сакс.

— Почему бы нет? — Брамбелл открыл дверь печи и вытащил контейнер. На его дне наличествовал небольшой круглый комок глубокого синего цвета — ни золы, ни песка, только мерцающий шарик стекла.

— Как любопытно, — протянула Сакс, подняв его с помощью пинцета и поднеся к свету. — Какой прекрасный цвет, — она положила все, что осталось от червя, в пробирку и запечатала, промаркировав ее для будущих анализов. Наконец, она повернулась к коллеге: — Доктор Брамбелл, я считаю, что труп нас заждался.

— И в самом деле.

Как только они подошли к телу на каталке, сработала сигнализация системы аварийного оповещения корабля: замигали красные огни, зазвучала сирена. Затем через динамики до них донесся голос. Потрясенный Брамбелл замер — это был первый случай использования аварийной системы на его памяти.

Внимание, всему персоналу! Внимание, всему персоналу! Образцы организма, доставленные на борт, похоже, сбежали из подготовительной лаборатории. Они, скорее всего, расщепились на множество мелких существ, похожих на маленьких змей с одним единственным зубом. Их следует считать агрессивными и чрезвычайно опасными. Всем сотрудникам предписывается оставаться настороже. Если вы заметите подобное существо, немедленно оповестите службу безопасности и держитесь от него подальше. Всем персоналу, не занятому жизненно важными задачами, надлежит немедленно — повторяю, немедленно — явиться на ангарную палубу для получения дальнейших инструкций.

Не говоря ни слова, Брамбелл поднял длинный нож и начал делать Y-образный разрез от мечевидного отростка до лобковой кости.

— Насколько я понимаю, мы занимаемся жизненно важным делом, так что идти нам никуда не надо.

Как будто в ответ на его слова раздался телефонный звонок. Сакс подняла трубку.

— Это Гарза. Он хочет видеть нас на ангарной палубе. Глинн требует краткий доклад.

Брамбелл с сожалением отложил нож. Пока, по крайней мере, о спокойной обстановке приходилось только мечтать.

Гидеон присоединился к Глинну и остальным лидерам миссии в дальнем углу палубного ангара. Глинн — который был занят срочной беседой с доктором Брамбеллом и Антонеллой Сакс — одарил его лишь рассеянным кивком. Золотой шар солнца медленно закатывался за линию горизонта, оставляя на небе рыжеватое свечение. Освещение палубы только что включили, и ангар буквально утонул в жутком желтом свете.

Палубный ангар был переполнен, всюду царило суетливое движение, звучали разговоры и напряженный ропот, чьи-то громкие увещания и рассказы. Осмотрев толпу собравшихся, Гидеон искренне оторопел от глубины беспокойства — если не ужаса — которое испытывали все эти люди, их переживания буквально читались на лицах.

Глинн шагнул вперед, и Гидеон понадеялся, что он сможет сработать местным магическим успокоительным, хотя очень сомневался в этом, учитывая, сколько народу здесь собралось.

Глинн поднял руки, и ангар погрузился в тишину.

— Как вы все знаете, образец, который мы доставили на борт — то, что мы считали длинным корневым отростком или щупальцем — исчез из подготовительной лаборатории. Мы знаем, что маленькие червеобразные придатки, отколовшиеся от основного экземпляра, сумели внедриться в качестве паразитов, как минимум, к трем членам команды... вероятно, была и четвертая жертва — все они сотрудники лаборатории экзобиологии. Крейг Уэйнгро, лаборант, который случайно застрелился во время борьбы в Центре управления, был поражен паразитическим червем. Сканирование КТ показало, что другие два специалиста лаборатории экзо — Риз и Стальвезер — также были заражены, черви укрылись в их мозгу. Теперь их обезвредили и закрыли на гауптвахте.

Толпа вновь начала беспокойно шуметь.

— Прошу вас, — требовательно крикнул Глинн, призывая всех к спокойствию, — мне нужно сказать вам еще кое-что.

Снова наступило молчание.

— Есть вероятность, что мистер Фрейн, ведущий специалист также был заражен, и это, как мы считаем, обуславливает его действия, когда он украл батискаф. Доктор Брамбелл и доктор Сакс только что завершили вскрытие одного из червей, и у нас есть дополнительная информация и предварительная версия, которой мы можем с вами поделиться.

По толпе снова прокатилась волна ропота, кто-то призывно что-то выкрикнул.

— Пожалуйста! — в очередной раз повысил голос Гарза, шагнув вперед. — Помолчите и позвольте доктору Глинну закончить.

— У всех так называемых червей наличествует единственный зуб. Он состоит из углеродистого соединения высокой прочности, которое, по-видимому, может проделать дыру в стали и в любом другом материале. Мы склонны предполагать, что скоро черви распространятся по всему кораблю. Нам удалось установить, что они, похоже, нападают на людей, пока те спят. Они вводят жертву в своеобразный наркоз и проникают в мозг. Период анестезии длится часа два или около того, дальше жертва продолжает спать обычным сном.

— Откуда вам все это известно?! — выкрикнул кто-то.

— Это лишь рабочая гипотеза, основанная на свидетельских показаниях, наблюдениях и

логических выводах.

— Нам нужно убираться отсюда!

Гидеон взглянул в сторону говорившего. Там стоял Мастерсон — второй инженер корабля, который уже выражал недовольство на собрании, состоявшемся после смерти Александры Лиспенард.

— Это явно не решит нашу проблему, — спокойно отозвался Глинн. — А теперь, если позволите, я закончу. Чем больше вы осведомлены о ситуации, тем это лучше для всех. Похоже, человек, однажды зараженный червем, становится — увы, но у нас нет лучшего описания — *рабом* Баобаба. Каким-то образом это существо делает так, что инфицированные ему повинуются. Это может быть причиной того, что Фрейн при помощи Риза украл батискаф, а затем намеренно отправился на корм этой твари. Именно поэтому Уэйнгро пытался прервать детонацию сейсмических зарядов, при помощи которых мы производили исследования морского дна. Баобаб, должно быть, велел им всем поступить так, чтобы нейтрализовать угрозу для себя.

— Это чушь! — выкрикнул кто-то.

Глинн поднял руки.

— Такой феномен известен и человеческой биологии. *Toxoplasma gondii* — это паразит, который живет в кишечнике кошки. Через кошек он распространяется на мышей, вторгается в их мозг, заставляет потерять страх перед кошками и, таким образом, грызунов съедают. Так этот паразит распространяется. Люди, зараженные Токсо, также становятся безрассудными, попадают в нелепые аварии и теряют чувство осторожности. Похоже, эти черви действуют схожим образом. Зараженный человек просыпается, занимается своим делом, не подозревая, что заражен. Сначала он кажется совершенно нормальным, но потом... он пойдет на все, чтобы достичь своей цели — попытаться объединиться с Баобабом. Как сделал Фрейн. Или защитить его, как это сделал Уэйнгро.

— Почему? — спросил кто-то.

— Мы считаем, что это необходимо было существу, чтобы кормиться. Похоже, оно сидит на... своеобразное диете.

Вопрос кормления вызвал новую волну тревоги. Гарза снова усмирил толпу.

— Сегодня доктор Брамбелл будет оперировать двух оставшихся специалистов лаборатории экзо и попытается удалить паразитов из их организмов. Тем временем мы будем применять всевозможные меры предосторожности. Все, кто находится на борту корабля, будут подвергнуты обследованию КТ, и это обследование будет повторяться каждые сутки. Данные будут перенаправляться в сеть корабля. К сожалению, вынужден сообщить, что всем нам с этого момента запрещено спать, потому что сон — самая рискованная фаза человеческой жизнедеятельности, во время которой и происходит проникновение паразита. Медотсек будет раздавать фенилэтиламин всем желающим. Служба безопасности под руководством Мануэля Гарзы проведет интенсивную проверку судна, во время которой, как мы надеемся, будут найдены пропавшие черви

Ангар снова заполнил всеобщий гомон. Гарза шагнул вперед, крича, чтобы люди замолчали, но волна гнева и возмущение и не думала ослабевать. Внезапно Брамбелл, который все это время держался в стороне, сделал шаг вперед. Неожиданное появление этого человека и всеобщее уважение, которое он заслужил на борту корабля, произвели нужный эффект — привлекли к нему всестороннее внимание и спровоцировали временное затишье.

— Друзья мои, — проговорил он своим красивым ирландским выговором. — Все довольно просто. Червь проникает в организм через нос. Далее, через носовые пазухи он попадает в мозг. Помните о том, что до тех пор, пока инфицированный человек не получит указаний от Баобаба — или пока Баобаб не почувствует угрозу — все будут вести себя, как обычно, и узнать об инфицировании мы можем лишь посредством компьютерной томографии. Иной способ — выявить резкие поведенческие изменения после беспробудного двухчасового сна. Все мы должны соблюдать осторожность.

Эта небольшая речь, как ни странно, была встречена покорной, почти восторженной тишиной. Глинн, уловив тактическое преимущество, решил эту тишину заполнить:

— Мы рассказали вам все это по двум причинам: во-первых, чтобы пресечь дикие слухи и ненужные разговоры. Во-вторых, чтобы предупредить вас об опасностях и потенциальных проблемах, которые перед нами стоят. Несмотря на все это, а точнее — *из-за всего этого* — план по уничтожению Баобаба должен продолжаться и идти полным ходом. Поэтому, господа, — он внушительно оглядел присутствующих, — вернемся к делу.

Кровь с пола Центра управления миссией до сих пор так и не убрали: слишком много сотрудников из числа обслуживающего персонала сейчас были приписаны к командам, прочесывающим каждый уголок «Батавии» на предмет червей. Гидеон осторожно обошел кровавые пятна. Обыкновенно в Центре управления свет был приглушен — достаточное освещение давали многочисленные работающие мониторы — но сейчас он был включен на максимум и почти ослеплял. Команда безопасности, состоящая из двух женщин, одетых в защитные костюмы с масками и перчатками, двигалась вдоль заставленной оборудованием стены с ручными фонариками, переносным ящиком для инструментов и зубными зеркальцами. Они отвинчивали панели, осматривали проводку, уделяя пристальное внимание каждому отверстию, затем вкручивали все болты на место и переходили к следующей.

— Учитывая их скорость, — заметил Сэм Макферлейн, — у них уйдут месяцы на то, чтобы прочесать весь корабль.

Гидеон покачал головой.

— Давай просто покончим с этим.

Они присоединились к Гарзе у центральной консоли. Макферлейн, снова взяв на себя руководство операцией, провел серию проверок — сначала на матрице взрывчатых зарядов на морском дне, затем на сейсмических датчиках. На центральный экран было выведено изображение существа, взятое с видеокамер зеленого спектра, которые уже давно были размещены на морском дне. Сейчас Баобаб, похоже, находился в состоянии покоя и напоминал гигантское полупрозрачное болезненно-зеленое дерево. Примерно в пятидесяти ярдах от него на морском дне лежал раздавленный батискаф, который недавно украл Фрейн: существо исторгло его из себя примерно час назад, и теперь от аппарата дрейфовал слабый шлейф, похожий на размытое облако.

— Все готово, — резюмировал Макферлейн. — Давайте начнем обратный отсчет с пяти минут. Доктор Гарза?

— Инициализирую обратный отсчет, — отозвался Гарза. — Пять минут.

В углу главного экрана появился большой таймер. Гидеон невольно задался вопросом, попытается ли существо снова остановить их — если считать, что именно это оно пыталось сделать посредством психического срыва Уэйнгро. Как ему удавалось связываться с червями-паразитами, несмотря на разделявшие их две мили воды? Гидеон не был настолько уверен в этой теории, в отличие от Глинна. По его мнению (и по мнению Макферлейна тоже), сейчас самый важный вопрос заключался в том, как существо отреагирует на взрывы. Заряды были небольшими, достаточными лишь для того, чтобы сгенерировать сейсмические волны и не причинить сильного вреда... но существо вполне может посчитать, что его атаковали.

— Четыре минуты, — объявил Гарза.

— Хорошо, — ответил Макферлейн.

Теперь Гарза и Макферлейн перешли от открытой конфронтации к *détente*^[37] холодной войны. Они начали сотрудничать и сотрудничать *плодотворно* — но только на профессиональном уровне. Что ж, в целом и этого было достаточно, чтобы не усугублять и

без того накаленную обстановку на корабле.

Гидеон почувствовал, как у него ускоряется пульс. Казалось маловероятным, чтобы существо могло напрямую что-то с ними сделать. Среагируют ли на взрывы черви, попавшие на борт? Была ли реальной хоть одна потенциальная возможность общения между паразитами и их... маткой? И если да, то, как оно в таком случае осуществлялось бы — ведь Баобаб не издавал никаких звуков... и не использовал никакого другого потенциального способа связи, такого как, например, электромагнитные волны.

— Три минуты.

Напряжение в Центре управления, и без того высокое, резко возросло. Но, по крайней мере, все было под контролем и шло своим чередом — на первый взгляд. Чего нельзя было сказать об остальном корабле: Гидеон уже не раз видел, как сердитые и перепуганные люди собираются в группы и переговариваются между собой. Многие из них хотели прервать миссию и направить корабль в Ушуайю, Аргентина — это был ближайший порт.

Глинн уже не контролировал ситуацию, и вот это по-настоящему пугало. Гидеон задумался над тем, чем Глинн сейчас занят. Что может быть важнее, чем следить отсюда за ходом операции? Мысли настораживали Гидеона, и он отмел их прочь. Наверняка, Глинн сейчас расхаживает по кораблю и занимается урегулированием напряженной обстановки. Этот человек обладал поразительной способностью успокаивать людей и распространять вокруг себя ауру непоколебимой компетентности и успеха. Пусть это и была одна из множества масок Глинна, но, тем не менее, она успешно работала.

— Две минуты.

Гидеон посмотрел на Баобаб, маячивший на экране. Существо выглядело разбухшим, зловещим, его ветви почти незаметно покачивались. Батискаф «Джордж» валялся рядом с ним на морском дне — совершенно неподвижный.

— Одна минута.

— Готовность по команде, — отозвался Макферлейн. Его тонкая рука подняла защитную сетку над красной кнопкой консоли и нависла над ней.

— Все системы в порядке.

Теперь Гарза начал вести отсчет вслух:

— Десять, девять, восемь...

Гидеон ждал, глядя на экран.

— Огонь, — скомандовал Макферлейн.

На мониторе Гидеон увидел, как дюжина илистых облаков поднялась с морского дна, образовав геометрическую сетку вокруг Баобаба. Спустя мгновения сонары на поверхности засекали приглушенный звук — в воде он распространялся быстрее, чем в воздухе.

Баобаб отреагировал агрессивно, ветви его начали раскачиваться и производить хватательные движения, словно пытались отыскать обидчика и разорвать его на куски. Рот широко раскрылся, всасывая огромное количество морской воды, ствол гротескно разбух — до такой степени, что стал походить на огромный шар, который, казалось, мог вот-вот лопнуть. В то же время окраска существа претерпела значительные изменения: цвет последовательно сменил всю гамму оттенков от светло-зеленого до насыщенно-красного с темно-фиолетовыми прожилками.

И вдруг раздался оглушительный взрыв. Все вокруг сотряслось от толчка, и Гидеон, не удержав равновесие, упал на пол. Огни освещения замерцали, весь корабль задрожал. Послышались крики, из соседней консоли вырвался сноп искр, прозвучал звон разбитого

стекла, эхом отразившийся от разбитых мониторов.

Гидеон поднялся на колени, но со следующим мощным толчком снова упал. Свет замигал еще интенсивнее, и на этот раз встряска заставила все мониторы подернуться рябью и погаснуть. Следом отключилась панель управления и освещение — Центр управления погрузился во тьму. Спустя секунду зажглись аварийные огни, и зазвучала целая серия сигналов тревоги, в том числе пожарная сирена.

Третий толчок также агрессивно сотряс корабль, но, по сравнению с двумя предыдущими, он оказался чуть слабее, и Гидеон с трудом сумел подняться на ноги, держась за консоль. Мониторы все еще были отключены, а тусклого аварийного освещения едва хватало на то, чтобы рассеять тьму в таком большом помещении. Макферлейн тоже старался подняться, ожидая следующей атаки.

Но ничего не произошло...

Остальной ошеломленный персонал тоже начал с опаской подниматься. Из соседней консоли вился дым, и Гидеон рванул к ближайшему огнетушителю на стене, спеша потушить зарождающееся пламя.

По внутренней связи раздался голос Леннарт:

— Общая тревога. Всему экипажу занять свои места. Запечатать все переборки. Командам службы безопасности и инженерным бригадам...

Сообщение все продолжалось, но Гидеон уже не слушал его, переключив внимание на голос Макферлейна:

— Вот и реакция, — сказал он.

— Это было похоже на взрыв. Должно быть, это была какая-то звуковая атака.

— Да. На ультранизких частотах с удивительно высокой амплитудой.

Рация Гидеона затрещала, и он извлек ее. Это был Глинн.

— Ты нужен мне на мостике, — сказал он. Пока Глинн говорил, Гидеон почувствовал, как ожили двигатели корабля, и судно пришло в движение.

Макферлейн кивнул ему.

— Я тоже пойду.

Гидеон не стал спорить.

Дорога из Центра управления миссией, затерянного в недрах корабля, до мостика в верхней части надстройки оказалась небыстрой, к тому же Гидеону доводилось бывать там всего раз. Это было просторное помещение, расположенное высоко над главной палубой, с окнами от пола до потолка, из которых открывался потрясающий вид на океан и часть корабля. Внутреннее освещение там тоже отсутствовало — только тусклый красноватый аварийный свет и сияние нескольких картплоттеров и мониторов. В небе висела полная луна, заливавшая удивительно ярким светом разбросанные тут и там айсберги, напоминавшие призраков, восстающих из темной воды. Мерцающие звезды, словно блески, обильно усеивали небесный купол ночи.

Глядя на залитый лунным светом пейзаж, Гидеон вдруг заметил нечто загадочное: море — насколько хватало глаз — было покрыто какими-то фигурами, большими и маленькими. Ему потребовалось мгновение, чтобы понять, что он видит мириады мертвых рыб, в том числе акул и бурых дельфинов. А примерно в четверти мили от корабля он разглядел скопление огромных белых трупов длиной около пятидесяти футов или даже больше... эти тела только начали всплывать на поверхность. Мертвые киты.

Корабль набирал скорость.

На мостике царила суета и бурная деятельность. Старший офицер Леннарт стояла у панели связи, передавая приказы капитана касательно двигателя, руля и курса. Рядом с ней стоял капитан Талли, с непроницаемым видом бормотавший команды. Гарзы в поле зрения не наблюдалось: он был с командами безопасности, контролируя прочесывание корабля на предмет пропавших червей. Глинн разговаривал с мичманом Лундом, когда Гидеон и Макферлейн появились на мостике. Удостоив их беглым взглядом, он махнул им рукой.

— Почему мы запустили двигатель? — спросил Макферлейн. — Мы сбегает?

Глинн повернулся к нему.

— Нет. Нас атаковали, и мы уходим из зоны поражения, чтобы произвести ремонт.

— Амплитуда уменьшается пропорционально квадрату расстояния, — сказал Гидеон.

— Это значит, что нам, скорее всего, не придется отходить слишком далеко.

— Верно. Расчет показал четыре мили. Мистер Лунд, пожалуйста, проинформируйте их о состоянии корабля, — попросил Глинн.

— Да, сэр, — отозвался Лунд. Это был бледнокожий блондин с узкими чертами лица. Он повернулся к вновь прибывшим и заговорил. — Мы набираем воду. Переборки были запечатаны, трюмные насосы справятся с течью. Электрогенераторы отключены — утечка топлива — но поломка должна быть устранена в течение часа или около того. Судовое навигационное и двигательное оборудование не пострадало. «Ринго», который находился на глубине тысячи метров во время звуковой атаки, полностью потерян. Также серьезный ущерб был нанесен Центру управления миссией, который буквально настигнут чувствительной электроникой. Ущерб кажется серьезным, но не катастрофическим: разбиты мониторы, повреждены материнские платы, оборваны контакты. Но автономные компьютеры, ноутбуки и серверы в основном не пострадали.

— Спасибо, мистер Лунд, — кивнул Глинн. Тот отступил.

— А бомба? — осведомился Макферлейн.

— Мы ее еще не проверяли, — ответил Глинн.

— О ней можно не беспокоиться, — вклинился Гидеон. — Ядерное оружие разрабатывается с таким расчетом, чтобы выдерживать достаточно суровое обращение и не сдетонировать раньше времени.

— Пожалуйста, проверь ее и удостоверься, что все в порядке, — покачал головой Глинн. — Теперь перед нами стоит выбор: прервать миссию или продолжить.

Гидеон знал, что он сам на это ответит, но решил пока подождать. Макферлейн тревожно посмотрел на Глинна.

— Давай послушаем твои соображения.

Лицо Глинна исказила горькая ухмылка.

— Ах, Сэм. Неужели на этот раз ты хочешь услышать мое мнение? Извини, но я не доставлю тебе такого удовольствия, потому что ты все равно со мной не согласишься. Поэтому принятие решения предоставляю вам двоим. Если ваши мнения разойдутся, ну что ж, тогда я помогу разрешить ваш спор.

— Я считаю, что надо продолжать, — через мгновение сказал Макферлейн.

— Согласен, — кивнул Гидеон.

— В таком случае, вопрос решен. Отремонтим корабль и вернемся в целевую зону, чтобы развернуть ядерное оружие как можно быстрее.

— Есть ли хоть что-нибудь, что поможет нам защитить корабль от будущей атаки? — спросил капитан, невольно прислушиваясь к разговору.

— Один из моих инженеров работает над этим, — отозвался Глинн. — Он думает, что мы сможем опустить на воду металлические листы, которые выступят в качестве экранов. Они не смогут полностью заблокировать звуковую атаку, но помогут значительно ее смягчить. На все про все у нас есть только один день.

Капитан кивнул.

— Погода, — понял Гидеон.

— Именно. Надвигается серьезный шторм, что исключает любого рода работы и отодвигает их, как минимум, на неделю. Что бы мы ни намеревались совершить, это должно быть сделано в ближайшие двадцать четыре часа, иначе... — он не стал договаривать. — В любом случае, если мы не сможем изолировать и уничтожить распространившихся по судну червей, битву можно будет считать проигранной. Паразиты захватят каждого — людям не удастся слишком долго обходиться без сна, — он посмотрел на Гидеона и Макферлейна. — Другими словами, мы не можем больше тратить время на дополнительный анализ. Мы идем вперед на полной скорости, чиним корабль, а после — возвращаемся и уничтожаем эту тварь бомбой.

— Дни, когда я пил, уже в прошлом, — сказал Макферлейн, отвечая на предложение Гидеона. Время перевалило за час ночи, и Макферлейн — в своей обычной дерзкой манере — пригласил Гидеона к себе в каюту, чтобы обсудить сейсмические результаты, которые Гидеон недавно загрузил на свой ноутбук. Результаты просто не могли быть хуже, и обоих исследователей они повергли в полнейший шок. Похоже Макферлейн, как истинная Кассандра, оказался прав в своих пессимистических прогнозах. Так же, как и у айсбергов, окружавших корабль, большая часть тела этого существа находилась ниже уровня морского дна.

Гидеон услышал в коридоре короткий переполох и прислушался: несколько голосов о чем-то оживленно спорили. Весь корабль не спал, и многие уже принимали амфетамины. Гидеон дотронулся до своего кармана и почувствовал баночку с таблетками, которые раздали всем членам экипажа. Он ничего не принимал и не собирался этого делать, пока не возникнет крайняя необходимость. К тому же он совершенно не хотел спать — вероятно, он не смог бы заснуть, даже если б захотел.

Зачистка корабля, курируемая Гарзой, все еще продолжалась, однако половина поисковых бригад была перенаправлена на ремонт корабля. К слову сказать, к настоящему моменту ни одного червя так и не было найдено. Тем временем кто-то умудрился полностью вывести из строя компьютерный томограф и рентгеновский аппарат. Подозревали саботаж. Очевидно, что заражению подверглось большее число людей, чем первоначально считалось, и теперь они втайне исполняли приказы существа.

Но как были переданы эти приказы? Неужели существовал некий способ, при котором Баобаб мог общаться с червями в мозгу зараженных? Возможно ли такое? Низкочастотный звук, который он испускал, не доходил до корабля, сходя на нет по мере удаления от источника. Но даже если предположить, что Баобаб мог говорить с червями каким-то другим способом... откуда он знал, что именно надо приказывать? Испортить томограф и рентгеновский аппарат — не самое очевидное решение, это требовало глубокого понимания человеческих технологий. Как такое возможно?

Подобные размышления привели Гидеона к внезапному озарению. Это было полным безумием, однако такое объяснение было единственным, которое соответствовало бы всем фактам и объясняло бы все — даже таинственное послание «убейте меня!».

Гидеону пришлось пораскинуть мозгами, чтобы подобрать слова, способные выразить его идею — она была слишком диковинной, чтобы вот так запросто суметь облечь ее в человеческую речь. Окинув оценивающим взглядом худую фигуру Макферлейна, склонившегося над ноутбуком, Гидеон решил, что этот человек будет первым, кому он обо всем расскажет: пусть Макферлейн и не отличался хорошими манерами, но его образ мышления не мог не вызывать уважения.

— Посмотри сюда, — сказал Макферлейн. — На вот этот кластер, вот здесь, — он повернул ноутбук к Гидеону. На экране была показана область под землей, прилегающая к существу. — Сейчас поколдую с нашим ПО, постараюсь улучшить изображение...

Гидеон заметил нечто, похожее на скопление яйцевидных предметов, соединенных толстыми тросами.

— Глубоко. Примерно на тысячу футов ниже морского дна. Знаешь, о чем я думаю? Я думаю, что оно размножается, откладывает семена. Или яйца.

Гидеон ошеломленно уставился на него.

— Присмотрись внимательно к этой структуре. Вокруг этого «семени» твердая оболочка, образующая защитное покрытие, а центральное ядро окружено жидкостью, представляющей собой своего рода желточную суспензию.

— Насколько они большие? Каков масштаб?

Макферлейн что-то напечатал, и на экране возникла шкала.

— Каждое составляет около трех футов в диаметре по продольной оси и около двух в поперечнике. Ядро внутри примерно 9х6 дюймов.

— Размер и форма человеческого мозга.

Последовало долгое молчание, в течение которого Макферлейн смотрел на Гидеона с искренней заинтересованностью.

— Заметь, — кивнул Гидеон в сторону экрана, — что, похоже, их там шесть.

— Это я отметил. К чему ты клонишь? — нахмурился Макферлейн.

— Мы потеряли двоих человек в брюхе этой твари: Лиспенард и Фрейна. Мы также нашли три обезглавленных трупа рядом с местом крушения «Ролваага», — Гидеон заметил, что в глазах Макферлейна мелькнула искра озарения.

— Продолжай, — тихо сказал он.

— Обрати внимание на то, что Лиспенард снимала видео и обнаружила в стволе существа нечто, похожее на мозг, только намного больше обычного: около пятнадцати дюймов в диаметре.

И снова последовало долгое молчание.

— И?

— У меня есть теория.

— Не терпится ее услышать.

— Баобаб — это, разумеется, паразит. Но механизм его паразитирования отличается от всех присущих нашим земным созданиям. Он забирает мозг других организмов. Зачем? Здесь две причины. Первая: потому что своего у него нет, поэтому он паразитирует на мозге другого организма, что позволяет ему обеспечивать себя интеллектом настолько, насколько ему необходимо.

Макферлейн слушал с интересом.

— И вторая причина: после извлечения останков Алекс Лиспенард из батискафа доктор Брамбелл установил, что ее мозг пропал. Он не просто был раздавлен, а именно осторожно удален. То же самое могло произойти с Фрейном, когда он на своем батискафе попал внутрь Баобаба. И, как я уже сказал, мы нашли недалеко от «Ролваага» три трупа — все обезглавленные. Но ведь «Ролвааг» был чертовски огромной посудиной! Кто сказал, что где-то там, под обломками не затерялись еще обезглавленные трупы, которые мы просто не видим?

— Два плюс три плюс один, — пробормотал Макферлейн.

— Именно. Этот кластер состоит из шести объектов и расположен он на тысячу футов ниже морского дна, как коробочка растения со зреющими семенами. Думаю, в своей основе они содержат человеческий мозг. Шесть новых созданий — и каждое со своим мозгом, способным к развитию и росту. С другой стороны мы имеем собственный мозг Баобаба, и вот он то и был принесен сюда из-за пределов Солнечной системы.

— Инопланетный мозг...

— Точно. *Убейте меня, убейте меня...* вот, что говорил нам инопланетный мозг — это была не речь Баобаба. Это *мозг пришельца*, на котором он паразитирует, отчаянно хотел умереть! Можешь себе представить, каково бы это было, если бы твой мозг изъехала и поработила какая-то другая форма жизни, и начала использовать его в качестве эдакого компьютера против твоей воли и держала бы в таком состоянии... сколько? Миллионы лет? Сохраняла бы его, питала, поддерживала бы в нем функционирование и... здравомыслие. Подумай о тех сообщениях, которые сумел перевести Протеро: *Убейте меня! Давным-давно. Издалека*. И, возможно, наиболее важная часть сообщения: *сеть*. Это объясняет последние слова Алекс и Фрейна, которые подразумевают некую необычную, неожиданную встречу. Встречу человеческого мозга с... инопланетным разумом. Также это объясняет и то, как работают черви. Все, что они делают, это помещают в человеческий мозг некую цель. Простую цель, и пораженный паразитом мозг начинает делать все, чтобы достичь этой цели, тратит на это все свои имеющиеся ресурсы. В итоге зараженные либо защищают Баобаб, либо крадут батискаф и отправляются ему на корм, стараясь стать его частью. А это все — чтобы Баобаб мог отложить еще одно яйцо. Точно так же, как паразит изменяет мышление мыши и заставляет ее идти на смерть, как описывал Глинн. Только Токсо не дает мышам подробных инструкций — он просто заставляет их потерять страх перед кошками.

Гидеон замолчал, понимая, как абсурдно и смешно звучат его слова.

Макферлейн ответил не сразу. Он откинулся на спинку стула, скрестил ноги и закрыл глаза, погружившись в раздумья. Довольно долго он вообще не шевелился, но затем, не открывая глаз, заговорил:

— Просто задумайся о бесконечном ужасе подобной ситуации. Мозг без тела, без общения, без способности чувствовать, обреченный на бесконечное существование. Неудивительно, что он хочет умереть. И неудивительно, что сообщение, которое перевел Протеро, так быстро оборвалось: паразит заставил инопланетный мозг замолчать и не позволил ему продолжить разговор.

Гидеон попытался переварить эту мысль. Если Макферлейн был прав, это означало, что Алекс была еще жива: ее воспоминания, ее личность — все, чем она являлась. Но она была в ловушке бестелесной формы, захваченная этим паразитом, который намеревался использовать ее в качестве средства продолжения рода. Это был просто невообразимый ужас!

Макферлейн открыл глаза.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Нет, — ответил Гидеон. — Потому что... ты понимаешь, какая в этом ирония? Эта тварь собрала четыре мозга с «Ролваага», вероятно, в момент крушения корабля, но все это время она оставалась спокойной. Теперь у нее появилось еще два мозга, и паразит стал активным. Похоже, явившись сюда, мы предоставили ему необходимое количество дополнительных мозгов для перехода на следующий этап развития. Вместо того чтобы убить его, мы помогли ему размножиться.

— Возможно, ты прав, — Макферлейн махнул рукой. — Но, знаешь, что? Думаю, ты только что придумал, как его убить, — он многозначительно кивнул. — Уничтожить все семь его мозгов.

Патрик Брамбелл провел полгода в ординатуре общей хирургии, и именно там он обнаружил, что не был рожден стать хирургом. Он не был командным игроком, способным вытерпеть плохой больничный этикет, к тому же ему не нравилось работать руками, подобно какому-то механику.

И вот он она ирония: он здесь и выполняет экстренную операцию на головном мозге.

Пациент, специалист лаборатории экзобиологии по имени Риз, лежал под анестезией на операционном столе залитый ярким светом ламп. Его голова была выбрита, а хирургическая область очищена и обработана бетедином. Череп Риза был закреплен в трехточечном зажиме Мэйфилда, который крепко удержал его в неподвижном состоянии. То, что такое устройство оказалось в хирургическом отсеке корабля, было свидетельством тщательного планирования ЭИР.

Доктор уже провел одну вызывающую стресс-процедуру — консультируемый нейрохирургом из Австралии в режиме реального времени через Skype, — во время которой он установил поясничный дренаж в нижней части спины пациента, чтобы удалить излишек спинномозговой жидкости — это, как объяснил австралийский нейрохирург, требовалось для того, чтобы «ослабить» мозг и облегчить предстоящую работу.

Рядом с ним стояла доктор Сакс, вызвавшаяся помогать добровольно. Фактически же от нее было мало пользы; Сакс действительно была доктором медицины, но она была только в процессе получения докторской степени и никогда не практиковала медицину, не говоря уже о хирургии. Она, во всяком случае, нервничала гораздо больше него. Что касается его собственного помощника, Рохелио, после объявления во всеулышание всей команде Глинном о паразитических червях, мужчина заперся в своей каюте и не соглашался оттуда выходить ни при каких обстоятельствах.

На большом мониторе перед Брамбеллом присутствовала доктор Сюзанна Риос из Сиднея, стоящая над детальной пластиковой моделью головы и плечевого пояса человека, лежащего лицом вниз. Рядом с ней был настоящий человеческий череп. Все это составляло реквизит, с помощью которого она собиралась наставлять его во время операции.

Это было похоже на кошмар, который иногда мучил Брамбелла. Там, во сне, доктор обнаруживал себя в кабине самолета, он сидел на месте капитана и управлял воздушным судном после того, как пилот перенес сердечный приступ, авиадиспетчер подробно инструктировал его, как вести самолет и совершить безопасную посадку. Кошмар еще ни разу не закончился хорошо.

— Краниотомия^[38] будет следующим нашим этапом, — вещала Риос. — Нам предстоит удалить большую часть подзатылочной кости во время так называемой хирургической процедуры на основании черепа. Мы изымем необычно большой костный лоскут, потому что, хотя мы и знаем, что паразит находится где-то поблизости, точное его местоположение нам неизвестно. Вы уверены, что он обитает между мозговой оболочкой и мозгом?

— Да.

— А сам паразит редкого вида, о котором мало что известно?

— Очень редкого.

— Понятно. Я собираюсь нарисовать линию на этой модели, именно тут пройдет наш

начальный разрез, — она провела линию маркером, как раз под линией роста волос. — Теперь сделайте то же самое на своем пациенте.

— Да, доктор, — Брамбелл послушно нарисовал такую же линию стерильной ручкой на Ризе.

— Доктор Брамбелл, мне кажется, или ваша рука действительно выглядит неустойчивой?

Брамбелл поднял руку перед собой, его действительно била мелкая дрожь.

— Соберитесь. Закройте глаза, сделайте глубокий вдох, сосредоточьтесь и обуздайте этот тремор, — Риос наставляла строго, но спокойно.

Брамбелл проделал все, что она сказала. Дрожь почти сошла на нет.

— Хорошо. Сделайте разрез, вот так, — она провела скальпелем по пластиковой модели.

Он последовал ее примеру, скальпель без нажима заскользил по кости. Руководствуясь наставлениями австралийского хирурга, Сакс следовала за надрезом с электрическим прижигающим пинцетом, нейтрализуя все возможные кровотечения. К тому же она использовала губку, чтобы очистить рабочую область от крови.

— Теперь кожу и мышцы следует снять с кости и откинуть назад, вот так. Закрепите края разреза с помощью зажимов и позвольте им провиснуть, чтобы держать разрез открытым.

Она продемонстрировала действия на пластиковой модели. Брамбелл последовал ее примеру.

— Отлично. Теперь сделайте четыре маленьких отверстия в черепе с помощью сверла перфоратора. Вот так.

Она нарисовала четыре черных точки на реальной модели черепа и продемонстрировала их в камеру. Брамбелл заморожено наблюдал, как осторожно и ловко с помощью сверла Риос проделала маленькую дырочку в черепе.

— Действуйте медленно. Перфоратор должен идти перпендикулярно кости. Не останавливайтесь и не вынимайте его, пока сверло не остановится само — оно отключится автоматически как раз перед тем, как полностью пройдет сквозь кость. Готовы?

Брамбелл кивнул. Пот заливал ему глаза, угрожая ослепить.

— Доктор Сакс, пожалуйста, промокните мне лоб, — пробормотал он.

Как было сказано, на черепе Риза появились четыре нарисованные черные точки. Доктор запустил перфоратор с воздушным приводом, сверло которого быстро вращалось с мягким воем. Затем, сделав еще один глубокий вдох, он завис над костью.

— Не давите слишком сильно, — пояснила Риос.

Брамбелл опустил сверло, пока оно не проникло в череп с пронзительным жужжанием. Он сразу ощутил запах кости и крови, распыляемых устройством и проникающим даже сквозь его хирургическую маску.

— Медленно... легко... вот и все.

Дрель остановилась.

— Вытащите и сделайте следующее отверстие. Ваш помощник должен подготовить небольшое количество солевого раствора, чтобы охладить сверло.

Брамбелл сделал все, как она сказала. Через несколько минут он проделал все четыре отверстия.

— Перфоратор, — сказала Риос, — оставляет очень тонкий слой кости на дне каждого

отверстия. Его нужно извлечь, вот этим. Она продемонстрировала забавный инструмент. К сожалению, у Брамбелла ничего подобного не оказалось.

— Вместо него можно использовать маленькие щипчики, — успокоила его Риос.

Не спеша, доктор удалил из отверстий тонкие кусочки кости. Теперь он видел твердую беловато-голубовато-серую мембрану, проглядывающую в дыры.

— Хорошо. Теперь, используя краниотому, вам надлежит сделать разрезы от отверстия к отверстию. Вы будете резать вдоль линий, в то время как ваш помощник будет держать трубку с подачей физраствора, а также осторожно надавливать на твердую мозговую оболочку, удерживая ее подальше от пилы. Она должна капать раствор на режущую кромку, чтобы та смазывалась и охлаждалась.

Все сказанное Риос подробно продемонстрировала.

— Готовы? Вы *оба* готовы?

Брамбелл кивнул.

— Включите краниотому. Помедленнее. И держите ее устойчиво: в хирургии мозга нет места спешке.

Доктор включил пилу — она запищала на высокой ноте, словно москит — и начал резать вдоль первой линии, чувствуя, как распространяется тот же запах.

По мере продвижения по линиям, доктор Риос всячески помогала ему, осторожно поправляя, по ходу действия. Это заняло много времени, но, наконец, все было сделано. Брамбелл с облегчением выдохнул, а Сакс снова пришлось промокнуть ему лоб от пота.

— Минутку отдохните.

Брамбелл закрыл глаза и попытался подумать о чем-то успокаивающем — его выбор пал на «Гамлета». Он начал мысленно цитировать свои любимые строки из этого произведения. Это довольно быстро возымело должный эффект, и он открыл глаза.

— Теперь вам нужно вынуть кусок кости с помощью пары захватов, — Риос кашлянула. — Могу я увидеть ваши руки?

Брамбелл поднял их, и внутренне обрадовался, что они выглядели вполне устойчиво.

— Отлично. Используйте захваты для удаления костного лоскута, но делайте это медленно и с максимальной осторожностью.

Он взял инструмент и, с бесконечной бережливостью, удалил овальный кусок кости.

— Положите его в подготовленный стерильный контейнер и... — внезапно Риос замолчала. — О Господи.

Брамбелл увидел, что ее испугало: под полупрозрачной мембраной мозга просматривалась часть червя. Визуально его толщина составляла около четверти дюйма, и он свернулся, словно змея, готовый к удару. К тому же тварь не стояла на месте, а двигалась медленно и непрерывно — как будто подергивалась.

— Что, черт возьми, это такое? — воскликнула Риос.

— Это паразит.

— Такого паразита я ни разу не видела, а я уже занимаюсь нейрохирургией двадцать лет.

— Как я и говорил, он встречается крайне редко.

— А, ну да. Хорошо, — теперь настал черед Риос приходить в себя.

Брамбелл глубоко вздохнул. Ему очень хотелось побыстрее со всем этим покончить.

— Доктор Риос, продолжим?

— Да. Да, конечно. Хм, дайте взглянуть. Теперь осторожно промойте мозговую

оболочку физраствором и удалите все осколки кости, — она продемонстрировала это на своей модели, пользуясь всасывающей трубкой и раствором.

Сакс выполнила сказанное.

— Теперь мы собираемся наложить два тракционных шва шелком 4-0.

— Что такое тракционный шов?

— Это шов, который образует открытую петлю нити, вы можете просунуть в нее палец и использовать, чтобы поднять что-то. В нашем случае вы поднимете твердую оболочку мозга, чтобы ее можно было разрезать, не задев сам орган. И... поднимите мембрану с этого паразита.

Брамбелл кивнул. Когда Сакс аккуратно промыла мозговую оболочку и удалила «пылесосом» кусочки кости, червь прекратил свои подергивания, замерев на месте. Казалось, что-то произошло. Боже, он надеялся, что не потревожил эту тварь. Если она скользнет в другую часть мозга, им придется начинать все заново.

— Это все ново для меня, — призналась Риос. — Как вы предлагаете его удалить?

— Я думаю, что смогу схватить его щипцами через оболочку, крепко его зажму, прежде чем он... убежит, и вытащу.

— Мозговая оболочка — это жесткая мембрана. Вы не сможете ее преодолеть, не убив при этом пациента. Сначала нужно сделать надрез.

— Хорошо. Но я должен захватить это врасплох, — Брамбелл сглотнул. — У меня есть только один шанс.

— Я думаю, что начинаю понимать суть проблемы. Могу я предложить сначала сделать инъекцию с анестезией?

— Анестетик не сработает.

Брамбелл не стал объяснять, что паразит явился из-за пределов Солнечной системы и имеет чужеродную биологию. Он понимал, что правильная доктор Риос не сможет адекватно воспринять подобное заявление. Он бросил взгляд на поднос с инструментами, ища тот, который наверняка сработает в сложившейся ситуации. Там лежало множество наборов щипцов, в том числе несколько больших с зубцами.

— Скажите мне, что, по вашему мнению, мне нужно сделать, чтобы получилось быстро его извлечь, — поставил Брамбелл вопрос ребром.

— Это выходит за рамки моей компетенции, — сказала Риос. — Разве вы не проконсультировались со специалистом, у которого есть опыт удаления подобного типа паразитов?

— Нет, ни с кем. Просто скажите мне, *как это сделать*, пожалуйста.

— Ну, проще всего было бы начать с тех двух тяговых швов, которые я уже упоминала, с их помощью вы сможете поднять или отвести оболочку от паразита. Затем сделаете надрез, схватите паразита с помощью щипцов и вынете его.

Брамбелл посмотрел на червя. Он все еще не двигался, но и не выглядел встревоженным; создавалось впечатление, что он просто чего-то ждал.

— Отлично. Покажите мне на вашей модели, что нужно делать.

— Имейте в виду, что любое движение травмирующее мозг, даже малейшее, может нанести непоправимый урон.

— Понятно. Давайте начнем.

— Сначала тракционные швы, — сказала Риос.

— Это будут две петли из шелка, которые ваш помощник сможет поддеть пальцами,

чтобы поднять или отвести оболочку от хм, паразита, — на второй пластиковой модели Риос продемонстрировала, используя иглы, как сформировать две петли из шелка. В конце она просунула пальцы в них и потянула вверх, приподнимая мембрану над мозгом. — Поняли?

— Да. Думаю, что да.

— Предупреждаю, шовная нить должна проникнуть всего на две трети толщины твердой оболочки. *Не насквозь* — так вы проткнете мозг.

Брамбелл воткнул изогнутую иглу в оболочку, неглубоко погрузил ее и вышел, сформировав петлю. Доктор сильно волновался, что побеспокоит червя, так оно и вышло. Пока он работал иглой с мембраной — что, к слову сказать, было очень сложно — червь действительно начал выказывать признаки беспокойности, и в какой-то момент даже резко свернулся клубком, но остался на месте.

— Ваша помощница теперь поднимет оболочку. Сделайте разрез, и она приподнимет ее еще больше, что поможет вам расширить проделанное отверстие до нужной ширины. Имейте в виду, что работа со щипцами в такой непосредственной близости от мозга, даже самый малейший просчет...

— Я понимаю риски, — перебил ее Брамбелл, начиная проявлять признаки нетерпения. — Доктор Сакс? Проденьте пальцы сквозь эти швы и, как только я скажу, приподнимите оболочку, — Брамбелл взял большие зубчатые щипцы левой рукой и скальпель правой, приготовившись действовать.

Сакс проскользнула двумя указательными пальцами в петли. Червь снова пошевелился, но остался на месте.

— Приподнимите, но немного.

Женщина легонько потянула. Как только мембрана оказалась снята с червя, он дернулся, свернувшись клубком, как бы защищаясь. Брамбелл воткнул кончик скальпеля в твердую оболочку мозга, и быстрым, гладким движением сделал надрез длиной в дюйм, обнажая червя. Тот остался спокойным.

— Выше.

Подъем помог расширить разрез еще на дюйм. Тут то, наконец, червь и встревожился: он свернулся еще крепче и поднял голову, изогнув ее в угрожающее положение, как у змеи, нацелившись на парящие над ним щипцы Брамбелла. Его черный зуб обнажился, напоминая клык гадюки.

— *Господи, Боже мой,* — выдохнула Риос.

Брамбелл медленно, но уверенно подносил щипцы, двигаясь плавно, словно кошка. Казалось, что червь наблюдает за приближением руки, слегка наклонив голову.

Затаив дыхание, Брамбелл сделал бросок и схватил существо поперек тела, зубья щипцов глубоко погрузились в его плоть, и оно ударило по ним, как атакующая змея. Как только доктор стал тащить его, он ударил по мозгу, глубоко вонзившись зубом в плоть пациента. Извиваясь, он бил снова и снова, как заведенный, каждый раз вытаскивая голову с чавкающим звуком. Хлынула кровь.

— Господи! — воскликнула Риос.

Теперь червь накинулся на Брамбелла, голова его заметалась из стороны в сторону, и черный зуб погрузился в руку доктора. Тот вскрикнул, но не отпустил, а тварь била и колола его снова и снова.

— Сукин сын! — вскричал он, бросая червя в контейнер, заранее для него приготовленный. Сакс дрожащими руками спешно захлопнула крышку. По комнате

разнеслись звуки ударов неистового метания существа, скрежет и пронзительный высокий визг. Не обращая внимания на свою кровоточащую руку, Брамбелл повернулся к пациенту. Кровь толчками выходила из отверстий, проделанных червем, и потоком стекала по обритой голове. Системы жизнеобеспечения начали подавать звуковые сигналы тревоги, ЭКГ сошел с ума. И вот, на глазах бессильного что-либо сделать доктора, пульс стал ровной линией, дыхание упало до нуля.

Риз умер буквально на руках Брамбелла, его кровь по операционному столу сбегала прямо на пол.

— Доктор, у вас кровотечение, — воскликнула Сакс, хватая его за предплечье и надавливая стерильной повязкой на порезы.

Он повернулся к ней.

— Бросьте этого дьявола в блендер!

Она повиновалась. Брамбелл прижал повязку к руке, надеясь, во имя всего святого, что эта тварь не ядовита, и повернулся к экрану. Доктор Сюзанна Риос все еще была на связи, глядя на развернувшуюся перед ней сцену с выражением чистейшего безмолвного ужаса на лице. Ее рот открывался и закрывался, не издавая при этом ни звука.

— Мне так жаль, доктор, — пробормотал Брамбелл. — Пожалуйста, не отключайтесь — у нас есть еще один пациент. Он слышал, как зажужжал блендер, и уловил момент, когда визг червяка оборвался, ознаменовав, что он превратился в серую кашу. На доктора накатила волна головокружения, и он почувствовал, как Сакс схватила его за руку и усадила на стул, дала стакан воды, снимая повязку с раненой руки.

— Дайте, я осмотрю ваши травмы, — твердо сказала она. — Просто расслабьтесь.

— У нас нет на это времени, — сказал Брамбелл, вставая. — Нам нужно прооперировать Стальвезера.

В четыре часа утра Гидеон находился в своей каюте один, работая за небольшим столом. Симуляция почти завершилась. Она потребовала без малого сорок часов работы процессора суперкомпьютера IBM Q «Вулкан».

У Гидеона было плохое предчувствие. Основной вопрос заключался в том, насколько глубоко и широко ударная волна ядерного оружия сможет проникнуть в морское дно. В этой области грунт состоял из пелагических отложений — если говорить по существу, здесь были залежи прессованной глины, к тому же еще и сырой. Они походили на мягкое одеяло — наихудший материал, который только можно вообразить для распространения мощной ударной волны. Шесть мозгов, выглядящие как зачатки новых семян, находились чуть в стороне от Баобаба на глубине тысячи футов.

Макферлейн был прав: если бы им удалось убить все мозги, собранные Баобабом, это, несомненно, уничтожило бы его полностью. Тварь была паразитом, которому для выживания нужен был мозг — и дополнительные мозги для размножения. Убить их все, и скоро он умрет — если, конечно, ему не удастся заполучить новые.

Гидеон рассеянно смотрел на окно программы на экране своего компьютера, бессмысленно прокручивая цифры. Машина все еще думала. Имитация ядерного взрыва на глубине в две мили от поверхности океана требовала огромной вычислительной работы, но все указывало на то, что процесс вот-вот должен был быть завершен.

Раздался тихий стук, но Гидеон не потрудился ответить. Дверь все равно открылась, и вошел Глинн.

— Можно войти?

— Ты уже это сделал.

Проигнорировав сарказм, Глинн прошествовал в каюту и присел на кровать с iPad'ом в руке. Его лицо выглядело осунувшимся, но в остальном он казался вполне нормальным — ничуть не усталый и, конечно же, ни на йоту не обезумевший, как многие другие на борту. Но если присмотреться, в его глазах присутствовал блеск, который никуда не исчез: блеск глубокой и всепоглощающей одержимости. Гидеон прекрасно знал, что это за блеск, потому что чувствовал такую же увлеченность — потребность, острую необходимость уничтожить тварь, независимо от цены.

— Где Сэм? — спросил Глинн.

— Он куда-то запропастился. Сказал, что у него созрели кое-какие соображения.

Глинн кивнул.

— Теперь у нас есть подробный отчет о биологии существа, которым я хочу с тобой поделиться, потому что это может помочь выбрать более продуктивный метод его уничтожения.

— Валяй.

— В основе жизни этого организма лежит углерод-водород-кремний-кислород. По сути, он состоит из тех же органических веществ, что и мы, но с добавлением кремния, в основном в виде силикатов и диоксида кремния. Ближайшей к нему биохимической аналогией на нашей планете являются морские диатомеи. Они извлекают кремний из воды и строят свои тела из силикатов. Некоторые виды растений поступают также.

— Меня совершенно не волнует все это дерьмо. Я просто хочу, чтобы он сдох.

Глинн продолжил, как будто не слышал его:

— И большая часть углерода у него, по-видимому, находится в чистом виде, в экзотических аллотропах — нановолокна, нанотрубки, наноботы, нанопена, фуллерены, графиты и алмазы. Он имеет волоконно-оптические сети из диоксида кремния, передающие цифровые сигналы по средствам света. Разномастные экзотические углеродные волокна проводят электрические импульсы, к тому же некоторые из них, скорее всего, обладают сверхпроводимостью. Вместо мышечных волокон у объекта имеются углеродные пучки способные расслабляться и сокращаться в сотни тысяч раз сильнее, чем любое земное мышечное волокно. Вот как он смог раздавить титановую сферу.

— К чему ты ведешь?

— Терпение, Гидеон. Вопрос в том, само ли это существо смогло эволюционировать до подобного состояния? Или оно было искусственно создано? Это машина, биологический организм или какой-то гибрид? Мы не знаем. Но вот что мы знаем наверняка, — он положил свой iPad на кровать. — Сейсмическая активность морского дна вокруг него практически не затихает. Мы проанализировали ее. Субъект, кажется, наращивает свои корни или щупальца, называй, как хочешь, с невероятной скоростью — сотни футов в час. Основная часть этих корней направляется к южноамериканскому континенту.

— Боже.

Глинн прервался, поерзав на кровати.

— У нас нет времени. Существо растет слишком быстро, корни наращивают длину в геометрической прогрессии. И сейчас, похоже, на этих корнях начинают формироваться узлы. Другими словами, он готовится размножиться методом почкования — новые Баобабы появятся, как грибы после дождя. Чтобы собрать больше мозгов, создать больше семян. Что дает нам представление, обоснованную гипотезу, об эндшпиле существа.

— Расскажи мне об этом поподробнее.

— Если кратко, сеть Баобабов оплетет земной шар, образуя, по сути, вокруг него гигантский кулак. Как только это произойдет, кулак сожмется, раздавив поверхность Земли, словно гигантский помидор, и уничтожив планету в процессе этого — таким образом, семена окажутся в космосе и отправятся искать другие миры, на которых можно паразитировать. Каждое семя будет содержать свой собственный паразитирующий мозг.

— Как ты до этого додумался?

— Я давно об этом размышлял и намекал на подобное развитие событий и раньше. Разрушение планеты — единственный способ вытолкнуть эти гигантские семена в космос.

Гидеон взглянул на окно работающей программы. Цифры все еще менялись.

— Обстановка на борту нашего корабля становится неприемлемой, — констатировал Глинн. — Мы теряем контроль. Количественный поведенческий анализ на суперкомпьютере показал, что от силы у нас осталось около двенадцати часов до того момента, как дисциплина полностью развалится, и ситуация выйдет из-под контроля. Тогда на борту корабля произойдет либо мятеж, либо наступит полная анархия.

— Итак, получается, что это твой QVA замедлял мою симуляцию.

— Мои извинения. Но сейчас именно понимание и расчет человеческого фактора имеет решающее значение.

Гидеон кивнул.

— Несмотря на все наши меры предосторожности, многие сотрудники оказались

заражены червями. Мы знаем это по увеличивающемуся числу случаев саботажа, — и это видно не только по результатам сканирования КТ и рентгену, но и по записям камер видеонаблюдения корабля. Вся система не работает, и почти на всем судне потеряна внутренняя связь. Все это замедляет наши усилия по поиску червей — и выявлению саботажников.

— Опять же повторяю вопрос, к чему ты ведешь?

— Мы должны задействовать ядерное оружие как можно скорее. И говоря «скорее», я имею в виду в течение двенадцати часов.

Гидеон взглянул на свой компьютер.

— Сначала мне нужно получить результаты симуляции. Если бомба не уничтожит те подземные «яйца», то нет смысла ее использовать.

— А когда ты ожидаешь их получить?

— В любой момент.

— Разве компьютер сообщает, сколько времени займет расчет?

— Это не расчет. Это *симуляция*. Гораздо более высокий уровень сложности и масштабности.

Глинн поднялся.

— Забудь о симуляции. У нас есть оружие, так что давай используем его, — он взглянул на часы. — Я хочу, чтобы бомба была приведена в боевую готовность и загружена в ТНПА в течение нескольких часов. Ты это сделаешь?

Когда Глинн вперился в Гидеона пытливым взглядом, тот почувствовал, как одержимость, которую они оба разделяли, захватывает его с новой силой.

— Черт, да, — воскликнул он, удивив при этом даже самого себя.

Глинн кивнул.

— Хорошо, — а затем просто развернулся и ушел.

Как только дверь за ним захлопнулась, как по сигналу, экран Гидеона моргнул. Окно программы замигало красным — симуляция была завершена. Гидеон бросился к компьютеру и, даже не потрудившись сесть, начал нетерпеливо просматривать данные. Файл открывался медленно — он был слишком большим для процессора — но через минуту он все же загрузился, численное моделирование сделалось визуальным.

Появилась схематическая картинка, и началось воспроизведение замедленного видео, имитирующего детонацию ядерного оружия. Там было все: расширяющаяся ударная волна, массивная кавитация, вызванная взрывом, переход морской воды в пар, воздействие всего вышеперечисленного на Баобаб и проникновение переднего фронта ударной волны сквозь морское дно и его дальнейшее распространение вглубь грунта.

Через минуту все было кончено. Все еще стоящий на ногах Гидеон ощутил отчаянную потребность сесть. Он схватился руками за вращающееся кресло, но что-то пошло не так — ноги сделались ватными и перестали его слушаться, стул скользнул в сторону — и Гидеон рухнул на пол.

Брамбелл за всю свою жизнь никогда не чувствовал себя настолько разбитым. Он был утомлен до предела. Держась из последних сил, доктор тяжело опустился на стул в своем медицинском отсеке, вытянул ноги одну за другой и откинулся назад. Создавалось впечатление, что его конечности кто-то специально налил свинцом.

Он и Сакс потеряли обоих пациентов. В первом случае паразит убил Риза во время извлечения; во втором, Брамбелл, последовав рекомендации Риос, ввел паразиту соляную кислоту, которая фактически и убила его, но не достаточно быстро. Как только он вонзил иглу в червя, тот атаковал и убил пациента.

После того, как Стальвезер умер на операционном столе, Брамбелл был вынужден дать доктору Сакс, находящейся на грани истерики, успокоительное, но чтобы она не уснула, он добавил к нему коктейль из мягких стимуляторов — кофеина и риталина, — который поддержал ее в бодрствующем, но диссоциированном состоянии. Отметив, что она чуть успокоилась, он усадил ее в кресло в задней комнате клиники, где она сейчас отдыхала, но не спала. Брамбелл несколько раз проверял ее, и раз за разом обнаруживал, что она держится настороженно и пугается буквально каждой тени. Не то, чтобы он действительно считал, что в клинике скрываются черви. Они убили обеих тварей, изъятых у пациентов, раздробили их в кашу и сожгли. Порезы на его руке болели, но это были всего лишь порезы — до сих пор не было никаких признаков воздействия токсинов, что имело смысл: у зуба червя не было канала для впрыскивания яда, такого как у клыка гадюки, и, похоже, внутри существа не имелось никаких органов, содержащих яд.

Его диспансер — тот, что дальше по коридору — в настоящее время был на попечении фармацевта, раздававшего таблетки всю ночь напролет. Неиссякаемый поток пациентов прекратился, когда забрезжил рассвет. Сам же Брамбелл до сих пор так ничего и не принял. Он слишком долго был врачом, чтобы думать, что это хорошая идея, и он был удивлен — даже встревожен — тем, что Глинн издал подобный приказ. Но мнением доктора никто не поинтересовался, Глинн был не из тех, кто обсуждал свои решения с кем бы то ни было. Брамбелл боялся атмосферы бодрствования на борту корабля гораздо больше, чем маловероятной возможности заражения паразитом. Стресс и страх, по его мнению, могли легко перерасти в психоз, подстегиваемый стимуляторами, принятыми многими членами экипажа и персоналом.

В этом задумчивом состоянии он обнаружил, что его глаза слипаются, и он дернулся, проснувшись от рывка. Еще два часа до восхода солнца. Ему нужно было чем-то себя занять, и, по его мнению, лучшим вариантом было начать разработку анализа крови, который мог бы выявить, был ли кто-нибудь еще заражен.

Брамбелл взял пробы крови у обоих погибших пациентов — и если бы ему удалось найти что-то необычное в их крови, что-то аномальное, что-то не присутствующее в крови неинфицированного человека, это можно было бы использовать в качестве фактора идентификации при диагностике паразита.

Доктор поднялся, встряхнулся и направился к шкафам с оборудованием. Он решил, что начнет со стандартного клинического анализа крови, измерит количество гемоглобина, красных и белых кровяных телец. Оттуда он перейдет к основному биохимическому анализу,

проверит сердце, функцию печени и почек, уровень глюкозы, кальция, калия и других электролитов. Может быть, следующим станет липопротеиновый анализ, если к тому моменту ничего аномального не будет выявлено. Он очень надеялся, что что-то все же появится. По-другому и быть не могло: без сомнения, тело каким-то образом должно было отреагировать на то, что в его мозге засел шестидюймовый паразит.

Боже, как же он устал!

Нет, надо оставаться на ногах.

Он знал, что стоя он точно не уснет. Может быть, ему все же принять хотя бы полтаблетки стимулятора? В очередной раз, он выкинул эту мысль из головы. Никаких амфетаминов — ему нужно было держать голову в ясности.

Достав из холодильника стойку — у каждого пациента было взято по тринадцать проб крови — доктор начал сортировать и маркировать их для различных тестов. Затем он просмотрел шкафчики, собирая необходимое оборудование и настраивая его, вспоминая последовательность действий при проведении различных анализов. Как врач, он обычно отправлял тесты в лабораторию. Но в медицинской школе Королевского колледжа хирургов в Ирландии он научился делать все сам. Кроме того, у него был интернет, и, безусловно, где-то там, на его просторах, он наверняка найдет протоколы лабораторных исследований. Посчитав это хорошей идеей, он подключил свой ноутбук к сети корабля и вышел в интернет. Как он и думал, там все было подробно изложено.

Итак, в первую очередь простой анализ. Брамбелл взял каплю крови из одной из пробирок и, распределив ее по градуированному предметному стеклу, окрасил и накрыл. Он положил стекло под микроскоп и с карандашом в руке по разметочной сетке начал скрупулезно подсчитывать количество, размер и форму красных кровяных телец, лейкоцитов и тромбоцитов и записывать полученные значения. Но он настолько устал, что у него то и дело возникали проблемы с фокусировкой. Доктор потер глаза, проморгался и настроил фокус на образец. Господи, его глаза так сильно горели из-за неудавшихся операций, что в окулярах он почти ничего не видел. К тому же, надо признать, он уже не так молод, как когда-то, и не способен выдержать изнурительные часы, которые раньше он легко отработывал в качестве ординатора.

Он снова сильно зажмурился и, вспомнив, что в аптечке есть капли для глаз, воспользовался ими.

Преодолевая изнеможение, он опять прильнул к окулярам, но это было похоже на попытку разглядеть что-то под водой. Черт побери! Ему нужен был десятиминутный перерыв для отдыха глаз. Его мысли путались, а ему надлежало оставаться внимательным, чтобы продолжить тесты.

Он бросил взгляд на кресло. Удастся ли ему посидеть с закрытыми глазами и при этом не уснуть? Хотя, если подумать, быстрый десятиминутный сон вряд ли окажется опасным и наверняка сможет сотворить с ним чудеса. Сама идея о том, что черви скрывались где-то в комнате в ожидании того, что он заснет, была абсурдной. Десятиминутная дремота не несла в себе абсолютно никакой опасности, и она помогла бы ему переделать всю предстоящую ему работу с большей продуктивностью. По сравнению с маленькой клиникой корабль был огромен, к тому же вокруг этого отсека повсюду были водонепроницаемые переборки, которые можно было запереть.

Он подошел к входной двери клиники, закрыл ее и запер. Затем он закрыл дверь во внутреннюю лабораторию. Вытащив свой мобильный телефон из кармана, он

предусмотрительно поставил будильник на десять минут и запустил таймер, оставив его на столе.

Боже, у него совсем не осталось сил. Он опустился в кресло, откинулся на его спинку и закрыл глаза. Что за дивное ощущение...

Но вместо прекрасного умиротворяющего сна его разбудил кошмар. С приглушенным вскриком он подскочил, почувствовав резкую жгучую боль и ужасную грубую вибрацию внутри своей головы. Его разуму — растерянному и испуганному — потребовался лишь миг, чтобы вырваться из темноты сновидений в реальный мир; его руки взметнулись к лицу, и, ощутив ими что-то неладное, он скатился с кресла на пол.

Господи Всемогущий, *на его лице что-то было*: оно походило на извивающийся кабель, жесткий и холодный, как сталь. Что-то определено было на его лице и в носу. *Червь копошился в его носу*. Со вторым приглушенным вскриком доктор ухватился за торчащий из ноздри хвост и попытался вытащить из себя эту тварь. Он чувствовал, как ее невероятно сильные мускулы дрогнули под его отчаянной хваткой, когда он тянул изо всех сил, но она так и не отцепилась. Тварь как-то закрепилась внутри него и настойчиво прокладывала себе путь все глубже, грубо прогрызая и копаясь в его носовой полости. Доктор катался на полу, держа тварь за хвост с маниакальной одержимостью, пытаясь всеми силами удержать ее от дальнейшего проникновения, но она слишком хорошо закрепилась и продолжала прорываться вперед, несмотря на все его мучительные усилия по ее извлечению.

Внезапно он почувствовал, как глубоко в его голове щелкнула кость — как будто пальцем ткнули в яичную скорлупу, — и тогда все изменилось. Ужас, страх, паника исчезли, и им на смену пришло чудесное, окутывающее его, словно в вату, ощущение покоя и умиротворения, и благословенное чувство сна овладело им — прекрасного, безмятежного сна.

***

Доктор Антонелла Сакс стояла в дверях внутренней лаборатории, потирая глаза и пытаясь сосредоточиться. Она что-то слышала, ей даже показалось, что она уловила вскрик, хотя она не была в этом уверена. Но ничего необычного не наблюдалось, все было в порядке. Доктор Брамбелл лежал на полу и спал. Его руки были сложены на груди, а на лице застыло выражение умиротворения.

Она наклонилась, чтобы разбудить его, слегка встряхнув.

— Доктор Брамбелл?

Ответа не последовало. Бедняга провел на ногах тридцать шесть часов подряд и спал без задних ног. Он запер входную дверь, и доктор Сакс заметила, что его сотовый телефон с установленным будильником лежал на лабораторном столе. Она взяла его. Доктор отмерил себе десять минут сна, из которых осталось всего две минуты.

Он же совсем вымотался! Десять минут — это ведь очень мало. Увидев, что мужчина спит так мирно, женщина почувствовала желание прикорнуть самой. Тонизирующее, которое дал ей Брамбелл, казалось, уже переставало действовать, или, по крайней мере, оно больше не могло противостоять накатывающей волне усталости, давящей на ее разум. Она

отдавала себе отчет, что ее рассудительность по-прежнему находится под влиянием успокоительного, что она не мыслит также ясно, как обычно, но это все вполне объяснялось тем испытанием, через которое им пришлось только что пройти.

Бог был свидетелем, доктору нужно было хорошо отдохнуть... да и ей тоже. Что может случиться за полчаса?

Это определенно окажется эффективнее жалких десяти минут. Дверь в клинику была надежно заперта. И, конечно же, приказ Глинна о запрете на сон не относился к ней и Брамбеллу. Им необходимо было оставаться в форме, если они собирались эффективно работать и приносить пользу делу.

Сакс перевела время срабатывания будильника на тридцать минут вперед, а затем, расположившись в лабораторном кресле и откинувшись на его спинку, со вздохом наслаждения вытянула ноги на ближайший стол, закрыла глаза и сразу же провалилась в умиротворяющий сон.

Гидеон покинул свою каюту и направился в Центр управления миссией, где собирался найти Глинна. Бредя по коридору, он слышал, проходя мимо кают экипажа, голоса, вещавшие явно недовольным тоном. Какой-то парень шел по коридору, и от него сильно разило алкоголем. Поравнявшись с Гидеоном, он отвесил ему изощренный поклон и пошатнулся. Пройдя мимо открытой двери в столовую, Гидеон заметил, что там собралась целая толпа, оживленно переговаривающаяся между собой.

Гидеон тут же прибавил шаг. Глинн был прав: у них оставалось очень мало времени до того момента, как на корабле все развалится — если *уже* не развалилось. Он задавался вопросом, как директор ЭИР отреагирует на новости, которые он несет.

Дверь Центра управления миссией была заперта, но после того, как он назвал себя в интерком, ему открыли. Глинн был там вместе с Макферлейном, они стояли плечом к плечу, сгорбившись над монитором, на который поступало изображение Баобаба со стационарной камеры. Существо вело себя ужасно активно — его рот растягивался и выпячивался, а затем сжимался и втягивался — как будто оно тренировало какой-то гротескный половой орган.

— Симуляция закончена, — объявил Гидеон.

Они оба воззрились на него во все глаза.

Всю дорогу сюда Гидеон прикидывал в уме лучший способ описать результат, но когда дело дошло до фактического объяснения, его тщательно подобранные слова полностью вылетели из его головы.

— Это не сработает, — просто сказал он.

— Не сработает? — резко переспросил Макферлейн.

— Абсолютно. Осадочные породы сработают как амортизаторы. Ударная волна даже близко не дойдет до той подземной коробочки с мозгами.

— Я не верю, — воскликнул Макферлейн.

— Пробури скважину, установи бомбу там. Это приведет к образованию кратера.

Гидеон покачал головой.

— Я уже это просчитал. В ходе моделирования рассматривались различные высоты детонации как над, так и под морским дном. Лучшая точка находится в двух сотнях метрах над ним. Давление воды распространит ударную волну на большую площадь морского дна, после чего она сможет проникнуть глубже всего. Именно на этой высоте будет максимальная проникающая способность в грунт, но все же она окажется недостаточной.

— Давай взглянем на симуляции, — предложил Глинн.

— Они в сети корабля.

Гидеон повернулся к монитору, подтащил к себе клавиатуру, вошел в систему и запустил видео симуляций с различными вариантами исходных данных: начиная со взрыва на уровне дна и заканчивая в полумиле над Баобабом. Каждая симуляция демонстрировала, как ударная волна медленно распространяется под водой, ударяется о донный грунт и по мере продвижения вниз постепенно гасится, проникая на глубину от пяти до шестисот футов. Ни одна из волн не достигла кластера яиц на глубине тысячи футов.

— Я не могу в это поверить, — взорвался Макферлейн. — Это же чертова ядерная бомба! Ты неправильно задал параметры.

— Нет, — возразил Гидеон. — Проблема в том, что эти глубоководные пелагические отложения похожи на мокрое одеяло. Если бы там была монолитная каменная порода, все было бы совершенно иначе. Но нам не повезло и под нами гребаное мягкое желе.

— Так что же нам делать? — с нажимом спросил Макферлейн. — Что у нас есть мощнее ядерного оружия? Может нам взять водородную бомбу? Какие у нас еще есть варианты? Это же херня какая-то! Почему эту симуляцию не провели еще полгода назад?

Он прервал свою гневную тираду, тяжело дыша. Гидеон взглянул на него и отвел глаза — он чувствовал себя полностью поверженным. И подумать только, он всерьез подумывал о перепрограммировании бортового компьютера ядерной бомбы, чтобы он мог нейтрализовать код отмены, на случай, если другие струсят. Вот ирония судьбы! Теперь эта проблема отпала сама собой: все хотели использовать ядерное оружие. И каждый час был на счету. Но этого ни черта не будет достаточно, чтобы убить пришельца.

Глинн тихо спросил.

— Гидеон, у нас есть еще какие-нибудь варианты? *Хоть что-нибудь?*

Гидеон покачал головой.

— Только ядерная бомба. Только один взрыв.

Розмари Вонг заперла дверь морской акустической лаборатории и выпрямилась, осматривая ущерб. Она уже несколько часов пыталась навести здесь подобие порядка после того, как Гарза и его команда зачистки перевернули все вверх дном в поисках червей. Протеро был бы в ярости, если бы пришел и обнаружил здесь все в таком состоянии. И хотя нынешний беспорядок не сильно отличался от того, какой обычно устраивал сам Протеро, он всегда утверждал, что в том хаосе знает, где находится каждая мелочь, и, как ни странно, это было правдой: если бы она попробовала переложить с места на место хотя бы карандаш, он бы заметил и не преминул бы высказать ей свои замечания.

Вонг была глубоко обеспокоена происходящим на борту корабля. Несколько раз за последний час она слышала, как в узких коридорах, прилегающих к лаборатории, собирались и переговаривались между собой люди — громкими, возмущенными голосами. Их сапоги звонко, чуть ли не сердито, стучали по металлическому полу. Одни говорили на нервах и казались пьяными, другие явно наглотались амфетаминов и были перевозбужденными, третьи звучали рассеянно и как-то покорно.

А куда подевался Протеро? Долгое время он работал, расшифровывая китовый язык, а потом вдруг извинился и ушел, сказав, что вернется через пятнадцать минут. Однако прошел почти час, а его все не было. Неужели, он заснул, нарушив приказ? Это было вполне вероятно, с Протеро частенько случались подобные казусы: если хочешь заставить его что-то сделать, попроси его сделать все наоборот.

Вонг попыталась заставить себя прекратить волноваться. Протеро жил по своему совершенно непредсказуемому графику, появляясь и уходя в любое время дня и ночи. Так же сумбурно он поступал и с едой. Он никогда не ел в столовой вместе со всеми, предпочитал прямо в лаборатории жевать на ходу остывшую пиццу и запивать ее оставшейся с прошлого перекуса газировкой. Как правило, он оставлял мусор в углу, и его это словно успокаивало. Если мусор пропадал, ему необходимо было создать новый беспорядок — в каком-то определенном, известном только ему, количестве. Розмари Вонг ловила любую возможность избавиться от этой свалки, чтобы искоренить ненавистный ей запах пиццы...

За дверью она снова слышала топот проходящих мимо людей и их приглушенные сердитые голоса. Все это действительно становилось тревожным. Где же представители службы безопасности? Впрочем, она знала ответ: Гарза зафрахтовал их всех искать червей. А тем временем дисциплина на корабле выходила из-под контроля.

Вонг вдруг услышала грохот двери и отрывистый шепот.

— Эй! Вонг! Открывай!

Протеро...

Закатив глаза, она встала, разблокировала и открыла дверь. Он влетел в лабораторию, едва не снеся дверь с петель, и тут же запер ее изнутри. Он судорожно хватал ртом воздух, весь покрылся потом, а черные волосы были взъерошены так, словно он побывал в пылесосе.

— В чем дело? — нахмурилась Вонг. — Что случилось?

— Черт побери, — выдохнул он. — Эти ублюдки просто с ума посходили. Было всего пять минут, может, десять, клянусь...

Внезапно послышался грохот шагов. Кто-то начал дергать дверную ручку.

— Протеро? Протеро! — разразился шквал голосов. Протеро отступил от двери.

— Скажи им, что меня тут нет, — шепнул он.

Вонг сглотнула.

— Его здесь нет, — сказала она громко, не открывая дверь.

— Чушь! — донеслось снаружи. — Мы знаем, что он здесь. Открывай!

Серия сердитых выкриков с той стороны двери быстро превратилась в одну сплошной какофонию. Кто-то начал усиленно барабанить, требуя их впустить.

— Кто это? Вонг? Открывай эту чертову дверь, Вонг!

Она взглянула на Протеро в поисках ответа, но тот лишь покачал головой, а глаза его преисполнились ужаса. Он отшатнулся, огляделся вокруг и, казалось, начал искать место, чтобы спрятаться.

— Его здесь нет, — повторила она.

— Слушай, Вонг! Он заражен. Мы застали его спящим и не могли разбудить! У него червь!

Вонг вдруг ощутила себя парализованной. Медленно и осторожно она посмотрела на Протеро. Разумеется, он выглядел неважно, но именно *поэтому* можно было сделать вывод, что с ним все нормально.

— Ты слышишь? Он заражен! Вытаскивай свою задницу оттуда и дай нам с ним разобраться!

Протеро покачал головой, бормоча: *нет, нет, нет.*

Вонг не могла решить, что ответить. Она совершенно растерялась.

БУМ! Кто-то всем телом врезался в дверь. *БУМ!* Дверь чуть поддалась, и Вонг мельком увидела за ней тех, кто ломился в лабораторию. Рано или поздно они попросту выбьют дверь.

— Открывай, Вонг! Если ты не спасешь сама себя, это сделаем мы!

— У меня нет червя! — закричал Протеро. — Клянусь! Я просто чуть-чуть вздремнул и все!

— Он там! — послышался очередной шквал голосов из-за двери. — Вонг, Бога ради, он опасен! Давайте, парни, вперед!

— Я не опасен, клянусь! — протестовал Протеро.

Вонг вновь взглянула на него. Белки его глаз были налиты кровью, он пропах потом и весь дрожал от страха. Он *выглядел* зараженным.

Похоже, по ее взгляду он прочитал ее мысли.

— Нет... нет, — пробормотал он, сглотнув, и попытался говорить спокойнее. — Я не заражен. Розмари, клянусь. Они сумасшедшие. Я вздремнул всего пять минут. Да, я вздремнул, но я не заразился! Помни, что если кто-то заражается, он не может проснуться пару часов и...

БУМ! Зазор между дверью и стеной стал шире. *БУМ!*

Вонг приняла решение.

— Нет! — закричала она мужчинам, которые пытались пробиться в лабораторию. — Вы не можете ничего с ним сделать без доказательств!

БУМ! Ручка двери выскочила из паза.

— Вам нужны *доказательства!* — заорала она.

БУМ! Дверь распахнулась, и огромный человек ворвался внутрь. Вонг была потрясена: это оказался Винс Бранкаччи, веселый шеф-повар корабля. Но сейчас он совсем не выглядел

веселым — с ножом мясника в огромной руке. За ним толпились остальные — полдюжины мужчин, вооруженных различными инструментами: ломami, гаечными ключами, молотками...

— Вот он!

— Нет! — завопил Протеро. — Боже, пожалуйста, нет!

Толпа вдруг замешкалась, понимая, что загнала свою жертву в ловушку.

— Он заражен, — сказал Бранкаччи, выступая вперед. — С ним покончено. Мы должны избавиться от червя внутри него.

— Нет, нет, пожалуйста! — прошептал Протеро, Вонг стала между ним и Бранкаччи, выпрямившись в полный рост.

— Вы не можете просто убить человека без доказательств. Вы *не имеете права!*

— У нас есть доказательства, — сказал шеф-повар.

— Какие?

— Он спал. И мы не могли его разбудить. И вообще, посмотри на него! Просто посмотри! Он же ведет себя ненормально.

— Никто не будет вести себя нормально, когда его преследует толпа линчевателей.

— Просто уйди с дороги, — пробасил Бранкаччи.

Она почувствовала кислый запах его пота.

— Не делайте этого, — тихо произнесла она. — Просто развернитесь и уходите. Вы не можете казнить человека на основании таких слабых доказательств.

Он протянул руку и, схватив ее за плечо, попытался оттолкнуть.

— Пожалуйста. Отойди, — сквозь зубы процедил он.

— Нет.

Недовольно застонав, Бранкаччи резко оттолкнул ее в сторону. Он был силен, и его толчок заставил Вонг налететь на стойку с оборудованием, которая с грохотом упала на пол. Дезориентированная, Вонг села на пол и попыталась прийти в себя, пока толпа набивалась в лабораторию, готовясь к казни.

— Боже, Боже, Боже, пожалуйста... нет, нет! — слышала она всхлипы Протеро.

Бранкаччи замахнулся ножом мясника над его головой и вогнал лезвие ему прямо над глазом. Послышался ужасный тошнотворный звук, и Протеро пронзительно закричал. Он начал оседать, а голова его стала буквально разваливаться. Бранкаччи отступил назад и уверенным движением руки нанес ему еще один зверский удар. Крик оборвался.

Протеро неподвижно лежал на полу.

Шеф-повар перешагнул через него, осторожно присел на карточки, извлекая нож, и разделал череп человека, как будто это было готовое блюдо. Легко и без заминок он сумел вскрыть голову человека, словно спелую дыню.

Вонг отвернулась и закрыла глаза. Она слышала, как толпа выкрикивает лихорадочные указания:

— Ищи его! Найди червя! Достань червя!

Однако возгласы быстро затихли.

Вонг открыла глаза. Бранкаччи все еще стоял над телом Протеро с ножом в руке. Остальные сформировали молчаливый круг вокруг павшего ученого, глядя на его останки — на расколотый череп, на мозг, на растекающуюся вокруг лужу крови...

— Тупые ублюдки! — отчаянно завопила Вонг, чувствуя, как по щекам катятся бессильные слезы. — Довольны теперь?! Видите? *У него не было червя!*

Мануэль Гарза остановился в нижней части машинного отделения и протер лицо полкой рубашки. Он был измотан от непрерывного обыска корабля — особенно тяжело ему давалось осознание, что поиск этот был безрезультатным. И это было полным безумием: они ведь *точно знали*, что черви прятались где-то на борту! Эти твари напали на нескольких членов экипажа — появились из ниоткуда и исчезли в никуда. Что ж, приходилось признать, что для них эта облава почти не представляла опасности: ну как можно было отыскать нескольких тонких серых червей на исследовательском судне, нашпигованном миллионами миль проводов и кабелей?

Как иголку в стоге сена...

И машинное отделение обещало стать худшим из этапов обыска.

Фредерик Монктон, главный инженер корабля, французский усатый канадец ожидал их со своим первым помощником, двумя младшими инженерами и пожарным. У Гарзы было четыре человека: заместитель начальника службы безопасности Эйвен Винтер и еще трое его подчиненных. Он разоружил их — не хватало еще, чтобы кто-то начал стрелять в ограниченном пространстве недр корабля, где пули могли непредсказуемо срикошетить и повредить изобилие хрупкого оборудования. Вместо того его команда приняла на вооружение тяжелые инструменты: топоры, ломы и прочее.

Раньше Гарзе не доводилось спускаться в машинное отделение. Это была большая душная жаркая комната, насквозь пропахшая дизельным топливом, масляными смазочными материалами и резиной. Плюсом ее было хотя бы то, что она была просторной, а стальные полы здесь содержались безупречно чистыми. Главный дизельный двигатель занимал половину комнаты и был окрашен в светло-серый цвет. Рядом с ним стояло еще три синхронизированных дизельных генератора, окрашенных в синий и желтый. Отсюда корабль получал свое энергопитание — и основное, и резервное. Остальная часть комнаты представляла собой сплошные заросли труб с топливом, маслом и охлаждающей жидкостью. По потолку было рассеяно огромное количество воздухопроводов.

Все казалось налаженным и организованным. Персонал, одетый в униформу, выстроился в ряд, намереваясь помочь команде обыска осмотреть машинное отделение. Эти люди не поддались истерии, которая ныне охватила почти все верхние уровни корабля, и за это Гарза был поистине благодарен.

Он снял с ремня рацию.

— Эдуардо, прием!

Мгновение спустя раздался голос Беттанса, главы охраны.

— Прием.

— Твоя команда что-нибудь обнаружила?

— Ничего.

— Ясно. Держи меня в курсе. Конец связи.

Он поместил рацию обратно.

— Мистер Монктон, — обратился он, достав несколько снимков червей, — мы ищем *это*. Любые места, куда они могли бы забраться, должны быть обязательно вскрыты и осмотрены.

Монктон взял снимки, пробежал их глазами и передал своим людям.

— Да, сэр. Мы к вашим услугам.

— Вы и ваша команда знаете все выходы и входы в этой зоне. Мы хотели бы начать с дальнего конца и закончить на этой самой точке — это кажется наиболее эффективным вариантом, и, надеюсь, ваша команда проявит инициативу и укажет нам, где могут скрываться эти твари.

— Да, сэр.

Монктон жестом приказал своим людям следовать за ним, и они направились в заднюю часть машинного отделения по узкому проходу между трубами и пульсирующими двигателями.

— Большая часть того, что вы здесь видите, — начал Монктон, — это двигатели, трубы и генераторы. Они не открываются. И... так как они полностью герметичны, я не думаю, что черви могли проникнуть внутрь них. А даже если смогли, среда оказалась бы для них крайне враждебной. Большинство этих труб несет топливо и охлаждающую жидкость под высоким давлением. Двигатели работают на ста шестидесяти градусах.

— Понятно, — ответил Гарза. — Мы сейчас не станем этим заниматься. Может, позже, при необходимости.

Они приблизились к дальней стене с перегородкой из окрашенной стали.

— Шеф, давайте начнем с этого ряда панелей управления, — предложил Гарза. — Нам нужно снять покрытие и обыскать каждое отверстие.

— Хорошо, сэр.

Один из младших инженеров быстро принес набор инструментов, и они отвинтили первую панель, отложив ее в сторону. Под ней обнажился плотный слой проводов и монтажных плат. Инженеры Монктона отошли в сторону, когда команда Гарзы выдвинулась вперед. Натянув кожаные перчатки и защитные маски, позаимствованные из корабельной мастерской, они приступили к работе. Гарза внимательно наблюдал за тем, как они просматривают провода, отодвигают их в сторону, тем самым убеждаясь, что они настоящие. С помощью дентальных зеркал и фонариков его люди прочесывали каждый дюйм в поисках червей, заглядывали во все уголки и щели.

— Здесь чисто, — сказал Гарза, наконец. — Дальше.

Процесс повторился с целой серией панелей, переключателей и консолей управления. Медленно и методично люди Гарзы обследовали все. Чисто. Ничего.

— Давайте перейдем к воздуховодам, — вздохнул Гарза, поднимая глаза вверх. Это обещало быть настоящим адом. — Куда они ведут?

— Они предназначены для вентиляции двигателей. Воздуховоды выходят прямо на палубу. Интенсивность притока и оттока воздуха регулируется системой климат-контроля. Вы хотите их осмотреть?

— Увы, нам придется. Давайте начнем там, с той квадратной трубы на потолке.

К указанному воздуховоду можно было подняться по узкой лестнице, переходившей в неустойчивые мостки. Сам воздуховод представлял собой один большой квадратный канал, тянувшийся по всему машинному отделению с овальными откидными уплотнителями, которые при необходимости открывались, пропуская воздух, и закрывались при отключении вентиляции. Канал заканчивался большим осевым вентилятором.

— Вставьте видеокамеру в каждое из этих отверстий, — скомандовал Гарза. — Давайте взглянем, что там.

Винтер и другой офицер безопасности поднялись по лестнице, второй нес с собой портативную камеру и фонарик на телескопической стойке. Рукой, защищенной перчаткой, Винтер откинул первый уплотнитель, и его помощник передал ему камеру.

На iPad'е в руках Гарзы появилось изображение внутренней полости воздуховода, передающееся по Bluetooth. Пусто — по крайней мере, в зоне, куда был способен проникнуть свет.

— Следующий выход, — вздохнул Гарза.

Так и повелось: люди перемещались по платформе и повторяли процедуру несколько раз, поочередно заглядывая во все отверстия. Ничего.

Они продолжали, пока не добрались до вентилятора. Отверстие для доступа к нему находилось в нижней части канала и было закрыто завинчивающейся заслонкой. За ней монотонно гудел осевой вентилятор, а под ним пульсировал главный двигатель корабля, от которого волнами исходило тепло.

— Мы можем на время выключить вентилятор? — поинтересовался Гарза.

— Без проблем, — ответил Монктон.

Вентилятор был отключен.

— Хорошо, — вздохнул Гарза. — Открутите заслонку и введите туда камеру.

Из-за узости мостков Винтеру пришлось присесть, чтобы открутить перегородку, расположенную четко у него над головой. Два винта вышли из резьбы, и для сохранности ему пришлось временно зажать их губами. Затем он потянулся, схватил вентиляционный фланец и пошевелил им из стороны в сторону, освобождая его от хватки времени. Послышался скрип застарелых петель, тонкой струйкой посыпалась сажа, осев на голове и плечах Винтера, и он раздраженно отряхнул ее рукой в перчатке.

Человек, стоявший позади него и державший камеру, опустился на колени и нашел положение, из которого удалось протолкнуть камеру внутрь отверстия. На секунду Гарза от недоумения застыл, а затем закричал:

— Черви! Все назад!

Все произошло мгновенно: внутри оцинкованного воздуховода послышался тихий скрежет... и вот целый дождь извивающихся червей вырвался из трубы, облепив головы и плечи офицеров безопасности. Потеряв всякое самообладание, они закричали, отчаянно принявшись сбрасывать с себя этих тварей, в процессе чего упали на тонкие перила неустойчивых мостков, и те, не выдержав их массы, надломились. Атакованные червями офицеры повалились на пол машинного отделения, увлекая за собой паразитов, который сразу же стали расползаться во всех направлениях.

Гарза в ужасе отскочил. Он видел, что несколько червей заползло под одежду извивающихся в панике офицеров. Винтер сорвал с лица защитную маску, стремясь вытряхнуть из-под нее червей, но это открыло доступ еще большему числу паразитов, и теперь его лицо было покрыто сплошной движущейся массой, которая пыталась добраться до его носа.

— Сукины дети! — воскликнул Гарза, схватив небольшой топор и принявшись рубить извивающихся на полу червей в попытке добраться до обреченных офицеров. Остальные два человека из его команды тоже опомнились и, схватив лом и тяжелые гаечные ключи, принялись, подражая ему, давить червей. Но паразиты, казалось, все прибывали, пища, словно раненые крысы, и извиваясь.

— Отступаем, их слишком много! — закричал Гарза, и никого не потребовалось

просить дважды. Все понимали, что перед таким натиском им не устоять.

Гарза начал отступать, рубя червей налево и направо, пока они пытались добраться до него. Но эту битву они уже заведомо проиграли.

— Уходим отсюда! — закричал он. — Запечатайте дверь машинного отделения!

Вместе с людьми Монктона они поспешили покинуть помещение, продолжая уничтожать паразитов. Монктон схватил огнетушитель и начал орудовать им, но без видимого эффекта. Отступая, Гарза успел заметить, что Винтер и его товарищ проиграли схватку с паразитами — теперь они, похоже, оба пребывали без сознания, конвульсивно подергиваясь, пока черви свисали из их ноздрей. Младший инженер, атакованный червями, тоже лежал на полу: паразиты облепили его, как пиявки. Он кричал и катался, пытаясь сбить их с себя, но было слишком поздно — один скользнул в нос, несмотря на все усилия, и мужчина через несколько мгновений обмяк, будто погрузившись в сон.

Из воздуховода все продолжал сыпаться поток тварей, падавших прямо на головы отступающим людям. Наконец, они добрались до двери переборки, и Гарза занял у нее оборонительную позицию, прикрывая остальных во время отступления и продолжая лупить по червям, оказавшимся в зоне его досягаемости. Он был последним, кто покинул помещение, и сразу за ним шеф молниеносно запечатал дверь. Несколько червей перерубило пополам ее последним хлопком, и Гарза с яростью стал наносить по ним удары, превращая их в сплошное месиво.

— Боже! — воскликнул Монктон, пока остальные продолжали лихорадочно обыскивать свою одежду.

— Мы чисты, — вскоре резюмировал Гарза. — Но... Боже, бедные парни...

— Мы же не можем просто оставить их там? — встревожено спросил Монктон.

Гарза покачал головой.

— Увы, мы их потеряли.

Коридор наполнила дрожащая тишина.

— Как насчет системы пожаротушения машинного отделения? — спросил, наконец, Гарза. — Мы можем активировать ее так, чтобы она убила червей?

— В системе используется FM-200^[39], — ответил пожарный. — Он нетоксичен.

— Ладно, этот вариант отпадает. Тогда, как мы можем полностью изолировать машинное отделение? Отсюда есть другая дверь?

Монктон покачал головой.

— Эти переборки водонепроницаемы, но воздуховоды ведут прямо к палубе. Мы не можем их запечатать.

— Почему нет, черт побери?

— Без доступа воздуха двигатель не сможет работать, и корабль попросту встанет. Нет силовой установки — нет электроэнергии. К тому же, вентиляционные каналы опутывают каждый уголок судна и завязаны на системе климат-контроль.

Гарза покачал головой, вновь отерев лицо.

— Монктон, вы можете прислать мне схемы системы вентиляции корабля?

— Они по умолчанию уже загружены в сеть корабля.

Гарза кивнул.

— Похоже, эти твари размножаются в этом канале. Здесь их гораздо больше, чем сбежало изначально с образца, который доставили на борт. Итак, у нас новый приоритет. Я передислоцирую все команды безопасности, чтобы очистить воздуховод и точно определить

источник размножения. И, шеф Монктон, вы поможете мне в этом деле.

В Центре управления миссией Глинн снова проиграл симуляцию ядерного взрыва, и все присутствующие в тишине просмотрели ее. Казалось, он искал что-то, что они упустили, но Гидеон знал, что искать нечего — учтено было все до мельчайших деталей. Взрыв попросту не способен достичь нужной глубины, на которой спрятаны яйца — вне зависимости от того, какие бы параметры они ни меняли.

Наконец, Глинн отключил монитор и отодвинул клавиатуру. Повисло долгое молчание, во время которого Гидеон с надеждой поглядывал на Макферлейна. Лицо ученого было мрачным и непроницаемым.

— Ну, хорошо, — сказал Глинн. — Мы все равно взорвем бомбу и будем молиться, чтобы это сработало.

В ответ Макферлейн издал горький смешок.

— *Молиться*, — повторил он. — И это — твой ответ?

— А у нас есть другой выбор? Время поджигает, — он качнул головой и повернулся. — Гидеон, подготовь бомбу.

— Ты не можешь этого сделать! — возразил Макферлейн. — Посмотри на себя, Эли: на тебя так давит чувство вины за то, что твое промедление стало причиной гибели «Ролваага», что теперь ты совершаешь противоположную ошибку — ты торопишься и хочешь совершить глупый, безрассудный поступок!

Глинн проигнорировал это замечание.

— Гидеон? Займись бомбой и загрузи ее в робота-подводника. Я откомандирую тебе весь персонал, который только потребуется, чтобы все было сделано как можно быстрее.

Гидеон снова видел фанатичный блеск в глазах Глинна, но понимал, что рассуждения его не лишены смысла: взорвать бомбу было их единственным вариантом. Заражение всех членов экипажа оставалось лишь вопросом времени... либо это, либо на корабле вот-вот наступит полная анархия. А бомба... она могла и сработать. С ее помощью главный инопланетный мозг был бы наверняка уничтожен и — как знать? — этого вполне могло оказаться достаточно. В конце концов, у них не было достоверных сведений о том, что необходимо уничтожить *все* мозги, чтобы окончательно убить существо.

— Это то, о чем предупреждал Ллойд, — проворчал Макферлейн. — Ты принимаешь эту операцию близко к сердцу! Твой разум затуманен. Ты собираешься обречь всех нас на гибель.

— Что ты предлагаешь? — раздраженно бросил Глинн. — Если мы не будем действовать... если не взорвем эту бомбу, *весь мир* будет обречен — это ты понимаешь? — он повернулся к Гидеону и повторил приказ. — Подготовь бомбу.

Гидеон тяжело вздохнул.

— Нет, — ответил он мгновение спустя. — Нет, Макферлейн прав. У нас есть только один шанс, и мы не можем позволить себе устроить взрыв и понадеяться на лучшее. Мы должны быть точно уверены, что это сработает. Должен быть другой способ.

— Если ты ее не подготовишь, это сделаю я, — Глинн шагнул к выходу, вознамерившись уйти.

— Подожди!

Гидеон оглянулся и заметил, что Макферлейн ухватил Глинна за руку. Лицо охотника за метеоритами казалось пустым, оно подернулось тенью и блестело от пота.

— У меня есть идея.

— Я слушаю, — прошипел Глинн.

— Несколько лет назад я исследовал Аклавик — необычный метеоритный кратер в северной Канаде. Одно, очень маленькое небесное тело привело к возникновению огромного... нет, лучше сказать, *гигантского* кратера. И я все раздумывал — как этот маленький камушек сумел произвести такой эффект.

Глинн, казалось, чуть успокоился.

— Продолжай.

— Я проконсультировался с несколькими физиками и выяснил, что удар метеорита пришелся на ледник. Похоже, их столкновение спровоцировало явление известное как физическая или термическая детонация^[40].

— Я никогда ни о чем подобном не слышал, — с сомнением прищурился Глинн.

— Это большая редкость. Такое случается, когда принудительно смешиваются две жидкости: одна холодная и одна очень горячая. Это, в свою очередь, создает огромную площадь поверхности для мгновенной теплопередачи, и одна из жидкостей подвергается молниеносному, взрывному кипению. Кстати говоря, это большая проблема сталелитейных заводов. Если расплавленная сталь вырвется и потечет по влажному бетону, это может спровоцировать взрыв — я знаю, я работал на таком заводе три года назад.

— И как же это сработало с тем метеоритом и льдом? — спросил Глинн. — Они же она — твердые тела, а не жидкости?

— Метеорит состоял из никеля и железа, претерпевших сжижение от удара. Это обычное дело. Лед также преобразовался от ударной волны. Они смешались, и огромное количество воды вскипело в миллисекунду, вызвав мощный взрыв.

— И ты думаешь, такой эффект можно создать и с нашей бомбой? — спросил Гидеон. — На океанской глубине?

— Нет.

— Листы металла? — переспросил Глинн.

— На этом корабле должно быть огромное количество стальной обшивки. Мы могли бы срезать кучу переборок, уложить листы стали на дно, а затем взорвать бомбу прямо над ними — достаточно близко, чтобы ударная волна разжижила сталь.

— И сколько стали нужно? — протянул Глинн.

— Думаю, не меньше пары сотен тонн. Чем больше, тем лучше.

Тишина.

— Как ты предлагаешь нам доставить сотни тонн стали на глубину двух миль?

— Опустить на тросах.

— У нас два глубоководных троса и одна лебедка, — покачал головой Глинн. — Тросы предназначены для аварийного подъема батискафов и рассчитаны на массу не более 2500 фунтов. Понадобятся часы, чтобы опустить каждый лист. Даже если бы мы смогли снять с корабля достаточное количество обшивки, нам ни за что не успеть доставить к сроку на место столько металла. К тому же... хочешь сказать, что эта тварь будет просто сидеть и ждать, ничего не делая, пока мы будем методично складировать вокруг него железо?

— Мы могли бы сбросить металлические листы за борт, — пожал плечами Макферлейн. — Они затонут сами.

— Но они переориентируются в пространстве. Если они воткнуться в донный грунт вертикально, план сработает? — спросил Глинн.

— Нет, — поджал губы Макферлейн.

— Блестяще, — хмыкнул Глинн. — Жаль, но твоя затея невозможна, — и он снова направился к выходу. На этот раз его остановил Гидеон.

— Возможно, это безумие, но разве прямо там, на дне у нас *уже* не лежит огромное количество металла?

Глинн непонимающе нахмурился.

— Где?

— На «Ролвааге», конечно!

Грэг Мастерсон чувствовал, что теряет контроль над собравшимися в столовой. Кто-то принес пару бутылок скотча — Бог знает, откуда их смогли достать! — и теперь они передавались по кругу. Поднялся гомон, люди разговаривали друг с другом, обстановка накалялась, но ничего больше не происходило, кроме бесполезной болтовни.

Все это по-настоящему его злило. В отчаянии он взобрался на один из столов.

— Эй! Послушайте меня!

Но рев недовольства так и ни стих.

— Да слушайте вы, черт побери! — он громко топнул по столу. — Заткнитесь!

Это сработало: помещение постепенно погрузилось в тишину.

— Нам нужен план. И у меня он есть, — Мастерсон позволил себе паузу, чтобы мысль укоренилась в умах присутствующих. Здесь было около двадцати человек — в основном члены экипажа и несколько специалистов из числа научного персонала. Этого должно было быть достаточно. К тому же все эти люди выглядели довольно мотивированными для активных действий. — Вы готовы слушать?

Он умышленно стал говорить более тихо и мягко, и подобная тактика возымела должный эффект, погрузив помещение в полную тишину.

— Кто-нибудь, закройте и закройте дверь.

Указание было выполнено.

— Хорошо, — сказал Мастерсон. — Думаю, все мы знаем, что наша миссия потерпела неудачу.

В ответ прозвучал согласный ропот.

— По кораблю расползлась целая туча этих проклятых инопланетных червей! И они размножаются! Хотят слухи, что они расплозятся по воздуховодам из машинного отделения. Они *повсюду*! — он сделал паузу. — И нам нужно убираться с этого корабля как можно быстрее.

Вновь прозвучал хор согласия. Мастерсон кожей чувствовал, как энергия аккумулировалась в этом помещении: люди действительно внимали ему, готовы были объединиться ради общего дела и следовать за ним. Он увидел, как бутылка скотча снова начала свое путешествие по рукам.

— Эй! Ну-ка уберите это пойло, Бога ради! Нам нужно сохранять ясный рассудок. Многие из нас уже под стимуляторами, так что не хватало еще и выпивки.

Люди подавленно застонали.

— Одному Богу известно, сколько на корабле зараженных. И установить это невозможно. Никак. Никак, пока не станет слишком поздно.

Люди вновь согласно замычали.

— О'кей. Самый близкий к нам порт — это Ушуайя, Аргентина. Он расположен в семистах морских милях к северо-западу отсюда. Если двинемся туда прямо сейчас на полной скорости, то доберемся до места через пятьдесят восемь часов.

И снова — хор согласия.

— Там, наверху, в Центре управления они продолжают работать, будто ничего не изменилось. Они все еще думают, что смогут убить этого монстра! Они *сошли с ума*!

— Или, возможно, они заражены! — выкрикнул кто-то.

— Это тоже возможно, — согласился Мастерсон. — Как я уже говорил, способа выяснить это, у нас нет. Все, что я знаю: через пятьдесят восемь часов мы могли бы покинуть этот корабль и оказаться в безопасности в Ушуае.

Это замечание было встречено дружным ревом одобрения.

— Что нам для этого нужно сделать? Все просто! Мы должны взять командование кораблем на себя, — он осмотрелся. — В этой комнате у нас есть представители всех необходимых специальностей: инженерных, навигационных, оперативных. А еще у нас достаточно людей. Мы сможем это сделать!

Последовала очередная драматическая пауза.

— Мы сможем! — эхом разнеслось по толпе.

Он также уловил слово «мятеж», мелькнувшее несколько раз.

— Да, — согласился он. — Это мятеж. Но мятеж *необходимый*. Вынужденный. Мы стремимся спасти не только свои жизни, но и жизни всех неинфицированных людей на борту корабля.

Это заявление заставило всех замолчать и погрузить помещение в звенящую тишину. Было слышно, как упала бутылка.

— Вы со мной? — тихо спросил Мастерсон.

Низкий ропот согласия пробежался по собравшимся.

— Сейчас или никогда. Вставайте, если вы со мной.

Один человек поднялся, затем еще один и еще — через мгновение все повскакивали со своих мест, громко проехавшись стульями по полу. Воодушевление в звучащих голосах набирало силу.

— Есть несогласные?

Никто не заявил о себе, и это лишь усилило убеждение Мастерсона в том, что им нужно как можно скорее осуществить этот мятеж.

На самом деле, им нужно приступить к его осуществлению немедленно.

Гарза полз по горизонтальному воздуховоду, протянувшемуся по всей длине корабля: два оставшихся офицера безопасности шли впереди него, Монктон был замыкающим. Все они предусмотрительно водрузили на головы строительные каски, оснащенные мощными фонарями. Продвижение было шумным и грязным, но, по крайней мере, здесь имелся поток свежего воздуха. Они уже были на подходе к машинному отделению, но до сих пор так и не обнаружили никаких признаков присутствия червей.

У Гарзы в руках было импровизированное оружие, получившее название «электрическая мухобойка». К слову сказать, они были у всех. У Монктона возникла идея, и он быстро собрал сие устройство, использовав корпуса фонарей, разрядную цепь, искровой промежуток и конденсатор — все это работало на базе пары батареек. Монктон оказался каким-то чертовым гением! Главный инженер взял кусок мертвого червя, провел с ним тест на электричество, обнаружил, что он является каким-то безумным сверхпроводником, и решил, что уязвимость этих тварей — скачки напряжения. Примерно через пятнадцать минут он собрал необходимое число шокеров, и теперь они направлялись к машинному отделению, чтобы узнать, смогут ли они найти место, где они размножались.

Надо отметить, что к этому моменту они нашли и грохнули пару червей — и электромухобойки прекрасно себя показали. Подбитые черви были по-настоящему мертвы — или, по крайней мере, таковыми казались — они иссыхали и сжимались в маленькие серые клубки.

Воспользовавшись рацией, Гарза приказал Беттансу, начальнику службы безопасности, организовать несколько команд по прочесыванию воздуховодов в других зонах корабля. Если в ближайшее время им не удастся найти источник размножения червей, они уже не смогут с ними справиться.

Теперь их отряд подошел к X-образной развилке. Гарза сверился со схемой вентиляции на своем планшете и отметил, что они находятся всего лишь в нескольких поворотах от воздуховода машинного отделения. Двое мужчин, передвигавшиеся впереди него, использовали камеры на палках для селфи, чтобы заглянуть за угол, но на этот раз ничего не увидели.

Казалось, что прочесывание продолжалось вечно. Так им приходилось останавливаться перед каждым перекрестком, каждым изгибом и заглядывать за них, проверяя наличие червей. Гарза прикинул, что поведение этих тварей вполне может походить на поведение гремучих змей в период спаривания — они ищут друг друга и сплетаются в клубок. Он счел, что подобное вполне могло произойти в воздуховодах над машинным отделением — из-за тепла. Если бы только он оказался прав — если бы все эти сукины дети скопились в одном гнезде — вполне возможно, что им бы удалось уничтожить их всех одним ударом.

— Поверните налево, — скомандовал он, и его отряд пополз дальше. Они почти добрались до цели.

Патрик Брамбелл проснулся, чувствуя себя невероятно посвежевшим, хотя его тело сильно затекло от долгого лежания на полу. Как он на нем оказался? Последнее, что он помнил, это то, что заснул в кресле. Когда он сел, то увидел, что Сакс спала в другом кресле, ее ноги покоились на лабораторном столе, все еще подготовленном для проведения анализа крови. Ее лицо выглядело расслабленным и спокойным, губы были слегка разомкнуты, а ее глянцевые волосы разметались и прикрывали ее шею.

— Доктор Сакс?

Она открыла глаза и села.

— Ой, извините. Я не хотела спать, — она взглянула на свой телефон. — По крайней мере, прошло не так уж много времени. Должен же был сработать будильник.

Брамбелл проверил свой телефон.

— Похоже, мы его просто проспали. Ну, могу сказать, что нам это было жизненно необходимо! — он усмехнулся с блеском в глазах. — Мы были очень непослушными — вот так вот запросто взяли и легли спать. Лучше никому об этом не говорить.

— Чувствую себя намного лучше. Я устала до смерти, а сейчас ощущая себя полностью обновленной женщиной.

— Я тоже. Обновленный человек, я имею в виду.

Сакс негромко засмеялась. Она потянулась, встала и посмотрела на стол.

— Вы действительно думаете, что сможете выявить наличие этих паразитов посредством анализа крови?

Брамбелл вздохнул.

— Я сильно в этом сомневаюсь. Поначалу казалось, что стоит попробовать, но после тщательных размышлений я решил, что это все звучит довольно надуманно. На самом деле было настоящим безумием предполагать, что простой анализ крови каким-то образом сможет выявить заражение инопланетным паразитом.

— Согласна с вами. К тому же, у нас есть дела поважнее, — заключила Сакс.

Брамбелл снова обратил все свои помыслы на сложившуюся ситуацию. Он пришел к выводу, что они отчаянно нуждались в более детальной, достоверной информации о существе. Их *настоящей* проблемой было незнание природы Баобаба: что он собой представляет, как он мыслит, что он здесь делает. Доктору вдруг стало все это очень любопытно. Существо ведь преодолело такое огромное расстояние, в одиночку, и его жизненный цикл оказался невероятно сложным, намного сложнее, чем у всего, что обитало на Земле — даже сверх меры.

— Мы вертимся в этой лаборатории, как белки в колесе, — возмущено сказала Сакс. — И все без толку.

— Действительно, толку от нас мало.

— Хотелось бы приносить больше пользы.

Брамбелл снова погрузился в размышления.

— Проблема, — медленно произнес он, — заключается в том, что наблюдать за Баобабом были посланы неправильные, некомпетентные люди: Гидеон Кру — инженер-ядерщик, Лиспенард — морской биолог, Гарза — еще один инженер.

Сакс кивнула.

— Точно подмечено.

— Все технари. Никто из них не гуманист — как вы и я.

Сакс кивнула, проводя рукой по своим глянцевым каштановым волосам, приглаживая их. Брамбелл обнаружил, что восхищается тем, насколько здоровыми они выглядели, и насколько хрупкой и бледной была ее рука. Доктор задался вопросом, почему он раньше не обращал на нее внимания.

— Что они действительно давно должны были сделать, — сказал Брамбелл, — так это отправить туда кого-то вроде вас или меня. Вы — доктор медицины и кандидат медицинских наук, а я — доктор медицины с многолетним опытом. Мы самые подходящие кандидаты для понимания сущности этого чужеродного организма.

— Полностью с вами согласна.

Брамбелл погрузился в долгое молчаливое раздумье. Его разум казался необычайно ясным, и он списал это на благотворное воздействие хорошего сна. Когда он в общих чертах оценил прогресс экспедиции, который наблюдался до сих пор, то пришел к выводу, что эта затея с самого начала была провальным делом. Выбранный подход и методы были *изначально* неправильными. Основная концепция миссии — убийство существа — звучала ошибочно. Оно же разумно, и с ним можно было общаться. Осмысленно. Сознательно. Протеро попытался пойти по этому пути, но с его действиями никто не стал считаться, это факт. Если Баобаб мог воспринимать речь китов, он мог также усвоить и человеческую речь...

— Послушайте, — сказал Брамбелл, поворачиваясь к Сакс. — Я думаю, что один из нас должен спуститься туда и попытаться вступить в контакт с этим существом. Это решило бы все наши проблемы одним махом.

Он обнаружил, что Сакс смотрит на него с восхищением. Он прежде и не замечал, насколько она красива.

— Доктор Брамбелл, вы правы, это действительно может сработать, — она замаялась. — Но... как же мы туда попадем?

— Просто одолжим батискаф, вот и все. Насколько я помню, «Джон» все еще находится в ангаре, готовый к погружению. Я полностью уверен, что простой разговор, равноправная встреча умов, решит все наши проблемы.

— Мы... просто возьмем его?

— Да, — сказал Брамбелл. — Мы *одолжим* его. К сожалению, только один из нас сможет пойти, и это буду я.

— Нет, пойти должна я, — возразила она. — В конце концов, у меня есть опыт пилотирования батискафа.

— Я не уверен... — начал Брамбелл.

— О, пожалуйста, позвольте пойти мне, — с пылом перебила она его. — Вы будете со мной на каждом шагу, обещаю! Хоть только и мысленно, но вы будете со мной!

Брамбелл поразмыслил немного и кивнул.

— Так и быть. Поскольку нам придется спускаться аппарат без чьей-либо посторонней помощи, я полагаю, что потребуется вся доступная нам сила, чтобы самостоятельно справиться с оборудованием. А я явно сильнее вас.

— Спасибо! *Спасибо!* — воскликнула Сакс, и ее глаза засверкали азартом предвкушения.

— Доктор Сакс, я считаю, что нам не стоит терять больше время. Вы согласны?

— Доктор Брамбелл, — сказала она, сжимая руки, — я безмерно восхищаюсь вашей мудростью и мужеством.

Как только Гарза и его команда приблизились к машинному отделению, он почувствовал и услышал вибрацию турбин, распространявшуюся по вентиляционному каналу. Сфокусированные лучи их фонарей хорошо освещали всю протяженность трубы до того места, где она заканчивалась Т-образной развилкой. Правый поворот этой развилки и вел к машинному отделению. Именно там они первоначально столкнулись с гнездом червей.

Гарза чувствовал себя довольно уверенно, он же был ни один.

Он постучал по ноге ползущего впереди него офицера и жестами объяснил, что они должны были остановиться на подступах к развилке. Невозможно было проползти по воздуховодам, не создав при этом много шума и вибрации, но Гарза надеялся, что черви не почувствуют их приближение, так как по этому участку воздуховода корабля из-за работающего двигателя и так проходило много шума и вибрации.

Воздуховоды представляли собой хорошо закрепленные трубы из прочной оцинкованной стали, но даже с учетом всего этого они не были рассчитаны выдерживать вес четырех человек — когда отряд Гарзы продвигался по ним, металл стонал в знак протеста, время от времени начинал раскачиваться, местами даже прогибался. Они растянулись, увеличив расстояние между друг другом, таким образом попытавшись распределить вес, но у Гарзы по-прежнему создавалось впечатление, что воздуховод мог в любой момент слететь с креплений и рухнуть на пол помещения, через которое им посчастливилось пробираться.

Когда они приблизились к перекрестку, Гарза просигналил о еще одной остановке. Он замер, напрягая слух, пытаясь расслышать любые скользящие перемещения червей или звуки, напомиавшие скрип мела по доске, которые они издавали, когда тревожились. Но ничего этого не было: просто гудение двигателей и шепот движущегося воздуха.

Если бы за углом их оказалась целая куча, возможности сбежать у отряда не было бы. Все четверо это знали. Стоя на четвереньках в ограниченном, тесном пространстве, без возможности развернуться, они были бы вынуждены остаться на местах — стоять на смерть и сражаться, как защитникам Фермопилы^[41].

Ведущий офицер добрался до развилки и, держа камеру на палке для селфи, направил ее за угол.

На планшете Гарзы появилось изображение. Ему потребовалась минута, чтобы обдумать увиденное: проход был вполне свободным и обозреваемым примерно футов на двадцать, но затем, он полностью блокировался большой, пузырящейся массой, которая выглядела как густая, клейкая каша или какой-то гигантский блестящий гриб. Поверхность массы покрывали гигантские пустулы, и тут вдруг, как раз во время наблюдения, одна из пустул лопнула, и из нее выпал червь, который сразу же пополз. Следом разродилась еще одна пустула — плюс очередной червяк.

Вот и выяснилось, каким образом черви размножились — не совсем так, как Гарза предполагал. Это было единое целое, почкующееся яйцо. Так даже лучше — это делало его еще более уязвимым.

В молчании он передал планшет по рукам, чтобы все могли увидеть, что их ждет впереди, а затем жестами дал понять, что нужно отползли назад. Когда отряд удалился от «гнезда» на достаточное расстояние, он прошептал:

— Эта масса находится прямо над основным двигателем. Наверное, их привлекает тепло.

Последовали кивки согласия.

— Мы не можем попасть в машинное отделение, оно опечатано. Поэтому нам придется атаковать его здесь — внутри воздуховода.

— Как? — спросил один из офицеров.

Монктон, который был позади Гарзы, прошептал:

— Мы вырубим их шокерами.

Он поднял оружие.

— Я могу настроить их так, чтобы они выдавали разряд при контакте, как «Taser»'ы. Мы бросим их в кокон, и дело будет сделано.

— Разряд от пары батареек уж точно их не убьет, — возразил один из офицеров.

— Схема этих устройств продумана так, чтобы выдавать низкий ток при высоком напряжении, — тихо разъяснил Монктон. — Девять тысяч вольт, если быть точным. Так что да, они могут убить. Они *точно* убьют их. Эта форма жизни проводит электричество лучше, чем медь.

— Мы покойники, застрывшие в этом воздуховоде. Мы даже не можем развернуться!

— Передайте мне ваши шокеры, — сказал Гарза. — И будьте спокойны, я сделаю все, как надо — метну два штуки, один за другим, а один оставлю в резерве. Монктон, вы отвечаете за четвертый шокер. Остальные, станьте позади нас. И будьте готовы рвать когти.

К счастью, на Т-образном перекрестке оказалось достаточно места, чтобы Гарза смог протиснуться мимо двух впереди стоящих мужчин. Монктон быстро раскрутил каждый из аппаратов, поколдовал над ними, и снова собрал.

— Просто щелкните выключателем фонарика, — сказал он, протягивая три устройства Гарзе. — Тогда ток потечет между зубцами, как только появится соединение — а оно появится, когда эти самые зубцы воткнутся в ту штуковину. Понятно?

— Понятно.

Гарза решительно пополз вперед, на Т-образном переходе повернув направо.

Его фонарь осветил пульсирующую массу. Черви по своей природе были очень чувствительны к свету, и пузырящаяся масса среагировала так же — внезапно прекратив пульсировать. Черви, ползающие поблизости от нее, застыли, свернулись в спирали и заняли защитную, готовую к атаке позицию.

Гарза собрался с духом, включил первый шокер и метнул его — легко, как гарпун. Бросок вышел удачным, и оба зубца глубоко вонзились в самый центр вязкой массы. Пронеслась вспышка электричества, и пузырь резко сжался, испустив похожий на выдох поток воздуха, большая часть его пустул лопнула, выбросив зародышей червей на разных этапах развития.

Настал момент стазиса. И тут черви, стоявшие на охране своего кокона, рванули по воздуховоду к агрессору, двигаясь целенаправленно и издавая скрежещущие звуки, угрожающе выставив свои черные зубы.

Гарза бросил второй шокер — и снова прямое попадание с сопутствующей вспышкой электричества. Гнездо окончательно распалось, выплеснув дергающуюся, желеобразную массу полусформированных червей.

Гарза отползал назад так быстро, как только мог, но черви, наступавшие на него, двигались еще быстрее. Как только они оказались в зоне его досягаемости, он стал бить их

третьей электромухобойкой — каждый пораженный им червь издавал непродолжительный визг, а затем сжимался в гротескный, похожий на кренделек, комочек.

— Быстрее! — выкрикнул он. — Отступайте к ближайшему выходу!

Один из червей добрался до него, и полоснул по руке острым зубом. Гарза вырубил его, а следом и другого. Одного за другим, снова и снова. Но время перезарядки его мухобойки значительно увеличивалось, аккумулятор вскоре должен был окончательно разрядиться.

— Дайте мне другую!

Монктон передал Гарзе последнюю мухобойку.

— Здесь есть большая дыра! — донесся голос из-за спины.

— *Выход!*

Мужчины спешно вывалились из вентиляционного отверстия, Гарза шел замыкающим, а вслед за ним лилась река кишацих тварей.

— Забудьте о червях! — крикнул он. — Бегите! Спасайтесь!

Они выбежали в коридор, огибающий машинное отделение, и сразу же резко свернули, скрывшись за дверью переборки. Гарза хлопнул ее и задраил вслед за собой.

— Господи Всемогуший, — простонал он, сползая по двери и жадно хватая ртом воздух. Все его руки были исполосованы порезами от атак червей.

— Вы думаете, что такие коконы еще где-то есть? — спросил Монктон.

— Удача явно отвернулась от нас, так что я в этом уверен, черт возьми, — ответил Гарза, вытаскивая рацию, чтобы связаться с Беттансом. — И боюсь, что с той скоростью, с которой эти черви размножаются, мы все к обеду станем зомби.

Патрик Брамбелл и Антонелла Сакс вышли на ангарную палубу вскоре после того, как солнце всплыло над краем океана.

— Какая замечательная погода нас сопровождает, — с улыбкой заметил Брамбелл, когда они прошествовали в ангар. — Приятно, что приближающийся шторм задерживается достаточно надолго, чтобы мы успели закончить свою миссию.

— Действительно замечательно.

Батискаф «Джон» покоился в специальной люльке на роликах, закрепленный и задрапированный холстом. Поблизости не наблюдалось ни одной живой души — корабль находился на осадном положении, и весь персонал службы безопасности был реквизирован, помогая охотиться за червями.

— Ты уверена, что знаешь, как им управлять? — спросил Брамбелл.

— Меня проинструктировали. Ты же хорошо знаешь Глинна и его стратегию «двойного обеспечения»: *безопасность в избыточности*. На самом деле, аппарат похож на видеоигру — основная часть управления осуществляется джойстиком. К тому же, оно в целом довольно простое. Хотя... в нашем случае мне придется отключить ИскИн автопилота и отключить возможность управления с поверхности. В противном случае, доброжелатели могут попытаться вернуть меня и прервать нашу миссию.

— Ты сможешь это сделать?

— Я была в Центре управления, когда они вызвали батискаф Гидеона Кру на поверхность. Это было как раз после того, как Алекс Лиспенард обрела новый дом. На моих глазах они открывали руководство по эксплуатации, чтобы перенастроить ИскИн и лишить возможности управления оператора аппарата. Я видела коды доступа, — она покачала головой. — Если бы они не вмешались так поспешно, возможно, доктор Кру тоже смог бы обрести новый дом.

В очередной раз Брамбелл убедился, насколько глубоко ошибочной была стратегия всей их миссии. На Землю пришла разумная, инопланетная форма жизни. И что стало первым ответом человечества? *Убить ее*.

Как грустно. И все же, так предсказуемо.

— Хорошо, давай взглянем на него, — сказал он.

Каждый из них схватил свой край брезента и потянул за него, обнажая мини-подлодку. Она выглядела блестящей и новенькой, сверкающей в лучах натриевых ламп ангара, готовая к следующему погружению, уже с прикрепленным железным балластом. Сакс обошла ее по кругу, отвязывая крепления, которые обеспечивали неподвижность аппарата в люльке. Женщина забралась в моторизованную тележку, предназначенную для перемещения батискафа по палубе, подкатила ее и закрепила буксировочный штифт.

— Открой двери ангара, — скомандовала она.

Брамбелл исполнил приказание, впустив в помещение солнечный свет.

Какой прекрасный день, — еще раз подумал он, глядя на далекий морской горизонт. Прекрасный день для того, чтобы поговорить — *по-настоящему* поговорить — с новой формой жизни. Она уже пыталась вступить в диалог с ними с помощью песен голубых китов. Если бы только этому существу дали шанс, оно смогло бы выучить и английский! Если

задуматься, то со всей этой болтовней, что последнее время оно улавливало рядом с собой, скорее всего, английский язык ему *уже* известен. При мысли о судьбоносном шаге, который они собирались совершить, у него учащалось дыхание. Но он воспринимал это не как личное достижение, а как достижение всего человечества.

Доктор стоял в лучах теплого весеннего солнца и наблюдал, как Сакс, мастерски разместив «Джона» под А-образной рамкой крана, вылезла и отцепила крепления. Заметив его взгляд, женщина дружелюбно ему помахала.

— Что делаешь? — поинтересовалась она.

— Мечтаю. О том, что вот-вот стану частью дня, который войдет в историю.

Она засмеялась и шутливо ткнула его в плечо.

— Пойдем, нас ждет работа. Помоги мне подкатить ту лестницу.

Они взяли передвижную стремянку и вместе дотащили ее до батискафа. Брамбелл придерживал лестницу, наблюдая, как женщина взобралась на нее и прикрепила два канатных троса к крючкам мини-субмарины. Убедившись, что все надежно закреплено, она спустилась вниз.

— Чему ты ухмыляешься?

— Тебе.

Она тоже не смогла сдержать улыбку.

— Сейчас я заберусь внутрь. Видишь эту консоль? Это пульт управления краном. Там тоже все сосредоточено на джойстике. Ты же знаешь, как пользоваться джойстиком?

— О, Господи, — пробормотал Брамбелл. — Да я ни разу в жизни не держал его в руках.

Она взяла его за руку.

— Я покажу тебе. Не волнуйся, это просто. Только постарайся не слишком сильно ударить меня о поверхность воды, когда будешь спускаться.

На консоли она продемонстрировала ему, как управлять краном, плюс как контролировать натяжение и ослабление тросов. И, наконец, кнопку, которая отцепит крепление и отправит батискаф в свободное плавание.

— Не нажимай ее, пока аппарат не окажется в воде и не начнет дрейфовать. Ты поймешь это по тому, как провиснут тросы.

— Понял. Ты готова?

— Готова.

Брамбелл помог ей подняться по лестнице и пронаблюдал, как она добралась до люка. Подлодка действительно выглядела как та самая Желтая Субмарина. Брамбелл всегда ощущал особую связь с «Битлз» из-за своего дедушки, актера Уилфрида Брамбелла, сыгравшего вымышленного деда Пола МакКартни в фильме «Вечер трудного дня».

— Все хорошо, Патрик!

Она помахала ему рукой и показала поднятые вверх большие пальцы. Доктор улыбнулся, махнув ей в ответ, а потом она скрылась внутри аппарата и задрала люк.

Брамбелл огляделся, удостоверившись, что они не привлекли к себе нежелательного внимания. На другом конце кормовой палубы стояла группа людей, и отсюда нельзя было понять, они просто разговаривали или спорили. Как бы там ни обстояло дело, они абсолютно не обращали на него никакого внимания. Разум доктора был необычайно ясен, и он прекрасно помнил все наставления Сакс. Он сжал рукой джойстик и принялся им маневрировать. Тросы послушно затянулись, вынимая подлодку из люльки. Когда она

освободилась, он направил ее вбок, и кран проворно повернул А-образную раму, надежно удерживая батискаф, пока тот не завис за пределами кормы. Убедившись, что между бортом и аппаратом присутствовал достаточно большой зазор, он опустил «Джона» в воду, где тот обрел устойчивое положение, дрейфуя на волнах. Доктор нажал кнопку, отсоединившую крепления, и субмарина оказалась свободна.

— Удачи, Антонелла, — пробормотал он себе под нос, когда бурление пузырьков воздуха вокруг батискафа сообщило, что Сакс заполняет балластные емкости. Мини-подлодка плавно ушла под воду. Сквозь воду ее спуск можно было наблюдать еще несколько минут, а затем она окончательно исчезла.

Брамбелл чувствовал, как одиночество окутывает его. Он должен был признать, что немного влюбился в Сакс. Отгоняя излишнюю хандру, он тряхнул головой и жизнеутверждающе подумал, что снова увидит ее, и случится это довольно скоро — он был в этом уверен.

Оставив консоль в покое, доктор вернулся в ангар, чувствуя беспокойство и тревогу. Он задавался вопросом, что дальше. Ему казалось, что ему нужно сделать что-то еще, что-то большее, *гораздо большее*... И тут на него снизошло озарение, что именно от него требуется: не допустить безумного использования ядерного оружия. Он точно не знал, когда им собираются воспользоваться, но это и не имело значения: он мог принять превентивные меры прямо сейчас.

В дальнем конце ангара, отдельно от всего остального оборудования, стоял еще один задрапированный подводный аппарат. Это был не пилотируемый батискаф, а гораздо меньшее устройство — подводный робот. Его исключительным предназначением, как Брамбелл знал, была доставка бомбы.

Было весьма легко устроить все так, чтобы робот-подводник никогда не смог доставить бомбу.

***

Первым делом, по мере спуска на глубину Антонелла Сакс занялась управлением «Джона». На главной панели она ввела код, отключивший ИскИн мини-субмарины, таким образом она заранее пресекла любую возможность, что ее автопилот перехватят с поверхности. Она чувствовала уют и безопасность, когда батискаф окутала тьма. Помимо этого женщина почти осязала давление огромной массы воды, увеличивающееся с каждым пройденным метром. Возникло чувство предвкушения, волнения, поскольку ей надлежало выполнить, возможно, величайшую миссию, когда-либо возложенную на человека.

Чтобы скоротать время в пути, она стала напевать себе под нос негромкую мелодию, но тут ее внимание привлекло движение: из зазора между электронным оборудованием высунулась маленькая голова с двумя глазами-бусинами и крошечным морщинистым ртом, который открылся, показывая один единственный зуб.

— Кто ты? — игриво спросила Сакс.

Как будто в ответ, маленькое существо выползло из своего укрытия, явив себя полностью, и, приблизившись, скользнуло по ее бедру в поисках тепла. Женщина ласково

коснулась его.

— Хороший мальчик, — стала приговаривать она, поглаживая его, и существо расслабилось, лучась довольством от ее прикосновений. — Хороший мальчик.

Чтобы объяснить план захвата, Грэг Мастерсон назначил собрание мятежников в комнате отдыха, прилегавшей к служебным помещениям. Единомышленники были отлично вооружены: многие захватили ножи, а у некоторых из бывших военнослужащих при себе оказалось личное оружие. В последнюю минуту к группе присоединились еще двое охранников, приписанных искать червей, одним из которых оказался заместитель начальника службы безопасности, человек по имени Винтер. Он стал для них самой настоящей находкой: мужчина не только наизусть знал план корабля, но также помнил все коды доступа и протоколы безопасности.

В то время как разномастный персонал собирался в комнате, Мастерсон размышлял о целях, стоящих перед ним. Он был решительно настроен дойти до конца и не допускал даже тени сомнений. То, что предстояло сделать, должно было быть сделано. Сам факт, что эта безумная миссия продолжалась, несмотря на то, что ее постиг полный провал, давало ему понять, что высшие офицеры не просто заблуждаются в своих суждениях, а скорее всего, заражены. Он был склонен думать, что к их числу относится все управление миссии и весь мостик.

Осознавая огромный объем предстоящей работы, он оглядел собравшихся. Вроде бы все были на месте. Пора было начинать.

— Внимание, слушайте меня!

Толпа затихла.

— Нам очень повезло, что к нам присоединился мистер Эйвен Винтер. Он был — или, вернее, и сейчас является — заместителем начальника службы безопасности. Я собираюсь передать слово ему, чтобы он мог сообщить план, который мы разработали.

Винтер — грузный человек с весьма харизматичной внешностью — вышел вперед.

— Основная наша цель — захват мостика судна. Ключевым элементом будет внезапность. Вторичная цель состоит в том, чтобы взять под контроль или, по крайней мере, вывести из строя Центр управления миссией. По завершении этих двух этапов мы сразу же возьмем курс на Ушуайю.

Его тон был резким и безапелляционным, и говорил он с еле уловимым приятным скандинавским акцентом.

— Капитан и офицеры будут защищать мостик, преисполненные сильнейшего чувства долга. Будьте готовы: скорее всего, нам придется прибегнуть к насилию. Ни у кого из присутствующих на мостике не должно быть оружия. Только службе безопасности позволено иметь оружие на мостике — и в настоящее время там нет ни одного ее представителя.

Стальной взгляд переместился по комнате. Никто не вздрогнул.

— Мостик спроектирован так, чтобы воспрепятствовать проникновению любого, кто вознамерится захватить командование кораблем. Есть только две точки входа — по одной двери со стороны старборда и порта^[42]. Четверть дюйма стали. В штатном режиме эти двери остаются открытыми, поэтому нам нужно наступать быстро и решительно. Мы застигнем их врасплох, захватим входы-выходы и не дадим им закрыться изнутри и забаррикадироваться. Как только мы получим контроль над мостиком, мы сами запечатаем эти двери, и их

оборона станет нашей первоочередной целью.

Мастерсон встал рядом с оратором.

— Благодарю вас, мистер Винтер. Есть вопросы?

— А как насчет машинного отделения? — спросил кто-то. — Разве они не могут собственноручно отключить двигатели?

— Могут, — отозвался Винтер. — Но как только мы получим контроль над мостиком, мы сможем связаться с остальными членами экипажа по корабельной внутренней связи, которую также будем контролировать. Им не останется ничего иного, кроме как к нам присоединиться. Да, они могут отключить двигатели и электроэнергию, но это только сделает «Батавию» «мертвецом в воде». В этом не так много пользы — и не такое уж это действенное средство убеждения, — он прервался, а затем добавил тихим, твердым голосом, словно вынося вердикт: — Мы возьмем верх. *Победа за нами.*

На всем протяжении речи Мастерсон следил за собравшимися и видел, что этот человек с его внушительной внешностью и тихим голосом оказывает на них гипнотизирующее воздействие.

— Мы не можем ждать, — сказал он. — Если кому-нибудь станет известно о нашем замысле, все будет кончено. Поэтому мы должны действовать немедленно. Все с нами?

Раздался дружный возглас одобрительных голосов.

— Нас двадцать. Нам надлежит разделить на пять групп по четыре человека. Мы направимся к мостику, неспешно прогуливаясь по коридорам, болтая ни о чем и не привлекая к себе внимания. Затем мы сойдемся на нижней палубе у трапа, ведущего на мостик. Но не толпитесь и не стойте у его подножия. Просто продолжайте идти, бросайтесь к дверям и блокируйте их, не позволяйте их закрыть. Те из вас, у кого есть огнестрельное оружие, нейтрализуют дежурного офицера, капитана и других членов экипажа. Если они окажут сопротивление, стреляйте — но это только *в крайнем случае*. Те, у кого есть ножи, займут оборонительную позицию у дверей.

Мастерсон сделал паузу. Он почувствовал, что потеет. И с недовольством признался себе, что боится. Но, едва взглянув на Винтера, стоящего рядом, он успокоился. Мужчина явно ничего не боялся, источая непоколебимую уверенность.

— Что, если двери мостика все же окажутся заблокированы? — спросил кто-то.

— Этого не будет, — сказал Винтер. — Это противоречит всем протоколам безопасности. Но, на всякий случай, если они закрылись изнутри — например, из-за недавней атаки червей — тогда я поговорю с ними как заместитель начальника службы безопасности и заставлю их впустить меня.

Мастерсон разделил людей на группы и проложил для каждой из них маршруты, сходящиеся у мостика. Последнюю группу он возглавил сам лично, и они прошли несколькими окольными путями, изо всех сил пытаясь выглядеть беззаботными. По мере продвижения по кораблю Мастерсон был поражен атмосферой царившей на борту: в то время как некоторый персонал продолжал самоотверженно заниматься своими обязанностями, большая часть экипажа выглядела бездействующей и кучковалась в гудящие от тревоги взволнованные группы. Многие из них были явно пьяны. Им попался парень, валяющийся в коридоре без сознания, а пустая бутылка лежала рядом с его рукой. Отзыв сил службы безопасности на зачистку червей, отсутствие сна и свирепствующие среди членов экипажа истеричные подозрения о том, кто мог бы быть заражен, вызвали резкое падение морального духа на борту.

Это только усилило убежденность Мастерсона, что им нужно как можно скорее доставить этот корабль в порт. Они справятся с заражением червями, как только люди покинут корабль — судно надлежало сжечь до ватерлинии и при необходимости затопить. Персонал же надо поместить в карантин до тех пор, пока не выявят всех зараженных. Но обеззараживание корабля уже не было его непосредственной проблемой. Прямо сейчас ему надо было во что бы то ни стало вытащить всех отсюда живыми.

Во время ходьбы он чувствовал как пистолет .45 калибра, выданный ему Винтером, приятно давил на пояс. Мастерсон не был сторонником использования оружия, но он иногда ходил на охоту со своим отцом и знал, как целиться и стрелять из пистолета. Только вот, во имя всего святого, он очень надеялся, что ему не понадобятся эти его навыки.

Задумка удалась, и его группа прибыла к нижней мостиковой палубе одновременно со всеми остальными заговорщиками. Не сбавляя шаг, они поднялись по трапу наверх. Дверь мостика со стороны порта действительно оказалась открыта. На подходе к цели возглавлявший отряд Винтер предусмотрительно достал пистолет. И вот заместитель начальника службы безопасности беспрепятственно вошел внутрь, Мастерсон по пятам следовал за ним.

Присутствующие на мостике были настолько сосредоточены на своих индивидуальных задачах, что никто даже не посмотрел в их сторону. Мастерсон увидел, как Винтер поднял пистолет, небрежно прицелился и выстрелил в спину дежурного офицера, убив его на месте. Звук выстрела получился невероятно громким, и человек упал, как подкошенный. Хладнокровность этого убийства заставила Мастерсона оторопеть. Этот поступок не соответствовал словам, сказанным Винтером на собрании.

Старший офицер Леннарт, стоявшая рядом с дежурным офицером, оказалась, к удивлению Мастерсона, вооружена. Мгновенно развернувшись, она прицелилась и выстрелила с поразительной сноровкой. Ошеломленный этим фактом Винтер отлетел к стене, словив прямое попадание пули. Леннарт снова выстрелила. На этот раз ее целью стал Мастерсон: пуля чиркнула по его шее чуть пониже уха. Женщина продолжила наступать и стрелять. Мастерсон выпрыгнул за дверь, когда третья пуля с громким лязгом угодила в стальной косяк. Между тем, остальная часть персонала мостика тоже достала оружие — все они оказались вооружены — и обрушила на мятежников шквальный огонь.

Держась за внутреннюю стену мостика, Винтер поднялся и выстрелил во второй раз, поразив Леннарт прямо в грудь, что наверняка превратило в месиво ее сердце и прилегающие органы. Следующий его выстрел попал в другого офицера, а тем временем вторая пуля нашла в нем свою цель. В поисках укрытия мужчина ринулся обратно к двери, пули свистели вокруг него, рикошета и высекая искры. Едва он успел укрыться за дверью, как она в тот же миг захлопнулась. Мастерсон бросился на нее всем телом, тараня и снова пытаясь открыть, но было уже слишком поздно: ее наглухо задраили.

Системе аварийного оповещения судна выдала сигнал тревоги.

— Черт побери! — взревел Винтер, не обращая внимания на то обстоятельство, что у него лилась кровь из уродливых ран на плече и предплечье. Среди мятежников, стоявших позади них, творилась сумятица.

Вдруг по коридору просвистела пуля, затем еще одна.

— Мы под обстрелом с тыла! — крикнул кто-то.

Винтер развернулся и, истекая кровью, почти скатился по лестнице на нижнюю мостиковую палубу с пистолетом наперевес. Остальные гурьбой последовали за ним.

Несколько офицеров безопасности, подоспевшие к месту происшествия, начали стрелять, стремясь нейтрализовать мятежников. Но они долго не выстояли, Винтер и другие быстро их вырубили.

— Отступаем к служебным каютам! — крикнул Винтер. — К каютам!

Они мчались по главной палубе, встречавшиеся им люди, не желая быть сбитыми, расступались, давая им дорогу. Надо отметить, что среди них почти не было представителей службы безопасности.

Вот и трап. Винтер нырнул по нему вниз в служебное помещение. Когда все мятежники оказались внутри, он захлопнул и запечатал дверь.

— Забаррикадируйтесь изнутри! — прокричал он. — Это помещение станет нашим оплотом, мы будем его защищать!

Приказание тут же было исполнено. Винтер со вздохом прислонился к стене, его рука зажимала огнестрельное ранение плеча, сдерживая кровотечение.

— Тебе необходима помощь, — сказал Мастерсон.

Мужчина выдал уродливый смешок.

— Принеси мне повязки и пластырь, и, уверяю, со мной все будет в порядке.

Среди заговорщиков, которые сумели вернуться, царило недоумение и замешательство.

— Что произошло? Что это было? — спросил кто-то.

— Они оказались вооружены, — буркнул Винтер. — Присутствие червей, должно быть, изменило протокол об имении оружия. Моя вина, я не предусмотрел этого, — он тяжело опустился на стул, пока остальные сгрудились вокруг него. — Мы можем продержаться здесь достаточно долго — у нас есть еда и вода. И оружие. Им будет чертовски сложно выкурить нас отсюда — чтобы преодолеть эти двери, им понадобится горелка или взрывчатка. Мы будем бдительно следить за всеми их действиями и будем пресекать все их попытки в зародыше. Кроме того, у них явно есть дела поважнее.

— Но... — Мастерсон почувствовал, как его накрывает замешательство. — Что же нам теперь делать?

— Придерживаться плана. Захватить мостик. В охранном арсенале имеется С4. Мы взорвем те двери. И я могу взломать отсюда внутреннюю связь, по ней мы сможем привлечь к делу еще людей, — он сделал несколько вдохов. — Мы потерпели неудачу. Первый блин вышел комом. Но мы все еще можем довести дело до конца. Дисциплина на корабле разваливается. Это определено нам на руку.

В дверь отсека экипажа стали громко колотить, сквозь толстый металл долетали приглушенные крики. Винтер поднялся и дал знак Мастерсону.

— Поговори с ними. Скажите им, что мы хотим отвести корабль в безопасный порт Ушуайя. Предложи их присоединиться к нам во имя спасения их собственных жизней.

Гарза взгляделся в изображение на своем iPad'e, поступавшее с камеры, опущенной на 40 футов в вертикальный воздуховод, идущий от двигателя.

— О, Боже, да этому любой заводчик позавидует, — выдохнул он, передав iPad Монкtonу. Тот, в свою очередь, изучив изображение, нервно присвистнул.

— Я не удивлен. Именно на том участке канал делает поворот под прямым углом и из вертикального становится горизонтальным. Это пологое, защищенное и прогретое двигателем место, что, надо думать, очень благоприятно для размножения, — с этими словами он передал iPad обратно. — Предлагаю зайти с другой стороны. Так нам не понадобится вырезать дыру... но в то же время это значит, что нам придется пройти через машинное отделение и уже оттуда добраться до алькова, где установлен компрессор и турбонагнетатель.

Гарза повернулся к паре офицеров — это все, что осталось от его команды.

— Что скажете?

— Давайте сделаем это.

И они снова спустились в недра корабля, Монкton шел впереди этой мрачной процессии, и его поведение искренне впечатляло Гарзу. Со стороны Монкton производил впечатление довольно странного малого, его походка казалась удивительно отточенной, почти как у танцора. Невысокий и опрятный, в сложившемся хаосе он каким-то образом умудрялся сохранять поразительную невозмутимость — почти как Глинн. Гарза не без уважения признавал силу и ценил выдержку этого человека.

За минувший час у Гарзы начала зарождаться надежда, что они и впрямь смогут совладать с червями. В то время как эти твари, казалось, были повсюду, его отряд смог уничтожить три их гигантских гнезда. Вдобавок к этому они истребили бесчисленное множество особей ползающих поодиночке. Создалось впечатление, что их стратегия возымела эффект и вселила страх Божий в этих тварей: паразиты сделались менее агрессивными — они были склонны, скорее прятаться, чем массово атаковать.

Гарза бросил отвлеченный взгляд на рацию и нахмурился. Он не мог связаться с начальником службы безопасности Беттансом с момента их последнего разговора, случившегося примерно двадцать минут назад, и он молился, чтобы его худшие подозрения не оправдались.

Тем временем короткая дорога привела их к закрытой двери машинного отделения. Хоть корабль и стоял на месте, двигатели продолжали пульсировать, главный из них поддерживал судно в его нынешнем положении с помощью системы динамического позиционирования, а синхронные генераторы снабжали его электроэнергией.

Гарза почувствовал укол боли, когда они собрались у стальной переборки, ведущей в машинное отделение. После их первого визита сюда Монкton соорудил сверхмощный шокер на длинном шесте, который было весьма удобно втыкать в желеобразные гнезда с размножающимися паразитами. Устройство уже прекрасно показало себя. Электричество было губительным для червей, и, что радовало, требовался не такой уж большой заряд, чтобы уничтожить их.

— Я пойду первым, — сказал Монкton.

Приготовившись, Гарза отступил чуть в сторону, два члена его команды сделали шаг назад, попутно поправляя защитные маски и натягивая повыше толстые кожаные перчатки, успевшие порядком поизноситься. Гарза отдраил люк, и Монктон перешагнул порог, держа шокер наготове, остальные в порядке очередности последовали за ним, ощущая опасность и жар машинного отделения. Повсюду валялись куски убитых и раздавленных червей.

— Тела исчезли, — пробормотал один из команды зачистки.

— Да. Они проспали пару часов, а затем очнулись и стали вести себя, как ни в чем не бывало. Возможно, пока мы тут разговариваем, они разгуливают по кораблю...

— Да... скорее всего так и есть. Может, нам лучше было бы... — мужчина замешкался и не стал договаривать.

— Избавить их от мучений? — невесело хмыкнул Гарза, догадавшись, что хочет сказать его подчиненный. — Может быть.

Все промолчали.

Машинное отделение казалось нормальным, если не считать мертвых червей на полу. Вентиляционное отверстие было полностью распахнуто, и с него прямо на главный двигатель, образуя потеки, капала темная жидкость. Гарза понял, что она вытекает из почкующейся массы, которую они уничтожили в том воздуховоде чуть ранее.

— Канал подачи воздуха вместе с турбонагнетателем и компрессором находятся дальше, — пояснил Монктон.

Гарза и остальные проследовали за главным корабельным инженером по основному проходу машинного отделения. Комната была ярко освещена, и, к счастью, в ней не наблюдалось никаких признаков присутствия червей. Монктон добрался до конца огромного главного двигателя, поднырнул под трубу, завернул за угол и остановился. Перед ними простирался большой оцинкованный воздуховод, спускавшийся с потолка и делавший поворот под прямым углом, становясь горизонтальным. Его входное огромное отверстие, напоминавшее раскрытый в зевке гигантский шестифутовый рот, нависало над скоплением труб, отходящих от компрессора, турбонагнетателя и охладителя — как раз за непроходимыми зарослями труб и предохранительных клапанов.

Монктон прошептал:

— Гнездовье там, внутри, у изгиба. Думаю, нам нужно попытаться пустить заряд прямо по воздуховоду.

— А вдруг возникнет эффект клетки Фарадея^[43]? Заряд может рассеяться?

— Нет, потому что почкующаяся масса — лучший проводник, чем сталь. Большая часть заряда уйдет непосредственно в нее.

— Там достаточно места только для одного человека, — вздохнул Гарза. — Я пойду.

Монктон покачал головой.

— Нет. Мой черед.

Спорить Гарза не стал, лишь сказал своим людям, чтобы они остались сторожить путь к отступлению, держа шокеры наготове. Затем он сопроводил Монктона к узкому темному проходу.

— Будь готов бежать, — прошептал тот прямо ему на ухо, вытягивая вперед шокер с шокером и углубляясь в раскинувшиеся перед ним джунгли цветных труб. Вскоре Гарза потерял Монктона из виду в пляске теней. Он просто стоял и ждал, готовый в любой момент услышать электрический треск, сопровождаемый пронзительными криками сжигаемых червей, когда Монктон пустит заряд своей электромухобойкой по воздуховоду...

Вместо этого он слышал шорох, шепот и какой-то шум позади себя, за которым последовал звук чего-то, упавшего на пол.

Гарза повернулся. Оба его человека лежали на полу — они не успели даже закричать — их головы представляли собой сплошную кишачую массу червей. Обессиленные люди слабо размахивали руками в попытке освободиться, но было ясно, что они обречены.

— Монктон! — закричал Гарза. — Назад! Мы угодили в засаду!

Но внятного ответа он так и не дождался — все тот не негромкий шелест и шорохи, только на этот раз пришедшие спереди. Гарза выругался, сделал пару шагов вперед и тут увидел это: черви! Они были повсюду. Скользили по трубам и стенам, направляясь к нему. Он вскрикнул и отступил, успев поразить по пути нескольких из них. Прислонив свою электромухобойку к трубе, он нажал на курок, заставив тварей хором завизжать. Паразиты задержались в конвульсиях и посыпались на пол. Гарза вновь отступил, повторив свой маневр. Но червей было слишком много, подобравшись к нему достаточно близко, они стали падать на него сверху словно дождь. Гарза закричал, кинувшись лихорадочно стряхивать и оттирать их с себя. Отступая, спеша покинуть это кишачее тварями помещение, он перешагнул через бессознательные тела двух мужчин из своей группы, облепленные червями, при этом чувствуя, что и он сам весь покрыт ими. Прекратив извиваться, Гарза на миг застыл, навел шокер на себя и нажал на курок.

Результат превзошел все его ожидания — его как будто на полном ходу протаранил грузовик — последовал мощный толчок и вспышка света, после которой ноги попросту отказались ему служить, и он повалился на пол. Но падая, краем сознания Гарза отметил, что черви слетели с его тела, пораженные током. Не в состоянии подняться, он стал ползти к выходу, в какой-то момент, для верности, вновь направив на себя шокер и нажав на курок. Тело дернулось, и он распластался на полу. Сознание не покинуло его, но мышцы отказывались повиноваться и держать тело. Он чувствовал себя так, словно на груди у него лежал огромный камень, мешающий дыханию, а черви... черви уползали прочь. Бежали от него во всю прыть.

Гарза лежал на полу, пытаясь дышать, а перед его глазами плясали миллионы звезд. Через мгновение огромным волевым усилием ему удалось заставить себя подняться на колени и доползти до двери машинного отделения, после чего, перевалившись через металлический порог, он с трудом намертво задраил ее за собой.

После этого силы покинули его, и он упал на холодный металлический пол, стараясь обрести контроль над содрогавшимися и ослабшими мышцами. Именно в этот момент он понял, что миссия обречена на провал. Им никогда не удастся очистить корабль от червей — эти паразиты адаптировались.

Слава Богу, что хранилище с ядерной бомбой было спроектировано таким высоконадежным и неприступным, что никакая ползучая — и не только ползучая — гадость не могла сюда забраться, — подумал Гидеон. Поведенческий анализ Глинна оказался верен: корабль погрузился в хаос. Только что поступило сообщение о том, что группа мятежников попыталась захватить мостик, убила Леннарт и дежурного офицера и теперь забаррикадировалась в служебных каютах. Каким-то образом им удалось взять под контроль внутреннюю связь судна и начать транслировать сообщения, призывающие остальных присоединиться к мятежу. Другая группа людей попыталась угнать корабельный вертолет и даже сумела поднять его в воздух, но «AStar» пролетел всего четверть мили, прежде чем потерял управление и рухнул в океан. Сообщалось также, что батискаф «Джон» был похищен и спущен под воду неизвестными лицами. Ко всему прочему, «Батавия» от носа до кормы кишмя кишела паразитами. Гарза только что рассказал, что оставшаяся часть его команды зачистки и главный инженер корабля Монктон в результате атаки оказались инфицированы.

Люди, к которым подселся червь, фактически не умирали, это Гидеон прекрасно понимал. По сути, они действовали, как обычно и почти ничем не отличались в своем поведении от себя прежних... с той лишь разницей, что в их голове сидел паразит, подчинявшийся приказам Баобаба, растущего на океанском дне. И когда подводная матка-паразит посылала червям свои сигналы, люди слепо подчинялись им, будучи при этом уверенными, что поступают правильно — даже если они совершали саботаж или убийство.

Внутри комнаты с бомбой Глинн и Макферлейн, заручившись помощью двух техников, использовали потолочную лебедку, чтобы поднять ядерное оружие и погрузить его на моторизованную тележку, специально сконструированную для того, чтобы доставить смертельный заряд на ангарную палубу и поместить его в робота-подводника. Вся электроника была проверена, и теперь Гидеон осматривал бомбу контрольный раз, чтобы убедиться, что она сработает, как нужно. Оставалось лишь выставить таймер.

Теперь бомба висела на специальных ремнях потолочной лебедки. Медленно и осторожно двое техников опустили бомбу на тележку, попутно направляя ее руками в перчатках и поворачивая в нужное положение, чтобы она идеально легла в предназначенные для нее пазы.

Готово.

Техники ловко отцепили крепления лебедки. Глинн подошел к двери и прислушался. Гидеон слышал, что из коридора снаружи периодически доносятся крики. Глинн тоже их слышал и понимал, что они значат. Подойдя к дальней стене помещения, он открыл установленный там шкаф, и Гидеон искренне поразился тому, что там увидел: внутри содержался целый арсенал огнестрельного оружия. Глинн оценил имеющиеся ресурсы и вытащил пять пистолетов «Кольт» .45 калибра в кобурах, стопку дополнительных магазинов и коробки с пулями. Все это он разложил на рабочем столе.

— Вполне возможно, нам придется защищаться, — сказал он. — Каждому из вас нужно взять по пистолету и по два дополнительных магазина.

Макферлейн быстро вооружился, и Гидеон последовал его примеру. Двое техников

застыли в нерешительности.

— Вы когда-нибудь прежде стреляли? — спросил Глинн.

Один покачал головой, а другой сказал:

— Я не уверен, что готов начать сейчас...

Глинн решил настоять.

— Сейчас не время для сомнений, — он вытащил из кобуры пистолет, вынул из него магазин, продемонстрировал, как вставляя в него патроны и со щелчком вернул его на место. Дополнительно он показал, как работает предохранитель и как заслать патрон в патронник.

— Когда стреляете, держите обе руки на рукоятке. Понятно? — он вручил каждому технику по пистолету. — Сейчас мы находимся в зоне боевых действий. И нам нужно сделать все возможное, чтобы в нынешних условиях доставить бомбу на ангарную палубу.

Гидеон покачал головой, вынул пистолет из кобуры и сунул его за пояс.

Глинн повернулся к бомбе, спокойно лежавшей на тележке.

— А теперь... нам лучше замаскировать ее, — он открыл контейнер со спасательными жилетами — они были размещены на корабле почти повсеместно — вытащил несколько штук и набросил их на бомбу в качестве прикрытия. — Накройте это брезентом.

Техники выполнили указание, в конце скрепив полученную конструкцию ремнями, создав неясный, нераспознаваемый контур.

— И подо что ты это, по-твоему, замаскировал? — поинтересовался Гидеон.

— Под поддон с брусом, — пожал плечами Глинн.

— Что за чушь? Никто не поверит, — воскликнул Гидеон.

— Никто и не спросит. Поехали. Двое спереди, двое сзади. Оружие держать наготове, быть готовыми стрелять в случае необходимости. Сэм, ты будешь прикрывать наш тыл.

Глинн открыл дверь, а один из техников забрался на сиденье моторной тележки, заведя двигатель. Комната для хранения бомбы располагалась глубоко в недрах корабля, поэтому придется проделать путь длиной почти в половину судна и подняться вверх на три уровня, чтобы добраться до ангарной палубы.

Убедившись, что все чисто, Глинн распахнул дверь. До лифта им удалось добраться без инцидентов — они не столкнулись ни с кем из мятежников, и черви тоже не попались им на глаза.

Двери лифта закрылись, и Глинн нажал кнопку «Ангарная палуба». Еще до того, как двери снова раскрылись, Гидеон услышал чьи-то крики. Он достал пистолет, и остальные последовали его примеру.

Наконец, двери открылись, и перед ними предстала группа людей, поджидавшая лифт. Все они также оказались вооружены — видимо, разграбили главный арсенал корабля. Впрочем, оружие не добавляло им хладнокровия: все они выглядели нервными и взволнованными.

— Эй, смотрите-ка, кто тут у нас! — воскликнул один из них, шагнув вперед. — Неужели это сам Эли Глинн?

На миг повисла напряженная тишина. Противников было шестеро против пяти людей Глинна. И у Гидеона сложилось четкое впечатление, что эти люди направлялись к служебным каютам, чтобы присоединиться к мятежникам.

— Вы пойдете с нами, — скомандовал очевидный лидер восстания, наставляя свою AR-15^[44] на Глинна.

Прогремел выстрел, и голова мужчины дернулась назад. Его тело рухнуло на пол, как мешок с мукой, а его винтовка отлетела в сторону. Макферлейн шагнул вперед с дымящимся пистолетом .45 калибра, теперь нацеленным на человека, стоявшего позади лидера.

— Ты следующий, — холодно заявил он.

Звук выстрела, казалось, глубоко шокировал группу и заставил ее в мгновение ока растерять остатки былой бравады. Глинн, тоже подняв пистолет, медленно вышел из лифта, Гидеон и Макферлейн последовали за ним. Глинн махнул техникам, чтобы они вывезли тележку.

Группа мятежников продолжала держать оружие, но стрелять никто из них не решался. Главарь лежал на полу, и из уродливой раны в его голове уже натекла обширная лужа крови. Через несколько секунд из пулевого отверстия показался червь...

Остальные пятеро ахнули от испуга и отшатнулись.

Глинн заговорил с ними удивительно спокойным, даже мягким голосом.

— Будьте осторожны в том, кому доверяете, джентльмены. И, будьте добры, отойдите с дороги.

Группа неуверенно отступила на несколько шагов, позволяя им пройти, но Макферлейн и Гидеон не спешили опускать оружие. Они держали мятежников на прицеле, пока не повернули за угол.

Через несколько минут они вошли в палубный ангар. Он выглядел безлюдным, а его двери были распахнуты настежь. Внутреннее пространство заливал свет ламп, и батискаф «Джон» действительно пропал.

Глинн отпустил двоих техников, приказав им вернуться в Центр управления и присоединиться к команде, занимающейся уничтожением червей.

В дальнем конце помещения неожиданно обнаружился Патрик Брамбелл, его лысина поблескивала в свете ангара, и он с необъяснимой яростью, держа в руках кувалду, набрасывался на подводного робота. Брезент, до этого накрывавший аппарат, валялся неподалеку.

— Стойте! — закричал Глинн, поднимая пистолет.

Брамбелл поднял на него глаза.

— Доктор Глинн. Именно с вами-то я и хотел поговорить, — он еще раз замахнулся кувалдой на подводного робота, и удар сотряс титановую сферу с гулким звоном.

Гидеон сразу оценил то, что над аппаратом уже хорошо поработали: силовая установка была разломана на куски, механическая рука оторвалась, корзина валялась в стороне... да и все остальное, что, видимо, попало под удар, находилось в плачевном состоянии.

— Отойдите от беспилотника, или я выстрелю, — ровным тоном сказал Глинн.

— Вы хоть понимаете, насколько абсурдной была вся эта миссия с самого начала?! — закричал Брамбелл. — Нас посетил веземной разум...

— Я сказал, *отойдите от беспилотника*.

Брамбелл снова обрушил на титановую сферу кувалду.

— Убивать его *неправильно*! Это существо разумно... возможно, оно даже умнее нас...

Глинн перебил его.

— Кто забрал «Джона»?

— Рад, что вы спросили. Доктор Сакс отправилась на переговоры с этим созданием.

— Зачем?

— Потому что ее твердое убеждение — как и мое — заключается в том, что проблемы

нужно решать не насилием, а общением.

— Когда она забрала батискаф?

— Примерно полчаса назад.

В этот момент в дверях ангара возник Мануэль Гарза. Ко всеобщему удивлению, он был без рубашки. Позади него держалась Розмари Вонг — ассистентка Протеро — и техник подводных аппаратов. Глинн бросил на них беглый взгляд и продолжил говорить с Брамбеллом.

— Вы были соучастником этого? — спросил он, все еще держа доктора на прицеле.

— Разумеется, был. Позвольте мне объяснить...

— Хватит объяснений. Отойдите от аппарата и ложитесь на пол лицом вниз.

— Это же смешно! Поймите, беспилотник...

— Он заражен, — покачал головой Макферлейн, — это же очевидно.

— Я? Заражен? Это абсурд! Неужели весь корабль сошел с ума? Я, во всяком случае, прекрасно отдаю отчет всему, что делаю, даже если для вас это не очевидно, — Брамбелл снова поднял кувалду.

Глинн нажал на курок, и оглушительный выстрел прогремел в стенах ангара. На лице Брамбелла возникло удивленное выражение, и он опустил взгляд на свою грудь. Глинн выстрелил снова, и Брамбелл рухнул на пол, словно в замедленной съемке.

Вздохнув, Глинн отступил и повернулся к Гарзе.

— Ты вернулся из машинного отделения?

Гарза тяжело дышал, его голую грудь усеивали бисеринки пота.

— Дела плохи. Нам никогда не остановить этих червей, они размножаются слишком быстро... и они набираются опыта! — покачав головой, он перевел дыхание и указал на Вонг и на техника. — Но есть хорошая новость. Эти двое хотят нам помочь. Они чисты.

— Прекрасно, — Глинн повернулся к мужчине, но прежде чем он успел заговорить, Вонг громко закричала. Червь выскользнул из носа Брамбелла, извиваясь и подпрыгивая. Серый, блестящий от мозговой жидкости, казалось, он готов был искать себе следующего носителя.

С отвращением фыркнув, Макферлейн подошел и наступил на червя, одним махом превратив его в липкую массу. Глинн одобрительно кивнул.

— Оцените ущерб, нанесенный аппарату, — обратился он к технику.

Мужчина кивнул и быстро приступил к исполнению указания.

— Люк все еще запечатан, — возвестил он, открывая его и заглядывая внутрь, подсвечивая себе фонариком. — Внутри все выглядит хорошо.

— Как много времени займет ремонт? — спросил Глинн.

Техник потратил минуту, оценивая ущерб корпуса, затем отступил и развел руками.

— Ну? — надавил Глинн.

— Боюсь, внешний корпус не подлежит восстановлению.

— А как насчет титановой сферы?

— Она не повреждена. Кувалда не смогла бы ей навредить. Но сам аппарат бесполезен: он не сможет опуститься на глубину, двигателя нет, автопилот потерян, связь полностью уничтожена... это просто инертная титановая оболочка.

— Но эта оболочка все еще способна выдержать давление на глубине?

— Да.

— Что насчет плавучести? Она сможет донести заряд?

— Скорее, она сможет с ним затонуть...

— То есть фактически, ядерное оружие можно поместить в титановую сферу, отбуксировать ее до точки детонации и взорвать?

— Отбуксировать? — переспросил Макферлейн. — И на чем же ты собрался его буксировать? Разве украденный батискаф не был последним?

— У нас есть запасной. Припрятанный, так сказать на всякий случай. Мы зовем его «Пит».

— «Пит»?

— В честь Пита Беста^[45], — передернул плечами Гарза, вмешавшись в разговор.

— Итак... — Макферлейн сглотнул и повернулся к технику. — Действительно ли можно доставить бомбу в сфере до точки детонации на буксире?

— Скорее всего, да, — с легким сомнением отозвался техник.

— Ее нужно взорвать на высоте шестисот футов над «Ролваагом», — сказал Макферлейн. — Выше или ниже этой точки нужный эффект вряд ли будет достигнут.

— Все верно, — подтвердил Гидеон. — Симуляция на скорую руку, которую нам пришлось провести, показала, что шестисот футов является оптимальной высотой для термической детонации. Показатели начинают ухудшаться по мере приближения к корпусу.

— Другими словами, у нас самоубийственная миссия, — подвел итог Глинн.

Повисла тишина.

— Кто-то должен отправиться на «Пите», доставить ядерное оружие до точки в шестисот футов над «Ролваагом» и держать его там до самой детонации.

— Почему нельзя просто опустить его на кабеле? — спросил Макферлейн.

— Если бомба взорвется строго под «Батавией», — покачал головой Гидеон, — ударная волна просто уничтожит корабль. Судно должно находиться от места взрыва, как минимум, в шести морских милях.

— Разве эта жертва не стоит того, чтобы ее принести? Ну и черт с ним, корабль затонет. Но у нас есть спасательные шлюпки...

— Есть множество причин, по которым это не сработает, — ответил Глинн. — И не последней из них является то, что на борту творится полный хаос.

Это заявление было встречено новым затяжным молчанием.

Наконец, заговорил Макферлейн.

— Я это сделаю. Я возьму «Пита» и доставлю бомбу.

Глинн внушительно посмотрел на него.

— Нет. Ты никогда не управлял батискафом. Эта операция будет слишком сложна для тебя.

Его взгляд обратился к Гидеону.

— Гидеон, — кивнул он, — очевидный выбор падает на тебя, — прежде, чем ученый успел что-либо на это ответить, Глинн продолжил. — Ты болен. И ты умираешь. Вылечить тебя невозможно, и мы оба это знаем. Через девять месяцев ты, в любом случае, умрешь. Ты мог бы обменять эти девять месяцев жизни на спасение мира. Увы, у меня нет времени облекать этот факт для тебя в красивую обертку: ты сам видишь, как у нас обстоят дела.

Он излагал эти откровенные истины спокойным, унылым и ровным тоном, словно бухгалтер, читающий клиенту его данные по счету. Гидеон застыл полностью ошеломленный и пораженный. Глинн вздохнул:

— Человек, который смотрит в лицо смерти — особенный человек. Он может делать

исключительные вещи. И это — одна из таких вещей.

Гидеон не сразу сумел найти, что ответить.

Тишина была нарушена внезапным саркастическим смехом Макферлейна, и все взгляды обратились в его сторону.

— Ну и ну, — горько рассмеялся он. — Похоже, что иногда даже самая маниакальная одержимость может принести положительные результаты, — он довольно сильно хлопнул Глинна по плечу. — Палмер Ллойд был бы тобой доволен, — он повернулся к Гидеону и протянул ему руку. — Что ж, честь тебе и хвала, коллега. Теперь спасение всего мира зависит от тебя.

Эйвен Винтер откинулся на спинку кресла в небольшой пристройке, примыкавшей к комнате отдыха. Рядом с ним стоял офицер безопасности Оукс, присоединившийся к мятежу в то же самое время, что и он. От ноющей боли Винтер чувствовал себя измученным, но вместе с тем он испытывал некую отрешенность, которая — по его разумению — была признаком шока от полученных огнестрельных ранений. Ни одна из его ран не была смертельной, но они делали его бессильным. Провал операции по захвату мостика временно деморализовал группу.

Но теперь баланс сил снова склонился в их сторону.

— Позовите Мастерсона, — сказал Винтер Оуксу.

— Да, сэр.

Теперь его задача заключалась в том, чтобы как следует замотивировать Мастерсона. Винтер успел заметить, что Мастерсон играл в этом восстании ключевую роль: он умел вербовать людей, он был хорошим человеком, люди доверяли ему. Будучи вторым помощником инженера, он хорошо знал, как функционируют системы корабля и, если придется, мог взять на себя управление. К этому моменту многие присоединились к мятежу — почти все, находящиеся на борту, кто не был парализован растущим хаосом и ужасом. Центр управления был нейтрализован. Даже некоторые офицеры службы безопасности, отправленные выкурить мятежников из служебных кают, перешли на их сторону. Единственными, кто оказывал сопротивление, были капитан и офицеры мостика вместе с высшим руководством ЭИР — Глинном и его группой. Ситуация была такова, что мятежники могли легко добраться до мостика без единого выстрела. Загвоздка для них заключалась лишь во вскрытии дверей мостика: этот последний рубеж обороны был спроектирован таким образом, чтобы не допустить проникновения внутрь мятежников, террористов, а также всех остальных, кто вознамерится перехватить контроль над судном.

Мастерсон подошел к двери.

— Как у вас дела? — спросил он.

Винтер прекрасно видел, что Мастерсону требуется рука наставника, ему явно нужны были вдохновение и поддержка. Он пожал их идейному лидеру руку, поморщившись от боли.

— Жить буду, — он чуть помедлил, выдерживая театральную паузу. — Особенно, если нам удастся доставить корабль в порт Ушуайи.

Мастерсон, похоже, колебался.

— Двери на мостик...

— Грэг, я все устроил. Оукс нашел на оружейном складе немного взрывчатки С4. Он знает, как разнести эти двери ко всем чертям, — это было не совсем правдой, но Оукс действительно прошел небольшую подготовку по работе со взрывчаткой в учебном лагере. — Взорви дверь, и тогда ты сможешь попасть внутрь. У тебя есть люди, есть цель и есть оружие.

— Я знаю, но... но мостик вооружен до зубов...

— Если мы не захватим управление кораблем и не уберемся отсюда, мы все покойники. Пятьдесят восемь часов до безопасности — просто держи эту цифру у себя в голове. Пятьдесят восемь часов — и все это закончится.

Мастерсон кивнул.

— Ты — лидер. Все смотрят на тебя. Ты это начал, и, слава Богу, что ты это сделал. А теперь собери всех и доведи дело до конца. Позволь мне рассказать тебе свой план, — он чуть наклонился, задохнувшись от боли и помедлил несколько мгновений, восстанавливая дыхание. — Блицкриг — наша единственная возможность. Но в то же время важно убедиться, что мостик не будет поврежден.

Он приманил Мастерсона еще ближе к себе и начал объяснять, как должна быть проведена важнейшая операция этого мятежа.

***

Капитан Талли стоял рядом с рулевым. Как и любой хороший капитан, он сохранял внешнее спокойствие, хотя внутри него бушевала буря. Его корабль был погружен в полный хаос, порядок полетел ко всем чертям. Повсюду были черви — по крайней мере, на нижних уровнях судна. Мятеж привел к смерти его старшего офицера и дозорного, многие получили ранения, и кровь на полу мостика оставалась тому немым подтверждением. Мятежники захватили контроль над каналом внутренней связи корабля и постоянно передавали сообщения, призывавшие персонал и экипаж присоединиться к бунту, в то время как все остальные средства связи оказались повреждены или заблокированы зараженными диверсантами. Многие люди были захвачены червями, и ухудшало ситуацию то, что невозможно было безошибочно определить, кто инфицирован, а кто нет.

Талли был уверен, что окружавшие его офицеры не подверглись воздействию паразитов: на мостике червей обнаружено не было. Но на всякий случай он приказал всем присутствующим смотреть в оба и прикрывать друг другу спины.

Он взглянул на рукописные приказы Глинна, которые принес ему Мануэль Гарза. Миссия продолжалась: они собирались взорвать бомбу. Корабль должен был оставаться на месте до тех пор, пока не поступит директива двигаться полным ходом в направлении истинного севера, чтобы избежать ударной волны взрыва. Гарза привел с собой двух офицеров службы безопасности, которые должны были возглавить оборону, если случится новое нападение.

— Только двое, — сокрушенно объяснил Гарза. — Больше людей я найти не смог.

Не требовалось пояснять, что остальные были либо заражены, либо ненадежны, либо присоединились к мятежу — либо все это вместе взятое.

Талли знал, что вторая атака на мостик неминуема. И как только эта мысль пришла ему в голову, мощный взрыв сбил его с ног.

Бомба была помещена в титановую сферу, оставшуюся от ТНПА, и закреплена в каркасе, предназначенном для ее транспортировки. Это заняло большую часть и без того тесного внутреннего пространства. Опираясь на люк, Гидеон в последний раз проверил устройство, осмотрев всевозможные критические узлы — все оставалось в рабочем состоянии.

— Теперь нужно активировать бомбу и установить таймер, — сказал он. — На сколько ставить?

— Сколько нам потребуется, чтобы прибыть на позицию? — спросил Глинн у Гарзы, который только что вернулся, выполнив задание на мостике.

— Примерно тридцать минут плюс-минус, — отозвался тот.

— Я хотел бы добавить к этому запас в пятнадцать минут на случай непредвиденных обстоятельств. Если добавим больше — ты рискуешь нарваться на агрессивный отпор Баобаба. Меньше — и при возникновении форс-мажора, ты не успеешь добраться до расчетной точки взрыва. Итак... механизм дистанционного управления бомбой отключен?

Гидеон кивнул.

— Хорошо. Как только окажешься под водой, ты уже не сможешь отменить обратный отсчет. Таймер будет запущен, дороги назад не останется.

Гидеон снова кивнул. Затем он повернулся к бомбе и набрал код «ARM». Это активировало светодиодный экран таймера. Появилось сообщение о том, что оружие готово к использованию. Следующим своим действием он осторожно установил таймер на 45 минут и нажал «ПОДТВЕРДИТЬ».

Итак... жить осталось сорок пять минут.

Техник закрыл и запечатал люк титановой сферы. Гидеон развернулся и зашагал по ангарной палубе к «Питу», который уже вывезли из укрытия и поместили под кран, подготовив к погружению. В утреннем свете он мерцал, как причудливая мультяшная субмарина.

Вскоре к «Питу» прикрепили робота-подводника, использовав для этой цели прочный буксировочный трос. Эти два объекта должны были быть аккуратно опущены в воду в тандеме — невероятно сложная и кропотливая операция.

Гидеон уставился на «Пита». Лестница была придвинута, люк открыт. Все было готово, чтобы он забрался внутрь... но он не двигался.

— Я отключил ИскИн «Пита» вручную, — тихо сообщил Глинн, стоя у лестницы батискафа, — и предотвратил любую возможность остановить тебя дистанционно. Контроль над субмариной нельзя будет перехватить даже из Центра управления — он выдержал небольшую паузу, тяжело вздохнув. — Пора.

Гидеон облизнул вмиг пересохшие губы, а затем подошел к лестнице.

— Удачи, — пожелала Розмари Вонг.

— Удачи, — с грустной улыбкой вторил ей Сэм Макферлейн.

— Удачи, — кивнул Глинн. Он протянул руку, и Гидеон пожал ее. Макферлейн молча сделал то же самое. На этом Гидеон повернулся и ухватился на холодную сталь лестницы, он замешкался всего на мгновение, а затем поднялся. Техник был занят управлением краном.

Все, кто остался — Макферлейн, Глинн, Гарза и Розмари Вонг — как скромная группа поддержки, выстроились на палубе, наблюдая за ним. Гарза поднял руку в прощальном жесте.

Гидеон в последний раз огляделся, запоминая восход солнца, фантастические фигуры айсбергов и отдаленное темное облако на горизонте, предвещавшее надвигающийся шторм. Затем Гидеон заглянул вглубь батискафа через люк, схватился за верхние поручни, качнулся и спустился вниз. Расположившись на сидении для экипажа, он услышал, как над его головой задраили люк. Почти сразу он почувствовал, как кран поднял батискаф и стал опускать его в воду.

Из-за срочности весь перечень проверок, обычно предшествующих погружению, пришлось пропустить. «Пит» был запасным батискафом, и никто не ожидал, что его придется использовать. Последний раз его проверяли в Вудс-Хоул два месяца назад. Нужно быть готовым к тому, что в любой момент с ним может случиться какой-нибудь сбой.

В этом случае Гидеон понимал, что просто умрет на несколько минут раньше. Об этом не стоило даже беспокоиться. Лучше было подумать о смерти Алекс Лиспенард и о ее жуткой жизни после смерти. Ее мозг каким-то образом сохранил сознание, будучи захороненным глубоко под морским дном и связанным с чертовым Баобабом. Как странно и ужасно это должно было ощущаться — быть отрезанным от собственного сенсорного восприятия, но при этом сохранить возможность мыслить и осознавать, что ты поработен чужеродным разумом, подчинившим тебя посредством симбиоза с паразитом. Это даже представить было жутко. Но он сможет спасти Алекс — убив ее.

Гидеон пристегнулся и вздохнул.

Что ж... ему предстояла одинокая поездка в один конец в сторону забвения.

***

Капитан Талли медленно приходил в сознание. Он обнаружил себя лежащим на палубе, в голове у него нещадно гудело, в ушах стоял звон, а нос улавливал едкий запах дыма. Мгновение спустя, когда в голове прояснилось, и воспоминания вернулись, его рука метнулась к оружию, пытаясь его найти.

Из серого мрака выступили две фигуры. Они схватили его, отняли оружие, бросили на живот, и он почувствовал, как холодная сталь обхватывает его запястья. Капитан попытался заговорить, но его заставили замолчать ударом по голове.

Дым начал понемногу рассеиваться, и со своего нынешнего угла обзора — лежа на полу на животе — он увидел других офицеров мостика, также как и он, закованных в наручники. Их тащили к задней переборке. Все случилось так быстро! Это была хорошо спланированная и исполненная военная операция.

— Значит, это вы, Мастерсон, — пробормотал капитан, узнав одного из мятежников.

— Да. И я сожалею, капитан, но мы лишаем вас права управлять кораблем. Мы вытащим нас всех отсюда — нам нельзя больше рисковать и оставаться здесь.

Талли подняли на ноги и отвели к задней переборке, где приковали цепями. Вскоре к нему присоединились штурман и второй офицер. Через минуту весь экипаж, отказавшийся

примкнуть к мятежникам, оказался в цепях. Когда дым на мостике окончательно рассеялся, Талли увидел на полу несколько тел — оба человека Гарзы и один подающий надежды матрос были расстреляны: видимо, они приняли основной удар мятежников на себя. Окна мостика, примыкавшие к двери со стороны левого борта, были выбиты, несколько других покрылись паутиной трещин. Основная навигационная станция — с радарными и картплоттерами — имела сильно поврежденный вид, но мятежников это почему-то не пугало: они выглядели спокойными и организованными. В аварийной ситуации отказ некоторых основных элементов управления позволял полностью отключить судно от мостика и напрямую в ручном режиме воспользоваться консолью управления двигателем.

Теперь капитан Талли догадался, что именно собирался сделать Мастерсон. Будучи вторым помощником инженера, он был способен управлять двигателем и двигательными установками...

А остальные? Они — могли управлять судном?

Он огляделся. С мятежниками был помощник штурмана. У них был свой рулевой, свои дозорные, лучший из оставшихся инженеров-электротехников корабля и несколько способных матросов. И хотя навигационная электроника была, похоже, сильно повреждена взрывом, в распоряжении мятежников все еще были другие функционирующие навигационные приборы и люди, которые умели ими пользоваться. Необходимые GPS-координаты можно было получить с банального сотового! Но оценив ущерб в целом, Талли понял, что все это сильно замедлит их. Что ж, поездка в Ушуайю будет *очень долгой*.

Он молча наблюдал, как мятежники занимаются своими делами, действуя сосредоточенно и методично.

Тем временем, пока Талли производил в голове мысленную оценку всего случившегося, он вдруг почувствовал гул двигателей и понял, что корабль пришел в движение.

Мятежники явно не стали тратить время даром и рванули с места в карьер.

Кран поднял батискаф «Пит» в воздух, и Гидеон почувствовал уже ставшее знакомым ему покачивание, когда его перевесили за борт. В нижнем обзорном окне он мельком увидел кормовую палубу, и небольшую толпу, наблюдавшую за ним, а затем аппарат стал опускаться. Он бросил последний взгляд на поверхность океана. Его внимание привлекла масса бурлящей пенной воды, вырывающаяся из-под кормы корабля. Что это значило? Неужели «Батавия» снялась с якоря?

Его размышления были прерваны довольно жесткой посадкой на воду, которая к тому же усугубилась толчками от набиравшего скорость судна. Пузыри закружились вокруг фронтального иллюминатора, и Гидеон услышал лязг отцепившихся крепления, когда «Пита» и его спутника, робота-подводника, освободили от крана.

Как только их перестало что-либо удерживать, Гидеон ощутил практически невесомость из-за резкого, тошнотворного рывка вниз со все возрастающей скоростью. В нижнем иллюминаторе он видел тяжелую сферу робота, висевшую под ним болтающимся мертвым грузом — она-то и утягивала его батискаф на глубину, словно камень утопленника. За какие-то считанные мгновения цвет воды стремительно поменялся от темно-синего до почти черного, скорость погружения аппарата составляла порядка сотни футов в секунду, это было стремительное падение в океанскую бездну.

Сердце ушло в пятки, Гидеон ринулся к панели управления «Пита». Если ему не удастся остановить этот спуск и быстро, то он рухнет на морское дно и все будет кончено. Действуя быстро, он поочередно продул балластные цистерны, наполнив их воздухом, тем самым увеличив плавучесть. Но даже после этого маневра мини-подлодка продолжала тонуть словно камень. Сражаясь с паникой, он сообразил, что есть нечто еще, что он мог бы сделать — сбросить балласт. Предполагалось, что когда придет время подняться на поверхность, он сбросит все четыре веса, но только ни в этот раз — ему больше не суждено увидеть закат над океаном.

Нажав кнопку, он сбросил один вес. Спуск замедлился, но батискаф пошел боком, довольно сильно накренившись. В следующую секунду он сбросил груз с другой стороны, и спуск еще больше замедлился. Но аппарат, сейчас абсолютно разбалансированный, теперь давал крен в полные двадцать градусов.

Стремительное погружение на дно прекратилось. Гидеон откинулся на спинку сидения со вздохом облегчения.

Отлично. Просто замечательно. Теперь я могу умереть так, как и запланировал.

В нижнем обзорном окне, в свете ходовых огней, он видел, что сфера робота-подводника болтается на тросе, медленно раскачиваясь из стороны в сторону, заставляя его собственную мини-подлодку раскачиваться вместе с ней.

Он взглянул на таймер, отсчитывающий бег времени в углу главного монитора. Сорок минут.

На какой же глубине он находится? У него даже не было времени включить многочисленные электронные и механические системы подлодки. Гидеон принялся исправлять эту оплошность, активируя все самое необходимое — двигатели тяги, гидролокатор, глубиномер, видеокамеры, системы жизнеобеспечения. Замигало множество

экранов, и электроника начала загружаться.

Ему казалось, что на то, чтобы вся цепочка последних событий произошла, понадобилась вечность, но на самом деле после отцепки крана прошла лишь пара минут. По глубиномеру он установил, что преодолел уже три тысячи футов и продолжает погружаться, хотя и со скоростью всего несколько футов в секунду. Батискаф оставался в наклоненном состоянии. Было чертовски неудобно сидеть, согнувшись в одну сторону, но он напомнил себе, что это продлится только следующие... тридцать семь минут.

Теперь ему нужно было выяснить, где по отношению к нему находилось место крушения «Ролваага». Гидролокатор не показывал ничего, кроме пустого морского дна. Он увеличил мощность, ища в качестве ориентира контрастное пятно обломков, но его нигде не было видно. Он также не мог найти сонарное облако, окружавшее Баобаба. Гидеон так и этак возился с элементами управления, меняя мощность, но под ним простиралось неизменное пустое дно. Каким-то образом он сильно удалился от целевой зоны. Какое расстояние успела пройти «Батавия» до того, как его опустили в океан?

Гидеон почувствовал нарастающую панику. Оставалось тридцать пять минут, а он понятия не имел, где находился. Нет, он не боялся смерти... но и не хотел умирать напрасно, ни в коем разе.

И тут его осенило: чертов раструб сонара наклонен и смотрит вбок! Мог ли он это исправить изнутри, так сказать, переориентировать его? Да, мог. Он поработал с тумблерами, скорректировав смещение в двадцать градусов, — и на экране, к его облегчению, замаячило пятно «Ролваага» и странное сонарное облако, указывающее на присутствие Баобаба.

Местоположение его батискафа значило примерно в полумиле к северу от этого монстра. Прекрасная позиция! Было бы настоящим безумием спуститься прямо к цели: он стал бы легкой добычей Баобаба, который наверняка бы засек его присутствие. Но если он продолжит спуск по нынешней траектории в полумиле от существа, то прибудет на дно океана так, что между ним и Баобабом окажется «Ролвааг».

У Гидеона мгновенно созрел план. По завершении спуска он пойдет на сближение с Баобабом, оставаясь незамеченным им, используя громадный каркас корабля в качестве прикрытия. Затем он спрячется за обломками крушения, все также невидимый для монстра, и оттуда-то, за две минуты до детонации, он и поднимет субмарину на шестьсот футов вверх и оставит ее в той точке до конца.

Время поджимало. Он наполнил одну из балластных емкостей морской водой, и батискаф стал спускаться быстрее.

Тридцать минут до детонации.

Через четыре минуты в поле зрения появилось морское дно. Он быстро продул балластную емкость и вернул «Пита» к нейтральной плавучести. Медленно, степенно, он позволил субмарине дрейфовать вниз, пока сфера робота-подводника не зависла всего в двадцати футах над морским дном. Затем он двинулся вперед, в сторону «Ролваага», отстоящего от него на полмили, все время держа обломки крушения между собой и Баобабом.

Это был сущий ад — контролировать батискаф с тяжелой бомбой, болтающейся у него под брюхом. Она ни на секунду не прекращала раскачиваться, представляя собой своеобразный маятник и увлекая «Пита» вслед за собой — туда и обратно, из стороны в сторону — из-за чего требовались постоянные корректировки курса. Но Гидеон очень

быстро наловчился, и через несколько минут над ним вздыбилась громадина «Ролваага». Он замедлил ход, подводя «Пита» под прикрытие корабля, не осмелившись выключить свет во время продвижения. Ему оставалось только надеяться, что Баобаб не заметит свечение.

Два обломка крушения нависли над ним, большой проржавевший корпус уходил вверх, теряясь во мраке. Батискаф замер в нескольких шагах от него, хорошо скрытый от Баобаба. Гидеон отключил внешние ходовые огни и перед последним рывком приготовился немного подождать. Смешно: теперь, когда он столкнулся со смертью — неминуемой смертью — в его голове не было ни единой мысли. Только последовательность шагов, которые он должен был выполнить, чтобы разместить бомбу в нужной точке, тем самым завершив свою миссию. По его губам скользнула мрачная улыбка.

Вот, какова цена спасения мира.

Двадцать четыре минуты.

Внезапно в обзорном иллюминаторе правого борта Гидеон увидел приближающиеся огни. Яркие огни. Он на миг застыл, пребывая в замешательстве: что, черт возьми, это было? Он включил собственные ходовые огни и с бескрайним удивлением увидел, что батискаф «Джон» несется прямо на него на полной скорости.

Эли Глинн внезапно почувствовал вибрацию судовых двигателей и сразу понял, что произошло.

— Какого черта? — рывкнул Гарза. — Капитан не получал приказ сняться с якоря!

— Это не капитан, — спокойно отозвался Глинн. — Мятежники, должно быть, захватили мостик.

Гарза покачал головой.

— Ну, они все же немного опоздали, не так ли?

— Кажется, да.

— Матерь Божия, — пробормотал Гарза, глядя на то место океанской водной глади, где скрылся батискаф Гидеона. — Смелый он все же парень. Для такого поступка требуется недюжинное мужество. Даже для умирающего.

— Это еще не конец, — пробормотал Сэм Макферлейн.

Глинн взглянул на него. Лицо охотника за метеоритами выглядело сильно изможденным, в дополнение к этому глубоко впалые глаза с черными кругами придавали ему сходство с призраком.

— Гидеон, может, немного и сумасшедший, — сказал Гарза, — но он к тому же чертовски удачливый сукин сын. Настоящий баловень судьбы. Чует мое сердце, с ним еще не покончено.

Послышались крики, и Глинн увидел группу вооруженных мятежников, бегущих к ним по кормовой палубе с оружием наперевес. Техник батискафов взглянул на них, и поспешил укрыться в ангаре, но не успел. Пришла вспышка выстрела, и он рухнул, распластавшись на палубе.

Мятежники окружили их и, тыкая стволами орудий, стали выкрикивать приказы:

— Ложись! На палубу! Лицом вниз! Быстро! Держите руки, чтоб я их видел.

С поднятыми руками Глинн, Макферлейн, Гарза и Вонг оказались окружены. Они опустили на колени и послушно легли на живот. Мужчины обыскали их, забрали оружие, заковали в наручники и подняли на ноги. Глинн заметил, что у одного из мужчин на рубашке были пятна крови — казалось, что у него недавно из носа шла кровь.

— Где робот-подводник? — спросил тот самый с окровавленным носом. — Что здесь произошло?

— А здесь произошло то, что вы, ублюдки, опоздали, — рыкнул Гарза, сплюнув на палубу. Мужчины уставились на него в полном замешательстве.

— Что значит, «опоздали»?

— Увидите.

— Мы собираемся запереть вас в трюме, чтобы у нас не было больше из-за вас неприятностей, — сказал человек в окровавленной рубашке. — Вперед. Шагайте.

Пока они шли, Глинн отметил, что большая часть ужаса и хаоса, прежде бушевавших на корабле, поутихла. Дисциплина на борту судна стала более организованной, экипаж вернулся к исправному исполнению своих обязанностей. В воздухе чувствовалось тревожное неестественное спокойствие. Вопрос заключался в том: было ли это потому, что они наконец-то удалялись от опасности и направлялись в порт... или потому, что большая часть

экипажа теперь была заражена?

Взгляд Глинна упал на лаборанта Протеро, Розмари Вонг. Ее лабораторный халат был забрызган кровью.

— Вы ранены? — забеспокоился он.

— Это не моя кровь, — отмахнулась она. — Вы знаете, что происходит, ведь так?

— Боюсь, что знаю.

Она понизила голос.

— Они почти все заражены.

Глинн кивнул.

— И нас ждет та же участь. Они запрут нас в кишасщем червями трюме, чтобы мы тоже смогли присоединиться к делу, стать частью их команды.

Глинн вдруг почувствовал, что силы его на исходе. Но Баобаб еще не победил, Гидеону удастся убить его. Об ином даже думать не стоило. Он задался вопросом, что произойдет, когда кишасщий червяками корабль с зараженным паразитами экипажем пришвартуется в Ушуайе. Но он почти сразу понял, что беспокойство об этом излишне. Если Баобаб окажется ликвидирован, инфицированная команда станет ни на что не годной, ею попросту некому будет управлять. С другой стороны, если Гидеону не удастся выполнить свою миссию... тогда уничтожение мира станет лишь вопросом времени.

Он взглянул на часы: двадцать шесть минут до взрыва. Как только они спустились на уровень ниже, он заметил, что что-то не так: учитывая гул двигателя и ощущение движения вперед, стало ясно, что корабль не движется со своей расчетной крейсерской скоростью в двенадцать узлов. Вместо этого создалось впечатление, что он делает около четырех или пяти. Почему так происходит, было непонятно. Но с такой скоростью корабль точно не успевал покинуть шестимильный радиус вероятной ударной волны от взрыва. *Возможно, это станет решением проблемы заражения червями,* — мрачно подумал Глинн, когда они спустились в темноту трюма.

Через переборку их поочередно втолкнули в сырое, гулкое помещение, затерянное в самых недрах корабля. Дверь захлопнулась, с внешней стороны щелкнул замок, пленников окутала абсолютная тьма.

И затем, сразу и со всех сторон, они услышали шелестящие и царапающие звуки.

Гидеон видел, что «Джон» вознамерился исполнить маневр камикадзе — очевидно, что его ИскИн был отключен или перепрограммирован, и мини-субмарина хотела его протаранить. Он увеличил число оборотов и развернул «Пита» лицом к «Джону», в то же время давая ему команду подняться как можно быстрее. Но мертвый груз в виде ядерной бомбы делал его батискаф неповоротливым и с трудом поддающимся маневрированию. Гидеон быстро сообразил, что в первую очередь должен защитить от повреждения шесть ходовых винтов, расположенных сзади аппарата.

Все происходило, как в замедленной съемке: винты натужно гудели, прожекторы противника приближались, батискаф Гидеона мучительно медленно поднимался, а привязанная ядерная бомба нещадно болталась. «Джон» двигался быстро, но несколько дергано, и — либо из-за неумелого управления, либо из-за недооценки возможностей аппарата — он пропустил рывок «Пита», проскочившего мимо него боком. Как раз в тот момент, когда Гидеон проносился мимо атаковавшего его аппарата, через иллюминатор он увидел, как Антонелла Сакс сражается с управлением, изо всех сил стараясь обуздать батискаф без помощи автопилота. Это было невероятно жутко наблюдать: ведущий экзобиолог в рабстве инопланетной формы жизни. Что, черт возьми, она замыслила?

Сейчас по инерции «Пит» поднимался быстрее, но Гидеон через нижнее обзорное окно видел, что субмарина Сакс сделала петлю, развернулась и снова направилась к нему. Гидеон понял, что она нацелилась на его корму, желая поразить силовую установку.

На него снизошло понимание, что он ничего не мог сделать, чтобы избежать удара. Быстро передвинув джойстик, он развернул аппарат так, чтобы прикрыть корпусом винты, и стал беспомощно наблюдать, как «Джон» несется на него. Во фронтальном обзорном иллюминаторе виднелось спокойное, целеустремленное лицо Сакс, немного искаженное гримасой ярости.

Последовало ужасающее столкновение, грохот и скрежет, его мини-субмарину отбросило далеко в сторону, а самого Гидеона сильно швырнуло вперед — к счастью его удержали страховочные ремни. Монитор треснул, и в модуль экипажа брызнул фонтан искр. Но титановая сфера выдержала, она была рассчитана с таким запасом прочности, чтобы противостоять огромному давлению, намного превосходящему силу любого удара. Как ни крути, Сакс не могла его потопить тараня, но она могла помешать доставить ему оружие на необходимую высоту.

Шестнадцать минут.

Когда его поднимающаяся подлодка преодолела верхний край «Ролваага», ему открылся прекрасный обзор Баобаба. Гидеон был шокирован его внешним видом: существо светилось какой-то внутренней флуоресценцией. Гигантская, полупрозрачная, зеленовато-желтая штуковина, сейчас не так уж сильно походила на дерево, скорее ее можно было принять за необъятный полип, набухающий и сжимающийся по мере того, как он втягивал и выпускал воду.

Гидеон задался вопросом, была ли у Сакс включена внутренняя связь. Если бы только у него был шанс, может быть, ему бы удалось отговорить ее от безумной защиты Баобаба. Он щелкнул тумблером.

— Антонелла! — громко позвал он. — Ты меня слышишь?

«Джон» заходил на еще один виток тарана. К его удивлению, он услышал ее голос, спокойный и ясный:

— Слышу тебя громко и четко.

— Что, черт возьми, ты творишь?

— Вопрос в том, что творишь *ты*?

— Я пытаюсь убить то, что вознамерилось уничтожить Землю. Разве ты не понимаешь, что инфицирована? Ты марионетка инопланетного монстра! Тобой просто манипулируют!

Сакс негромко рассмеялась.

— Значит, тобой тоже, Гидеон. Тебе напрочь задурили голову. Эта великолепная и разумная форма жизни пришла на Землю, и какова наша реакция на это? *Убить ее*. Это печально!

— Да, убить. Потому что это паразит, и он уничтожит нашу планету, если мы не уничтожим его первыми.

Еще один сдержанный смех.

— Ты ничего о нем не знаешь. *Я разговаривала с ним*, Гидеон. Это невероятный, ни с чем несравненный опыт. Теперь я знаю, чего он хочет, о чем он думает, что он чувствует. Он пришел сюда с миром и добрыми намерениями — и он не может понять, почему вы хотите его уничтожить.

Это были безумие. И тут он увидел, что помимо передачи ее голоса, по каналу связи приходит что-то еще, что-то вроде потока данных. Неужели она пыталась взломать его аппарат? И как только он собрался отключить связь, ее ГОА спикировал на него, как ястреб. Он повернул «Пита», пытаясь защитить двигатель, но тут он заметил, что на этот раз Сакс взяла курс слишком низко.

Она хочет протаранить беспилотник с ядерной бомбой.

Он заложил джойстик в реверс и замедлил свое восхождение, только благодаря этому она не попала в работа-подводника. Но к абсолютному ужасу Гидеона его маневр всего лишь вынудил ее промахнуться мимо сферы с бомбой, но не отказаться от намерения. Не растерявшись, женщина проскользнула чуть выше цели, и роботизированная рука «Джона» ловко перерезала несущий ее буксировочный трос. Он разорвался с хлестким рывком, и через нижний видовой экран Гидеон увидел, что сфера работа-подводника камнем упала в обломки «Ролваага» и исчезла в темноте большой дыры корпуса.

Внезапно освободившись от веса бомбы «Пит» рванул вверх, как воздушный пузырь, набирая скорость и мчась все быстрее и быстрее. «Джон» теперь выделялся во мраке далеко внизу в виде быстро уменьшающегося скопления огней. В боковом иллюминаторе Гидеона открывался необычный вид на гигантское светящееся существо, от которого он не мог оторвать глаз. Пока он всплывал вдоль ствола твари, ее ротовое отверстие раздувалось и сжималось, она угрожающе тянула к нему свои ветви-щупальца, но аппарат двигался настолько быстро и проворно, что она не успела его схватить. Через несколько минут ГОА выскочил на поверхность океана, он совершил несколько кульбитов и переворотов, как бильярдный шар, прежде чем, наконец, выровнялся.

В глубоком изумлении Гидеон смотрел во фронтальное обзорное окно. «Пит» покачивался на волнах, словно пробка, а в нескольких милях впереди него маячил удаляющийся силуэт «Батавии».

Он взглянул на обратный отсчет. Двенадцать минут.

Ну и черт с ним, — подумал Гидеон. Его миссия потерпела неудачу, но он все еще мог попытаться спасти свою задницу.

Решительно он передвинул джойстик вперед и направил подлодку вслед за уходящим кораблем.

Девять минут до детонации.

Он упорно удерживал джойстик в положении «полный вперед», но ГОА слишком медленно продвигался по поверхности, тормозимый бурным морем, сообщавшим о скором приходе шторма. В лучшем случае он делал несколько узлов. По какой-то причине, «Батавия» не шла на максимальной скорости, но, тем не менее, она все же двигалась быстрее, чем он... и при таком раскладе ему никогда ее не догнать.

Восемь минут.

Жаль это признавать, но бомба затерялась в обломках «Ролваага». Моделирование на скорую руку, которое он успел сделать за то короткое время, что у него имелось, показало, что сила взрыва бомбы, сдетонировавшей на обломках «Ролваага» или внутри них, вероятно, окажется недостаточной: стальная обшивка судна поглотит большую часть ударной волны. Он мог только надеяться, что его расчеты были ошибочны.

Шесть минут.

Он знал, что «Батавия» должна быть как минимум в шести милях от точки детонации, или ударная волна разорвет ее корпус. Не было ни единого шанса, что «Пит» успеет покинуть зону поражения, и, наблюдая, насколько неспешно двигалась «Батавия», Гидеон понял, что ей тоже никак не успеть.

Четыре минуты.

При его текущей скорости в два узла он будет всего лишь в трех милях от «Ролваага», когда рванет бомба. Два в квадрате плюс три в квадрате... это ж получается какой-то проклятый квадратный корень из тринадцати! Сколько это? Примерно, три с половиной мили — это и будет расстояние по прямой от него до точки взрыва.

Две минуты.

Гидеон яростно отбросил все мысли о детонации. Вместо этого он стал думать об Алекс. Он припомнил ее лицо настолько явственно, как будто видел ее перед собой вживую. Он думал о ней: о ее улыбке, смехе, искрящихся глазах, и этот ее образ позволил ему забыть об инопланетном монстре. Так для него было лучше.

Минута.

Сначала пришел свет — в нижнем обзорном иллюминаторе возникла разрастающаяся тусклая вспышка. Через три секунды пришла ударная волна. Казалось, что весь дух из Гидеона вышиб гигантский кулак, и в одно мгновение все его сознание поглотила чернота.

После того, как тюремщик запечатал люк, Эли Глинн еще некоторое время слышал поступь его удаляющихся шагов. Их поместили в самую нижнюю часть трюма, именуемую лазаретной, где располагался рулевой механизм корабля и закрытые кожухами корпус *a* азимутального двигателя. Здесь было темно и жарко. Он улавливал, что по полу разносилась вибрация от воды, скользившей по стальному корпусу судна, и слышал сосательные звуки трюмного насоса.

Он также слышал усиливающийся шум вокруг них, шорохи и царапанье: черви, выползали из своих укрытий.

— Ученый во мне, — сказала Вонг, — задается вопросом, как это работает. Я имею в виду: сначала, червь забирается к вам в нос, а потом в мозг, и вот, вы уже выполняете все его приказы. И при этом вы даже не догадываетесь, что делаете это, что подчиняетесь чужой воле. Как инфицированные люди рационализируют свои действия?

Глинн воспринял ее вопрос, как некую возможность успокоиться и ненадолго отвлечься от основной проблемы.

— Люди, — ответил он, — имеют безграничные способности к рационализации и самообману. Черви просто подключаются к этой их способности.

— Да, это правда. Но наблюдается ли у вас амнезия? Помните ли вы червяка, ползущего по вашему носу?

— Полагаю, все мы это скоро узнаем, — пробормотал Макферлейн.

Стоя в темноте Глинн жалел, что не может взглянуть на свои часы, ему бы очень хотелось узнать точное время. До взрыва оставалось всего несколько минут. А еще он желал бы знать, находился ли корабль внутри опасной зоны или же успел покинуть ее. В случае первого варианта он очень надеялся, что разрушение судна будет быстрым.

Макферлейн закричал.

— Сукины дети! Чертовы черви!

Глинн слышал, как он двигается, топает и шаркает.

— Ух! Черт! — Вонг отмахнулась от червя и хлопала свою одежду. — Они повсюду!

Он слышал, что вокруг его ног нарастает звук подползавших червей, напоминавший шелест осенних листьев, гонимых ветром. В дополнение к слуху пришли тактильные ощущения: он почувствовал, как один из них начал скользить по его брючине, и следом его собрат оккупировал вторую. Глинн затопал ногами, провел руками по одежде, в то же время осознавая, что всего лишь отсрочивает неизбежное. Может, было бы проще подчиниться? Но почему-то он не мог позволить себе опустить руки — ощущение, как черви ползут по его телу, было настолько отвратительным, что он бил их и бил, пытаясь остановить их нескончаемый поток. Но их было слишком много, *чересчур много*, и они цеплялись за кожу, оставляя липкий след.

Гарза кричал, Макферлейн матерился, Вонг взвизгивала — трюм заполнился их восклицаниями. А черви все наступали...

И потом случилось *это*. Как будто они оказались внутри барабана, и кто-то резко ударил по нему со всей силы молотком. Это было настолько проникновенным и настолько сильным «БУМ!», что он потряс Глинна до самых костей, сотряс его мозг внутри черепа и

погрузил его в беспмятство...

Но ненадолго. Он очнулся лежа на вентиляционной решетке, голова раскалывалась от боли, и оглушительно звенело в ушах. Было все еще темно. Царапанье и шелест червей исчезли, сменившись звуком ревущей воды.

— Сэм? — прохрипел он.

Стон.

— Розмари? — Глинн стал шарить руками вокруг себя и почти сразу обнаружил ее, коснувшись лица. — Розмари?

То ли всхлип, то ли вдох. Он помог женщине сесть.

— Моя голова, — пробормотала она.

— Ты это слышишь? — пришел из черноты голос Гарзы. — Взрыв разорвал корпус. Корабль тонет.

— И мы заперты в трюме, — заключила Вонг сорвавшимся в конце голосом. — Или черви, или вода — судьба всегда дает выбор.

Между тем, пульсирующий звук двигателя сменился скрежетом. Через мгновение прекратился и он.

— У кого-нибудь есть идеи, как нам выбраться отсюда, прежде чем мы утонем? — спросил Глинн.

— Нет, — тихо отозвался Макферлейн.

— Да, — заявила Вонг.

— Сейчас самое время нам рассказать.

— Мы найдем, как черви попали сюда. Это и станет нашим выходом.

— Хорошая идея, — поддержал Гарза. — И мы знаем, как черви попали сюда: по вентиляционным каналам. Даже трюм, такой глубокий, как этот — *особенно* такой глубокий, как этот, — должен иметь хорошую вентиляцию.

Глинн слышал, как Гарза опустился на корточки и начал, постукивая по стенам, ощупывать пол вдоль наклонной переборки лазарета. Послышался звук полого удара.

— Вот она! — обрадовался он. — И здесь уплотнитель. Просто идите на мой голос, и мы выберемся отсюда.

Из бессознательного состояния Гидеона вернула мучительная боль. У него ушло несколько минут на то, чтобы осознать случившееся и понять, что каким-то чудом ему удалось выжить.

Батискаф все еще плавал на поверхности океана, хотя и был перевернут вверх дном. Сидение теперь находилось на потолке, ремни расстегнулись и болтались. Гидеон понял, что с его рукой было что-то не так, и, с трудом на ней сфокусировавшись, он увидел уродливый острый отломок кости, торчащий из кровоточащей раны на предплечье...

Застонав, Гидеон осмотрелся. Внутренний интерьер сферы был разрушен, повсюду валялись осколки стекла и обрывки проводов, едко пахло дымом, клубами плавающим в мертвом воздухе. Единственное освещение теперь поступало в сферу через иллюминаторы.

Однако при всем при этом... корпус сферы уцелел, и Гидеон остался жив.

Субмарину сильно потрепало ударной волной, но титановая сфера выдержала и выглядела целой и невредимой. Примерно в двух милях от себя Гидеон увидел НИС «Батавия», стоявшее без движения и чуть накренившееся. Вскоре крен стал более заметным, и на воду начали опускаться спасательные шлюпки.

Вдруг всем его вниманием завладел воздух... он был слишком спертый... мертвым...

Гидеон глубоко вздохнул, и на него тут же накатила волна головокружения. Осмотрев снова сферу изнутри, он понял, что все системы жизнеобеспечения вышли из строя. Воздух больше не поступал, и Гидеону приходилось дышать остатками того, что уже был внутри сферы, а он быстро заканчивался и был отравлен дымом. Сколько минут он уже дышит в этой своеобразной газовой камере? Две? Может, и дольше... Уровень кислорода, похоже, снизился настолько, что он чувствовал удушье — или же всему виной мучительная боль в его сломанной руке?

Нужно было выбираться отсюда. А это значило спуститься вниз и выбраться через люк, который теперь находился в полу. Гидеон лишь понадеялся, что взрыв не деформировал люк и не запечатал его навсегда...

Отбросив все мысли и сосредоточившись только на своем спасении, Гидеон попытался пошевелиться, и тут же снова застонал. Каждое движение вызывало вспышки боли: раскалывалась голова, все тело ныло от ушибов и порезов, в волосах засели острые осколки стекла, и кровь заливала глаза. Рука его и вовсе вызывала ужас.

Нет, так нельзя. Если он надеялся выбраться отсюда, необходимо было обездвижить руку, и сделать это надо было как можно скорее, пока он не потерял сознание от шока. Работая только здоровой рукой, он сумел расстегнуть и снять рубашку. С помощью нее, задыхаясь от боли, он смог зафиксировать сломанное предплечье вокруг торса, обеспечив ему желанную неподвижность.

Переведя дыхание, он добрался до люка, отбросил здоровой рукой завалившие его обломки и — слава Богу — все же сумел открыть его. Вода не хлынула внутрь — воздуху, наполнявшему сферу, некуда было деться, и он образовал своего рода пузырь. Однако Гидеон отдавал себе отчет, что это было не единственное препятствие, ему еще предстояло плыть в очень холодной воде — около пятидесяти градусов^[46]...

Что ж, так тому и быть.

Вдохнув поглубже, Гидеон погрузился в воду по грудь. Шок от холода заставил его на время позабыть о боли в руке.

Верхний люк батискафа, снесенный ударной волной, напрочь отсутствовал, поэтому не требовалось дополнительных усилий, чтобы выбраться наружу. Все, что нужно было сделать — это задержать дыхание, нырнуть, обогнуть под водой батискаф и достигнуть поверхности.

Что он и сделал.

Всплыв у искореженного батискафа, он с жадностью втянул воздух, ухватился за металлический обломок, торчащий из корпуса, и сумел взобраться на верх ГОА, обессилено растянувшись на нем и содрогаясь от холода. Ему повезло, что поверхность разбитого батискафа обеспечивала ему достаточное количество опор, потому что море волновалось, а небо затягивали темные тучи. Поднимался штормовой ветер.

Боже, как холодно...

Пока он лежал, дрожа на вершине качающегося «Пита», он осознал, что выжил только чудом. И было бы слишком обидно умереть *теперь*. Как только его посетила эта мысль, он услышал громкий звук и увидел, как над головой пролетает самолет, покачивая крыльями и направляясь к тонущей «Батавии».

Гидеон не знал, сумела ли бомба уничтожить Баобаб. Скорее всего, сила взрыва, частично поглощенная металлом корпуса «Ролваага», не была достаточной для создания явления термической детонации. Но он знал одно: люди были спасены. И он сам сумел выжить. По крайней мере, пока...

Мысль ускользнула от него в небытие, и Гидеон потерял сознание.

Гидеон Кру прогуливался по 12-ой улице Литтл-Вест в престижном районе Митпэкин Нижнего Манхэттена. Одна его рука была закована в гипс и висела на перевязи.

Приблизившись к неприметному главному входу здания компании «Эффективные Инженерные Решения», он подождал немного под прицелом камеры безопасности, пока его не опознали и не распахнули перед ним внешнюю дверь. Пройдя по монохромному серому коридору, он миновал внутренние двери и попал в святая святых здания. Перед ним простирался необъятный атриум, который он так хорошо знал: огромное пространство высотой в четыре этажа, с передвижными платформами, перемещавшимися по разным уровням этой огромной лаборатории. Основной этаж был напичкан всевозможными 3D-моделями, лекционными досками, стендами, компьютерами, биоэлектрическими и биомеханическими установками, а также пустыми автономными боксами высокой степени защиты, задрапированными полупрозрачными полиэтиленовыми шторами. Техники в лабораторных халатах сновали туда-сюда, делали записи на своих планшетах и ноутбуках и собирались в небольшие группы, видимо, обсуждая результаты и наблюдения.

Сейчас в этом помещении отсутствовала только одна вещь, и Гидеон хорошо знал, что она раньше собой представляла — трехмерная модель Баобаба и окружавшего его океанского дна. Прежде эта модель занимала значительную часть пространства в центральной секции общей лаборатории. Теперь же эта зона пустовала, впрочем, как и другие рабочие места, связанные с этим проектом.

— Доктор Кру? — обратился к нему мужчина в деловом костюме, вырвав его из раздумий. — Вас ждут наверху. Пожалуйста, следуйте за мной.

Гидеон прошел за мужчиной к ближайшему лифту, и они поднялись на шестой этаж. Незнакомец сопровождал его через хитросплетение белых коридоров, стены которых были пронизаны множеством дверей без маркировки, затем открыл одну из них и жестом пригласил своего спутника войти внутрь.

Гидеон оказался в большом пространстве с высокими потолками, в котором раньше не бывал — оно было похоже на лекционную аудиторию с дюжиной изогнутых рядов сидений, простиравшихся от стены до стены, как в греческом амфитеатре, а перед ними располагалась низкая сцена. Небольшие мансардные окна в потолке позволяли увидеть кусочки голубого декабрьского неба. За кафедрой располагалась длинная стена, заставленная электронным и механическим оборудованием, прикрытым панелями из тонированного стекла. На столе, что стоял на сцене, висилась большой макет.

Провожатый закрыл за собой дверь, и Гидеон в одиночку зашагал по проходу. На стульях в обширном зале, рассчитанном на две сотни посадочных мест, небольшой группой сидели несколько знакомых ему лиц: Мануэль Гарза, Розмари Вонг — помощница эколога и специалист по морской акустике — и Сэм Макферлейн. Макферлейн сидел в первом ряду, вытянув перед собой ноги. Увидев Гидеона, он приветствовал его немного рассеянным взмахом руки.

Разумеется, Гидеон уже не раз видел всех этих людей, но поодиночке и мимоходом, когда они проходили курс лечения полученных во время взрыва ран, а также на различных разборах произошедшего. Но сегодня был первый раз, когда после драмы, развернувшейся в

океане, он видел их всех вместе. Они — и еще несколько человек — составляли собой группу тех немногих людей с «Батавии», кому удалось выжить.

Усевшись во втором ряду рядом с Розмари, Гидеон стал внимательно разглядывать инсталляцию, возвышавшуюся на сцене. Оказалось, что это был другой макет того же участка морского дна: места затопления «Ролваага» и произрастания Баобаба. Тем не менее, эта модель была совсем не похожа на исходную. Здесь, вместо ужасающего растительного гиганта, пустившего корни в морское дно, в рельефе зияла огромная дыра, словно какой-то гигант пробил своим массивным кулаком подводную твердь. Это напомнило Гидеону рассказ Макферлейна о необычном метеорите из Аклавика, который оставил после себя большой кратер. Хотя *этот* кратер действительно был невероятно огромным.

Дверь в лекционную аудиторию открылась, и на пороге появился Глинн. Он медленно прошествовал вдоль стены электроники, вышел на сцену и повернулся лицом к небольшой группе собравшихся.

— Спасибо всем, что пришли, — чуть склонив голову, сказал он. — Я подумал, что было бы уместно официально завершить эту миссию кратким обсуждением с теми из вас, кто был ответственен за успех операции, — он шагнул вперед и махнул рукой на модель. — Как все вы можете видеть, миссия прошла успешно. Взрыв ядерной бомбы, усиленный явлением термической детонации — теоретическое обоснование которого дал Сэм, а на практике воплотил Гидеон — похоже, сработал. Разумеется, мы отправили небольшое исследовательское судно в тот район, не придавая этому особой огласки, и сейчас бортовой сонар подробно изучает всю зону поражения. «Ролваага» больше нет, вместо него на морском дне теперь находится огромный кратер, как вы можете видеть на модели. Похоже, ударная волна проникла достаточно глубоко, чтобы уничтожить все шесть зародышей паразита. На поверхности были обнаружены мертвые гниющие останки существа, значительный ущерб был нанесен местной фауне, но жизнь уже постепенно начинает возвращаться в эту область океана.

— А что насчет остаточной радиации после ядерного взрыва? — спросил Гидеон.

— Океан — удивительная вещь. Его невообразимые просторы — тысячи и тысячи квадратных миль морской воды, окружавшие зону взрыва — поглотили и рассеяли радиацию. Хотя я бы не рекомендовал пока что выполнять погружения близ точки взрыва, но, думаю, вскоре природа окончательно восстановится. Как я уже сказал, жизнь постепенно возвращается в ту зону. И, как мы и надеялись, местные и глобальные сейсмические станции приняли взрыв за сильное внезапное извержение подводного вулкана, не более того.

Он вздохнул и присел на край стола.

— Всем вам в той или иной степени были известны некоторые подробности произошедшего. Но сегодня я собрал вас здесь, чтобы представить вам полную картину событий, — кивнул он. — Похоже, что черви, которые заразили так много членов экипажа и научных сотрудников "Батавии" и, по сути, фактически захватили корабль по приказу Баобаба, погибли вместе с ним. В момент детонации они попросту заснули. Из того, что нам известно на данный момент: они более не просыпались и сейчас находятся в процессе высыхания и умирания.

— А зараженные люди? — спросила Розмари Вонг.

Лицо Глинна помрачнело.

— Из того, чему мы стали свидетелями и из более поздних сообщений становится ясно, что в момент, когда Баобаб был уничтожен, зараженные члены экипажа словно полностью

потеряли ориентацию в пространстве. Они отказались покинуть корабль, и, когда «Батавия» начала тонуть, у многих из них случилось обширное кровоизлияние в мозг — предположительно, как следствие гибели паразитов, — он сделал паузу. — Официальная версия состоит в том, что подводное извержение вулкана затронуло корабль, что, в конце концов, не так уж далеко от истины.

— Сколько? — спросил Сэм Макферлейн.

— Прошу прощения?

— Сколько жизней было потеряно, когда «Батавия» затонула?

На этот раз ответил Гарза:

— Пятьдесят семь.

Пятьдесят семь человек, — подумал Гидеон. Добавить это число к ста восьми погибшим на «Ролвааге», и можно смело записывать сто шестьдесят пять жизней на счет так называемого метеорита. Не говоря уже об Алекс Лиспенард, Барри Фрейне, Протеро докторе Брамбелле и остальных. Это была настоящая трагедия... но стоило помнить о том, что могло быть намного, *намного* хуже...

Видимо, мысли Макферлейна следовали по тому же маршруту, потому что поначалу его лицо ожесточилось, и он, казалось, готов был сорваться на Глинна и выплеснуть на него все, что он обо всем этом думал, однако почти сразу он вздохнул, расслабился и откинулся обратно на спинку своего кресла.

Глинн, видимо, заметил это, потому что сразу повернулся к охотнику за метеоритами.

— Сэм, — покачал головой он, — остальные люди, присутствующие в этой аудитории, являются работниками и сотрудниками ЭИР. Это была работа, которую *мы* должны были взять на себя. Не ты. Но именно ты помог нам спланировать взрыв так, чтобы он уничтожил не только Баобаб, но и его глубинные корневые структуры вместе с зародышами.

Макферлейн пренебрежительно махнул рукой.

— Настоящим героем здесь был Гидеон. Он собрал бомбу. Он активировал ее и доставил на место, несмотря на то, что был уверен, что эта миссия убьет его. Он был готов умереть, чтобы остальные могли жить.

— И я бесконечно благодарен Гидеону за это, — кивнул Глинн. — Так же, как ему благодарны все остальные здесь, в ЭИР. В ближайшие месяцы он сможет сполна насладиться всевозможными плодами нашей благодарности. Но ты, — Глинн кивнул Сэму, — я знаю, уже собираешься покинуть Нью-Йорк, — он похлопал себя по карману пиджака. — У меня здесь чек на пятьсот тысяч долларов — в знак моей признательности за твой вклад в дело миссии.

— Оставь его себе, — сказал Макферлейн.

На него уставились три пары удивленных глаз. Даже Глинн, похоже, был шокирован.

— Палмер Ллойд связался со мной, — пояснил Макферлейн. — Видимо, ты уже говорил с ним.

Глинн склонил голову.

— Так уж вышло, — продолжил Макферлейн, — что он прислал мне чек, во много крат превосходящий эту сумму. Судя по последним новостям, его здоровье улучшается день ото дня. Фактически, он сейчас вернулся к такому состоянию, что снова способен наслаждаться своими *mignonettes dijonnaise*^[47] вилкой вместо соломинки.

— И что ты собираешься делать со всеми этими деньгами? — спросил Гарза.

— Я собираюсь пустить половину на то, чтобы создать благотворительный фонд имени

моего старого партнера Нестора Масангкея. На вторую половину я собираюсь, — он потянулся на своем месте, — прикупить на Мальдивах островок, на который давно положил глаз. Всего сотня акров, но почти половину из них занимает пляж. В беззвездную ночь там появляется биолюминесцентный фитопланктон, который я хотел бы изучить.

Это заявление было встречено кратким молчанием.

— А что насчет червей? — спросил Гидеон. — Вы смогли определить, как Баобаб умудрялся общаться с ними? И как через них он управлял действиями команды «Батавии»?

— Это одна из многочисленных загадок, которые нам еще предстоит разгадать — если это возможно. Но, похоже, что существо использовало для общения низкочастотные радиоволны, похожие на те, что используем мы для связи с атомными подводными лодками. Пока мы были за границей льдов, подобные волны улавливали радары ВМС США за тысячи километров от нашего местонахождения. Они думают, что, скорее всего, это русские развернули новую систему связи с подводными лодками — и это предположение сводит их с ума. Но есть и еще более сложная загадка, которая нас беспокоит, — Глинн начал расхаживать из стороны в сторону перед макетом. — Пока глубоководная связь была включена, когда ты, Гидеон, разговаривал с Сакс, произошла цифровая загрузка. Не знаю, известно ли тебе об этом, но нам удалось сохранить ее данные — сбросить в черных ящиках «Батавии», которые мы захватили с собой незадолго до того, как покинули корабль. Похоже, что сигнал передавал Баобаб... точнее, инопланетный мозг, который был им поработан. Мы знаем, что этот мозг был очень большим — по крайней мере, по человеческим меркам. А благодаря стараниям Протеро и доктора Вонг мы выяснили, что этот инопланетный разум был против воли связан с паразитом очень долго и преодолел с ним множество световых лет пути.

— Должно быть, у него было предостаточно времени на размышления, — сухо заметил Макферлейн.

— Мы можем лишь предполагать, что этот мозг принадлежал представителю расы, гораздо более интеллектуально развитой, чем наша. Так вот, это его сообщение представляло собой массу двоичных данных — нулей и единиц. Наши инженеры уже три недели пытаются декодировать его, но сообщение, похоже, не имеет отношения к числам и математике или к каким-либо другим известным алгоритмам. Также не похоже, что это язык или какая-то иная форма логического общения. Изображений сообщение тоже не содержит, — Глинн снова ненадолго замолчал. — Мы считаем, что инопланетный мозг знал, что должно было произойти. Он знал, что это сообщение будет его последней возможностью связаться с нами, поэтому, надо полагать, он передал нам нечто важное. Но пока что нам так и не удалось понять, что именно.

Повисла тишина. Первой ее нарушила Вонг:

— А вы пробовали его *проиграть*?

Глинн, нахмурившись, посмотрел на нее.

— Прошу прощения?

— Я сказала: вы пробовали проиграть его?

— Проиграть? — переспросил Глинн. — Вы имеете в виду... как *музыку*?

— Подводная среда, в которой это существо развивалось, была, прежде всего, акустической. Проиграйте его.

— И как нам это сделать? — спросил Гарза.

— Мы знаем, что инопланетянин научился понимать язык синих китов. Он слушал и

передавал информацию в цифровой форме посредством Баобаба. Разумеется, он слышал также и наши сообщения, которые мы передавали с батискафа на батискаф — через UQC.

Глинн задумчиво хмыкнул.

— Но UQC передает аналоговый акустический сигнал.

— Да, — кивнул Гарза. — И это предоставило существу доступ к аналоговым и цифровым методам связи... не то чтобы это ему сильно помогло.

— Мозг пришельца мог общаться только цифровыми сигналами, — сказала Вонг. — Но это не значит, что он не пыталось отправить аналоговый сигнал. Протеро однажды показал мне, как пользоваться подобной технологией. Конечно, инопланетный мозг... он не знал, как использовать аудиокодек, но нет никаких причин, по которым существо не могло бы отправить несжатый бит-поток аудиоданных, — она огляделась. — Что еще может значить такой большой объем данных, если не сообщение?

— Звучит странно, — прищурился Гарза.

— Возможно, так и есть. — Но все, что нам нужно, чтобы доказать мою ошибку, это запустить ЦАП^[48].

Глинн молча выслушал ее идею, подошел к телефону на ближайшей стене и поднял трубку.

— Алло? Акустическую лабораторию, пожалуйста. Да, жду, — затем, после паузы: — Кто это? Смитфилд? Это Эли Глинн. Я в аудитории. Принесите мне цифро-аналоговый преобразователь и набор динамиков. Да, сейчас.

Повесив трубку, он открыл на стене одну из панелей из тонированного стекла, явив набор компьютеров на стойке. Он вытащил клавиатуру, включил один из компьютеров, набрал несколько команд, затем вывел оптический кабель TOSLINK, используемый для передачи цифрового стерео, и снова заговорил:

— Я загрузил сообщение инопланетного мозга в память этого процессора.

Гидеон отметил, что Гарза издевательски усмехнулся. Очевидно, он счел это пустой тратой времени, но от колкостей воздержался.

Вскоре одна из дверей в дальней части аудитории открылась, и двое мужчин в лабораторных халатах прошли по проходу, неся оборудование. Будучи аудиофилом, Гидеон узнал в принесенных предметах контроллер стереоресивера Grace Design DAC, а также высококлассный набор динамиков Dynaudio. Лаборанты поставили оборудование на стол, подключили его к розеткам, расположенным сбоку помоста, а затем, обменявшись молчаливыми кивками с Глинном, покинули зал. Глинн вставил кабель TOSLINK в задний разъем Grace, затем использовал пару сбалансированных XLR-кабелей для подключения динамиков с питанием к контроллеру, после чего включил динамики, поднял регуляторы громкости на их задних панелях, отрегулировал усиление и маршрутизацию сигнала на контроллере, а затем перешел к клавиатуре компьютера.

— Воспроизвести, — дал он голосовую команду.

Поначалу ничего не происходило. А затем из динамиков неожиданно донесся долгий, низкий, нежный звук, к которому быстро присоединился хор других.

Гидеон понял, что испытывает самое странное ощущение в своей жизни, оно буквально омыло его. Словно он одновременно сидел на месте, здесь, в этой аудитории здания ЭИР в Нью-Йорке — и в то же время был везде и нигде в этом мире. Музыка была самой прекрасной из всего, что только можно было вообразить! Хотя это, как таковое, и нельзя было назвать *музыкой*. Это было нечто большее: форма общения — такая глубокая, такая

многогранная, такая чудесная, что совершенно не поддавалась описанию. Гидеону казалось, будто он слышит пение Бога. Огромное психологическое бремя словно упала с его плеч. Вся боль и печаль, что он носил в себе — новая и старая — много лет копившиеся в нем, как вторая кожа: смерть родителей, смерть Алекс, его смертельный медицинский приговор... И вот, в мгновение ока все это покинуло его, сменившись тихой, трансцендентной радостью.

Он чувствовал, как начинает ослабевать напряжение его разума, и ощутил нечто уникальное — словно он пребывал на пороге осознания реального смысла жизни. Казалось, вот-вот невероятное понимание самой цели существования Вселенной обнажится перед ним. Что-то за гранью языка и человеческого понимания готово было раскрыть свои секреты. Но он отдавал себе отчет, что, если попробует открыться навстречу этому знанию, то его собственный разум и личность просто испарятся, растворятся в космосе...

А потом, внезапно, музыка остановилась.

Задыхаясь от переполнявших его чувств, Гидеон начал постепенно приходить в себя. Глинн, стоявший на сцене, ошеломленно покачал головой, словно оправляясь от удара, и рассеянным движением отключил аудиосистему.

— Я не думаю... — начал он и замолчал, сделав несколько глубоких вдохов. — Я не думаю, что мир готов к этому.

Несмотря на то, что воспроизведение прекратилось, неописуемая радость, облегчение и ликование, которые испытал Гидеон, не рассеялись до конца.

— Это подарок, — сказал Макферлейн, и голос его звучал странно. — Это инопланетное существо даровало нам это сообщение в знак благодарности за то, что мы освободили его из заточения.

— Подарок, — повторил Гидеон. И, взглянув на Макферлейна, он заметил, что то горькое и задумчивое выражение, которое, казалось, навсегда отпечаталось на лице охотника за метеоритами, вдруг разгладилось. Казалось, он тоже избавился от глубокой экзистенциальной тьмы, что копила в нем много лет и тенью следовала за ним по жизни.

Их взгляды встретились, и Макферлейн медленно улыбнулся.

Гидеон вернул ему улыбку. Затем, расслабившись в своем кресле, он поднял глаза к мансардным окнам — и чистый свет, который струился через них, наполнил его золотым теплом, благодаря чему Гидеон Кру почувствовал на себе ласку и любовь Творца.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

ПРИМАЧАНИЕ ДЛЯ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Слишком уж много лет назад мы написали триллер «Граница Льдов», где шла речь об экспедиции к пустынным равнинам льдистой оконечности Южной Америки с целью извлечения крупнейшего в мире метеорита.

Экспедиция прошла не так, как планировалось. Это была мрачная история, и финал ее был довольно тревожным и загадочным. В то время мы верили, что никаких дополнительных объяснений не требуется. По аналогии со знаменитым эпизодом «Сумеречной Зоны» — «Служить человеку» — казалось, что после того, как последняя страница была перевернута, был возможен всего один результат.

Однако мы начали получать бумажные и электронные письма с вопросами о том, что же произошло дальше. И с требованиями написать продолжение романа.

Мы думали, что подобные запросы со временем исчезнут. Но они не исчезли. Мы продолжали получать письма, и, в конце концов, их скопилось несколько тысяч. Вплоть до сегодняшнего дня — во время почти каждой автографсессии — нас постоянно спрашивают, когда мы, наконец, напишем продолжение «Границы Льдов».

В «Границе Льдов» мы впервые представили вам персонажа Эли Глинна, и он продолжил появляться в других книгах нашего авторства. Таинственным образом персонажи иногда начинают жить собственной жизни — так вышло и с Глинном. Он тоже начал *настаивать*, чтобы мы рассказали остальную часть его истории. Казалось, все то время, что мы работали над этим романом, он стоял за кулисами.

Глинн стал постоянным персонажем серии о Гидеоне Кру. В предыдущем романе мы показали его одержимость «метеоритом». Именно тогда мы и поняли, что наши читатели правы: история и персонажи — все законно требуют продолжения. И как только мы осознали это, мы пришли к выводу, что настало время снова отплыть.

И мы постарались сделать все возможное, так сказать, превзойти все ожидания, чтобы эта книга стала не просто рассказом, написанным для поклонников «Границы Льдов» или Гидеона Кру, а отдельным романом, который мог бы прочесть любой человек — независимо от того, читал ли он какие-либо книги о Гидеоне Кру или Эли Глинне прежде. Мы надеемся, что в ретроспективе вы согласитесь, что и вам пришлось по духу это вымышленное путешествие — будь то первое (в ревущие шестидесятые широты Южной Атлантики) — или второе (за *Границу Льдов*)...

Prof

Reis

---

notes

«**Мотель Бейтс**» — американская телевизионная драма с элементами триллера, снятая по мотивам культового фильма Альфреда Хичкока «Психо» 1960 года и рассказывает о жизни Нормана Бейтса и его матери Нормы до событий, происходящих в первом фильме и романе Роберта Блоха.

Школа реки Гудзон — американская школа пейзажной живописи, которая возникла в 1820 году под влиянием романтизма. К ней относилось более 50 художников, которые в основном изображали природу вокруг реки Гудзон, из-за чего школа и получила такое название.

QBA — Количественный Поведенческий Анализ.

НИС — Научно-Исследовательское Судно. Морское, озерное или речное судно, используемое для исследования земли, водных масс, биомасс, дна, атмосферы земли и космического пространства. НИС строятся не только по специальному проекту, но могут также переоборудоваться из уже существующих кораблей или судов другого назначения.

Азимутальное подруливающее устройство — гребной винт, расположенный в поворачивающейся на 360 градусов колонке. Такое устройство заменяет руль и позволяет судно швартоваться в стесненных условиях, не привлекая буксир.

ГОА — автономный (самоходный) **г**лубоководный **о**битаемый **а**ппарат или батискаф. Специально оборудованное или построенное судно, оснащенное кабиной оператора (возможно водолазным комплексом) и предназначенное для проведения океанографических и других исследований на больших глубинах.

Иона — древнейший из еврейских пророков, писание которого дошло до наших дней. Также известен тем, что был единственным пророком, который «попытался убежать от Бога». Он не желал становиться пророком, и Господь наслал великий шторм, во время которого Иона упал за борт, но был спасен китом, который проглотил его и выплюнул на сушу.

Песня «**Yellow Submarine**» (рус. «Желтая Субмарина») английской рок-группы «The Beatles» написанная Полом Маккартни в 1966 году.

Программа управления ядерным арсеналом в США — программа проверки тактико-технических характеристик и надежности ядерных боевых частей ракет и их технического обслуживания. Ядерное оружие в США не производится с 1992 года, что значительно ускоряет устаревание ядерного арсенала. Это представляет определенную опасность, прежде всего в плане химической нестабильности материалов, используемых в зарядах. Кроме того, существует возможность выхода из строя электроники, неустойчивости плутониевого/уранового сердечника, а также изотопов дейтерия и трития (в термоядерных зарядах).

USC (University of South California) — Университет Южной Калифорнии.

Бентос (от греч. βένθος — глубина) — совокупность организмов, обитающих на грунте и в грунте дна водоемов. В океанологии бентос — организмы, обитающие на морском дне.

Энтони Троллоп (1815 — 1882) — английский писатель, один из наиболее успешных и талантливых романистов Викторианской эпохи.

Остров стабильности — гипотетическая трансурановая область на карте изотопов, для которой вследствие предельного заполнения в ядре протонных и нейтронных оболочек, время жизни изотопов значительно превышает время жизни «соседних» трансурановых изотопов, делая возможным долгоживущее и стабильное существование таких элементов, в том числе в природе.

ТНПА — телеуправляемый необитаемый подводный аппарат, часто называемый роботом (или роботом-подводником), который управляется оператором или группой операторов (пилот, навигатор и др.) с борта судна. Аппарат связан с судном сложным грузонесущим кабелем, через который на ТНПА поступают сигналы дистанционного управления и электропитание, а обратно передаются показания датчиков и видеосигналы.

Аллелопатия — свойство одних организмов (микроорганизмов, грибов, растений, животных) выделять химические соединения, которые тормозят или подавляют развитие других.

Эмма Пил — одна из героинь английского телесериала «Мстители», агент английской разведки, зачисленный в министерство в 1964 году.

Лидар (транслитерация LIDAR англ. Light Identification Detection and Ranging — обнаружение, идентификация и определение дальности с помощью света) — технология получения и обработки информации об удаленных объектах с помощью активных оптических систем, использующих явления поглощения и рассеяния света в оптически прозрачных средах. Лидар как прибор представляет собой, как минимум, активный дальномер оптического диапазона. Сканирующие лидары в системах машинного зрения формируют двумерную или трехмерную картину окружающего пространства.

Книдоцит (нематоцит) — стрекательная клетка, присущая как полипоидным, так и медузоидным поколениям в жизненном цикле кишечнополостных. Книдоциты используются кишечнополостными для охоты на добычу и защиты от врагов.

Видманштеттенова структура — разновидность металлографической структуры сплавов в металловедении и метеоритике, отличающаяся геометрически правильным расположением элементов структуры в виде пластин, полигонов или игл внутри составляющих сплав кристаллических зерен.

Сихотэ-Алинский метеорит (или Сихотэ-Алинский железный метеоритный дождь 1947 года) — железный метеорит, разрушившийся при входе в атмосферу и выпавший в виде метеоритного дождя. Общая масса осколков оценивается в 60—100 тонн. Собрано более 3500 фрагментов общей массой 27 тонн. Крупнейший целый фрагмент имеет массу 1745 кг. Другие — 1000, 700, 500, 450, 350 кг и меньше. Входит в десятку крупнейших метеоритов мира.

Палласит — метеорит типа Палласова железа, ультраосновная порода, содержащая до 60% железа. **Акомит** — город на юго-западе США.

Под давлением в несколько атмосфер азот вызывает интоксикацию организма, которую Жак Кусто назвал «**экстазом глубины**». Симптомы проявляются не сразу и напоминают алкогольное опьянение — эйфория, повышенное возбуждение, отрыв от реальности, потеря координации, иррациональное поведение. Чувство эйфории иллюзорно и опасно, поскольку по мере погружения ныряльщик будет проникаться все большей ложной уверенностью в собственных силах, одновременно теряя дееспособность. В легкой форме азотная интоксикация (так называемый азотный наркоз) возникает на глубине 50 м. На большей глубине симптомы усиливаются.

Штамм «Андромеда» — научно-фантастический роман Майкла Крайтона, 1696. В ходе изучения смертельного микроорганизма, названного "штаммом Андромеды", выяснилось, что он — представитель кристаллической формы жизни внеземной природы, восприимчив к радиации и ускоряет свой рост под воздействием излучения, напрямую преобразуя энергию в материю. Эта способность развилась в нем в результате жизни на границе земной атмосферы — там, где сильны космические лучи. Он чрезвычайно вирулентен, убивает подопытных животных за несколько секунд, вызывая полное сворачивание крови всего организма.

РЭМ — Растровый электронный микроскоп. Прибор класса электронный микроскоп, предназначенный для получения изображения поверхности объекта с высоким пространственным разрешением, а также информации о составе, строении и некоторых других свойствах поверхностных слоев.

ПЭМ — Просвечивающий (трансмиссионный) электронный микроскоп. Устройство для получения изображения ультратонкого образца путем пропускания через него пучка электронов. Прошедший через образец и взаимодействовавший с ним пучок электронов увеличивается магнитными линзами (объективом) и регистрируется на флуоресцентном экране, фотопленке или сенсорном приборе с зарядовой связью (ПЗС-матрица).

Q-машина — устройство, используемое в экспериментальной плазменной физике. Название зародилось в связи с изначальным намерением с помощью этого устройства создать покоящуюся плазму, свободную от колебаний, которые обычно присутствуют в плазме, создаваемой при электрических разрядах.

Рэмон Жорж Ив Танги (1900, Париж — 1955), более известный, как **Ив Танги**, — американский художник-сюрреалист французского происхождения.

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР, PTSD) – тяжелая реакция человека на ситуацию, имеющую психотравмирующий характер. Подобное состояние проявляется в болезненных отклонениях в поведении, которые сохраняются на протяжении длительного периода.

15 градусов Цельсия.

Флоэма (от греч. «кора») — то же, что и луб — проводящая ткань сосудистых растений, по которой происходит транспорт продуктов фотосинтеза к частям растения, где происходит их использование (подземные части, конусы нарастания) или накопление (зреющие семена, плоды); **Ксилема** (от греч. «древесина») — основная водопроводящая ткань наземных сосудистых растений, обеспечивающая транспорт воды и минеральных солей. Вместе, флоэма и ксилема, образуют проводящие пучки.

Микротом — инструмент для приготовления срезов фиксированной и не фиксированной биологической ткани, а также небиологических образцов для оптической микроскопии толщиной 1-50 микрометров.

Сангрия (исп. **sangría** от исп. **sangre** — кровь) — испанский среднеалкогольный напиток на основе вина (чаще — красного) с добавлением кусочков фруктов, ягод, сахара, а также небольшого количества бренди и сухого ликера, иногда — пряностей.

P-волны — тип упругих волн, которые могут проходить через газы, твердые поверхности или жидкости. Это продольная волна с вектором распространения, параллельным вектору поляризации.

Кассандра — в древнегреческой мифологии дочь последнего троянского царя Приама и его второй супруги Гекубы. Получила пророческий дар от влюбившегося в нее Аполлона, однако за то, что она, обманув, не ответила ему взаимностью, он сделал так, чтобы предсказаниям Кассандры никто не верил. Трагическим пророчествам Кассандры не внимали, ее осмеивали и принимали за безумную, но сказанное воплотилось в гибели ее семьи и разрушении Трои. Сейчас имя стало нарицательным, и в переносном смысле оно значит «вестница несчастья».

Ударный **кратер Боксхол** — достаточно молодой кратер расположенный примерно в 180 км (265 км по дороге) к северо-востоку от Алис-Спрингс. Имеет 170 метров в диаметре, возраст оценивается в 54000 ± 1500 лет.

Святой Иуда — покровитель всех отчаявшихся. Помимо Иуды из г. Кариот, есть Святой Апостол Иуда из числа 12 учеников Христа. Его признают не только католическая, но и др. конфессии, в том числе и православная.

Deténte — расслабление, ослабление, успокоение (фр.)

Краниотомия — хирургическая процедура, выполняемая в мозге, которая включает временное удаление части черепа, чтобы доступ к мозгу можно было получить для лечения любого расстройства или заболевания.

FM-200 — газ гептафлуоропропан.

Физическая (или термическая) детонация — явление, возникающее при смешении горячей и холодной жидкостей, когда температура одной из них значительно превышает температуру кипения другой (например, при выливании расплавленного металла в воду). В образовавшейся парожидкостной смеси испарение может протекать взрывным образом вследствие развивающихся процессов тонкой фрагментации капель расплава, быстрого теплоотвода от них и перегрева холодной жидкости. Физическая детонация сопровождается возникновением ударной волны с избыточным давлением в жидкой фазе, достигающим в некоторых случаях тысяч атмосфер. Указанное явление может стать причиной крупных аварий в ядерных реакторах и на промышленных предприятиях металлургической, химической и бумажной промышленности.

Фермопильское сражение — сражение в сентябре 480 года до н.э. в ходе греко-персидской войны 480-479 гг. до н.э. в ущелье Фермопилы. Персидской армии, численность которой современные историки оценивают в 200—250 тысяч человек, противостояло, по различным данным, от 5200 до 7700 греков. В первые два дня сражения греки успешно отбивали атаки персов в узком ущелье, но к последнему, третьему дню сражения, большинство защитников ушло, опасаясь окружения. На месте остались лишь отряды спартанцев, феспийцев и фиванцев, общим числом около 500 воинов. Из-за предательства местного жителя персы зашли к грекам в тыл и уничтожили их.

Сегодня моряки всех стран называют стороны борта на английский манер. Так, правый борт принято называть starboard side (**старборд** сайд), а левый — port side (**порт** сайд).

Клетка Фарадея — устройство, изобретенное английским физиком и химиком Майклом Фарадеем в 1836 году для экранирования аппаратуры от внешних электромагнитных полей. Обычно представляет собой клетку, выполненную из хорошо токопроводящего материала. Принцип работы клетки Фарадея очень простой — при попадании замкнутой электропроводящей оболочки в электрическое поле свободные электроны оболочки начинают двигаться под воздействием этого поля. В результате противоположные стороны клетки приобретают заряды, поле которых компенсирует внешнее поле.

AR-15 — американская полуавтоматическая винтовка под патрон 5,56x45 мм.

Пит Бест — британский музыкант и автор песен. Известен как барабанщик группы «The Beatles» с 1960 по 1962 годы.

10 градусов Цельсия.

Mignonettes dijonnaise — дижонские миньоны (фр.)

ЦАП — цифро-аналоговый преобразователь.